

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

Т О М X L I X 2 0 1 7

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Н. Голованов. “ТРЕТИЙ РИМ”

Вяч. Иванов. “РАЗУМ КАК ОПРАВДАНИЕ ИСТОРИИ”

фотопроект: АЛЕКСЕЙ МЯКИШЕВ

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев,
Владимир Мау, Андрей Медушевский,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух,
Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Андрей Колесников (раздел «социум»)
Алла Язькова (международная политика)
Владимир Кантор (философия, история)
Татьяна Щербина (культура, дневник поэта)
Ирина Буйлова (перспективное планирование)
Станислав Усачев (международное сотрудничество)
Юлия Баклакова (корректор)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Григорий Ярошенко (фотопроекты)
Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London)
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Николай Головин, Сергей Приходько, Арсений Рогинский,
Евгения Росинская, Яков Уринсон, Мариэтта Чудакова,
Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Ольга Старовойтова (Санкт-Петербург), Димитриос Триантафиллидис
(Афины), Наталия Исаева (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и в сотрудничестве с ним. Информационное содействие оказывает институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 49

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XLIX, 2017 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Отпечатано в типографии Август Борг.
107497, Москва, Амурская ул., д. 5, стр. 2.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XLIX

год 2017

© Вячеслав Иванов. Фото: В. Ярошенко

РОССИЯ. 100 ЛЕТ

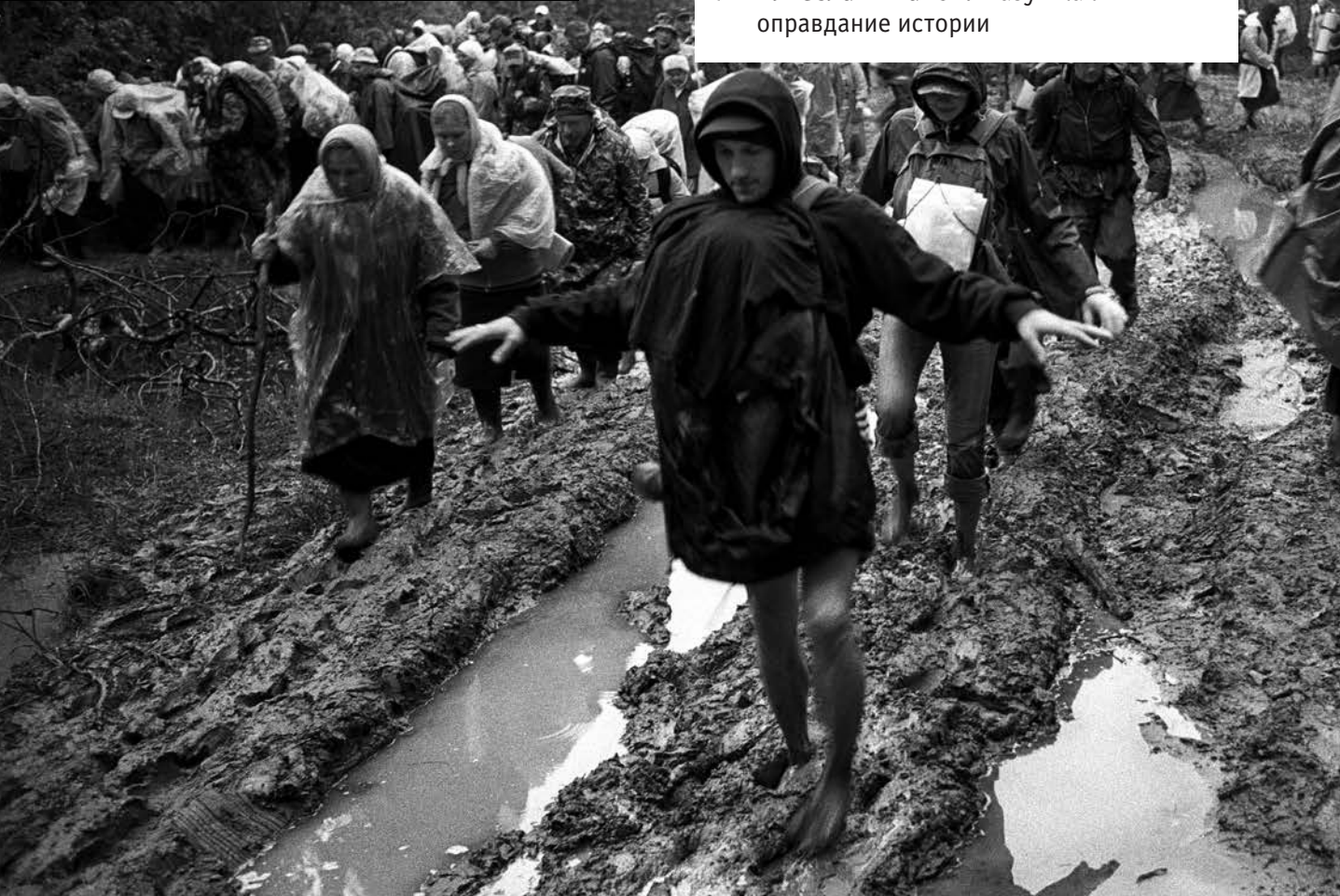
5 **Священник Владимир Зелинский.**
Гегель и режим идеологического
солипсизма

ЛИТЕРАТУРА

- 25 **Николай Голованов.** «Третий Рим».
Пьеса 1925 года. *Публикуется
впервые*
- 52 Николай Николаевич Голованов.
От публикатора
- 58 **Григорий Каковкин.** Ремонт часов,
велосипедов и фотография

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

- 71 **Вячеслав Иванов.** Разум как
оправдание истории

ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ

85 **Елена Твердислова.** Западня
Хомякова

102 **Владимир Волков.** Зигмунд Бауман.
Мир без иллюзий и эпоха экономичес-
кого роста

КУЛЬТУРА

123 **Ирина Старженецкая.** Тетрадь,
диктант, ошибки. *Записки художника.*

170 **Наталья Прозорова.** Диалог, который
начался до встречи и продолжается
по сей день

174 **Татьяна Щербина.** Дневник поэта. 2017

хроника

196 Гайдаровские чтения в Бишкеке
(Киргизия 25–26 сентября 2017 г.)

Artes

202 Фотопроект: Алексей Мякишев

© Фото: Алексей Мякишев

ГЕГЕЛЬ И РЕЖИМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЛИПСИЗМА

Гегель прожил много жизней в России, и последняя из них только что завершилась¹. В этой последней его жизни все, о чем Гегель мыслил, обрело наконец какое-то подобие действительности, как бы согласованной с высшим разумом, притязавшим явить собой мысль и волю самой истории. Кто сегодня не испытывает хотя бы мимолетной тоски по той грандиозной конструкции, при всей ее тесноте, корявости и неисцелимых недугов, существовавших под видом «отдельных недостатков»? Кто втайне не сожалеет, что то мироздание, в котором мы жили, неподвижное, как звезды над нами, и необоримое, как нравственный закон внутри нас, вдруг возьми да и тресни, и рассыпьясь как гнилая труха? И кто осмелится бросить камень в его еще дымящиеся развалины, зная, что камень наш только добавит энтропии и беспорядка к смятению умов в этой части человечества, вырвавшегося наконец на свободу и решившегося, по словам Достоевского, «по собственной глупой воле пожить»? И потому, если сегодня я возвращаюсь к теме и рукописи, над которыми работал годы назад, то делаю это не без некоторой ностальгии по тому по-гегелевски стройно разумному, но столь внезапно развалившемуся космосу, в котором так легко мыслилось и так подпольно, попутно и весело писалось, но так безнадежно и порой боязливо складывалось в стол.

Стол этот, уютное убежище диссидента и маргинала 1970-х годов, набитый рукописными темами и вариациями, сначала политическими, затем философскими, потом богословскими, тоже имел свою переменчивую судьбу. И до него не раз добирались профессионально снующие руки государства, извлекая на свет то, что автор не успевал припрятать или, напротив, прятал столь усердно, что припрятанное первым делом и попадало ему прямо в пасть, разинутую на всяческое дурномыслие. Однако именно там, в самой пасти, Гегель с его Абсолютным Духом как раз неожиданно и приходил автору на помощь.

Стол этот, уютное убежище диссидента и маргинала 1970-х годов, набитый рукописными темами и вариациями, сначала политическими, затем философскими, потом богословскими, тоже имел свою переменчивую судьбу. И до него не раз добирались профессионально снующие руки государства, извлекая на свет то, что автор не успевал припрятать или, напротив, прятал столь усердно, что припрятанное первым делом и попадало ему прямо в пасть, разинутую на всяческое дурномыслие. Однако именно там, в самой пасти, Гегель с его Абсолютным Духом как раз неожиданно и приходил автору на помощь. Натыкаясь на какое-нибудь из его высказываний, эта пасть, иногда пытавшаяся украсить себя человеческим лицом и к тому же давно лишившаяся охотничьего азарта, тотчас теряла к автору свой специфический интерес. Ибо какую поживу могла она найти, скажем, во фразе из *Предисловия к Феноменологии Духа* о том, что «Дух становится предметом, ибо он и есть это движение, состоящее в том, что он становится для себя чем-то иным, т. е. предметом своей самости...»²? Видимо, поперхнувшись на Духе, обленившееся чудовище махало на неудобочитаемого автора рукой и потому и не торопилось глотать его вслед за проглоченными рукописями.

Между тем именно в этой и тысяче подобных гегелевских фраз можно найти вполне крамольное, но и философски безупречное описание всей системы, состоявшей, по сути, лишь из отражений своей идейной самости, своего идеологически замкнутого *в-себе-бытия*. Мы, население, и были этими говорящими и передвигающимися предметами, в которых совершалось движение Мирового Духа и где Дух, отчуждаясь от самого себя, ежедневно познавал себя в своем Ином, соединяясь с ним в окончательном синтезе. Все предметы, одушевленные, говорящие или просто предметы, служили инобытием некоторого Знания, опосредовавшего собой все, к чему оно прикасалось, все, что оно собой обнимало и истолковывало. Прикасалось же оно ко всему на свете, вкладывало в него свой смысл, обнимало и понимало собой все мироустройство. Трудно найти

в истории более умозрительное общественное устройство, чьим знаменем был, как мы помним, лозунг о первичности материи и вторичности сознания. Но при этом то, что называлось «материей», находилось в ведении верховного разума, творящего свою историю в процессе самопознания мира.

Однако о каком же разуме идет речь?

Государство, мыслившее абстрактно

Было бы наивно представлять себе государство, построенное на Разуме или Знании, в качестве его непосредственной материализации. Знание или, точнее, Со-знание — ноуменальная вещь, как говорит Сартр в *Критике диалектического разума*, оно стоит за горизонтом явлений и не встречается в нашем мире людей и вещей. Но каждый из предметов, включенных в это государство и «опосредованных» им, содержит в себе «присутствие» этого Знания, служит его вестником и жилищем, он, предмет, предельно абстрактен и ноуменален в своей телесной конкретности.

Для разъяснения этой мысли воспользуемся известным примером Гегеля, который показывает суть абстрактного мышления на примере рыночного скандала. Стоит какой-нибудь торговке поругаться с покупательницей, как она преподносит ей урок абстрактного мышления, понося ее на чем свет стоит. «Что? — кричит та. — Мои яйца тухлые?!.. Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне!» Все в этой покупательнице, поясняет Гегель, «от шляпки до чулок, с головы до пят, вместе с папашей, с остальной родней — она подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц»³.

На протяжении семидесяти лет во всей печатной и устной продукции, издаваемой и извергаемой шестой частью суши, миро-

воззрение гегелевской торговли воспроизводилось с точностью вплоть до деталей. Это было пространство, управляемое и организуемое мышлением, предельно абстрактным, где все на свете было окрашено в два непримиримых цвета – светлый для себя, черный для всех других. Ленинская кухарка (правнучка торговли), научившись управлять государством, сделала его столь же абстрактным, сколь и сварливым. И то и другое вытекало из его, абстрактной «идейности».

Когда мы пытаемся анализировать эту идейно одноцветную систему, то первая же трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в самом ее именовании. Сразу становится ясно, что традиционные обозначения типа диктатуры, деспотии, народной демократии и прочего, никак не улавливают ее суть. Этот режим можно называть идеологическим, вслед за Аленом Безансоном⁴, логократическим – вслед за Чеславом Милошем⁵, или просто идеократией – словом, который выковали для нее евразийцы, однако все эти термины, хотя последним из них мы должны будем пользоваться, все же довольно расплывчаты. Мы рискуем заимствовать модель такого режима у Гегеля, что, безусловно, рискованно, но ничуть не рискованней, чем объяснять суть абстрактного мышления, исходя из рыночной сцены с якобы тухлыми яйцами. Представим себе систему, в которой некую абстракцию удалось целиком облечь в каменную, застывшую плоть государства. Или вообразим ее в виде града, воздвигнутого из идейных кирпичиков-человечков либо в образе кургана человеческих душ, знаменующего собой некое идейно-материализованное единство и утверждающего себя в виде высшей общественной формации.

Впрочем, неважно, что там этот курган сам о себе утверждает. Сейчас мы заключаем в скобки все марксистское содержание государственной идеологии и оставляем лишь ее «интенцию», ее модель или ее дух, коль скоро мы хотим сохранить верность гегелевскому языку. Ибо если суть системы свести к изначально умозрительной точке, если заключить ее в некий «магический кристалл», сквозь который можно увидеть

ее целиком, мы обнаружим ее в идее Сознания, отчуждающего и познающего себя в своих отчуждениях и отражениях. Эта идея Духа, создающего реальность; отчуждаясь от себя самого в процессе своего самопознания, конечно, сильно «обмирщилась» и поизносилась в реальной истории, особенно такой пассионарной, как российская, но нисколько не потеряла своей изначальной потусторонности. От высочайшей хартии до любой газетной статьи, словно написанной гегелевской торговкой, эта идея господствовала повсюду в своей непостижимой простоте и недостижимой абстракции, запредельной для зрения смертных.

В последние годы существования идеологического режима ни о чем не говорилось так часто (когда разговор был приватным), как о его пресловутой безыдейности, о безнадежном его цинизме и всеобщем лицемерии. Но сама эта безыдейность была не более, чем наивным или обыденным восприятием «инобытия» идеи, она только подчеркивала ту запредельную ее субстанцию, что могла обходиться без всяких идей. *Идея-в-себе* была предметно, содержательно «безыдейной», но при этом в высшей степени опредмеченной. Она как раз и существовала в своей повседневной вещности и функциональности, вполне довольствуясь как собственно идеология, фантастическая своей ирреальностью.

Если кредо системы и не всегда проходило через отдельные мыслящие особи и приживалось к ним, оно отлично мыслило и чувствовало себя во всех иных видах заряженной им материи. Вся постройка идеологического режима опиралась на непрерывное превращение убеждений – неважно, сколько было вложено в них души и искренности, – в газетные слова, провозглашаемые факты и отчетные цифры, она состояла в переводе запредельной ирреальности в самую земную, подчас неожиданную телесность. Так называемый утопизм системы, утверждая себя в делах и вещах и в эмпирической их конкретности, заявлял о подлинном, абстрактном своем бытии. Так, утопию писали не только в статьях «кремлевских мечтателей», но и в партийных докла-

дах, пятилетних планах, ордерах, протоколах заседаний Политбюро и в протоколах допросов; утопию строили в виде могучей империи, великих каналов и фабрик, правительственных санаториев, иерархических лестниц; ее производили в качестве ракет и товаров народного потребления, ею оказывали братскую помощь и ее принимали в помощь, ее превращали в стихи и детские завтраки, ею кормили через зонд и ею морили голодом, ее собирали в урожаях с колхозных полей, выплавляли в стали, носили на толстых усах и потных лысынах — словом, трудно придумать такую материю, в которую бы не облекалась идейность, и такую сущность, которая не «была бы у нее на посылках». Для всякого предмета и индивиду она, выражаясь по-гегелевски, была его познанной и опосредованной реальностью. Разве не принадлежало к этой реальности все, что вообще мыслимо и ощутимо? И не была ли утопия тем способом познания реальности, «с помощью которого овладевают абсолютным, при помощи которого его видят насквозь»⁶?

Определение реальности: дядя и племянник

Хайдеггер определяет гегелевскую философию как «метафизику абсолютного субъекта»⁷. Идея (или саморазворачивающийся из себя самого мысленный проект), которая тождественна субъекту, есть то, что придает «разумность» или идейную субстанциональность любому «внутриутопическому» предмету. Эту субстанциональность предмет получает от хозяина всей предметности, т.е. от государства, устроенного разумно.

«Государство, — говорит Гегель, — как действительность субстанциональной воли, которой (действительностью) оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциональное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает наивысшего, подобающего ей пра-

ва, так же как эта самоцель обладает наивысшей правотой в отношении единичного человека, наивысшей обязанностью которого является быть членом государства»⁸. Если мы включим сюда конкретно-историческое содержание самосознающей себя воли, то получим определение государства, основной субстанцией которого служит некая сумма общеобязательных убеждений или верований. Иными словами, идеология этого государства становится непосредственной реальностью, данной нам в ощущении (перефразируем здесь ленинское определение материи), опосредующей собой бытие и развитие всех вещей.

Суть этой реальности, в ее диалектике с бульдожьей грубоватостью (правда, извинившись за грубость), определяет Бертран Рассел в своей *Истории западной философии*. Вот как он излагает диалектику Гегеля: «Реальность есть дядя». Это — тезис. Но из существования дяди следует существование племянника. Поскольку не существует ничего реального, кроме абсолюта (а мы теперь ручаемся за существование племянника), мы должны заключить: абсолют есть племянник. Это антитезис. Но существует такое же возражение против этого, как и против того, что абсолют — это дядя. Следовательно, мы приходим к выводу, что абсолют — это целое, состоящее из дяди и племянника. Это синтез. Но этот синтез еще не удовлетворителен, потому что человек может быть дядей, только если он имеет брата или сестру, которые являются родителями племянника. Считается, что таким способом одной лишь силой логики мы можем прийти от любого предлагаемого предиката абсолюта к конечному выводу диалектики, который называется «Абсолютной идеей»⁹.

Рассел говорит нам: не так или не всегда важно, что вкладывается в понятие «абсолютной идеи» у самого Гегеля, важно прежде всего то, что идея охватывает собой совокупность или абсолютность логических, в нашем случае идеологических, связей. Высшая реальность идеологического государства заключена в опосредованности связей «идеями», или неким Знанием. Дядя, племянник, брат и сестра

получают свое качество, приобретают свое «в-себе-бытие» от идеи родства. В государстве, построенном на некоей заданной ему разумности (называйте его как хотите), всякое человеческое существование обретает свой онтологический статус, свое «в-себе-бытие», свою легитимность в качестве члена этого государства, от родства или, лучше сказать, мыслящего тождества с идеей, с той верховной, абсолютной, всеобъемлющей Реальностью, которая может быть по своему содержанию не «идейной» вовсе, но должна функционировать в качестве таковой.

Продолжим расселовский пример: пусть абсолют есть семья. Если вашей наивысшей обязанностью является принадлежность государству, вы должны стать идейным родственником той реальности, которая служит выражением его самосознющей, субстанциональной воли. Иным словом, идеологии. Вы не можете отказаться от этого членства в ней, ибо оно (и это самое существенное) вкладывается в вас как собственная ваша сущность, которая вытекает из идейной субстанции государства. Если вы притязаете на обладание иной, «несемейной», сущностью, членство в этой «семье» отчуждается от вас, тем самым отчуждая от вас то, что государственная «семья» дает вам: работу, хлеб, место в обществе, свободу, зачатую и саму жизнь. Система, в которой вы находитесь, принимает вас только в качестве родного племянника дяди, то есть коллективного Я, гипостазированного как Учение (Дух, Идея, пламенная Вера и т.п.). Дядя выполняет роль идеологического посредника между вами и государством как миром, в котором вы обитаете. Подлинной субъектностью обладает лишь дядя-государство, ваше маленькое, случайное, подверженное заблуждениям я существует лишь постольку, поскольку оно отражает собой государственное, устойчивое, большое Я. Ибо коль скоро вы сочли для себя разумным родиться на территории дяди, в его семье, вы неизбежно принимаете как должное, что он записывает вас к себе в близкую идейную родню, и только в качестве его родственника вы начинаете — как для себя, так и для него — существо-

вать. Есть тождество территории и родства, отнесенности вашего краткого существования и того Абсолюта, из которого проистекает все, что вообще существует. Если вы тем или иным способом отрекаетесь от этого родства (или всего лишь оказываетесь заподозренным в отречении тайном), вы ставите (вас ставят) под вопрос свое пребывание на законной территории дяди, то есть само ваше гражданское или физическое бытие.

Простой пример. Уже на закате режима — 20 лет спустя это казалось средневековым — была торжественно принята последняя Советская Конституция, где гегелевская «субстанциональная воля» была определена на ленинском, политическом (правда, уже застоявшемся) языке в качестве воли рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, воли всех наций и народностей страны. Всеобщность самосознания такой воли выражала собою партия. Но сама партия — это прежде всего сложное из людей тело идеологии. Если мы переведем былую нашу Конституцию на расселовский язык, мы объявим крестьянство, рабочий класс, интеллигенцию и все народы, жившие под ней, племянниками того абсолюта, который облечен в партию и воплощает собой разумность, объемлющую собою всю мыслимую действительность. И потому неудивительно, что свобода племянников достигает наивысшего расцвета только в субстанциональном, семейном единстве с дядей.

Так неожиданно Гегель раскрывается в советском, ленинском его прочтении.

«Не надо 3-х слов»

«Афоризм: Нельзя вполне понять *Капитала* Маркса и особенно его 1 главы, — записывает Ленин, — не проштудировав и не поняв всей *Логики* Гегеля»¹⁰..., ибо «в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма. Противоречиво, но факт»¹¹.

Доверимся факту. Заглянем на минуту в ленинские штудии, в те сугубо приватные *Философские тетради*, когда они были лишь черновиком мышления, его как бы интимным дневником, ведомым лишь для уяснения собственной мысли. Ленин засел за философию, чтобы разобраться, может ли она служить или мешать его пролетарскому делу; но он был не из тех учеников, что долго способны внимать другому, будь то даже сам Гегель. Едва начав свою учебу, он тотчас усаживает учителя за парту и принимается не только лупить его линейкой по пальцам, но и производить над его мыслью хирургическую операцию, извлекая из-под идеалистических напластований то, что должно стать его материалистическим плодом. Гегель здесь рождается заново, чтобы быть поставленным с головы на ноги, и стоять прямо, вслед за Лениным. То есть с гегелевской философией проделывается та работа, которая была оставлена Марксом и недоделана Энгельсом, поскольку логика их научной мысли в зрелый период еще не требовала исследования себя самой.

Суть этого переворачивания, как мы помним, заключается в том, что там, где Гегель видел инобытие диалектически развивающейся Идеи, постигаемой истинным философским мышлением и тем самым этой Идеей становящимся, Ленин видит объективное развитие самого материального мира, правильно отражаемого диалектическим мышлением философа, активно осуществляющего путем революционно-диалектической практики имманентный, действующий в этом мышлении, непреложный, как сама наука, закон истории. «Примерно так: Гегель гениально угадал в смене, взаимозависимости **всех** понятий, в тождестве их противоположностей, в переходах одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий в диалектике понятий... — так читает *Логику* Ленин. — Именно *угадал*, не больше»¹².

Предмет логики, по Гегелю, не вещи, а суть, познание вещей. Предмет диалектики по Ленину, — движение или логика самих вещей, отра-

жаемых теорией познания. Впрочем, «не надо 3-х слов», отмечает он, то есть не нужно никакой диалектики вещей отдельно от их логики, не зависимой от теории познания, «это одно и то же материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»¹³, ибо «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека»¹⁴. В этом сворачивании трех понятий в одно, в сплаве мира как такового с видением мира уже заложено метафизическое — с виду ленинское, но изначально гегельянское! — и при благоприятных марксистских условиях легко прорастающее зерно идеологического режима. «Мир есть инобытие идеи», — выписывает Ленин гегелевскую формулу¹⁵, которая вполне согласуется с разъяснением Энгельса: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою»¹⁶.

Если Хайдеггер с некоторой провокативностью мог говорить, что атомная бомба впервые взорвалась уже в мышлении Гераклита и Парменида, то путем тех же рискованных аналогий, хотя и не забираясь так далеко, можно утверждать, что в этом «мире как инобытии идеи», в этом ленинском «не надо 3-х слов», в этом абсолютном господстве гносеологического солипсизма или спонтанном, «волевом» сочленении субъекта и объекта, столь притиснутых друг к другу, что субъект перестает отдавать себе отчет в границах своего я и в отличие своих идей от того, что происходит за его пределами, когда некое я воображает себя самой воплощенной исторической необходимостью и диалектикой природы, в этом неотрефлексированном доверии к анонимно абсолютной объективности собственного мышления в свернутом виде уже спрятана будущая диктатура пролетариата и заключен весь ГУЛАГ¹⁷. Или, иными словами, за мистерией тождества, извлеченного Марксом-Энгельсом из умозрений и примененного Лениным к истории, спрятаны «исток и тайна»

тотальной идейной власти с бесконечным ее насилием, которое даже не отдает себе в этом полный отчет.

Впрочем, в реальной истории в отпавлении этой власти сохраняется вечная двусмысленность, обернутая в игру и загадку. В обществе, живущем под идейной властью, с одной стороны, неизбежно исчезают идеи, которые принимаются всерьез, ибо здесь функционируют лишь заранее заготовленные речи и реплики, жесты и формулы, здесь лежит готовый и завизированный сценарий, что волей и неволей разыгрывается актерами, а с другой, нет никакой власти, которой бы обладали индивидуумы, оперирующие идеями. Они выступают лишь стражниками, жрецами, уполномоченными по идейному распоряжению людьми, но никак не хозяевами идейных сущностей. Они суть служители магического культа, который существует сам по себе и способен обойтись без любого из них. В обществе, скованном тотальной властью, как ни странно, очень нелегко добраться до субъекта-распорядителя этой власти, ибо на какой бы высокой ее ступени мы не останавливались, каждая форма господства вырастала из другой, каждая ступень была делегирована или, скажем по-гегелевски, опосредствована иной и служила ее отражением.

Но где находился источник самого принципа власти? В верховенстве идеологии, т.е. в том тексте, который записан до нас и без нас и делает нас неотличимыми друг от друга?

Всякий текст (в данном случае набор идей) должен иметь автора, то есть выражающего себя в нем субъекта. «Мы утверждаем, — говорит Луи Альтюссер, кстати, один из последних верных ленинцев в философии, — что структура всякой идеологии, превращающей индивиду в субъекты именем Субъекта Универсального и Абсолютного, зеркальна и зеркальна вдвойне: зеркальное удвоение конститутивно для идеологии и обеспечивает ее функционирование. Это означает, что всякая идеология центрирована, что Абсолютный Субъект занимает уникальное место в Центре и превращает

бесконечное число окружающих его индивидов в субъекты двойной зеркальной взаимосвязи. Внутри нее идеология подчиняет субъектов Субъекту, предоставляя им в Субъекте — в коем каждый может созерцать собственный образ (настоящий и будущий) — гарантию, что речь идет о них и о Нем, что все происходит по-семейному»¹⁸. (Здесь, добавим от себя, тотчас вспоминается расселовский дядя с идейно родными племянниками.)

Суть ленинского «вклада в философию», на наш взгляд, заключается в закреплении этого зеркального удвоения субъекта в объекте, удвоения столь удавшегося, что познающий субъект перестает отличать себя от Субъекта Абсолютного, а этот последний диалектически сливается с объектом в его имманентной логике, то есть с познаваемой и изменяемой действительностью. И такого удвоения он, возможно, не мог бы достичь, не пройдя школу Гегеля, не получив в руки те спекулятивные инструменты, коими он бессознательно воспользовался.

Гегель строит свою философию Духа как науку о сознании, «которое стремится к тому, чтобы это свое явление «сделать тождественным со своей сущностью, поднять достоверность самого себя до истины»¹⁹, Ленин принимает истину уже готовой, изначально достоверной в сознании, *отражающем* честно, без идеалистического обмана, объективное развитие вещей. Достоверность истины исходит из ленинского определения материи «как философской категории для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его»²⁰, определении, представляющем собой, если чуть подумать, плод изумительной самоидентификации, коль скоро, в сущности, в него можно вложить все, что вы хотите вложить в «ощущения человека». Материя есть все, что существует, все то, что человек отражает, копирует, фотографирует своими ощущениями. Отсюда следует знаменитая «теория отражения», которая также извлечена в перелицованном виде из *Науки Логике*, ибо эта те-

ория, служит эрзацем и упрощением тонкого диалектического процесса освоения разумом познаваемого им предмета.

В ленинском определении материи обратим внимание на слова «дана человеку». Кто есть в данном случае «человек»? Он всеобщ как понятие, безлик как толпа, наивен как младенец и в то же время уже вторичен, ибо произведен от своего места в историческом процессе. Он есть тот познающий субъект, что должен быть социально поставлен в условия, которые делают возможным истинное, совпадающее с логикой самих вещей познание. Здесь уже брезжит призрак того Абсолютного Субъекта, в котором скрыто тождество познающего и познаваемого. Классовое сознание Ленина никоим образом лично себя не абсолютизирует, ни за что на свете о себе не скажет, что абсолютный Субъект — это и есть мое *я*. То, что мир есть *мое* представление, а история есть объект действия *моей* воли, никогда и ни за что этот субъект не признает. И не потому не признает, что хочет скрыть — нет, такое ему и в голову не может прийти, ибо его эмпирическое, *ленинское*, персонально скромное *я* (к которому, кроме власти над творением, лично для себя ничего не надо) растворялось во всеобщем — Классовом, Материалистическом, Пролетарском Сознании целиком и без всякого рефлектирующего остатка. Его смирение заходит так далеко, что оно как бы жертвует своим *я*, перестает ощущать его, а вместо него ощущает только некий Неумолимый Ход истории, пролагающий свою дорогу в марксистско-ленинской мысли, в его, ленинском, историческом действии. Но именно тогда, когда исчезает *наше* личностное *Я*, когда познание мира перестает быть только *моим* познанием и становится самопознанием мира в нас, философский Субъект начинает жить собственной, никак не зависящей от нас жизнью, и здесь мы чувствуем гегелевскую школу — и там-то оно забирает себе такие права, какие и не снились прежним все до конца додумывающим и потому о главном не догадывавшимся германским идеалистам²¹. Радикальный материализм служит своего рода «покрывалом Майи» для тотального

спиритуализма, столь же агрессивного, сколь и анонимного.

Именно идея слияния (или точного отражения) объективного мира с познающим его субъектом, идея, выпестованная спекулятивной мыслью начиная с Декарта, подхваченная и гениально развитая Гегелем, была по настоящему поставлена на ноги (!) Лениным и осуществлена в основанном им строе. Советский режим — есть не что иное, как идеальная общественная модель идеи тождества, тождества марксистской мысли и столбовой дорожки истории, тождества государства (как малого мироздания, к которому надлежало охватить собою большое) и каждого из его подданных, тождества территории и текста, как скажет затем Андре Глюксман²². Разумеется, торжество этой идеи было тем более полным, чем более это тождество было безликим и безглазым, и даже не только незрячим в отношении самого себя, но и слепым принципиально, яростно отрицающим всякий намек на реальную свою природу. Но когда, скажем, Энгельс в знаменитой цитате определяет диалектическую философию как простое отражение общественных процессов в мыслящем мозгу²³, ему не приходит в голову задаться вопросом о субъективности, бренности, «малости» этого мозга. Тем самым он лишь подтверждает: объект есть не что иное, как самопроекция субъекта, не ведающего иной реальности, кроме самого себя.

Идеологический режим и есть зеркальное удвоение этого проецирующего себя на общественные процессы субъекта, заменяющего собой всякого субъекта эмпирического, будь то целое общество или отдельный индивид. До сих пор философы лишь различным образом объясняли мир (помнит ли кто еще 11-й тезис Маркса о Фейербахе?), но дело заключается в том, чтобы сам мир понял, объяснил и переделал себя *моей* головой и управляемой ею разумной волей. Еще более важное дело состоит в том, чтобы *мое* объяснение мира стало *моим* государством, которое мыслит *моим* мозгом и учреждает себя силой *моей* (партийной и пролетарской) революционной практики. Практики,

впрочем, никогда и не скрывавшей, что она является лишь эвфемизмом (т.е. в переводе благоречием) насилия.

Превращения Духа

Если нельзя понять *Капитала* без *Логик* Гегеля, то в силу того же поворота мысли нельзя понять или вполне ощутить вкус и запах идеологического режима, в особенности на начальном его этапе, не подышав перед тем атмосферой *Феноменологии Духа*, которую Маркс назвал «тайной и истоком гегелевской философии». «Движение, направленное к тому, чтобы раскрылась форма знания Духа о себе, есть, работа, которую он осуществляет как действительную историю»²⁴. «Цель духа, — говорит Гегель в другом месте, — как сознания состоит в том, чтобы это свое явление сделать тождественным со своей сущностью, поднять достоверность самого себя до истины»²⁵. Но Мировой Дух — в силу известной своей хитрости не задержался на спекулятивных высотах и от абсолютного знания себя самого стал прокладывать дорогу в историю. Такая история могла начать свой путь только тогда, когда Дух забудет о себе как о Духе или какой-то еще идеалистической сущности, когда, перехитрив самого себя, он со спекулятивных высот бросится вниз, сольется с массами и, овладев ими, станет госаппаратом, партией, тайной полицией, пятилетками, потоком времени наконец. Он спрячет свою идентичность, забудет свое имя, утратит царственное право называться Духом, его будет трясти от бешенства при одном упоминании об Абсолюте, причем тогда, когда он им, собственно, и станет в лице абсолютной — не в политическом только, но и в метафизическом смысле — власти. «Если вы хотите действовать в мире, — скажет Ренан, — ваше собственное Я должно умереть». Умереть в качестве Мирового Духа, чтобы вновь родиться неузнанным в качестве Классового Сознания, «магистральной линии развития», чтобы действовать затем эффективнее в роли ноуме-

нальной Диктатуры Пролетариата, чтобы сморщиться затем до сильно неказистой, но вполне конкретно и властно функционирующей фигуры Кремлевского Горца. Гегелевский Дух, прочитанный и явленный материалистически, пройдя экономическую школу Маркса и катехизацию Энгельса, отчуждает себя в качестве Орудия или даже Демиурга Истории у Ленина, а затем начинается череда таких отчуждений, что и Ленину не могли присниться.

Разумеется, если бы сам Ленин слышал это, он мог ответить только своим дробным залившимся смехом с хрипотцой. Классовое Сознание — демиург истории? *Архичушь*, ахинея, выдуманная дипломированными лакеями поповщины! Слова Гегеля, что «в логике идея становится созидательницей истории», Ленин так залиvisto и комментирует в своих *Тетрадах*: «!! Ха-ха!»²⁶. Чтобы мифологема удалась, ей надо освободиться от малейшего спекулятивного завитка, очистить себя от всякой зауми, опроститься до наглядной достоверности, подкупаящей своей простотой. Никаких Субъектов или Демиургов; закон сохранения анонимности — наиважнейший в идеократии. В этом смысле весьма поучителен наметившийся конфликт Ленина и молодого Лукача, тоже попытавшегося было «гениально угадать» самого Ленина с помощью инструментов гегелевской логики. В своей книге *История и классовое сознание* (1923) Дьёрдь Лукач, стремившийся философски додумать ленинскую революционную практику, возведя ее до категорий Классового или Истинного Сознания, которое сверху — из мыслящей головы партии — организует диффузное и незрелое сознание пролетариата. Но когда материализм истории «реконвертируется» в гегелевские термины Истинного Сознания (в противоположность ложному сознанию буржуазной идеологии, разоблаченной Марксом), самому этому Сознанию сразу становится ясно, что псевдоним его раскрыт, и Лукач, изо всех сил старавшийся на спекулятивном уровне «объяснить» Ленину его спекулятивное величие, от него же первого и получает достойный отпор. «Статья Лукача (речь идет о статье *К вопросу о парламентаризме*), — пишет Ле-

нин в одном из писем, — очень левая и очень плохая». И чтобы впредь ни у кого никогда не возникло искушения сблизать классовое сознание мыслящего пролетариата с каким-то Духом/Сознанием, как бы они там ни назывались, чтобы заранее оградить нас от этой замаскированной «гегелевщины», ахинеи и «детской левизны», Ленин повсюду — начиная с каждой страницы своего *Материализма и Эмпириокритицизма* — выставляет заградительный барьер, того, что затем станет называться «основным вопросом философии»; и о него потом еще долго — лет семьдесят — будут разбивать хмельные идеалистические головы.

Сегодня трудно понять, как это целая эпоха так долго могла притворяться обманутой столь примитивным приемом этой тупой и агрессивной книги, словно наша присяга на верность первичности материи, долбимая с упорством дятла, что-то меняет в реальной, философской сути дела. Ибо когда ленинская голова определяет материю в качестве «объективной реальности, данной нам в ощущении», весь мир, согласно знаменитой теории отражения, столь объективно уместается в отражающей его голове, что практически грань между этой головой и реальностью вокруг нее стирается так, что они легко могут меняться местами, как два модуля «для-себя-бытия» все того же гегелевского Духа.

Когда Классовое Сознание прокламирует и утверждает себя в качестве наиподлиннейшего, архинаучнейшего и вместе с тем наипартийнейшего отражения действительности, то грань между яростным материализмом и тотальным спиритуализмом постулируется лишь неким догматическим суждением априори типа того же сермяжно нехитрого «основного вопроса». Основной вопрос, по сути, лишь стоит на страже того же гегелевского Мирового Духа, сокрывшегося в сугубо материалистическом диалектико-революционном ходе истории.

Правда, здесь вновь возникает другой, побочный вопрос: а в чьей, собственно, голове помещается это Сознание, сквозь которое проходит ось мирового развития? Гегель ненавязчиво, но довольно ясно предлагает решение,

будто бы Мировой Дух обитает в берлинской квартире г-на ординарного профессора, хотя нигде, насколько я помню, не утверждает-ся: “Der Weltgeist ist, eigentlich, Ich”²⁷. В ленинской же системе, как мы говорили, эмпирическое жилище Классового Сознания еще более затушевывается; нигде не говорится, что история истинно познает себя только во мне, или: мозг Партии уместается в моей черепной коробке, поступательное развитие творится в моем шалаше или рабочем кабинете, но и нигде прямо как бы явно и не оспаривается такое притязание. Место жительства Истинного Сознания подразумевается само собой, оставаясь неким «почтовым ящиком» без конкретного адреса. Идеологическую продукцию оно выпускает, народы ведет за собой, указано даже — куда, но не очень уточнено — откуда. Оно всюду, где царит его власть, а власть его воцарилась над шестой частью планеты со всем ее человеческим и производственным содержанием. Со всей объемлемой им материей, в общем. Здесь оно являет собой разум истории, «мудрое руководство», диалектику реальности, при этом нигде не выпячивая своего малого я. Строгая наука существует сама по себе, объективно, всеобще, всемогуще, а не гнездится в каком-то одном индивиде, открывшем ее законы. И, разумеется ЦК, воплощающему ее, всегда казалось абсурдным и несправедливым, что вот по эту сторону государственной границы действительность разумна, светла, упорядоченна, а по другую власть разума тотчас прекращается, что само по себе является угрозой и провокацией для системы, которая потенциально должна накрыть собою все мироздание. Поэтому у него и не может быть постоянной государственной прописки; в любом уголке мира Классовое Сознание («рабочее дело», «прогрессивное человечество» и т.п.), надев любую из своих марксовых масок, утверждает, что вся правда мира и в рациональном, и в нравственном смысле осуществляется его исторической волей и практикой, но осуществляется всегда так, что всякое индивидуальное я растворяется в ней быстрее, чем в царской водке. Так, воля Ленина к власти никогда не была персо-

нальной, ницшеанской волей, она была волей мирового пролетариата, выражающей себя в классовой борьбе и диктатуре, и таковой им и осознавалась и в этом качестве себя осуществляла. Всякое маленькое индивидуальное я исчезало в жерле Классового Сознания (или одного из его псевдонимов), чтобы дать место тому громадному, всеобъемлющему Я Абсолютного Субъекта Истории (или одной из исторических его ролей), что было тем более объективнодейственным, чем более было субъективно безликим.

В этом слепом, тотальном, всепоглощающем, анонимном, скрытом тождестве субъекта и объекта, тождестве, над которым веками билась европейская мысль, за которым неумело гонялись всякие изобличаемые Лениным «эмпириомонисты», ибо когда это пресловутое тождество не вызывало у него вспышки негодования, оно вызывало взрыв хохота — и в этом удавшемся наконец совпадении некоего мыслящего мозга с познаваемой им реальностью Мировой Дух осуществил сокровенный философский акт своего самопознания, совершив при этом невиданный в истории мысли акт автопародии и саморастоптания. И то, что это карнавальное самопознание наконец удалось, — не заслуга несказанной гениальности диалектического материалиста и философа Ленина, своими умозрительными способностями превзошедшего всех Шеллингов и Гегелей; напротив, оно поразительно удалось как раз благодаря отсутствию у него философской рефлексии о собственном методе мышления. Субъект, по сути, не ведает себя в качестве субъекта и мыслит о себе так, как если бы он был объектом (смыслом истории и мировым развитием, осознающей себя борьбой классов, тем, что *делать*, а чего делать нельзя, и т.п.), и только благодаря своей «наивности» ему удается такой самообман, который был бы немислим у Гегеля, но только он и мог стать той удавкой, накинутой на историю и потащившей ее за собой.

Ленин читает *Науку Логики* с восхищением, когда находит в ней диалектику вещей (явлений, мира, природы), гениально угаданную

в диалектике понятий, и со слепящей яростью, когда наталкивается на все идеалистические и религиозные экскурсы Гегеля. Но не прячется ли в этой ярости тот самый хитрый, лукавый дух, что то и дело, клятвенно взывая к своему основному вопросу, на самом деле ревниво стережет собственную анонимность, или, как бы мы сказали по-гегелевски, свою «снятость»? У Ленина растворяется абстракция идеального Субъекта, исчезает гипостазированное Понятие, охватывающее собой объективные процессы в мире и субъективное человеческое мышление о них, оно прячется в нем ради захвата безмерной (сначала научной, умозрительной, затем реальной, кровавой) власти над миром, осуществляемой неузнанно и безлико. Материалистическое прочтение Гегеля есть систематическое устранение субъекта (в самом Гегеле еще очень различимое), идеальным образом преодолевающего в себе осознанную объективность, т.е. инаковость мира, отождествляя его с самим собой.

В ленинской системе это отождествление не достигается с помощью диалектической логики, оно уже изначально и несомненно дано, коль скоро всеобъемлющий объект-мир существует как бы совсем без человеческого субъекта, его познающего, ибо суть этого познания сводится к созданию лишь субъективного отпечатка (отражения) в человеческой голове, материально включенной в этот мир, т.е. к воспроизведению одним более сложным фрагментом мира более простого его фрагмента. Именно поэтому логическое тождество субъекта и объекта отрицается диалектическим материализмом, что оно присутствует в нем априори, в виде гносеологического упразднения субъекта в Абсолютном Субъекте Истинного (Классового, Пролетарского, Партийного, Верно-понявшего-марксизм-и-потому-всесильного) Сознания. Философия Ленина, коль скоро она существует, представляет собой самопознание мира, которое, в отличие от гегелевского, совершается самим миром, наконец осознавшем себя в революционной партии рабочего класса, без идеалистического я, привносящего в это познание

свои собственные буржуазные галлюцинации и всякую «этическую отсебятину».

Система Абсолютного Субъекта

Тот же процесс, который происходил на умозрительном уровне теории познания, самым грубым и жестким образом пролагает дорогу в действительности. Знание как действующая сила истории изменяет ее и становится основой идеологического государства. Субъект познания настолько отождествляет себя с историческим процессом, что уже не замечает своего насилия над ней, создавая при этом вездесущий и всепроникающий аппарат такого насилия. Насилием познают, строят, ведут от победы к победе; насилие совпадает с самим мировым процессом. Оно осуществляется всегда, независимо от того, работает ли гильотина в данный момент или отдыхает. Ленин едва ли был способен искренне признать лично себя диктатором или насильником, ибо воспринимал себя как воплощенную волю самой Революции. Он — Разум истории, которая силой имманентных законов своего развития должна заменить отжившую общественно-экономическую формацию на другую — социалистическую, прогрессивную. Он — сама идея и сила такой замены, которая происходит благодаря объективному, строго научно марксистскому отражению исторического процесса в его ленинском мозгу. Подобно тому как ленинский *материалистический* разум, спонтанно следуя гегелевскому, считал отражение в себе материального развития вещей диалектикой, логикой и теорией познания вместе взятых, так и ленинский *исторический* разум полагал свою практику, слитую с партией, с волей самого мирового развития. Насилие становится даже не повивальной бабкой истории, а самой историей; оно не помогает родиться чему-то новому, но само есть результат родов.

Не следует понимать насилие только буквально, физически, но и метафизически, как

господство отвлеченного разума над действительностью, когда этот самый разум перестает отличать себя от нее. Ленин, желая следовать Марксу, пародирует Гегеля, не отдавая себе в том отчета, ибо создает режим идеологического солипсизма. Это режим, при котором мир, вернее, та его часть, которая (пока временно) находится в СССР, становится отражением Субъекта истории в виде диктатуры пролетариата. «Пролетариат» правит от имени всеильно верного марксизма-ленинизма, партии большевиков, ее ленинского ЦК, а затем общенародного государства, где достигается гармония между классами. Субъект, познавая мир или «данную ему в ощущении» действительность, делает ее своим зеркальным отражением, при этом стараясь нигде не выдать собственной субъективности. В этой индустрии самопознания (идеологии, видящей свои отражения в своем другом) существует не только развитая и поддерживаемая режимом корпорация философов, но и всякий ее цех в конечном счете производит идеологический продукт, т.е. проецируемый из себя образ отражения мира. Или согласный с ним способ изменения мира. Или вытекающий из него способ управления миром. Не надо трех слов. Достаточно одного — Ленин.

Здесь уместен комментарий Хайдеггера, на Ленина, разумеется, время не тратившего: «Субъект, будучи субъектом, всегда и везде удостоверяется в самом себе — заручается достоверностью самого себя. Он оправдывает себя перед полагаемым им самим притязанием на справедливость»²⁸.

В идеологическом государстве наука (истинное знание) и мораль (высшая справедливость) не могут не совпадать, ибо и то и другое служит отражением (удостоверением) одного и того же анонимно господствующего субъекта, порождающего имманентную ему вселенную. Это опущенный на землю, изуродованный — но не искаженный! — гегелевский абсолют, развернутый и разыгрываемый в виде бесконечного и кровавого познания мира Первого Мыслителя-Большевика Планеты, обустроившего действительность — СССР в согласии

с как бы заложенной в ней, в самой действительности, планом. Все, что находится на его территории: земли, города, машины, люди, базы, надстройки, партийные ячейки, верховные/поселковые советы, профсоюзы, институты, тюрьмы, суды, тексты, фильмы, стихи, памятники и судебные процессы — суть продукты Абсолютного Субъекта, в которых он познает инобытие самого себя.

Да, именно Ленин сумел завести работавший 70 лет механизм идеологического монизма, где все исходило из некоего анонимно-запредельного Субъекта (генсека-партии-рабочих масс, трех слов не надо). «Опосредуясь» в материи («созидательном труде», производстве, аппарате насилия), Субъект без конца воспроизводил самого себя. Сознание этого Субъекта (каждый может легко заменить это идеалистическое слово любым из его материалистических псевдонимов) пронизывало собой всё. В государстве-сознании, безраздельно владевшем языком, на котором должны были говорить и мыслить его граждане, не остается такой вещи, которую можно было бы назвать «вещью в себе» («пустая абстракция», по слову Владимира Ильича), то есть реальностью неапробированной, необъясненной, непознанной, погегелевски неразумной, т.е. политически вредной. Даже религия — и та, несмотря на всю свою очевидную историческую «неразумность», была допущена временно существовать, не только как побрякушка пережиткам, но и как иллюстрация «свободы совести» (обреченной, но марксизмом по великодушию пока дозволенной), т.е. опять-таки опосредована тем же Субъектом, сочинившем для себя Конституцию «не хуже, чем у других». Разум его зеркально отражается в инобытии всякого индивида и восходит от него к своему в-себе-бытию в единстве души-всеобщей семьи-государства. Самоосуществление этого вселенского сознания и есть подлинное существование мира. Познавая мир, оно сообщает ему единственную мыслимую реальность. При этом только в себе самом оно несет критерий объективной истинности своего познания.

Если проследить за истоками идеологической монополии, ее можно угадать и в лейб-

ницеvской монадологии и во всем последующем развитии немецкой классической мысли. Однако только у Гегеля мы впервые находим не только интуиции и догадки, но и развернутый чертеж-набросок тотальной власти, которая была затем осуществлена совсем под иным прикрытием и предлогом. В лице Гегеля в последний раз и на головокружительной высоте выразила себя вечная и младенческая истина метафизики: «Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует» (Парменид). Ну, а в «долине сени смертной», в нашей низине та же истина заперла нас в клетке кошмарного солипсизма, абсолютного тождества гражданина-меня и его-государства, спаянных, переплавленных в символической, но вполне реальной фигуре Абсолютного Субъекта, идеократического посредника, забывшего о своем умозрительном родстве.

Шокируя ученый мир, я должен признаться, что, перешагнув через Ленина, философская эта система достигла своего совершенства только в сталинской модели творения. Сталин был своего рода живым фетишем идеократического посредника, обезьяной того Духа, благодаря которому все смыслы, все личности, все предметы и факты могли называться племянниками одного дяди и получали право существовать. (Заметим, как только не стало живого, напитанного кровью идола, идеократический режим стал медленно, но с почти биологической фатальностью распадаться.) В этом образе все существующее, все освоенное познанием собиралось в некое трансцендентное единство. Единство обладало телом, было историческим персонажем, обитало лишь отчасти в Кремле, но большей частью в тысяче своих бюстов и повсюду — в людских головах. Оно называлось иногда «Лениным сегодня» (Барбюс), хотя могло вполне носить и титул «Гегеля эпохи построения социализма в отдельно взятой стране». Ибо лишь несколько десятилетий назад все виды отвлеченного познания, любые науки — математика, химия, почвоведение... — должны были получать санкцию на само бытие свое от художочной брошюрки *Марксизм и вопросы языкознания*, где за подписью *И.Сталин* можно было

угадать последнее превращение абсолютного, себя самого перехитрившего Духа, наконец овладевшего всей реальностью и приведшего ее в окончательную систему.

Назовем это пародией, карнавалом? Нет, дело гораздо серьезнее и несмешнее. Ленин, опять-таки гениально угадав духовный посыл грандиозной системы Гегеля (неважно при этом, что он в нем понял, да и читал ли вообще), извлек из нее особую религию, в которой должен был действовать Верховный Жрец, выступавший от имени Демиурга, творца действительности. Мир/История познается/устроится Мировым Духом, действующим через свою Касту/Орудие, с которым себя отождествляет. Оставим в стороне все марксистские маски, материалистические псевдонимы и строгие серые облачения. Карнавальное действие выразило тайну первоначального замысла, что, видоизменяясь внешне, сохранило свою солипсистскую суть. Мы видим то, что заложено в наши глаза. Мы мыслим так, как мыслит в нас мироздание. «Марксизм образует систему координат, — писал когда-то ревностный и последовательный борец за него Роже Гароди, — которая только одна позволяет рассматривать и определять мышление в какой угодно сфере, от политической экономии до физики, от истории до морали»²⁹. Именно так, блестяще угадано и увидено! И какой же холодный, чисто гегелевский восторг должен был охватывать служителя этой наукорелигии, устанавливающей свою предустановленную гармонию, в которой все «вещи мира» движутся в согласии с нашим взглядом на мир! И этот взгляд — мой! Моей головы, моей партии, моей страны, в недалеком будущем — всего человечества, — писала газета «Юманите»³⁰. И таковым — всепроникающим-знанием/насилием — марксизм оставался до последнего дня жизни, хотя и все с меньшей уверенностью в себе.

Уже Ленин успел заглянуть в неисчерпаемость электрона, и, оставаясь в той же системе координат, было легко узнать, как повлияла колониальная политика на систему общественного кредита или что на самом деле хотел сказать Вагнер своими операми, Шиллер — своей по-

эзией, Гегель — объективным идеализмом, Достоевский — человеком из подполья, а как Толстой стал «зеркалом русской революции». Всё на свете состояло из тех же ленинских зеркал и проницаемых электронов, и марксистская, а по сути, крипто-гегелевская система координат совпадала с границами космоса и разгадывала секрет всякой затерявшейся в нем души. В эти границы предполагалось заключить все имеющееся пространство и время, охваченное единым законом, от коего не убежит ни одна трепещущая клетка, не уклонится на чужую орбиту ни одна звезда. Свет, падавший из кремлевского окошка, освещал творение вплоть до самых тайных его уголков. Последние вещи, укрывшиеся в-себе, как и люди, где-то в себе спрятавшиеся, выявлялись и отправлялись в изгнание как «враги народа». Они лишались идейного, а затем и физического бытия, их отсылали в царство теней, на иную половину действительности. Туда, где никогда не восходит солнце Духа и отдыхают диалектические Законы.

Сознание-подполье и действительность-геенна

Однако в этом смешении идеологического субъекта со всеми своими поданными-двойниками, тождество не бывает полным. Так начинается раздвоение действительности, которое с самого начала обрекает на поражение это мироздание, выросшее из фантома. Ему, при всех усилиях познания и полиции, никогда не удастся слиться со всей подвластной ему реальностью, т.е. познать и освоить ее, и он ее, неосвоенную сущность «вещей-в-себе», энергично выталкивает. В государстве, пронизывающем всё и вся своими словами и лозунгами, есть действительность, обязательная к употреблению, и есть действительность, предназначенная на выброс, на вытеснение в ничто.

Это так называемая под-действительность, внизу-реальность, выгребная яма для метафи-

зических отбросов, что в одержимо идейном, манихейском мире становится свалкой человеческих душ и тел. Иными словами, «Архипелаг ГУЛАГ», если воспользоваться известным, все еще работающим термином. ГУЛАГ — не одно лишь всеохватывающее учреждение-насилие, не только разросшийся тюремно-лагерный бегемот, это — реальность-призрак, оставшаяся за пределами власти абсолюта. Это проклятая земля пасынков, о которой всегда помнят, но никогда не говорят, где кончается территория идейности (хотя не прекращается идейное воспитание), где больше нет семьи с племянниками и дядей, где действительность не совпадает с разумностью, а необходимость перестает быть исторической. Это пространство, где жизнь — подвал, подпол, куда заталкивается все то, что выбрасывается из государства-храма. Там не должно было быть ни родственников, ни имен.

Подвал существовал В Большом государственном Доме, но он был вырыт и в каждой частной голове, даже самой идеологически ангажированной и закаленной. Ибо чем ревностней, не за страх, а за совесть, служила эта голова филиалом Абсолютного Субъекта в его персональном идеологическом исполнении, тем более несчастным делалось ее сознание, как Гегель некогда определяет его в своей *Феноменологии*. «Это несчастное, раздвоенное внутри себя сознание — так как противоречие его сущности есть для себя одно сознание — всегда должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же, как только оно возомнит, что оно достигло победы и покая единства, оно из каждого сознания должно быть снова изгнано»³¹.

Абсолютный Субъект всегда вносит раздвоение, несет несчастье в себе, ибо между большим его содержанием и частным потоком всякой психологии таится противоречие, которое не может быть снято. А раз не может, значит, должно быть подавлено и оттеснено. Просто «человеческое» и беззаветно «идейное» в принципе не совпадают окончательно, отчего «идейное» никогда не может отделаться от своего рода комплекса завоевателя на «террито-

рии человека», а «человеческое» — от комплекса неполноценности перед «идейным борцом». История раздвоения, подавления и вытеснения и была истинной историей Истинного Сознания в лицах при созданном им режиме. Идеология, работающая на уровне масс, на уровне индивида, и на этот раз оказалась до конца неисполнимой. Однако сама эта неисполнимость была сокрыта от ее разума, она была скрыта в ее сознании, не желающем ведать о своем несчастье. Несчастье ее материализовалось в истории, оно стало той кошмарной зловонной ямой, где копошились чудища, отвергнутые ее коллективным разумом. Абсолютный Субъект не мог прожить без монстров, им же и порождаемых, без тех самых уродов антиразума, на коих он должен был проецировать зло, которое сам же и творил. Эти существа гнездились в нем самом, под хлипким полом, отделявшим верхнюю площадку сознания от нижней. Была действительность, насажденная и взлелеянная высшим Разумом (именуемым «марксизмом-ленинизмом» или «мудрым руководством партии»), и проецируемая в будущее, но была еще и повседневность — ГУЛАГ, и обе они помещались не только в государстве, но и во всякой душе с ее трепетно счастливым «несчастливым сознанием». Всякий смысл нес в себе антисмысл, всякий текст — подтекст, всякое сознание — под-сознание, всякая достоверность — свое подполье. И они не были разделены Великой китайской стеной, они существовали в единстве и борьбе противоположностей, и эта борьба в подсознании нашей эпохи оставила немислимые гекатомбы жертв.

Альбер Камю где-то сказал: «Думали, что двадцатый век будет веком Маркса, а он оказался веком Достоевского». Сегодня можно было бы сказать иначе: думали, что двадцатый век был веком Достоевского, а он вдруг оказался еще и веком Гегеля, как и веком Фрейда, веком призрачной сверхразумности, овладевшей историей, и темного огня, выплеснувшегося из тех глубин в человеке, о которых не ведает и он сам. Следуя Гегелю, со всей скрупулезностью начертавшему, как разумно построить действительность, история руками свергнувших его

учеников выпустила на волю чудовищ, притаившихся под тонким слоем сознания. И в этом «выбросе» из подполья Мировой Дух оказался всего лишь прикрытием. При видимом торжестве своем в качестве «системы координат» он послужил лишь своего рода «трансцендентальной иллюзией», а в качестве иллюзии был сброшен иными духами со своего для-себя-бытия в под-себя-бытие, в поддых истории, в вонючий трюм или, как выразился один нацистский врач, работавший на селекции в Освенциме: в anus mundi³².

Логика и вина

Можно ли говорить об ответственности Гегеля за все последующие «заклочения диалектики» (Мерло-Понти)? Не больше, чем об ответственности мудреца за орла, который, согласно античной легенде, когда-то уронил ему на голову черепаху. Стоит ли говорить о виновности Мирового Разума, перехитрившего историю и самого себя? Ну, в таком случае нам лучше сразу припомнить ползучего искусителя, соблазнившего нас во время оно плодами с древа познания. В каждую эпоху мы заново поддаемся на этот хмельной соблазн, и только потом, задним умом, в тяжком похмелье, догадываемся, что угроза человеку — и человечеству — исходит прежде всего от нас самих. Существует, однако, бесконечно более сложная проблема ответственности отвлеченной мысли, которая «отчуждается» от ее автора и в реальной истории живет уже сама по себе, находя своих адептов среди тех, кто вовсе ни к какой мысли не бывает причастен.

Никогда не прикоснется к этой проблеме тот, кто будет звать «назад к Гегелю»; ни к подлинному Гегелю многотомного собрания сочинений, ни к тому *Was Marx wirklich sagte*³³ (*Что действительно говорил Маркс*). Как нельзя объяснить «великий Октябрь», исходя из близны первоначальных намерений юного кудрявого Ильича или вывести Сталина из тек-

ста *Интернационала*. Суть дела в имманентной логике истории, всякий раз перешагивающей через голову своего предшественника, а затем легко освобождающейся от него. Эта логика обнаруживала себя в ряде последовательных перевоплощений или «похищений», когда из-под благих намерений основоположника всякий раз извлекалась, выкрадывалась, если угодно, гениально угадывалась настоящим его учеником ее реальная духовная суть. Однако угадывалась, однако похищалась эта суть не без тайного с ее стороны умысла, не без трепетного ее желания быть разгаданной, похищенной, оскверненной. «Скверна истории» даже входит в ее программу. Как говорит Гегель, «Мировой Дух не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для этой работы своего осознания себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело en grand, у него достаточно народов и индивидуумов для такой траты»³⁴. «Двуногих тварей миллионы...», по-пушкински говоря. Превращения, которые происходят внутри философской мысли, далеко не всегда бывают чисто философскими. Отвлеченная мысль часто проявляет, выносит на поверхность свою сокрытую интенцию, тот истинный духовный подтекст, который может затем раскрыться, т.е. стать текстом той истории. И этим текстом потом овладеет некий «гениально угадавший» ее зов заклинатель масс и собиратель толп. Но какой бы дорогой ни двигалась логика самопознания духа из себя самого — сего изобретения чудовищно раздувшегося Субъекта, проецирующего себя на мир: от освоения действительно познающего в ней себя разума до тотального идеологического насилия над ней — в нашем случае дорога от Гегеля к ГУЛАГу — это был один из возможных ее путей, по-своему не менее логичный и последовательный, нежели путь классической философии от одной глубокой о ней диссертации до другой.

Коль скоро мы задаемся вопросом об ответственности этой логики, то суть самого вопроса можно выразить не логикой вовсе, но ка-

кой-нибудь заведомой провокацией, подобно уже упоминавшемуся в нашей книге «коану» Т.Адорно: «Всякая культура после Освенцима – мусор»³⁵. Но каким коаном сможем мы передать ту *негативную диалектику* истории, в которой спекулятивный разум обернулся серийным систематическим убийцей? Несложно оправдать Гегеля на процессе о его возможной причастности к марксизму-гулагизму, как, впрочем, и оградить его от препарирующих его ученических *Философских тетрадей*. Да и в самих *Тетрадах* тоже еще нельзя найти ни благословения «массовидности террора» (ленинское письмо от 26.11.1918), ни проекта лагеря на Соловках. Но, независимо от наших оправданий, история распорядилась с гегелевской мыслью по-своему. Опыт идеологического насилия, сконцентрированного далеко не только в ГУЛАГе, выявил духовные корни этой мысли и вместе с тем ее трагедию; человек создает идола из своего познания. Но идол вдруг оживает, и вопреки намерениям своего создателя, после ряда неожиданных диалектических метаморфоз оборачивается против него. Поэтому Гегеля (как и всякую отвлеченную мысль) можно постигать не только отвлеченной же мыслью, но и «слышать сердцем», как говорил Блаженный Августин. И потому мы вправе читать его и сквозь опыт того потрясения *оснований Земли* (Ис. 24,18), отдаленные раскаты которого соединились с абстрактнейшей логикой, вновь возжелавшей как бы сотворить мир заново из мысли, гордыни и пустоты.

В этой *тайне беззакония* (2 Фесс 2:7), всегда действующей в мире, но с внезапной, ошеломляющей силой раскрывшейся в советской, а затем и в мировой истории, просвечивает другая – тайна свободы Божией. Бог не препятствует богоборчеству человека. Он позволяет ему осуществить сполна все задуманное и Сам становится невольной жертвой его замыслов. Он дает распыть Себя человеческой свободе, но тем самым – изнутри – покоряет ее. Имеющие уши да слышат; с высоты Креста – со дна

Освенцима, из подвалов ГУЛАГа – всегда доносится весть о Его победе.

Думали, что XX век будет таким-то или еще чьим-то веком, однако он оказался столетием новых языческих религий – и временем Креста Господня.

1996, 2016

Примечания

- 1 В 1996 году можно было уверенно сказать, что та эпоха, о которой пойдет речь, завершилась бесповоротно. Впечатление оказалось обманчивым.
- 2 Гегель. *Феноменология Духа. Сочинения*. Т. IV. М., 1959. С. 19.
- 3 Гегель. *Работы разных лет*. Т.1. М., 1976. С. 393.
- 4 A. Besançon. *Les origines intellectuelles du leninisme*. P., 1977.
- 5 С. Milosz. *La Pensee Captive*. P., 1951.
- 6 Гегель. *Феноменология Духа*. С. 41.
- 7 См.: Martin Heidegger, *Nietzsche*. Vittorio Klostermann Verlag, II. С. 200
- 8 Гегель. *Философия права*. М.-Л., 1934. С.7, § 263.
- 9 Б. Рассел. *История западной философии*. N.Y., 1981. С. 748.
- 10 Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т.29. С. 162.
- 11 Там же.
- 12 Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т.29. С. 178-179.
- 13 Там же. С. 301.
- 14 Там же. С. 165.
- 15 Там же.
- 16 Ф.Энгельс. *Диалектика природы*. М., 1955. С. 213.
- 17 Под этим емким словом понимается здесь не только система тюрем и лагерей вместе с красным террором, раскулачиванием, голодомором, выселением народов, преследованием инакомыслящих и т.д., но прежде всего сочетание бесконечной утопии с бесконечным насилием и обманом.
- 18 L. Althusser. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat*. Pensée, P., 1970.
- 19 Гегель. *Энциклопедия философских наук. Сочинения*. Т.3. М., 1977. С.223.
- 20 Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* Т 18. С. 131.
- 21 Против таковых идеалистов, желавших дополнить марксистскую теорию «совестью» и «добром», выступает Э. В. Ильенков в своей статье «Ленинская идея совпадения логики, теории познания и диалектики» (1974): «Принципиальный вред кантианской идеи соединения "науки" с "системой высших этических ценностей" заключался в том, что она ориентировала самую теоретическую мысль на совершенно иные пути, нежели те, на которых развивалась мысль Маркса и Энгельса. Эта «гносеология» наме-

чала и для социал-демократических теоретиков свою, кантианскую стратегию научного исследования, смещала представления о столбовой, магистральной линии развития теоретической мысли, о тех путях, на которых можно и нужно искать научное решение реальных проблем современности.

Эта «теория познания» прямо ориентировала теоретическую мысль уже не на строго теоретический анализ материальных, экономических отношений между людьми как фундамента всей остальной пирамиды общественных отношений, а на построение надуманных конструкций “этики”, морально интерпретируемой политики, общественной психологии бердяевского пошиба и прочие для рабочего движения абсолютно_бесполезные (если не вредные) занятия».

- 22 А. Glucksman. *Maitres penseurs*. P., 1977.
- 23 Ф. Энгельс. *Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии*.
- 24 Гегель. *Феноменология Духа*. С. 420.
- 25 Гегель. *Энциклопедия философских наук. Философия духа*. М., 1956. С. 205.
- 26 В.И. Ленин. *Полн. собр. соч. Соч.* т.38. с.181-182.
- 27 «Мировой Дух — это, собственно, я и есть». Приведу здесь комментарий Мартина Бубера: «Начало осуществления абсолютной идеи он (Гегель. — В.З.) усматривал в собственной эпохе и собственной философии, так что диалектическое движение идеи во времени, должно было, судя по всему, идти к концу». (М. Бубер, *Два типа веры. Проблема человека*. М., 1995. С.179).
- 28 Мартин Хайдеггер. *Работы и размышления разных лет*. М., 1993. С. 198.
- 29 См. Ж.-П. Sartre, *Critique de la raison dialectique*. P., 1961. P. 30.
- 30 Напомню: L'Humanité — с 1920 по 1994 год официальный орган Компартии Франции.
- 31 Гегель. *Феноменология Духа*. С. 112.
- 32 Задница мира.
- 33 Franz Marek. Ernst Fisher. *Was Marx wirklich sagte*. 1968
- 34 Гегель. *Лекции по истории философии. Сочинения*. Т.IX. М., 1932. С. 39-40.
- 35 “Alle Kultur nach Auschwitz, samt der dringlichen Kritik daran, ist Müll”.

© Текст: Владимир Зелинский

Николай ГОЛОВАНОВ

«Третий Рим» (1925 год)

Псевдоисторическое представление

Действующие лица:

I акт

Зоя — принцесса феррарская, севастопейская, София Фоминишна, великая княгиня Московская и всея Руси. **Петр II** (Пьетро Лузиньян), король Кипра (и номинально) Иерусалима, вассал Венецианской республики, ее жених. **Бессарио**, кардинал, бывший архиепископ Виссарион Никейский, деятель Флорентийского собора. **Антонио Бонулитра**, кардинал, спутник Зои в Московии, папский легат. **Джэян Баттиста де ля Вольпе**, по-московски Иван Фрязин, авантюрист и проходимец. **Дукесса Феррарская**, тетка Зои. **Иоанн**, ритор, скопец, учитель Зои (без речей). **Турецкий посол** к герцогу Феррарскому и его свита. **Менестрели** и **труверы** в Ферраре.

II акт

Зоя. Бонумбра. Иоанн III, великий князь Московский. **Берсень**, его боярин. **Святой Максим Грек**, ученый монах, одет преувеличенно богато. **Святой Иосиф Волоцкий**, игумен, одет бедно. Его **спутники-монахи. Толпа хулиганящей молодежи. Толпа татар**, среди них: Мурза Девлет-Кильдей, Ханский брат. **Стража** и **бояре** Иоанна

III акт

Берсень-отец. Берсень-сын. Бояре: Кит, Вассиан, Бельский. **Иоанн III. София**, его жена. **Максим Грек.**

Место действия:

I акт — *Феррара*. II акт — *съезжая изба* на Болвановке, под Москвой.

III акт — *изба великого князя*. IV акт — *Тюрьма* на Житном дворе.

V акт — *Грановитая палата*

Время — XV век

Описание костюмов:

костюмы Иоанна и бояр очень бедны — в контраст Зое, которая в I акте в итальянском плаще, во II — в византийском, в III — в великокняжеском, в IV — в «смирном», в V акте — как в III.

I акт

У великого дуксуса Феррарийского Италийския Земли (выражение Максима Грека).

Площадка перед лестницей в герцогский дворец. Толпа менестрелей.

Старый менестрель: Феррарские певцы, труверы, менестрели

На состязание я приглашал вас

В весьма достойной и почтенной цели

Вы знаете, какой высокий гость сейчас

У герцогской четы. Для принципессы Зои

Властитель Кипра Петр

Явился женихом

И просит он у нас, пленен

Ее красую

Ее приветствовать на струнах и стихом

В искусстве этом он

Прославлен знатоком

Вам случай выявить уменье —

Выявляйте

Чтоб угодить на славу

Королю.

Вот я вчера сложил канцону

Начинайте.

Хор менестрелей: Женщина высшее творчество
Бога,

Замысел высший его.

Есть в мире прекрасного много

Женщин прекраснее нет ничего.

Но как если вместе с красую

Великой

Разум высокий, высокая кровь, —

Нет ей подобия, нет ей сравненья,

Наша единая дань ей — любовь.

Король Пьетро входит.

Труверы все: Да здравствует король!

Пьетро: Труверы, продолжайте! Я вместе с вами
сам спую

(подпекает, фальшивит)

Труверы: В царственной Зое то и другое

Вместе одним сочеталось Венцом

Вот потому мы ей песню поем.

(Дукесса и Зоя выходят из дворца. Пьетро широко раскланивается).

Пьетро: Дукесса! Принципесса! Я могу
гордиться, что двух солнц сияющих явленье

Двух светлых солнц мое призвало пенье

Зоя: Сказал петух, пропев кукареку.

Дукесса (тихо Зое): Как можно с королем
так грубо обращаться!

(громко ему) Вы рыцарски любезны, государь!

Зоя: Долг рыцаря считался встарь

Не песни распевать, с Неверными сражаться

Пьетро: За принципессу я готов умереть

Без дальних слов

Зоя: Севастия, мне Принципессы мало.

Пьетро: Императрицей вас Титуловать пожалуй,
А королевой сделать я готов! В плену познал
я правды свет.

Зоя: Большая честь. Но мой Король, уж вас-то
Лишь во дворце могла принять Севаста,
Случись в священные палачи Вам попасть.

Пьетро: Как во дворце ?

Зоя: Дворца такая часть, где Василевсу представляются вассалы.

Пьетро: Я ваш вассал, может стать. И больше — я ваш раб.

Зоя: Ах, рыцарь мой, не утаю, вассалов и рабов я очень не люблю.

Севасте не пристало с ними знаться.

Дукесса (пытаясь замаять разговор): Но августейший Пьетро все ж не знает

Кто нас с тобой сейчас сопровождает.

Пьетро: Конечно, няня принчипессы. Мой привет!

Зоя: Не знает он и знать не может он

За что Афины славятся по праву.

Пьетро: Афины знаю я; на целый мир там славу Король Язон стяжал; цвет рыцарства собирая.

На целый мир его прославило оно

Походом через Понт. в Колхидском дальнем крае

И золотого же руна Он орден учредил в честь этого военный.

Зоя: Ученый мой король! Ученый и почтенный.

Пред вами преклониться я должна.

Пьетро: А в благодарность за поход

Он создал дивный храм в честь

Непорочной девы Парфянос.

Парфенон его зовет народ

Зоя: Теперь пред королем должны

Склониться все вы. Так много знает он.

Пьетро: Немало мне пришлось узнать

и потому, что странствовал я много

А сверх того — под розгою я рос.

Воспитывал меня отец мой очень строго.

Зоя: Об академии Афинской вам не случалось услышать?

Пьетро: Нет.

Зоя: И о Платоне тоже?

Пьетро: Знать много о том мне негоже, она храбрости вредит чрезмерно.

Зоя: Так вот, глубокочтимый мой учитель,

Я ж говорила вам: Феррара есть обитель Искусств и знания. Как я глупа была!

Пьетро: Не понимаю я, дукесса.

Дукесса: Шалунью вы простить должны.

Повеса философа афинского скопца за няню выдала.

Зоя: Нет, я не выдавала. Король сам не дослушал до конца

Пьетро: Ученый муж, сконфужен я немало.

Мне будьте другом. Вот рука моя!

Зоя: То знание вам вредит, что Вы в его друзьях

Зачем он вам? Он не по вашим Вкусам.

Пьетро: Клянусь отцом Сидящим со Иисусом.

Зоя: Напрасно, государь. Поверьте, никогда

Не только Иисуса, но Христа

Едва ли имя дать достойно и прилично

Второму троицы лицу.

Пьетро: Мне необычно Вникать в подобное

Зоя: Готова вас понять, что

Необычно вам. О, тут собрав...

Вольпе: Познал он правды свет.

Пьетро: Ах, не довольно ли подобных разговоров!

Мой долг знаком мне: церковь запрещает

Святейшую мадонну обожать

Ту красоту и быть ее охраной

А эти колкости, хотя б как спор

Наш странный

Святейшему отцу оставить разрешать

Дукесса: Супруг мой ждет давно Высокой чести

Вас видеть, государь, беседу с вами весть.

Пьетро: Дукесса, с вами я войти надеюсь вместе

И вас сопровождать имею честь

(*Входят трое во дворец*)

Говор в толпе менестрелей

— Ну что, друзья, видали вы чертенка?

— Отделала она ж его!

— Не так уж непонятно, но так тонко.

— А он не понимает ничего.

— Влюблен чрезмерно. — Да, отделала не худо.

Входит Вольпе

1-й менестрель: Ба, де ля Вольпе!

Ты откуда?

Вольпе: Не угадать, конечно, вам.

2-й менестрель: Не ближе, чем с Луны, конечно?

Вольпе: Много дале.

1-й менестрель: Так с Сириуса?

Вольпе: Нет, опять не угадали.

1-й менестрель: Откуда ж?

Вольпе: Из Московии.

2-й менестрель: Да там ведь очень холодно!

Вольпе: Тем, кто умен, теплей, чем здесь.

2-й менестрель: А снег зимой?

Вольпе: На это шубы есть.

1-й менестрель: И у тебя?

2-й менестрель: Ведь ты конечно с нею? Не утерпел, чтоб не принесть?

Вольпе: Конечно.

1-й менестрель: Так надень, порадуй нас.

2-й менестрель: Пощеголай

3-й менестрель: Похвастай нам.

Вольпе: Сейчас.

(Развязывает узел, достает боярский костюм и горлатную шапку).

1-й менестрель: Вот шапка-то!

2-й менестрель: Не шапка — башня.

3-й менестрель: Шапка тож крива, как Каризенда.

Вольпе: Врешь! *(оделся):* Вот я каков!

1-й менестрель: Да, настоящая парча.

Вольпе: Чудак! Чай, шуба с царского плеча!

2-й менестрель: Неужто?

Вольпе: Почему же? Чем иностранных я других синьоров хуже?

3-й менестрель: Какой синьор!

Вольпе: Из самых знаменитых!

Я много возбуждал почтенья в Московитах.

3-й менестрель: Чай, много врал?

Вольпе: Бывал тот грех.

1-й менестрель: Венецианский бархат?

Вольпе: Это мех.

1-й менестрель: Мех?

Вольпе: Шкура зверя.

1-й менестрель: Так значит в странах тех живут такие звери? Не поверю.

Вольпе: Бобрами их зовут. Невежда грубый.

Ты кроме кошки с крысой не видал других зверей!

А там других не знают — бьют и ловят их

И делают такие шубы. Теперь боярин я.

2-й менестрель: Боярин! Тоже зверь?

Вольпе: О, лютый зверь.

1-й менестрель: Боярин или синьор?

3-й менестрель: Да ты, мой друг, ученый.

1-й менестрель: Я интересовался тем всегда

Что там за край — большой и отдаленный.

А герцог московитский — царь иль князь?

Вольпе: Да, да, голубчики. Скажу вам, не хвалясь
В глаза пустил я им довольно пыли

И то не стоило мне никаких усилий.

Во всем мне верили, всем рассказям моим

В Москву — их главный город, как наш Рим

Я въехал в золотых санях и на медведях.

И столько им болтал, что на последях

Поверил сам, что я большой синьор

Что ж? Благо верят мне! Ложь сказу не укор!

1-й менестрель: Про самый край поболее расскажи ты.

Вольпе: Страна огромная! Богатая страна!

Вся заморожена и вся в снегу она

Дворцы из льда построены — нет, слиты.

На крышах ледяные сталактиты

На бородах с усами тож, —

Ведь бритых лиц там не найдешь.

Все с бородами, даже государь

1-й менестрель: Недаром Варвары им дали имя встарь.

Вольпе: И вот я разленился, я разводил мозгами

Пред московитами, кем назовусь я?

И за кого прослыть? Вы угадajte сами.

3-й менестрель: За проходимца и враля?

Вольпе: Ведь я себе чины мог дать по произволу.

Проверить их нельзя, поверят мне совсем.

Так дай я назовусь святейшего престола

Легатом и Венеции послом.

1-й менестрель: Но ты ведь Не прелат, как мог ты быть Легатом?

Вольпе: Мне стоит захотеть — И вмиг я стал прелатом.

1-й менестрель: Да, умный же ты плут,

в том надобно сознаться.

Вольпе: Что я умен сейчас лишь можно догадаться.

Бессарио: Вы посмотрите, где он!

Вольпе: Эминенца!

Бессарио: ЯвВ волненьи весь горю,

А он изволит здесь откалывать колена!

Не стыдно ли? Не стыдно ль, говорю!

И этаким шутом одет!

Вольпе: И не шутом!

Вы помните, на торжестве собора

Епископ московитский Изидоро

Пятнадцать лет назад приехал — так на нём

Такие ж вышивки, такие же узоры

Могли вы наблюдать...

Бессарио: Всевышний, сколько вздору!

Досуг мне вспоминать, какой костюм и вид
Пятнадцать лет назад имел твой московит.
Ты правда лишь прохвост, ты правда только...
Но тайны государства?

1-й менестрель: Ну, а зачем сюда пожаловал ты
снова?

Вольпе: За делом важным — то большой секрет.

1-й менестрель: Но нам его ты скажешь?

Вольпе: Нет, нет, нет!

То государственная тайна.

1-й менестрель: Что ж такого?

Ведь мы твои друзья, тебя все любим, чтим

Обрадованы так приездом мы твоим,

Что в просьбе нашей ты конечно, не откажешь

И государственную тайну нам расскажешь.

А мы ведь никому не скажем ничего.

Вольпе: Ну, так и быть, скажу:

Я лажу сватовство

1-й менестрель: Кого и с кем?

Свалился как с небес ты!

Не ищет ли твой московит невесты,

Иль ищет — долго ль до греха?

Москвичка, знатная старуха жениха?

Но ты тогда бы сам на ней женился

Ведь возрастом ее ведь ты б не затруднился

Вольпе: Довольно врать! Я в самом деле сват.

1-й менестрель: Что ж? В добрый час! Я только рад.

Вольпе: Мой герцог — московит недавно овдовел.

1-й менестрель: На ком его женить здесь ты в виду имел?

Вольпе: Хотя б на Зое.

1-й менестрель: Зря! Ты опоздал.

У ней уж есть жених, жених прекрасный

Не то что твой дикарь.

Вольпе: Она согласна?

1-й менестрель: Еще брыкается — Таков
обычай баб

И очень скоро усмирится, Как самка всякая
и скоро согласится

Но не забудь, что здесь ведь не Москва

Дешевле ценят здесь твои слова

Твое значение иною меркой меряют

И твоему посольству не поверят.

Бессарио: Но тайны государственной сосуд
Хоть правда утлый, тайны чрезвычайной

Носителем явился ты случайно

Ты это ясно сознаешь?

Вольпе: Ах, Эминенца, хоть я и танцую,

Хоть я и шут, как вы сказали, все ж

Я понимаю честь высокую такую.

Бессарио: Какие вести ты несешь?

Вольпе: О, вести важные!

Бонумбра: Милейший монсеньор!

Такая вежливость, быть может,

К вам церкви князь пожаловал, милее

Однако ...скажу вам не в укор...

Бессарио: Простите мне, но этот человек —
он из Московии.

Бонумбра: Страны вам одномоментной

И старое вскипело в вас наверно.

Чем в колыбели был, тем остается ввек,

В ком язва ереси гнездится чуть не сроду.

Могила лишь прямит горбатого урода.

Бонумбра: Он из Московии! Громадная страна!

Страна богатая! Но предрассудком злейшим

Восточной схизмою она заражена

И не склоняется перед отцом святейшим;

Но быть должна ему подчинена,

Подчинена во что бы то ни случилось.

(к *Вольпе*) :Тебе их герцога увидеть не случилось?

Вольпе: Имел верховнейшую честь

Беседу с ним неоднократно весть.

Бонумбра: И ты открыл ему их веры заблуждения?

Вольпе: Я церкви верный сын.

Бонумбра: Открыл ты или нет?

Вольпе: Открыл.

Бонумбра: И что же он?

Вольпе: Познал он правды свет

Святейшему отцу он жаждет подчиненья

Бессарио: Он жаждет? Вправду так?

Бонумбра: Ах, милый монсеньор!

Как силен в вас восточной схизмы вздор!

Как вы в служеньи церкви ненадежны!

Как вам легко сойти с испытанного правого пути
На заблуждения путь, губительный и ложный.

(к *Вольпе*) Скажи, твой герцог многоженец?

Вольпе: Он в благочестии воспитан с юных лет

Благочестивого семейства уроженец

Бонумбра: Он многоженец или нет?

Вольпе: Нет, боже сохрани! Недавно овдовел.

Бонумбра: Ага! Вот ключ великих дел!

Что если Зою за него посватать
 И этим с церковью связать и припечатать
Бессарио: Но слушайте...
Бонумбра: Ах, монсиньор! Для вас
 Без лести и без обходов вот мой сказ.
 Хоть вы мой друг, но принципессу Зою
 вам поручить нельзя; в вас старой схизмы яд
 Вас надо отстранить и я от вас не скрою,
 Что тоже повторяют, что тоже подтвердят
 Перед святым отцом уста мои: а с ним,
 Вот с этим гаером сейчас я еду в Рим
 Чтоб дело то отцу святейшему представить,
 Скорей к осуществлению направить.
 Ковать железо то куда горячо
 Необходимо нам, а то еще
 Попутного не быть нам может ветра,
 И руку Зою получить успеет Пьетро
Бессарио: Но что мой давний план
Бонумбра: Скажу вам еще раз,
 что это дело не для вас. Привет вам, монсиньор
 (*к Вольпе*) А ты — идем со мной
Бессарио: Направь вас вышний Бог на путь
 прямой.
 (*Бонумбра с Вольпе уходят. Бессарио садится
 в углу и задумывается.*)
Зоя и Пьетро
Пьетро: Я очень счастлив, принципесса Зоя
 Наедине все сердце вам открыть
 Понятно вам, намеренье какое
 Меня сюда побудило прибыть.
 Не надоем я вам своей любовью
 И с объяснениями не надоем в любви
 Но изложу я вкратце те условия
 Что к вам намеренья направили мои.
 Я благороден и своею кровью
 Я равен самым знатным королям
 Серьезен я и в строгости воспитан
 Я в битвах храбр, я в верности испытан
 Я сюзерену верен и друзьям
 Я церкви верный сын, ее люблю и чту
 Храню и почитаю красоту
 Как друг всех угнетаемых известен
 И как христианин я в браке буду честен.
 В том верьте мне и вы простите мне,
 Что девушке, какую избираю
 В подруги жизни я, как будущей жене
 Подробно это все я исчисляю.

Зоя: Вы правы — слишком много, может быть
 И добродетелей, и доблестей, и славы.
 Едва ли стою я — о да, вы слишком правы.
 И эти доблести меня собой гнетут
 Но мало слов — всему тому
 Я подтвержденья знать желала бы на деле
Пьетро: Я этот вызов ваш приму
 И подтвержденье дам. Как кстати! Нашей цели
 Служитель церкви здесь присутствием поможет.
 Я клятву дать хочу; ее принять он может
 На чем поклясться мне? Хоть шпагою своей
 (*музыка и литавры*)
 Но что это?
Зоя: Посольство турок, верно;
 Покупщики империи мое И прав моих.
 Ну, рыцарь мой примерный,
 Какое впечатление на вас приход их произвел?
посольство турок входит.
Пьетро: Позвольте,
 прежде чем вы к герцогу войдете
 Вас на мгновение одно остановить
 И выразить в словах, в каком почете
 Названье турок я привык хранить
 Властитель Кипра я и я благоговею
 Пред вами всей душой своею
 За храбрость вашу и свою
 Я королевскую вам руку подаю.
Глава посольства: Нам не в диковинку гяуров
 удивленье
 И нам восторги их не льстят ничуть
 Они презренны как рабы. Одно презренье
 В ответ на лесть их можем мы вернуть. (*уходит*)
Зоя: Что ж? Удостоились турецкого плевка?
 Упейтесь же им всласть! Как бездна глубока
 Презренья их к гяурам и рабам
 И к унижительным и рабским их словам!
 Какая пытка или битва вам грозила,
 Что пресмыкаться стали вы пред силой
 Без нужды, без угрозы, без борьбы,
 Лишь потому, что вы душой рабы,
 Лишь потому, что внутренне вы хилы
 Что внутренне ничтожны вы со всем
 Бахвальством вашим, кто поверит тем
 Словам, какими вы хвалились предо
 мною
 Когда так струсили вы...
Пьетро: Принципесса Зоя!

Зоя: Молчите! Слышала довольно я от вас
И оценила вас! Зачем вам было надо
Польстить перед врагом, унизиться пред ним,
Вы, внук людей, свершивших крузады!
По побуждениям каким?
По изменности духа? По боязни
Лишиться милостей? Вам не грозили казни
Никто и ничего лишить бы вас не мог
Зачем у вражьих расстилаться ног?
Ну, а не пожалей он милостыни слова
И не обдай ведром помойным вас
Не только ластиться собакой вы готовы,
А просто предали б без всяких денег нас.
А как высокомерно вы хвалились
Мы, высшие, пред вами преклонились
Обманутые вашей похвальбой.
О, как я вас пустые, ненавижу,
Как ясно вашу черствость вижу
Как презираю всей душой.

Пьетро: Молчите!

Зоя: Вы молчите! Вон из глаз
Сейчас же от меня! Я презираю вас.

(Пьетро уходит)

Бессарио: Плачь, девушка

Зоя: Ты разговор слыхал?

Бессарио: То, что слыхал, то я и раньше знал.
Из фактов мне то было очевидно.

(Пауза)

Священник я, свидетель частый слез
Которые пролить пред Господом не стыдно.

Зоя: Могу ли плакать? Вот вопрос.

Бессарио: А ты смоги. Иль скоро очерствеешь.

Зоя: Я и теперь достаточно черства

Но мной руководить ты права не имеешь.

Ты церкви изменил.

Бессарио: Как злы твои слова!

Тут только совокупность заблуждений.

Зоя: Весьма губительных и родственных измене.

Бессарио: И эти заблужденья искупить обязан я.

Зоя: Где ж искупленья средство?

Бессарио: В тебе.

Зоя: Во мне?

Бессарио: Тебя гнетет наследство

К земле оно тянет, всю душу прижало

И этот гнет ты не избудешь

Пока величье то возобновлять не будешь.

Империи погибшей ты раба.

И воскресить ее — твоя судьба.

Зоя: Что я могу? Сама я так ничтожна.

Бессарио: Нет! Многое еще тебе возможно

Дочь кесарей в былые времена

Язычнику Атилле отдалась

Зоя: К чему чужим умом я жить должна?

Сама я по себе, и подвиг мне по силе.

Бессарио: Но не Атилла, не язычник он.

Зоя: Кто «он»?

Бессарио: Тот, кто тебе сужден.

Зоя: Кто именно?

Бессарио: Могуч он, он богат, он государь страны

С которою считаться мы должны.

Но он дикарь. Он не король твой критский

Не рыцарь он.

Зоя: Но выгнала сейчас я рыцаря того. Его я презираю.

Он слаб душой и властью. Я желаю

Быть властною, немногого страшась.

Бессарио: Того немногого я в деле том не вижу.

Зоя: Мои желания стремятся на Восток.

Я западную слабость ненавижу.

Бессарио: Тогда б тебя благословить я мог

На подвиг тот. Он нам единоверен

Он силен, он богат, в успехе я уверен.

И ты там восстановишь Третий Рим.

Но эти роскоши, канцоны, серенады...

Зоя: Я презираю их, мне ничего не надо!

Хочу я московита; с ним

сольюсь всеми силами моими

Поговорим тогда о Третьем Риме.

II акт

Съезжая изба на Болвановке под Москвой.

Явление 1.

Кардинал Бонумбра и Зоя.

Бонумбра: Ну, завезли меня вы, принчипесса Зоя.

Зоя: Севаста.

Бонумбра: Ах, да это все равно.

Не поздравляю вас с доменою такою.

Брр.. Боже мой, как холодно! Давно

я так не зяб. Проклятый край! И скверный!

Костюм ! Насилу я его стащил.
 А эти валенки! Я выбился из сил
 Вы не поможете?
 Зоя: Никак.
 Бонумбра: Могли б, наверно,
 Вы поступиться гонором хоть раз
 Я как-никак князь церкви
 Зоя: Я Севаста!
 В ближайшем будущем — княгиня.
 Бонумбра: Ну уж вас-то
 Я не поздравлю с тем ни после, ни сейчас...
 (Зевает)
 Спать хочется. Здесь печка. Я сосну.
 Хотя б минуточку одну.
 (Влезает на печь)
 У нас в Италии теперь цветут цветы.
 Зоя: Ну, а зачем в Москву стремился ты?
 Пускай уснет. Так впечатлений много
 Так много дум, что жажду я итога
 Мне надобно итог всему подвести
 Все плюсы и все минусы подчесть
 Я как княжна Италии достойна
 Пристанище достойное я нашла
 Теперь мне надобно, чтобы я Рим
 Воздвигла, заветный, пресловутый Третий Рим.
 Мой «Новый Рим» был Римом, но вторым.
 Но Третий Рим не кодексом гражданским
 Не преимуществом — быть Римом христиан-
 ским.
 Над первыми взнесется — нет, иным!
 Иным, но он велик — духовным вижу глазом
 Духовно и пространственно велик
 Но чем — едва предчувствует мой разум
 И не находит слов язык.
 В величьи том — мой крест и он меня раздавит
 Не добровольная, но жертва я его.
 Что в том, что он меня в веках прославит?
 Но не вкушу я в жизни ничего,
 Чем люди счастливы — любви, семьи и счастья
 Я нахожусь под чьей-то чуждой властью,
 Которой тягочусь; ее ж мне все равно
 Низвергнуть от себя не суждено.
 Я не люблю тебя, страна моих отцов
 Но мне не дальше стала оттого ты
 Меня к тебе влечет несбытые детских снов
 И юности неконченные счета
 И счетам тем итог желаю я подвести:

Придется ль мне платить, придется ль приоб-
 рести.

Должна я, я должна быть человеком рока
 Иль низко пасть, иль взлететь высоко!

Явление 2.

Толпа молодежи. Бонумбра спит.
 — Андрейко! Здеся басурманы
 — А не кусаются? Возьми-ка батоги!
 — Пошарить их мошну?
 — Подумать не моги!
 — Старуха! В красном вся,
 — Старик...
 — Ни вы коем разе!
 — А где же борода?
 — Он бритый. Немцы, фрязи не носят бороды.
 — Гляди, какой башмак!
 Я утащу его.
 — Ой, не моги никак, обоим нам влетит.
 — Возьму. Пускай влетит
 — Гляди, проснулся он. Зевает.
 Бонумбра: Дай туфлю, говорю
 Вот если я святейшим папой стану,
 Ты эту туфлю будешь целовать
 — Гы! Целовать башмак!
 Бонумбра: Приличествует сану
 Святейшего отца.
 — Что значит? Не понять!
 Бонумбра: Дикарь! Отдай мне туфлю!
 — Дам по харе!
 — Не тронь! Моя!
 Бонумбра: Я словно как в кошмаре. Где принчи-
 песса?
 Зоя (входит) Я Севаста.
 Бонумбра: Все равно.
 Я не поздравлю вас с доменою такою
 Что ни скажите, принчипесса Зоя
 Все это я предсказывал давно.
 Отдай мне туфлю; говорю, отдай!
 — Возьми, вот! Подавься!
 Бонумбра: Проклятый край! Разбойники!
 Зоя: Нет, мирные повесы.
 Бонумбра: Нет, не того я ждал. Нет!
 Зоя: Знаю я чего. Вам чудились торжествен-
 ные мессы

И представительство, и роскошь. Ведь этого?
Бонумбра: А вместо них — в звериных шкурах
 люд
 Морозы, нищета — чего нет только тут!
 Зачем поехал я! Вот мне за то отплата!
 Так жертва вами ценится моя
Зоя: Чем жертвовали вы! При чем здесь я?
 Вы ж ехать вздумали, вы сами виноваты.
Те же и Максим Грек. Зоя прячется.
Максим: Где здесь новоприезжие?
Бонумбра: Кто там?
Максим: Ах, кардинал!
Бонумбра: Ага, ты верно знаешь
 Что значит кардинал, когда узнал ты сам.
 Что ж не по чину ты меня встречаешь?
 Вот перстень мой, целуй его скорей.
Бурно вваливается Иосиф Волоцкий с монахом
Максим: Черт Волочья со сволочью своей
Иосиф: Где басурмане здесь? Ага, здесь еретик!
Максим: Хоть при чужих попрдержи язык
 Не щеголай при иностранном муже
 Невежеством своим.
Иосиф: А почему же?
 Ни еллинских я борзостей не чел
 Ни риторских не тек я астрономий
 Ни с мудрыми, как ты, бесед не вел
 А не чета тебе, ревнив о Божьем доме.
(к Бонумбре)
 Ты, басурман, скажи: кто ты еси?
Бонумбра: Я церкви князь
Иосиф: Есть церкви князь единый
 Мы Божьего в нем чтить привыкли сына
 Но он сидит с отцом на небеси.
Бонумбра: Наместника он нам оставил в Риме
 Святейшего отца.
Иосиф: Латынский еретик!
 Бог вырвет грешный твой язык
 С кишками грешными, проклятыми твоими
 Латыняне, вы нечисть, падаль жрете
 Вы с бесными общение ведете,
 Гадаете на рафлях. На башмак
 У папы вашего животворящий знак
 Креста, кощунственные вышит.
Бонумбра: Постой, дай мне сказать
 Но он меня не слышит.
Иосиф: Постой, ты мне сперва ответь:
 Ты ниловец или иосифлянин?

Бонумбра: Но как тебя мне разуместь?
 Вопрос твой, милый брат, мне странен;
 В Египте не был я, при чем тут Нил?
Максим: Он не про то с тобою говорил.
Иосиф: Не пугайся в наш спор, проклятый супо-
 стат! Ты еретик.
Максим: Ты волк звероядивый,
 Не токмо мнихов — и мирян растливый,
 В сребростяжании не сытсый, аки ад.
(Бонумбре)
 Скажи мне, кардинал, прилично ли монахам
 Прельщаться брэнного стяжанья жалким
 прахом
 Монастырям именья собирать?
Бонумбра: Власть церкви есть владычество Хри-
 стово
 Для Господа ничем нельзя пренебрегать.
 Ниже именьями.
Иосиф: Как верно это слово!
 Что, взял ты, еретик! А он кричит всегда:
 «Монаси, мы должны быть независтны
 Христос отступится, коль будем мы корыстны»
 Ты умный басурман. Одна беда:
 Латыжник ты; так ты остерегайся
 И к православию скорей соединишься
 Иначе мы тебя сождем — сождем живьем!
 Один из монахов: Татары!
Другой: Шмыг домой!
Иосиф: Скорей идем!
(Максим и Иосиф с монахами уходят).
Бонумбра: Кто там еще? Здесь сумасшедший дом!

Явление 3.

*Толпа татар, между ними Девлет-Кильдей, мур-
 за и ханский брат.*
Татары: — Гайда!
 — Гайда!
 — Гайда! Старуха!
 — Какая красная!
Девлет: Мне чоботы стащи.
Бонумбра: Да ты с ума сошел!
Девлет: Ну, не кричи! А то себе получишь в ухо
 Скинь чоботы долой!
(Бонумбра медлит. Девлет его бьет)
Бонумбра: Ай-ай!

Девлет: И будешь бит еще, так ты и знай
Скорее чоботы снимай! (*Бонумбра снимает*).

Бонумбра: О, униженье!

Но надо слушаться — и вправду побьют
Уж лучше никому не говорить, что тут
Я в это испытал мгновенье.

Девлет: Ну, а теперь нам лопать подавай-ка
Да ты не медли, есть у нас нагайка.

Бонумбра: Что подавать мне?

Девлет: Кашу или щи, и что там есть.

Бонумбра: Я церкви князь!

Девлет: Молчи.

Бонумбра: Я церкви князь, чего-нибудь
да стою, —

И должен быть твоим слугою?

(*Девлет его бьет*)

Ай-ай! Где принчипесса! Что ж она

Скрывается, когда она нужна!

Мне больно. (*Хнычет. Татары смеются*)

Девлет: Ха, ха, ха! Не помни зла

А лучше проползи с порога до стола

Ну, ну, ползи. Постой. Болван поставим

И кланяться ему тебя заставим. (*ставят*)

Ну, кланяйся теперь.

Бонумбра: Чей идол здесь мне дан на покло-
ненье?

Девлет: То наш пресветлый хан.

Ползи к нему. Да подползай поближе

И кланяйся ему. Да ниже, ниже!

Бонумбра: Вот если б кто из итальянцев мог меня
увидеть здесь.

Девлет: Целуй его в сапог.

Бонумбра: Кого?

Девлет: Вот этого болвана.

Бонумбра: Болван! Прекрасный термин! Очень
верный.

Девлет: Не кочевряжься! Князь ваш сам

Есть хана раб и низкий, и усердный.

Бонумбра: Как! Герцог московитский! Кто
он вам?

Девлет: Холоп наш.

Бонумбра: Как холоп? Почти что император!

Те же и Зоя

Бонумбра (к Зое): Наговорили нам!

Не менее никак, чем византийский Автократор.

Татары: — Холоп!

— Холоп!

— Холоп!

Бонумбра: То подтвердит вам всяк

Зоя: Вы лжете, кардинал.

Бонумбра: А вот сейчас увидим

Простите, если вас немного мы обидим, —

Но это так! Но это так!

Пред этим идолом он распространяется

Зоя: Как вы сейчас.

Бонумбра: Хотя бы! Да хотя б!

Пусть унижение мое вам отольется,

Прострется он как раб, как самый жалкий раб.

Да, жалкий раб. Вы очень горды, Зоя.

Зоя: Да, я горда, я этого не скрою.

Бонумбра: И поделом вам! Поделом!

За все, что я страдал, за все мое терпенье

Вы изопьете, — да, клянусь я Богом в том,

Всю до краев сполна, всю чашу униженья.

Девлет: Великий князь!

Зоя: Вот роковой мой миг.

Идемте, кардинал, покажемся не сразу.

Бонумбра: Представимся сперва.

Зоя: Да не при них.

Бонумбра: А! Вашему севастинскому глазу

На унижения не хочется глядеть

(*Оба медлят уйти*)

Те же и Иоанн и Берсень.

Иоанн: Селям алекум вам!

Девлет: Князь-бачка и тебе алекум и селям.

Иоанн: Ага, мурза Девлет! В Москве ты снова!

Молоденьких бабенок хочешь, знать

Ну что ж? Полдюжины велю тебе набрать

Девлет: Ой, князинька! Твой держит сам гарем

Чай для тебя полсотенки готово.

Иоанн: Ну что ж? Илья-монах? Мущина я —
и вдовый.

Побаловаться чуть — в том нет греха совсем.

Бонумбра (Зое): Что, Зоя, скажете?

Не Пьетро Лузиньян, не рыцарь

этот ваш полутатарский Хан.

Зоя: Я говорю, молчите, кардинал.

Сейчас идите в клеть, идите одеваться

Представиться сейчас момент настал, —

Не в шубе ж герцогу вам надо представляться!

Бонумбра: Да, принчипесса Зоя, да.

Подумайте о вашем туалете

Ведь женщина о нем заботится всегда

Всех прежде — он для ней важней всего на свете.

(Уходят оба)

Иоанн, Девлет, татары.

Девлет: Князек! А князинька! Болвану поклонись!

Иоанн: Что ты еще задумал? Брысь!
И поезжай в Сарай обратно. Что за поклон еще?
Бери свою казну, Иль отпороть велю.

Девлет: Ну, ну! Не гневайся.

Меж нас посол есть знатный .Вот этот — ханский брат.

Из-за него болвану ты поклонись.

Иоанн: Я кланяться не стану.

Девлет: Ой, поклонись! В Орде он ябедничать будет.

Иоанн: И все же кланяться меня он не принудит.

Девлет: Ой, поклонись, я говорю.

Иоанн: Молчать.

Ханский брат: Какой еще холоп там смеет рассуждать?

Пусть кланяется он униженно болвану
Или мы Кремль его немедленно сожжем
И долго дожидаться я не стану.

Берсень: Великий государь, ты видел
Здесь кругом как много татарвы.

На этот раз дружину
Они с собой большую привели,
А наша стража вся вдали
Принудят нас. Сплошали мы. Личину
Покорности хотя б на этот день
Великий государь, хотя б на этот день
Смирненно ты надень
И поклонись.

Иоанн: Ну, так и быть.

Те же, Зоя и Бонумбра парадно одетые.

Зоя: Постой, Великий князь и царь всея Руси.

Не торопись гнуть царственную выю
Будь рыцарствен. Невеста пред тобой.

Иоанн: София ты?

Зоя: Я севаста Зоя, Наследница Царьграда.

Хочешь быть моим супругом?

Иоанн: Да.

Зоя: Свою судьбу вручить тебе решила я.

Знай, ты из многих мною

Избран — ту честь великую цени

И будь ее достоин

Иоанн: И буду.

Зоя: Будь. Теперь повремени.

(приносит подарки)

Прими, жених, подарок первый Зоин;
Он тяжек, пусть твоя не гнется голова.

(баярам)

Снимите шубу прочь. Прими теперь сперва
Далматик василевсов Византии
Впредь царственный твой стан да будет
Им покрыт!

На плечи бармы прими святыя
Сначала их целуй; здесь клад честной защит
Святыя мощи; пусть их сила
Тебя отныне облечат. На перси
Крест, — крест лабарума — как кесарь
Ты надень

Будь неразлучен он с тобой и ночь, и день
Как глаз его храни, его защите вверься,
И все житейские невзгоды презирай
И бегай унижения и страха

Вот наконец корона Мономаха
Ее наследнику *(кланяется Иоанну)*

Я кланяюсь тебе,
Прими мое покорное подданство
Свою судьбу вручу твоей судьбе
И с ней судьбу Руси и христианства
Защитник будь и мне ты, и ему
Прими защиту.

Иоанн: И приму.

Прекрасная царевна! В первый раз
Я слышу столь премудрую девицу
Скажи мне, где ты родилась
И как могла ты между нас явиться?
И ежели София вправду ты
И вправду мне несешь наследие Царьграда
Благодарить Всевышнего мне надо
Что мудрости такой стяжала ты плоды
Ты завтра же со мной венца честь разделишь
Ты язвы царства моего исцелишь.

И поучать меня ты будешь самого
Как стыдно мне, что я здесь кланялся болвану
Но кланяться теперь я впредь ему не стану!
И затопчу ногой его , *(Топчет. Татары галдят)*
Ханский брат: Холоп негодный! *(дружина князя входит)*

Иоанн: Взять их всех под стражу!

В нагайки бить и гнать кнутом.

Девлет: Ей, князь, не торопись, пожди.

Я все улажу.

Иоанн: Увести их — и довольно впред о том.
(*Татар с шумом и дракой уводят*)

Бонумбра: Когда ж я буду герцогу представлен?

Молчите, Зоя, вы; так я представляюсь сам.

Высочество! Легат Святейшего престола

Пред вами предстоит. Принять глаголы

Святейшего отца с почтеньем вы должны

Но я смущен коварною изменой,

Изменой, столь обычной у жены;

А выслушать меня должны вы непременно

Земная мудрость что? Святейшего отца

Я ж представитель здесь его лица —

Святейшего отца одно лишь только слово

Тяжеловеснее всего ума земного

То, что вам кажется премудростью такой

В речах невесты вашей — вздор пустой

Что вас в них ослепляет, — в самом деле

Лишь изложение идей Макиавелли.

Иоанн: София, объясни — ни слова не понять.

Зоя: Пустое, объяснять не стоит.

Бонумбра: Когда высочество послушать удостоит?

Иоанн: Довольно. Перестань.

Бонумбра: Но я легат.

Иоанн: Молчать! София, или ты латынка тож?

Зоя: Великий государь, достаточно проявлен

Мой к нашей вере жар. Коль ты меня берешь

Супругою, он может быть отправлен

Обратно в Рим.

Иоанн: И впрямь! Обратно поезжай

Скажи им там, что наш великий край

Под туфлю папскую склоняться не желает

Скажи еще: Рим первый сгнил

Второй Рим пал; а третий, полный сил

Теперь в Москве великой расцветает.

Занавес.

Максим Грек: Коли пред ханами вы ползали бесстыдно

Перед княгинею склониться вам нетрудно

Она по батюшке дочь кесарей; а мать

От дуксусов преславная Феррары

Берсень: Ты вечный ей приспешник

Восхвалять ее без грани ты готов. А чары

Отколь у ней, из Рима иль Царьграда

Максим: Боярин, усмирись. Не надо так, не надо!

Берсень: Ты прихвостень ее, ты пятки лижешь ей

Но будет и у нас в деревне нашей праздник.

Скажи, какой для нас нашелся ты указник

Что ж разве нет своей у русских головы?

Максим: Маслиной дикою донине были вы

Она вас привила, вы стали благоплодной.

Берсень: А с кем теперь из нас советается князь?

Из-за ее родства душой превозносьсь?

III акт

Явление I

Берсень отец (боярин) и сын (рында)

Отец: Ну что, сыночек, как дела? Тебя

Не извела еще заморская колдунья?

Сын: Родитель мой, прости... Что перед нею я?

Букашка малая, в земной пыли ползунья

А свет ее премудрости и мне

Сияет, в нем и я кой-что пойму и вижу

Подобного не знал я ни в одной жене.

Отец: Ни в матери твоей?

Сын: Пусть я не обижу

Родительницы, нет, я чту ее как сын

Но до подобных мудрости глубин

Далеко всем нам русским.

Отец: Значит, даже и твоему отцу?

Сын: Родитель! Не терзай меня упреками,

коль даже через край я чту...

Отец: Потворствовать твоей безумной блажи?

Зачем тебя сюда я отдавал?

Чтоб ты подсматривал за ней, передавал

Отцу, коль что она недолжное свершила

Сын: Прости, отец, мне это не под силу!

Отец: Едва ль она с тобою говорила;

Где ж ты ее премудрость так узнал?

Сын: Ты прав, родитель, да! Я бесконечно мал

Чтоб быть когда ее беседой удостоен

Но я при княжиче Василии устроен

Первый боярин: Как здравье княжича?

2-й боярин: Немчин Антон, заморский дохтур,

лечит.

Берсень: Немчин! Грекия! Всюду волшебство.

Он уморит его, иль искалечит.

А ты, князь, к нам в Москву за коим пожаловал?

Бельский: Желанье есть на службу к вам

и поклониться отческим уделам.

Берсень: Охота в петлю лезть, я говорю опять.
Бельский: Боярин! Недобро так князя порицать.
Берсень: Что ж, поклонись — не вотчиной одной
 А неразумной головой
 К ногам колдуньи греческой! Унизь
 Кровь красна-солнышка Владимира!
 Склонись
 Пред нею ниц, по рабыи, по-холопыи
 Да ниже кланяйся, до самого подбрюшья.
Бельский: Я вотчиною кланяюсь,
 просясь на службу,- не челом.
 Ведь я рожденный князь,
 мне непристойно бить челом.
Максим: А били пред татарами?
Бельский: Другие люди были.
 И часто я беседы их слышал.
 О, никогда со мною так не говорили
 И так как любит княжича она
 Ни мать, ни ты меня вы не любили.
 Как для одних бывает жизнь ясна
 А для других...
Отец: Молчи! Ты мне не сын
 Ты выродок несчастный! Этой ведьмой
 Ты опоен, ты куплен, ты не мой
 Ах, долго ли ее осуждены терпеть мы!
 Она нас изведет! Прочь от меня! Постой,
 Кто с ней дружит всех больше?
Сын: Грек Максим
 И день, и ночь она в беседах с ним
Отец: Того же поля ягода! Повсюду
 Она и он... Ступай
Сын: Благодарю за честь,
 Что ты послал меня общенье с ними весть
 Хотя бы как слуга — но верен им я буду.
1-й боярин: Тсс, вот Иоанн!
Иоанн: Бояре! Посетил
 Господь нас горестью: наш княжич опочил
 Молитесь за него.
1-й боярин: Господь его помилуй.
Иоанн: Цветущий юностью, и бодростью
 и силой.
 Он опочил.
Берсень: Он ядом изведен.
Максим: Нет, изведен болезнью, не от яда.
1-й боярин: Пытать бы дохтура Антона крепче
 надо
 Быть может, скажет правду-матку он.

Максим: Великий государь, почил наслед-
 ник твой
 Кому же по тебе оставишь ты наследать?
 Благоволи твоим холопьям — нам поведать
 Тобой указано и церковью святой
 Благословение дано, чтобы отныне
 Преставившемуся державному же брат
 Наследовал преемника же в сыне
 Державный народил.
Иоанн: Разумнее сто крат!
Берсень: Не ошибись отец
Патриарх: Княжич твой оставил нам сына.
 В исполненье этих правил
 на царство Дмитрия благоволи венчать.
Берсень: Не выродка колдуньего.
Иоанн: От Бога мы власть прияли, а не от людей
 Его помазанье укажет нам ясней
 Кому отдать венца и скиптра бремя
 Чрез малое о том я укажу вам время.
Берсень: Но князь, боярство тож
 Желает знать, кого ты избереши
 Оно властителя иметь по праву властно
 Пусть дело малое вершишь ты самовластно
 Но о наследнике с боярами совет
 Держать тебе указано и след.
 Бояре мы — не скот мы подъяремный
 Мы не потерпим власти иноземной
 Единокровен нам над нами будет князь
 И нам колдуньиного выродка не надо.
Берсень: Великий государь! Прости, под власти ада
 Подпал ты, злой колдунье подчинясь
 Великий государь! Не видим разве мы
 Что сам ты этой властью тяготишься
 Ведь еллинский дурман нам не замстил умы
 Зачем чужою мудростью кичиться?
 Зачем быть кесарским наследником ты льстишься
 Прости прямой язык, коль хочешь, накажи,
 Но все ж послушай нас и правду нам скажи:
 Ведь все мы любим Русь, а греки лживы издавна
 Подумай, государь, реши самодержавно.
Иоанн: Ты резко говорил, Берсень, но все ж
 ты прав.
 В раю прельстил умом Адама искуситель
 И к лживой мудрости заморской в сеть попав
 Едва не стал я закона нарушитель.
 Но заблуждение свое сознав, опять
 Я сам собою быть хочу.

Явление 2.*Шествие*

Княжич Василий, в далматике, в бармах и в византийской короне с подвесками, под руку ведомый Софией и митрополитом введен. Посажен на незанятый трон Иоанна III; сама София стоит рядом с ним, охватив его рукою. Лабарум держит в руках рында Берсень сзади Василия. Прочие все располагаются по обе стороны трона в виде иконостасного чина. Их пение начинается за сценою. Присловах «кесарь» и «август» все кроме Софии делают салютацию (поясной поклон), а по окончании пения адорацию (земной поклон). Слова Максима и Берсеня произносятся во время пения. Свита многочисленна и одета очень богато.

*Максим Грек: Лабарум се! Креста Господня знак
Что в небеси являлся Константину
От василевса неотступен ни на шаг
Во сне и в бодрствованьи преподнося.
(присоединяется к процессии и продельвает салютацию и адорацию).*

Берсень: Ишь, сколько золота! Мы низкие пред ней!

*И как торжественно — что божья литургия
Глаза слепит торжественностью сей
Да будет зрячая она, а мы слепые.
Все шествие (кроме Софии) хором поет:*

*В славе и силе
Правь многогодно,
Кесарь Василий
Порфирородный
Владык ромейских
Отпрыск желанный
Август Василий
Боговенчаный!*

После адорации

*Софья: Мой сын, сегодня день великий для тебя!
Сегодня клокотать должна вся кровь твоя.
Кровь кесарей, кровь августов вселенной
Властителей, владык земли, зане
Во славе и в венце — всех больше
Словно Зевс средь олимпийских всех Богов...
Берсень: Властитель, не потерпи хулы!*

София: Будь славен, будь велик ромейский василевс!

Мой государь-супруг, сын-наследник твой.

Вели ему с собой поставить сопрестолье

Иоанн: София, что за своеволие

Наследник мой назначен будет мной!

...Я властен в том

Ни в чем бы не был властен

Когда бы не был так к помазанью причастен

Которое дает своим избранным Бог

Печать того избранья и залог.

Наследье кесарей, их дщерь и их потомок

Чей славы отзвук столь торжественен и громок

Что крови капля их важнее и славней

В сравненьи с кровью ваших всех князей

Державцев варварских и ханов

Что стоит крови той морей и океанов.

Бельский: Уж будто наша кровь так жалка и гнила.

Господь прогневался на гордость вашу

За лицемерия дела

И вам испить послал всю униженья чашу.

София: Вы хвалитесь? Вы? Жалкие рабы!

Вы кланялись бы по сей миг болванам

Вы били бы челом пред вашим богом-Ханом

Вы жрали нечисть бы, вы пили бы кумыс.

Ведь если вы из грязи поднялись

Ведь если Новгород воздвигнуть одолели

Ведь если собрали могущество Москвы, —

То мне обязаны всецело этим вы

Я указала вам все эти цели

Вы лишь исполнили — не вашей голове

Честь надо приписать; рукой или ногою

Вам только в силу быть отнюдь не головою

Равняться пыжитесь со мною — кто же вам

Поверить может в том — холопам и рабам!

Бояре: София, сына мы лишились, мы в слезах

Ты не горюешь о постигшем нас ударе

Нам все сочувствуют князья или бояре

Одна ты не скорбишь, а мы в твоих словах

Обиду зрим себе.

София: Мой государь, напрасно!

Что сына потерять плачевно — я согласна

Но ты не только ведь отец, ты князь еще

И если сына ты любил так горячо

То горячей люби свою державу

В наследнике люби отчизны славу

Предвидь величье будущее в нем
 Несчетность в ней побед неисчислимость
 Законов мудрость, всей державы некрушимость
 И, наконец мое наследие Царьград
 Не по плечу он был бы твоему Ивану.

Иоанн: С тобою спорить я не стану
 Твои слова обидны для меня
 Еще обидней речь твоя моим боярам.

Берсень: Теперь твоим он не покорен чарам
 Он князем Дмитрия сейчас велел венчать
София: Велел венчать! Как это необычно
 Что ты, великий князь, а говоришь двулично
 Здесь что-нибудь не так.

Иоанн: Мои друзья и светлое боярство
 Благодарю за то, что горесть разделить
 Со мною вы пришли; а как мне поступить
 Кого благословить на царство
 Обдумаю наедине.

Чтобы помазанника превыше всех прославить
 Сейчас же я прошу вас всех меня оставить
 Идите же. И будьте верны мне.

Иоанн: София, для чего дразнить мое боярство?
 Ты знаешь, что твоих в нем много есть врагов.
 Василья твоего я без тебя готов
 Наследником признать, благословить на царство
 Должны не раздражать их злобы мы
 Но успокоить возбужденные умы
 И чтоб их в самом деле успокоить
 Велел я Дмитрия венчание устроить.

Софья: Венчанье Дмитрия устроить, Ты сказал?
 Наследником признав Василья — где ж ты лгал
 Мне или боярам? Как двуличью верить?
 Как недостойно самодержца лицемерить!

Иоанн: София, успокойся. Знаешь ты,
 Как я ценю тебя. Но все боярство злобно
 На то, что я тебя ценю и извести способно
 Тебя, Василия, всех дел твоих плоды.
 А потерять тебя ужасна мне возможность
 Блюди, прошу тебя, блюди же осторожность
 Ты много мне дала.

София: Да, я дала тебе
 Столь много, что приять всего ты неспособен.
 Ты самодержец? Нет! Заискивать в рабе
 Заботиться о том, что раб на что-то злобен
 Не дело самодержца. Хочешь власть
 Действительно любить, упиться ею всласть?
 Так презирай людей, учись парить над ними

Душою высоко, как дерзостный орел
 Склоняй насильем их пред целями твоими,
 Не их же выгодам твой подчинять престол!
 Ты помни, что ты Господом помазан —
 Не праздные слова. Власть есть тяжелый крест
 Своим величием ты словно цепью связан
 Ты сделать то, что должен ты, обязан
 А долг тебе твоим венцом указан
 Преград или друзей не знай себе окрест.
 Твои желания, капризы все, вся воля
 Пред долгом сгинуть всё, распасться в прах
 должно

Все в жертву долгу, все пусть будет отдано
 А этот долг — величие и слава
 Тебе от Господа врученная держава
 Не честолюбие ничтожных, не корысть
 Холопов алчущих. Благословенье Божье
 Так ясно на тебе: у твоего подножья
 И хан, и Новгород — ты рёк: пади — и бысть!
 Ты на Земле как Бог: друзьями или врагами
 Не будут для тебя, кто родились рабами.
 Дух царственности для тебя один
 Распорядитель твой, и друг, и властелин
 Понятно ли тебе, что говорю?

Иоанн: Понятно.

София: На путь величия тебя я повела
 Раз ты вступил — путь позабудь обратно
 Не бойся, что великие дела
 Бывают в пятнах — да, бывают и кровавы
 Ценнее многого цени сиянье славы.
 Вот мой завет, пойми! Сказала, что могла.

Иоанн: Не все понять могу.

София: Я не могу яснее
 О том, что я должна сказать тебе, жалею,
 Но я должна — и исполняю долг

Иоанн: Последние слова твои не взял я в толк.
 Что значит — для чего мне не бояться пятен
 И даже крови?

София: Я — я рада, что понятен
 Явился смысл тебе, но я теперь боюсь
 Что испугался ты. Прошу тебя, не трусь

Иоанн: Загадка новая! Чего мне испугаться?

София: Событья крупные в дне завтраш-
 нем таятся

Достойно встретить их ты, достойно их прими.

Иоанн: Не понимаю, поясни

София: А ты пойми!

* * *

Иоанн: Что там за шум такой?

Берсень: Великий государь...

Иоанн: Что приключилось там такое
Что вы врываетесь безумною толпою
И прерываете совет? Ведь я ваш царь
И повелитель.

Берсень: О, прости, случилось бедство
И даже и злодейство. Твой княжич внук
Которому хотел ты царство дать в наследство

Иоанн: Ну, что ж, мой внук...

Берсень: Сегодня умер вдруг. Отравлен
Изведен злой мачехой. Уйми сперва
Свою колдунью ты. Она нас изведет.

София: И изведу! Увидишь.

Иоанн: Берсень, коль ты мою княгиню ненави-
дишь

То все ж грубить нельзя.

София: С престольной высоты
Мне это все — укус ничтожный комариный.

Берсень: А присягни сейчас, что в этом ты
невинна!

Великий государь, пусть присягнет она.

Бояре: Пусть присягнет! Да, присягнуть должна.

Патриарх: Великий государь, ты Господом
помазан

Ты самодержцем нам, властителем указан
Но на тебе есть долг: пресветлый твой престол
Быть должен чист от грязи и корысти
От преступления особенно! Очисти
Присягою ее. Ведь власть — не произвол
Власть тяжкий крест и власти высота.

Иоанн: Боюсь я Господа, стыжусь людей.

София: Не надо.

Иоанн: Не надо? Что же надо?

София: Ликовать. Упитья властью. Греть!
Торжествовать!

Эй, слушайте, покорные народы

Эй, слушайте, смиренные рабы!

Я властвую — в моих руках судьба!

Иоанн: София, ты с ума сошла.

София: Пускай! Не каждый день я достигаю цели
Но так хотел Господь и так судьбы велели:
Власть у меня теперь. И если через край
Ликую я, так это же ничтожно.

Так это же пустяк; теперь великий миг
Я победила, все в руках моих

Патриарх: Ты можешь нас казнить,
Но по суду, но явно Ты государством правь
и правь самодержавно.

Но чистота — вот власти той залог.

София: Убить властителя хоть может раб раз-
бойно,

Судить же никогда. Судья ему лишь Бог.

Патриарх: Ты значит признаешь, что
Ты суда достойна и лишь не властны мы тебя
судить?

Бояре: Что же нам осталось говорить?

Нам делать надобно.

Берсень: Мы, князь, тебя покинем. Мы все
уедем — все, коль мы ярмо не скинем.

София: Что ж, уезжайте! Нам Вы не нужны.
К Литве иль к Речи Посполитой Иль в Русь Чер-
вонную.

По нраву ли вам там придется — неизвестно
иль сокрыто.

Патриарх: Немедля, князь, без всяких издева-
тельств

Потребуй от княгини доказательств

Ее невинности. Ведь дело не пустяк

Плохой в ее повадке здешней знак.

Не можем мы злодейству подчиниться
Мы в чистоте лишь можем примириться

Иоанн: Бояре, в этот день я сына потерял

Поймите сердца отчего страданье

Молю, отсрочьте это испытанье

Я духом неспокоен, я устал.

Бояре: Устали мы теперь, ее все злодеянье.

София: Мой князь супруг! Что дело отлагать?

Суди меня, суди, чтобы могла я знать

Чего я стою здесь, как меня князь мой ценит.

Но мненья моего суд этот не изменит.

И я напоминаю: ты мне князь

А те — мои рабы. Не должно господина

Рабам давать на суд. Ты мой судья единый.

Иоанн: Княгиня, ты права. Я ей судья — не вы

И не бояться ж мне от вас худой молвы

Я государь вам, да. И мне — не вам — отмщенья

И я воздам. Теперь идите прочь.

С доверьем ждите моего решенья

И знайте: в этом Бог захочет мне помочь.

Иоанн и София.

Иоанн: София, я смущен. Ведь это ж тяж-
кий грех,

Ведь это ж преступленье.

София: Не для всех и не всегда

Иоанн: Как не всегда?

София: Избранным гораздо более дозволено, чем
всем, —

Тем более царям боговенчанным.

Иоанн: Дозволено? Что мне сказать — я нем.

Не всем, коль этак, грех убийства заповеден?

София: Не всем.

Иоанн: Не вам?

София: Не всем. Не страшен власти меч,

Им ты обязан зло узренное пресечь

Иоанн: Знать мною не вполне мой

Тяжкий крест изведен .

София: Да, не вполне. Он тяжек — да, ты прав
Холопа доля легче. Но величье Ой-ой как тяжко!

Иоанн: Да, но злоязычье...

София: Презри его.

Иоанн: Ах, не у всех твой нрав. Боюсь я Господа,
стыжусь людей.

София: Не надо.

Иоанн: Не надо? Что же надо?

София: Ликовать. Упиться властью. Греть!
Торжествовать!

Эй, слушайте, покорные народы!

Эй, слушайте, смиренные рабы!

Я властвую — в моих руках судьба

Иоанн: София, ты с ума сошла...

София: Пускай!

Не каждый день я достигаю цели.

Но так хотел Господь и так судьбы велели:

Власть у меня теперь. И если через край

Ликую я, так это же ничтожно

Так это же пустяк; теперь великий миг

Я победила — все в руках моих

Теперь я властвую, теперь мне все возможно

Иоанн: София! Ты в безумьи, ты пьяна

София: Да, я пьяна! Я выпила до дна

Всю чашу подвига, всю чашу отреченья

Теперь награду всю я получить должна,

И получила, да! Вот утро воскресенья!

Где твое жало, смерть, твоя победа, ад?

Настал день торжества, и счастья, и наград.

Иоанн: София, — Я покуда властвую, Я князь.

Мне оскорбительны слова твои и дело.

Ты властью моей пренебрегаешь смело

Своею радостью безумной раскалясь.

Я злодеяню твоему должен все же кару дать

Я дать хочу возмездье испытанью

Не зря на лица! Я помазан суд давать

София: Что ж, ты меня казнишь?

Иоанн: Казню.

София: Рука не дрогнет?

Иоанн: Не дрогнет.

София: Не удастся, брось.

Иоанн: Не брошу, нет. Готовься. Да авось

Помазанье твое все чары превозмогнет.

София: Прощай.

Иоанн: Прощай.

София: Не навсегда.

Иоанн: Не навсегда.

София: И помни.

Иоанн: Не позабуду, помню, да.

София: И добром попомни.

Иоанн: Добром, добром. Ты думаешь, легко мне
Исполнить это?

София: Знаю.

Иоанн: Как не знать.

Ведь ты премудрая, но должен я карать

София: Карай, коль должен.

Иоанн: Не судьей всегдашним

И верным другом был, я емь поверь

И ныне... Но теперь, теперь

Весь возмущен я злодеяньем страшным

София: Зови бояр и слух их улади

Своим судом. Бояре!

Иоанн: Погоди. Еще я неспокоен

София: Неспкоен?

Спокойся и вещай судьбу мою.

Ведь я вполне спокойна

Иоанн: Сознаю, сейчас как мало власти я достоин.

София: Бояре, вас зовет великий князь

Иоанн: Бояре, вот мой суд. Душевно убедясь

В невинности княгини

И приписать ей клеветы не мог.

Я на нее кладу опалу все ж

За то, что сыну царское венчанье

Она устроила помимо нас и чем

Обиду нанесла и мне, и вам — нам всем.

Руководясь лишь правдой неуместной

В темницу ей судил — пусть отведут

Ее под стражею сегодня же на Житный.

София: Благодарю за милостивый суд

О, мой супруг и князь! Мои враги, прощайте

Ликуйте, торжествуйте! Запирайте
 Меня в тюрьму. Запрете вы со мной
 Всю славу, доблесть всю, своей страны Родной
 Всю будущность, весь блеск — до стен Царьграда!
 Прощай, мой князь! В тюрьме я Отдохну —
 я рада!

IV акт

Тюрьма на Житном дворе.

Явление 1.

Берсень и Максим Грек
Максим Грек: Брр! Что за холод!
 Прикажи топить
 Нельзя же оставаться в этой стыни,
 Тем боле государыне-княгине.
Берсень: Топить! Она нас всех топила.
 Так и быть. Велю побаловать
 Ее хоть напоследок.
Максим Грек: Но только не дыми.
 Для глаз дым очень едок.
 Меня душили им.
 Держали в тьме всегда
 Чернил, бумаги не давали, свечи...
 А параклету я тогда
 Канон творил, писал углем на печке...
 Но то был я! Мне что! Ее же пожалеть
 Душою надобно. Она княгиня ведь
 С той и другой сторон она высока родом
 Ее родителя брат — цареградский царь
 А матери отец был дуксус феррарийский
 Земли преславной Итальянской.
Берсень: Довольно, брат, тебе землячку прославлять.
 Была да и сплыла. Ее не будет боле
 Не будет! Государя воля —
 Здесь запереть ее и впредь не выпускать.
 Вот привела куда премудрости дорога!
 Ну, я пойду, а то забот мне много

Явление 2.

Те же и Софья.
Софья (Берсеню): Поклон земной!

Берсень: В опале ты.
Софья: Поклон! Поклон, я говорю! Я требую
 поклона!
 Твоя княгиня я.
Берсень: Ну, ладно! На! (указывает на Максима)
 А он?
Софья: Иди! Не рассуждай! Холоп!
Берсень: (уходит) Ну, жены!
Максим (Софье): Вот, государыня, я долго
 обсуждал:
 Какую книгу дать тебе в темницу
 Григорья Богослова было взял;
 Потом подумал: не годится!
 И взял «Комедию Божественную» я,
 Творенье Данта Алигьери.
 На красоте сих вирш душа твоя
 Немного отдохнет по крайней мере.
 Ты исстрадалася.
Софья: Спасибо, брат Максим
Максим: Пребудь в общении, княгиня с Дантом
 сим —
 То бездна красоты вельми глубока (*уходит*).

Явление 3

София (одна)
 Так вот куда меня сегодня привела
 Величия тяжелая дорога!
 Я шла по ней, стремясь к цели строго,
 Не изменяя ей — и наконец пришла.
 Мой добрый, старый Рим! Франческа, ФаРината
 И Пьетро Винса! Севаста Зоя вас
 Любила, бредила когда-то...
 Теперь к вам интерес в Софии уж погас
 О, молодость моя! Цветы моей весны!
 Вас задавил колосс погибшей Византии
 Ее гремющий зов рассеял жизни сны
 Развевал грезы золотые
 А были ведь они и у меня...
 Где Пьетро, рыцарь мой? Все также ль
 Мне он верен
 Иль изменил мне с этого же дня,
 Как интерес к женитьбе был потерян?
 Конечно, изменил! Как странно, здесь, в снегах
 Воспоминать Италии виденья.
 Франческа Римини! «Нет большего мученья,

Как вспоминать о счастья в слезах!»

Песня за сценой:

«В милой Италии

Радость сияет;

Тусклой печали

В ней не бывает.

Все в ней смеется.

Светло ликуя

Вот потому-то

Ее люблю я!».

София: Как это странно — это романсеро

Сейчас, в тюрьме! Кто пел его? Кто он,

Собрат мой по несчастью? Свыше меры

Утешил ты меня, навеяв счастья сон!

Тюремщик, кто там? Кто это поет?

(Тюремщик входит).

Тюремщик: Иван Фрязин поет, он голосистый!

София: (про себя) Ах, Боже! Милый Джьян

Баттиста!

А я его забыла средь невзгод

В забывчивости он винит меня, конечно,

В неблагодарности и черствости сердечной

(к тюремщику): Позвать его сюда

Тюремщик: Княгинюшка, нельзя.

Не велено пускать.

София: Приказываю я.

Не забывай, что я твоя княгиня

И госпожа.

Тюремщик: Я повинуюсь; но

Коль царство будет вновь тебе возвращено,

То помяни мои заслуги ныне.

София: Иди!

Тюремщик: *(вводит Вольпе)* Вот он! *(сам уходит)*

Явление.

София и Вольпе.

Вольпе: Ах, принчипесса Зоя!

В тюрьме, как я! Где рок нас съединил!

Как счастлив я теперь, где вправе я весь пыл

Души моей излить! О, я теперь не скрою,

Что годы целые хранил в душе как клад,

Боясь и самому себе сознаться!

Не герцогиня вы, мне нечего стесняться;

Да впрочем, казнь и смерть меня не устрашат.

Дозвольте лишь! Скажите: «Джиованни!»

Не испугаюсь я сердечных излияний,

Свободно говори! Скажите ж!

София: Говори.

Вольпе: Скажу, скажу, скажу! О я, червяк

ничтожный

Влюбившийся в звезду! Я знал, что невозможно

Мне счастье на земле, но веря в лучший мир,

Ждал воздаяния за звездами. Культ

В душе я сотворил и в жертву принес

Ему всю жизнь, все счастье, все усилие

О, безнадежно я любил, безумно, жарко

Как Абеляр, как Данте, как Петрарка.

И божество мое не знало страсть мою

Не видело оно, не догадалось...

Ни разу счастья мне в те годы не досталось

Хотя б намек ей дать, что я ее люблю,

София: Любили вы? Кого ж?

Вольпе: Увы! В короне звездной

Мадонной чистою она сияла мне

Открыться перед ней бесцельно, бесполезно

И я страдал, страдал наедине.

София: Она в Московии?

Вольпе: О да, в стране из льда

Где голос нежной страсти никогда

В душе не говорит...

София: Мой бедный друг несчастный

Московских женщин столь душа бесстрашна

Не так, как лед, а как душа скота.

Они не люди, нет! Лишь в итальянском крае

Цветет любовь, прекрасная, живая

И изливается в поэзии, в стихах,

На струнах мандолин, теорб и лютен

Вольпе: Да! Она родилась тож под солнцем юга

Святой поэзией взлелеяна она

Но незнакома ей любовной страсти вьюга,

Любовь неведома. Она так холодна

Она чиста, святее чем Мадонна

И высока — почти Мадонна тож

Превыше всех людей превознесена.

София: Быть может, ты ее мне назовешь?

Вольпе: Назвать при вас? О, я преступник буду

Но если надобно сейчас случиться чуду

И если надо мне в тюрьме увидеть вас

И близко стало все, что было недоступно,

Тогда не знаю я, тогда молчать преступно

Молчать я не могу, молчать уже нет силы

О, принчипесса! Здесь! Здесь, на краю могилы

Позвольте мне сказать...

София: Да говори ж.

Вольпе: Увы!

Ведь это были вы.

София: Я?

Вольпе: Да, то были вы.

Как счастлив я теперь, что вы тогда, в начале
Мою любовь и страсть совсем не замечали!

Вы были в счастье, а я, я был червяк.

Теперь пути судьбы несчастьем нас сравняли
И я могу сказать: да, это было так!

О, Мелизанда! Я, как Жофруа Рудель,

Умру у ваших ног! И вы теперь ужель

Одно презрение в своей груди найдете

И холодно меня навеки оттолкнете?

Надежд я не питаю — и молчу

Я знаю, для меня презренья неизбежно

Но все ж, презренья я боюсь и не хочу.

(Пауза)

София: Джьян де ля Вольпе! Ты мне

Оказал услугу

Отправивши в Московию меня

С того же памятного дня

Тебе я верить начала, как другу

И верю и теперь. Но ведь ты знаешь сам:

Дороги наши чересчур различны

Твои ж признанья так, скажу я, необычны

Что разговор прервать скорее нужно нам.

Иди в свою тюрьму и верь в мою приязнь.

Вольпе: О, радостно, и не в тюрьму — на казнь!

София: Иди, иди!

Вольпе: Иду! (уходит).

София: (одна) Насилу он ушел

Насилу я сдержать себя сумела!

Как вся моя душа дрожала и кипела,

Как наш бессилён слабый пол!

Но как любовь сладка! Прекрасна безнадеж-
ность

Еще прекрасней твердой воли власть;

Молчать — и столько лет! Вот истинная страсть

Вот мощь любви, вот дружбы нежность!

Не Пьетро Лузиньян, поддельный рыцарь мой!

Здесь рыцарь истинный, принесший в жертву

Даме

Всего себя, всю жизнь, весь жребий свой

Назло невгодам всем молчавший, тем упрямей

София, воздержись! Пребудь мудрее змей;

Почти старуха ты. Пора любви твоей

Прошла — и безвозвратно! Безвозвратно!

Былое не вернется вновь обратно.

Сдержи себя! Замри! Умри и не живи!

Но если не София я, а Зоя?

А Зоя значит жизнь, и все живое

Еще не умерло для жизни и любви.

Явление.4.

София и тюремщик.

Тюремщик: Еще один здесь просит заключенный
увидеться с тобою.

София: Кто такой?

Тюремщик: Жид Схария, сгореть живьем при-
говоренный.

София: Жид! Много чести для жида — побыть
со мной.

Я всех жидов давно привыкла ненавидеть.

А впрочем, пусть войдет.

Тюремщик (вводит Схарию и сам уходит)

Явление 5.

София и Схария.

София: Конечно, ты пощады просишь, жид?

По справедливости закон тебя казнит!

Схария: Не государыню в тебе хотел я видеть;

Сестре страдающей нес слово утешенья,

Скользящей нес поддержку от паденья.

София: Презренный жид, что это за язык?

Не христианин ты и мне не духовник

Схария: Я человек.

София: Немного.

Схария: Очень много.

София: И жид еще.

Схария: И это много тож.

София: Ты к смерти присужден.

Схария: И слава Богу!

София: Стремись к смерти ты?

Схария: Да. Жизнь есть ложь,

а смерть освобожденье.

София: Это ново!

Схария: Не ново! Вечно.

Эклезиаст по-вашему .

София: Едва ль.
Схария: Поверь. Жизнь — преступленье
 и печаль
 Жизнь — заблужденье.
София: Вешаться мне надо?
Схария: Не надо. Воздержаться надо. Да.
София: Кому?
Схария: Тебе. Тебе — от искушенья
 Великая тебе сияла цель
 Теперь ты хочешь пасть.
София: Да ты в уме ль,
 Безумный жид?
Схария: И от паденья
 Тебя предостеречь я должен.
София: Ты живьем
 Сгореть приговорен.
Схария: Мне это право
 Дает сказать все то, что я сказал.
София: Чтоб истину сказать, чтоб мыслить
 здраво
 Нам право надобно?
Схария: То право я стяжал.
София: Стяжал ты? Чем?
Схария: Странаньем
София: Как, странаньем?
Схария: Странанье очищает.
 Пред сознанием
 Завесы открывает.
София: Что ж? И я
 В тюрьме очищусь?
Схария: Да.
София: И просветлюсь?
Схария: Конечно;
 И человечней станет мысль твоя.
София: Что ж, стану я умней?
 Притом добрей сердечно?
 И от сожженья я тебя спасу?
Схария: Захочешь, но не сможешь. Я несу
 Покорно жребий мой.
София: Смогу, но не желаю.
 Врагов Христа я бью и презираю
Схария: Нас презирают все и ты не выше всех.
София: Я на себя беру подобной казни грех.
Схария: Не ты меня казнишь. Но я сказал
 Что надо и ужоу.
София: Постой. Ты не умрешь.
 У князя испрошу я для тебя пощаду.

* * *

Толбузин: Ай, что за Кремль! Вельми, вельми
 искусен
Берсень: Отведай, он столь же красив, как вку-
 сен.
Толбузин (тихо): Отведать воздержись.
София: Я знаю.
Берсень: Я приказ
 Великокняжеский привык буквально слушать.
 Благоволи Кремля, Кремля откусать;
 Чтоб мог я доложить сейчас
 Что все исполнено.
Толбузин (тихо): Опасно.
София (тихо): Я понимаю все прекрасно.
 (*Берсеню*)
 Ты надоел. Твори земной поклон.
 И убирайся вон!
София: Скажи мне: жив, во славе ли, ва почете
 ль
 Фиораванти по прозванью Аристотель?
Толбузин: За мною едет он в Москву
София: Что ты сказал!
 Мой милый Аристотель! Бог послал
 Мне этим радость, коей нет сравненья.
Толбузин: Он строить будет нам собор Успенья,
 И ты Сан Марко воспроизведешь.
 Марк Руф и Петр Антоньо едут тож.
София: О, мы Акрополь здесь соорудим
 И будет, как невеста он украшен,
 Настроим мы палат, церквей, дворцов и башен
 И будет не Москва, а вправду Третий Рим.
Толбузин: Княгиня, этот Рим ты
 Принесла с собою
 Не Аристотели, не Руфы привезли
 София ты, премудрость ты, с тобою
 Придет сюда все красное земли.
София: Спасибо, дяк Семен! В моей
 Темнице здешней
 В отчаяньи, в опале, в тьме кромешной
 Ты солнце яркое, ты мне весну явил.
 Беги скорее к князю, чтоб свиданье
 Он с Аристотелем скорее разрешил.
Толбузин: Сам князь сейчас к тебе пожалует.
София: Мне ли благодарить тебя
Толбузин: Награда за страданье. (*Уходит*)
София (кричит): Эй, Джьян Баттиста!
 (*Вольпе входит*)

Явление 6.

Вольпе. София.

София: Хочешь ты бежать, в прекрасную Италию?

Вольпе: Конечно.

София: Тебе помочь желаю я сердечно

И, кажется, могу возможность дать.

Вольпе: О, принципесса! Как вы милосердны!

О вас весь век я буду вспоминать

Детей своих я научу усердно

В молитвах вас мадонна поминает.

София: Благочестивая старушка ты, Трувёр.

Вольпе: Благочестив я был с давнишних пор.

София: А рыцарь лишь недавно?

Вольпе: Никогда я не был рыцарем,

не смейтесь, принципесса

Вот если бы — напрасная мечта! —

Боярский сан мне дали вы.

София: Повеса,

Зачем боярский сан тебе?

Вольпе: Тогда

На знатной мог жениться я синьоре

София: Жениться?

Вольпе: Почему же нет?

И неужель сойдется клином свет?

О, я в Италии жениться мог бы вскоре.

София: А идеальная любовь?

Вольпе: Любовь? Гм... да, любовь

София: Что ж, ведь вздыхал Петрарка о Лауре

Вольпе: Я напускал довольно дури,

Но стал умней, не поглупею вновь

Довольно быть авантюрьером,

Пора на всех людей солидных походить

Всех добродетелей явлюся я примером

Хочу я быть богат, женат, детей плодить

София: А идеальная любовь?

Вольпе: Не мальчик я,

Сдержат в себе сумею я порывы...

Но неужели мне бежать нельзя?

София: Беги. Я помогу! Беги, живи счастливо...

Вольпе: (бросается на колени) Когда бы знали вы

Как я вам благодарен

Вам, как святейшей из мадонн молясь,

Пред вами.

Те же, Берсень и Иоанн.

Берсень-отец: Государь, великий князь.

Иоанн (видя Вольпе): Зачем он здесь?

София: Прочь! Уходи скорее (*Вольпе уходит*)

Явление.

Иоанн, София, двое рынд.

София (сидя): Мой князь-супруг, приветствую тебя.

Садись и будешь гость.

Иоанн: Ты даже и не встала?

София: Хотя я в тюрьме, но я хозяйка у себя.

Иоанн: Тюрьма тебя не сломит.

София: Не сломала.

Тиранка-жизнь, так не тюрьме сломить.

Скажи, о чем ты шел со мною говорить.

Иоанн: Не знаю, как начать.

София: Я знаю. Позволенья прошу сказать.

Иоанн: Скажи.

София: Ты подошел к решенью,

Что для меня ты был несправедлив,

Что вражеских послушал ты наветов,

Что сделал зло, супругу оскорбив

Что лишь себя лишил ее советов

Не так ли?

Иоанн: Так.

София: Вот видишь. Но теперь

Тебе пред ней неловко. Извиненье

У ней просить — большое унижение,

Простит ли, мол. О, я прощу, поверь!

(*вглядывается в Берсень-рынду*)

Какой прекрасный рында — новый!

Кто ты?

Берсень: Боярина Берсенья я сынок.

София: О, милый мой! «Сынок!»

Как мило это слово.

Меня ты любишь, да?

Берсень: Как бы я мог княгиню не любить?

София: В тебе любви так много, что на

Меня достанет? Если ж строго

С Тобой я обойдусь?

Берсень: Я, значит, заслужил

София: Ах, как прекрасен он! Ах, как он мал!

Ты хочешь сахару? Вот, на, покушай.

(*Отламывает Кремля*)

Да не чинись. Ешь вволю. Но послушай:

Когда б несправедлива я была
 Ведь ты б на мне не помнил зла?
Берсень: Ты, государыня, на казнь и милость
 вольна!
София: Мой умный мальчик!
Берсень: Но довольно. Я больше не хочу. Спасибо.
София: Будь здоров. (к князю)
София: В тюрьме я думала и дольше, и полнее.
 И я кой-что сказать тебе имею.
 Ты о Вергилии когда-нибудь слышал?
 Волшебник был такой. Христа он предал
 Спускался в ад .Про римлян он писал.
 В волненьи, может быть, другие преуспеют
 В математических расчетах одолеют.
 Точней исчислят все движения планет
 Но, римлянин, не главный твой предмет
 И цель не главная твоя да будет в этом
 Ты государствовать учишь над целым светом,
 Законы учреждай, суд над народом правь
 И племена окрестные державь
 Поверь, не так легко быть над другими власт-
 ным.
 Поверь, не так легко судить с рассудком ясным.
 Учишь приобрести вот этот важный дар.
 Вот этому тебя я наставляю.
Иоанн: Спасибо, говорю, учусь и Русью правлю.
 И Новгород сломил, и свергнул власть татар.
София: Но кесарям далеко не родня ты
 И праотцы твои не в кесарстве зачаты
 До князя-Солнышко. Не кесарь ты, а князь.
Иоанн: Порочить не моги ни праотцев, ни нас.
София: Я не порочу , нет, но даже по обличью
 Тебе так мало свойственно величье!
 Ты блоковиден, статен, нос твой не горбат;
 Твой не вполне непроницаем взгляд
 Чтобы рабы твои заране не узнали
 В твоей ли милости они или в опале
 Им ждаться ли ласки от тебя приветной
 Иль гнева — чтоб им не было заметно
 И раб, кого ты хочешь поразить
 Не мог заранее удар твой отклонить
 Не можешь ты, беседея досужно
 Касаясь вскользь, все выведать, что нужно
 Нет, ты не цезарь, нет, ты жалкий ученик.
Иоанн: А разве атрибутом царства
 Всенепременно быть должно коварство?
София: Когда вполне ты властен хочешь быть.

То да. Еще в тебе я замечаю:
 Ты часто сожаленьем стал грешить
 Ты мягок, милосерд; хоть правда не без краю.
 Границы знаешь ты, но не всегда хранишь
 Опаснейших врагов нередко ты щадишь
 Не надо так.
Иоанн: Но я не понимаю твоих уроков мне;
 закон Христа хранить не следует?
 Скажи, какой ты веры?
София: Закон Христа хорош,
 но до известной меры.
Иоанн: Нет, ты не христианка
София: Может быть...
 Еще князь-государь, не нахожу я слов
 Благодарить тебя на ласке и привете
 Что лакомства в тюрьму ты присылаешь эти.
 Вот этот Кремль.
Иоанн: Тебе я присылал? Неправда.
София: Мне Берсень сказал,
 Что сахарным меня пожаловал ты блюдом,
 Что грозен ты для грешных правым судом
 Но к ним и милостив.
Иоанн: Не посылал я, нет.
София: Во всяком случае спасибо за привет
 Мы, заключенные, отменно ласку ценим
 Вернемся к делу.
Другой рында: Дурно с молодым Берсением!
София: Не забывайся, раб! При государе ты
 Молчи и стой.
 (князю) Итак, вернемся к делу.
 Я отдохнула здесь от смертной тяготы правле-
 ния.
 Довольно я имела здесь времени подумать.
 Кто избавлен от суеты дневной...
Иоанн: Да он, смотри, отравлен.
София: Чем мог он отравиться?
Другой рында: А Кремлем?
 Быть может следует пойти мне за врачом.
 Оттона , может пригласить сюда немчина?
София: Ни с места. (Иоанну) Государь,
 Коль мальчик заболел, то не причина
 уклоняться нам от дел
 И я сказать тебе решила.
Иоанн: Берсень тебе тот Кремль принес, ты гово-
 рила?
София: Оставим Кремль. Себя сосредоточь.
Берсень-рында: Прости мне, государь,

Но больше мне не в мочь.
Позволь пойти, где врач живет немецкий.

София: Да что мы — в комнате играем
что ли детской

Иль государевы дела вершим?

Молчи и стой, Берсень.

Иоанн: Не корчи с ним.

София: Пускай. Ты смерть видал в боях

И верно, оставался там спокоен.

Что ж, мальчик твоего волнения удостоен?

Спокоен будь и ныне — что за страх?

Пусть корчится, умрет; ведь он твой

Раб, не боле.

Не обращай вниманья.

Иоанн: Сыну что ли отраву он принес?

Тебе он назначал [страданья].

София: Но ты же сам мне этот Кремль прислал.

Не знала я, что прислан он с коварством

Я думала: кто князь и правит царством

Открыто властен подданных казнить.

Иоанн: Итак, вина на мне?

Тебя я отравить хотел поэтому?

София: Выходит. Ты жалеешь мальчишку, его
сына.

Иоанн: Как ты смеешь подозревать меня?

София: Но факты говорят.

Иоанн: Казнить его! Пытать! Взложить на Госу-
даря

Такой тяжелый грех, такую гнусность!

Да Пытать! На медленнейшем жаре

Его изжарить след! Гей, палачей сюда!

Берсень (вбегает): Гей, палачей сюда! Пытать

Казнить княгиню!

Ай, что это!

София: Суд Божий — и на сыне!

Занавес

Явление 7.

Входят Иоанн и София.

Иоанн: Бояре! Я созвал вас, чтоб сказать

Что ваш собрат позорным преступленьем

Запятнан; он, как тайный тать,

Известь посмел княгиню отравленьем

И смерть ему судили непреложно

Всевышний Бог да государь ваш я.

Бояре: Нельзя, боярина казнить,

— нельзя.

— боярин волен выехать

— не можно

Без нашего суда

— не властвуют князья

В боярских головах

— князь-государь, неправо

Ты рассудил

И с честью и здрава

Пусти его отъехать

Иоанн: Власть прияв не от бояр, от Бога —
я и прав

Боярских не блюду. Я так повелеваю,

Сейчас его казнят. И всем тем будет так,

Кто власти моя не чтит. Я приглашаю

Вас всех на казнь его — в повиновенья знак.

Бояре: Негоже бабе властвовать над нами

Колдунье злой тем паче — тяжкий грех!

Иоанн: Вы в житиях святых читали сами

О славных и святых царицах тех,

Что правили со славой над Царьградом

Или одна или с супругом рядом.

Нам благодать послал Всевышний Бог

И мы приняв как дар иль как залог

Как летопись царей великих Царяграда

С его наследницей совместно и по ряду, —

Пресветлых кесарей его прияли власть,

Супруге уделив той власти часть,

По образу и чину их обрядясь;

Тем боле, что премудрости в ней кладезь

Послал нам Бог, какой мы никогда б

У мужей не нашли, не токмо что у баб.

Теперь идите казнь глядеть Берсеня

Чтоб помнить и чтоб знать, что всем гро-
зит она

Кто смелует моих не слушать повелений.

(*Бояре понуро все медленно уходят*).

Явление.

Иоанн и София.

Иоанн: Теперь, мне Богом данная жена,

Войди обратно в царскую обитель

И водворися в ней.

София: Супруг и повелитель!

Я взыскана твоей щедротой сверх заслуг;
Но я молю об исполнении двух
Ходатайств всенижайших.

Иоанн: Ну, княгиня,
Угадывать, что ты попросишь у меня,
Черед мне наступает ныне
Я замечал, что с некоего дня —
Бояре говорят о том недаром!
В действительности ты подпала чарам
Жида и колдуна. И тот преступный жид
Тебя подверг и маревам, и хмарам,
И страсть тебя любовная палит.
София: Супруг мой!

Иоанн: Я твой царь. Мне ревность неприлична
Княгиням изменять супругу необычно,
Их честь без пятен, без пылинки быть должна
Я твой любовный бред считаю наваждением
Поэтому внимай моим решениям:
Чтоб впредь подобное навеки пересечь
Сейчас же колдуна уже велел я сжечь,
Не ожидая, чтоб меня ты попросила
Жизнь даровать ему.

София: Как? Схария сожжен?

Иоанн: И пепел ветром будет разнесен

София: «Спаси меня твоей не хватит силы».
Да, он был прав.

Иоанн: Второй твоей мольбе
Я исполняю долг и подарю тебе
Ту жизнь, о коей ты меня просить хотела.
Иван Фрязин свободен.

София: Мой супруг! Его казни! Казни!

Иоанн: Казнить без дела не должен я;
и много мне услуг он оказал.

Он мне тебя посватал
Хоть много мелочей притом в тени он спрятал.
Но он себе пощаду заслужил;
И чтобы знала ты, как призрачен и ложен
Чад марева, что страсть в тебе внушил,
Познай, как этот человек ничтожен
И суетен.

София: О, знаю я давно

Всю эту суетность, ничтожество все это!

Иоанн: Познай и разгляди. Но не скорби,

Не сетуй
Я на тебя нисколько не сержусь —
Тобой вознесена в высокой славе Русь,
И как супруга мне, ты всяких хвал достойна
Теперь пребудь премудра и спокойна.
(*уходит*).

София одна.

София: Пребуду, да! Такая уж судьба мне
Дочь цезарей, властителя жена
Почти не смертная и быть должна она
Железа тверже, холоднее камня.
Пребуду! Будь уверен, мой супруг!

Явление.

Входит Максим Грек.

София: Максим! Единый и возлюбленный мой
друг!

С чем ты пришел ко мне?

Максим: Княгиня! С начертаньем
Гимнасиона, сиречь школы где
Дидаскалы студеев к высшим знаниям
И элоквенции готовили безде".

В Европе эти школы заведены
А ты, София, ты, которой жены
Все удивляются и мужа сердцем чтут
Всем, мудрость ищущим, ты дашь дорогу тут
Открывши мудрости надежный здесь приют.
(*Они оба рассматривают проект*).

Максим: Еще составил оду я
В которой выпренно прославил я тебя,
Твою премудрость, кротость, справедливость
Высокий разум твой и черт твоих красоту
Тебя превыше звезд я в оде восхвалил.
И, если как пиит являю мало сил, —
Мое усердие к тебе зачти, пожалуй
Да воспою тебя усердием своим,
Чтоб слава о тебе по всей земле летала,
Да славна будешь ты и славен Третий Рим.

София: Рим! Рим опять! Везде и всюду с ним!
(*С ней истерика. Максим ухаживает за ней*).
Занавес

**Словарь редких слов, упоминаемых в пьесе
Николая Голованова «Третий Рим».**

- Папский легат** — личный представитель папы Римского на срок, необходимый для выполнения поручения
- Менестрели** — английские народные певцы и музыканты Средних веков, занимавшиеся поэзией и музыкой.
- Труверы** — народные певцы Средних веков во Франции
- Василевс** — титул византийских императоров.
- Язон** — в древнегреческой мифологии сын царя Иолка Эсона и Полимеда. Предводитель аргонавтов, отправившихся на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном.
- Горлатная шапка** — меховой головной убор русской знати XV-XVII веков. В локоть высотой, расширяющийся кверху цилиндр с бархатным или парчовым верхом.
- Каризенда** или **Гаризенда** — средневековая башня в итальянском городе Болонья получившая огромную известность благодаря непреднамеренному наклону более чем на 2 метра.
- Епископ Исидор** — последний русский митрополит из греков, умер в Риме в 1462 году в звании константинопольского патриарха.
- Схизма** — раскол в церкви или иной религиозной организации.
- Гаер** — балаганный шут, фигляр.
- Гяур** — неверующий иноверец (в исламе).
- Иосифляне** — последователи Иосифа Волоцкого, представители церковно-политического течения в Русском государстве в конце XV-середине XVI веков. Отстаивали право монастырей на землевладение.
- Рафли** — русские гадательные тетради, апокрифическое сочинение гадательного характера.
- Сарай** — столица Золотой Орды.
- Далматик** — деталь литургического облачения католического клирика.
- Бармы** — оплечья, принадлежащие к украшениям княжеского или царского наряда.
- Лабарум** — государственное знамя императорского Рима.
- Червонная Русь** — историческая область в XV-XVIII веках; часть Руси на западе современной Украины.
- Вельми** — очень (старослав.)
- Теорба** — струнный щипковый инструмент, басовая разновидность лютни.
- Мелизанда** — героиня оперы Клода де Бюсси.
- Жофруа Рудель** — французский трубадур XII века, влюбившийся в триполитскую принцессу и умерший у нее на руках.
- Дидаскалы** — учителя, состоявшие в клире восточной церкви, учили в церкви и вне ее.

Николай
Николаевич
ГОЛОВАНОВ

Мой прадед Николай Николаевич Голованов родился в 1867 году в Весьегонске, а умер в Москве в 1938 году. Он был из купеческой семьи. В 1885—1891 годах он учился в Московском Коммерческом училище. Именно там он прочитал перед студенческой аудиторией стихотворение о Кирилле и Мефодии. Главным трудом прадеда явился перевод “Божественной Комедии” Данте Алигьери. Этот поистине титанический труд был переведен и опубликован в Москве в 1899–1902 и был одобрен профессором Федором Ивановичем Буслаевым. Вторая часть перевода “Божественной Комедии” была посвящена Великому Князю Константину Константиновичу Романову. Поскольку “Божественная Комедия” состоит из трех частей, я думаю, что будет уместно привести отрывки из всех трех. Этот перевод мой прадед снабдил следующим предисловием, в котором выражен его взгляд на Данте:

«В предлагаемом переводе я поставил себе цель, принятую уже одним из переводчиков Данта: “одеть мысль Данта в ту же самую одежду слов, в какую одел ее сам Дант. Быть может, буквальность была часто в ущерб русскому языку; да и от самой цели я был то ближе, то дальше: работа затянулась на девять лет, а в этот период существенно менялось во мне

и понимание Данта. Архаизмы и славянизмы я не стеснялся употреблять, частью памятуя, что Литтре даже умышленно пробовал перевести Данта старинным французским языком XIII столетия, частью и потому, что наш обыкновенный язык слишком беден для красок и оттенков Данта. Порою я употреблял былинные и песенные обороты; не стеснялся и низменными выражениями, хотя на фоне общей торжественности тона”. Получилась известная пестрота языка; но, быть может, она отражает пестроту той *vulgaris eloquentiae* («О народном красноречии» — лингвистический и стиховедческий трактат Данте Алигьери, написанный им в 1303–1305 годах. — *Прим. автора*), первоиздателем которой явился сам Дант... Биографии Данта не прилагаю, так как по-русски их имеется несколько».

*На полпути земного бытия
Вступил я в лес угрюмый и унылый,
И затерялась в нем тропа моя.
Так страшно там и так пустынно было,
Что речь слаба пред скорбью такой,
И мысль одна ту скорбь возобновила.
Не горше скорбь пред смертью самой!
Лишь из-за благ, что в том пути
я встретил,*

О прочем всем рассказ веду я свой.
 Как я в тот лес вошел, я не заметил;
 Такой пал на меня глубокий сон
 В тот миг, как ложный путь меня осетил.
 Когда же я пришел на горный склон,
 Близ коего кончался дол тот черный,
 В котором так тоской я был смятен, —
 То, вверх взглянув, зубцы вершины горной
 Увидел я в лучах планеты той,
 Что средь извилин путь нам кажется
торный.

Это первая часть “Божественной Комедии” — “Ад”. Теперь фрагмент из — “Чистилица”:

По тихим водам плыть готовясь вскоре,
 Подъемлет парус челн духовный мой,
 Жестокое оставив сзади море.
 Об области я буду петь второй,
 Где смертный очищается, да станет
 Достойным он к вступленью в рай святой.
 Пусть к жизни песня мертвая воспрянет!
 Вам отдаюсь я, муз священный хор!
 Встань, Каллиопа, в мале, и да грянет,
 Мне вторя, состязательниц-сестер
 Сразившая твоя столь грозно лира,
 Что нет совсем прощенья им с тех пор!
 Уже лазурь восточного сапфира
 До высей тверди мягко разлилась
 В пространствах безмятежного эфира;
 И радость вновь в моих очах зажглась,
 Едва лишь я поднялся в область света
 Из темноты стеснявшей грудь и глаз.

И наконец третья часть — “Рай”:

Лучи того, в ком сила всех движений,
 Все проникают, хоть в неравной доле:
 Здесь ярче и светлее, там же меней.
 Я в небе был, где слава та всех боле,
 И видел, что ни передать понятно
 Ни рассказать вернувшимся оттоле;
 Зане сознанье к цели благодатной
 Приблизясь, так спешит упиться светом,
 Что память уж нейдет оттоль обратно.

Начало 1900-х годов были важным творческим периодом для моего прадеда. Были опубликованы его переводы Байрона, Гете, Шиллера; к ним он отнесся более трепетно, чем к тем, над которыми он работал до этого периода. За свои историко-философские сочинения: “Юлиан-отступник” (1904), “Иуда Искарот”, “Могаримы” (1908) прадед был отлучен от церкви. “Могаримы” — это исторические перспективы из эпохи первого христианского поколения. Приведу небольшой отрывок:

«Солнце только что озарило своими первыми утренними лучами древний город, основанный, по преданию, тот час после потопа, когда на горизонте показалась подплывающая трирема. Появление ее тотчас породило гвалт, шум и суматоху двоякого рода: на берегу загалдели полуголые, загорелые лодочники, торопясь взапуски подъехать к подходящему кораблю; размахивая руками и крича во все горло, они старались обгонять друг друга, ловко шныряя между грядями подводных камней на целую версту забаррикадовавших подъезд к крутому берегу, и пользуясь нахлынувшей волной, чтобы проскользнуть в чересчур узких промежутках...»

Согласно семейным преданиям, прадед ездил к Толстому и несколько дней гостил в доме великого писателя.

Брат Александр Голованов пишет брату Николаю (1892): «Напиши, в чем собственно состоит твое занятие и какие шипы и розы в твоём новом отделении».

Каким был прадед в жизни? Из письма Н.Н. Голованова церковному иерарху (митрополиту). Предположительно, адресатом письма мог быть обновленческий митрополит Александр Иванович Введенский (1889—1946):

«13 Окт. 1932

Преосвященный Владыко! Получили ли Вы мое письмо месяц назад, во время пребывания Вашего в Крыму? <...>

Я, нижеподписавшийся Николай Николаевич Голованов, изложил русскими стихами 1) всю псалтирь; 2) службу 12 дванадесятых праздников (стихиры, тропари, ирмос кано-

нов), некоторых праздников (Покрова, Арх. Михаила и др.), первой, крестопоклонной, страстной недели и Пасхи, Фоминой недели, Акафиста Б[ожьей] М[атери]; 3) постоянные песнопения всенощной, литургии (и литургии верных) и т.д. Стихи рифмованные, а не греческие размеры оригиналов, каковыми излагал их Григорий Алексеевич Рачинский, о чем Вы, вероятно, знаете (печатались Рачинского, а не мои в сборнике «Свободная совесть»), ибо я преследовал практические цели — дать русское богослужение.

Для ознакомления могу доставить десяток псалмов. Был когда-то переводчиком обеих частей «Фауста», каковой когда-то преподнес Вам, но спасибо за них, по Вашему обыкновению, не получил, — и всей поэмы Данте, каковая, по моему глубокому мнению, является более возвышенной молитвой, чем ныне мною Вам предлагаемые<...> А теперь принципиально. В школах ныне славянский не проходят, и богослужение массе непонятно (вопреки мнению Вашего отца Игоря — «ихнее дело господское»).

Кстати, последняя фраза очень метка и привилась и соответствует фразе одного из действующих лиц моей пьесы «Попы»: «Не вами, выходцами из дворянства, православие держится, а нами, рядовыми попами<...> Практическая моя просьба мала: разрешите мне прочесть по-русски в моем изложении в виде опыта [так] за одной из Ваших всенощен шестопсалмие и кафизмы. Пока только. В случае удачи опыта, можно бы и часы. Прошу мало. Как в “Эдипе”: «Он мало просит, менее, чем просит, готов принять».

Прошу извинения за настойчивость, но я считаю это дело делом церкви и достаточно необходимой задачей текущего момента. Личных выгод не ищущу и не ожидаю, а унижения и обид (?) уже наглотался и, Бог даст, еще понаглотаюсь, покуда добьюсь. А добьюсь.

Ответа от Вас теперь уже, правду сказать, почти не ожидаю (1% вероятности). Пишу только на случай, если мое предыдущее письмо до Вас не дошло. Кстати — очень дурной обычай представления формуляра — ан-

Николай Николаевич в кругу своей семьи. 1912 год

кета (как у Островского: «какой на тебе чин, такой с тобой и разговор будет») исполняю и сообщаю свой «чин». Корректор типографии «Крестьянская газета» (Сущевская, 21) Николай Николаевич Голованов, проживающий — Москва, 26, конец Шаболовки, 5 Верхне-Михайловский проезд, дом 8 (свой). Выходные дни — кратные шести (6, 12, 18, 24, 30 числа общие). На работе или с 7 до 2 3/4 или (вечерняя смена) с 3 3/4 до 11 1/2 вечера. Трамвай 11 и 42, остановка — конец Шаболовки (Шаболовская площадь, угол Хавского бульвара). Имею 65 лет, а потому и соответствующие физические немощи.

Итак, с минимальной вероятностью Ваше отклика, все-таки не перестал его ждать.

Ник. Голованов».

С кем еще общался прадед? Тут и Вячеслав Иванов, Луначарский, актриса Яблочкина, художник Василий Поленов, подаривший прадеду свои акварели с видами Иерусалима и многие другие. Помимо акварелей Поленова дома у прадеда были акварели Максимилиана Волошина. Картину Поленова “Христос и грешница” обвиняли в оскорблении религиозных чувств. Может быть, это сблизило Поленова с моим прадедом. Свои акварели Поленов подарил ему в 80-е годы XIX века.

Прадед был эрудитом, знал немецкий, английский, французский, итальянский, латынь. Помимо своей литературной деятельности, он работал служащим в Купеческом банке на Ильинке. Ведь для содержания семьи требовалось постоянное жалованье.

Именно в годы своей работы в банке Николай Николаевич знакомится с Вячеславом Ивановым. Вот как пишет об этом Иванов в своих воспоминаниях: «Зайдите вы на Ильинке в Купеческий Банк и вызовите Голованова Николая Николаевича, скажите ему мой сердечный привет и спросите, получил ли он мой сборник и *hier liegt der Hund begraben* (здесь зарыта собака — нем.) — не перепутал ли я чего чисто механически в моей *dédicace* (надписи — фр.): мысль эта мучает меня каким-то кошмаром,

объясните ему, что я посылал зараз кучу книг в величайшем спехе и был очень неответствен в движениях пера. Если что перепутано, отберите у него испорченный такой ошибкой экземпляр (именно, я подозреваю, что переименовал его в “Ник. Ивановича”, что непροститительно при старинном нашем приятельстве — это от соседства с посвящением Влад. Ив. Беляеву). Итак, скажите ему *mille amities* (тысяча приветов — фр.) и спросите, как он поживает и что пишет».

Заканчивая эссе о прадеде, я хочу привести его стихотворение, написанное в 1932 году.

ОБЩЕСТВО

*Все друг на друга так похожи;
 Всяк порознь так похож на всех, —
 Одежда та ж, приличье то же,
 И та же речь и тот же смех;
 Ложь на устах и ложь во взоре,
 В движеньях, в чувствах, в разговоре
 Нет мысли, нет души живой...
 И это люди? Боже мой.
 В истасканных бездушных лицах, —
 Как на разрушенных гробницах, —
 Давно ль их умер человек? —
 Пытался я прочесть порою;
 И чувство в их душе живое
 Давно ль угаснуло навек?
 Какие радости, печали
 В сердце прежде бушевали,
 И неужели навсегда
 Они угасли без следа?
 Напрасный труд? Среде послушный,
 Стремится всякий позабыть,
 Что не был куклой он бездушной,
 Что мог и чувствовать и жить...*

Вот несколько названий его работ, которые хранятся в РГАЛИ:

1. «Дева Днесь» части I, II. Посвящается Врубелю М.А.
2. «Живоначальная Троица»? повесть. Начало — после 1917
3. «Церковь русской интеллигенции» — после 1917.

4. Переложения в стихах Минеи праздничной.

5. Переложения в стихах церковных служб на Рождество Христово.

6. Переложения в стихах церковных служб трем святителям, Сретению, Благовещению.

Пьеса «Третий Рим» была написана в разгар антирелигиозной борьбы, в 1925 году и поэтому нигде не была опубликована. Оригинал этой пьесы также хранится в РГАЛИ.

Вот как написал о моем прадеде мой старший брат Василий:

«Прадеду моему, Николаю Николаевичу Голованову, переводчику с семи европейских языков и книгоиздателю, обязан я слишком многим, чтобы не чтить с почтением память о нем. Библиотека в пять тысяч томов, им собранная, вскоре после революции была им отдана в Румянцевскую (ныне Российскую Государственную) библиотеку, и с тех пор никто из Головановых не составил собрания

книг более обширного и, смею даже думать, содержательного. Никто не повторил подвига его титанического труда (о чем скажу ниже), хотя позывы на работу крошечную и непосильную испытывали, конечно, все, в ком течет хоть капля фамильной крови. И уж, конечно, по-человечески никто из потомков не был одарен более прадеда, поднявшего на ноги пятерых детей и при этом не отступившего ни на шаг от той творческой задачи, которая была ему предъявлена...»

Сейчас в России не самые легкие времена. Расслоение общества, кризис. В свете этого мне кажется, что темы, затронутые моим прадедом Николаем Николаевичем Головановым в его пьесе «Третий Рим», — любовь, верность, предательство, поиски смысла жизни, — будут актуальны и сегодня. Людям, интересующимся историей России, труд моего прадеда тоже будет интересен. Труды и рукописи Николая Николаевича еще ждут своего исследователя. Я лелею надежду быть в их числе.

Голованов Дмитрий Ярославич,
литератор, переводчик, журналист,
правнук Николая Николаевича.

© Текст и фото: Дмитрий Голованов

Ремонт часов, велосипедов и фотография

© Фото: Алексей Мухомов

*пьеса
для одного актера*

Яков Бенъяминович Майшлиш, он же — Яков Борисович, он же — Яшка-американец. Ему сто лет. Почти никакого еврейского или одесского акцента, он просто русский еврей. Майшлиш говорит сбивчиво, иногда очень отчетливо и точно, иногда впадает в некое забытье, и тогда появляются большие паузы, старческое бормотание — и нужно вслушиваться, чтобы понять. На сцене пусто, только продавленная кровать и большие напольные часы с маятником и необычным красивым звоном. Яков сидит на кровати и на современном радиотелефоне набирает номер, сверяясь с написанными на бумажке цифрами. Понятно, что много раз уже не получалось.

Каковкин Григорий Владимирович — писатель, драматург, журналист и режиссер документального кино. Более 30 фильмов. Печатался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Современная драматургия» и других, работал в газетах «Известиях», «Литературная газета», на ТВ, работал главным редактором ряда политических и культурологических журналов. Роман «Мужчины и женщины существуют» (лонг-лист премии «Большая книга») в 2012 году. Роман вышел в АСТ и в 2016-м в издательстве РИПОЛ-классик (второе издание). В 2016 году в издательстве РИПОЛ-классик вышел новый роман «Теория и практика расставаний».

Окончил философский факультет МГУ, член КиноСоюза и Союза журналистов. Родился и живет в Москве. Мобил. 8 916 685 28 56 grkmedia@mail.ru

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. ... один... ноль...один. Теперь код города. Так. 783. Теперь сам номер пошел 983 5638 *(ждет)*. И ничего. Еще раз. Гудок есть? Есть! Хороший гудок. Почему у них 101? Код благой! 101. Теперь код города. 783, потом вот это... *(набирает, ждет)*

ГОЛОС. Неправильно набран номер. Неправильно набран номер.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ *(встает, берет записную книжку и набирает)* Сколько цифр! Вот.

ГОЛОС. Ждите, пожалуйста, ответа. *(Играет музыка)*. Ждите, пожалуйста, ответа.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Жду. Жду. Всю жизнь жду.

ГОЛОС. Ждите, пожалуйста, ответа. *(Неожиданно)*. Здравствуйте. 56 — Ирина.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. МГТС?

ГОЛОС. Да, МГТС, Ирина.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Ира, а по отчеству?

ГОЛОС. Просто Ирина.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Ира! Мне надо соединиться с Америкой. Город Балтимор. Я даю вам телефон... записывайте. Вы взяли карандаш?

ГОЛОС. Звоните по автоматической связи.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Мне там говорят «неправильно набран номер», «неправильно набран номер»...

ГОЛОС. Проверьте номер. Сначала набираете +7, потом год страны, потом код города и номер абонента.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. А вы это все сами... и со мной... я буду ждать. Я не могу больше...

ГОЛОС. ...у нас теперь нет такой услуги. Спасибо за звонок.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. *(Частые гудки)*. «Спасибо за звонок». А раньше — «кабина номер пять, соединяю...» соединяю... 101! Код у них, все-таки, по благу...

Яков Майзлиш очень расстроен. Он ложится на кровать, закрывается с головой одеялом... Долго лежит. Неожиданно нарастают звуки. Свистящий звук пуль, лошадиный топот — конные казаки с гулом проскакали; дальние, неясные крики, — «заходи справа», «выкуривай их», «морда жидовская, кровосос»; что-то падает на пол, звон разбитого стекла, истощный женский, а следом и детский крик — идет еврейский погром.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ *(вдруг, как будто приснился плохой сон, кричит)*. Мама! Мама! *(С трудом приподнимается с кровати, вслушивается в стихающие голоса и звуки)*. Да... «Бей жидов!» я впервые услышал еще в ее чреве. Шли. Мать говорила — в Бердичев, да, да-да, туда. В Бердичев. Я там так и не был... не дошел. Не дошел. Шел, шел и не дошел... Получается — родился в семье беженцев, гонимых Первой мировой... войной и ненавистью... антисемитской ненавистью. Мы шли пыльной, вязкой дорогой наподобие той, по которой сегодня бредут из ... где сегодня война? где сегодня голод? Мне сто лет — я уже не знаю, не слежу за новостями. Ни радио, ни телевизор... нет. Нет, нет... Для меня новости закончились. Нет. Знаю — они не остановятся. Вся история — это история беженцев... Народы... народы, народы бегут, бегут от своих... правительств.

Оттуда, оттуда мы шли, шли... Мама рассказывала... *(зовет)* Мама! Мама!.. Ты слышишь? Это — Яша. Твой Яша. Ты рассказывала — я помню. А лицо твое уже... не помню. Совсем. Только фотографию. Да, ту, ту самую. Черно-белую. Из Западной Украины к Бердичеву — да? Так? Я правильно..? Там была проведена «черта оседлости» для таких, как мы, а ты вздумала рожать!!! Хорошо!!! Я — седьмой — в дороге, а Бенья — восьмой — уже в доме, в «местечке». В Махновке купили домик, отец заново написал вывеску. *(Кричит)*. «Ремонт часов, велосипедов и фотография». *(Потом очень тихо)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография».

И там родился восьмой... Беня на два года младше меня. Ему сейчас было бы 98... Там родился. Младшенький. Махновка — надо же! Я — в дороге. Седьмой — значит счастливый. Седьмой — Яша Майзлиш. Яшка! *(Пытается танцевать)*. «Эх, яблочко, куда ты катишься...»

Империалистическая плавно переросла в гражданскую. Теперь нас грабили все кому не лень, по очереди. Наиболее известные — Махно и Петлюра — попали в учебники истории! Вывеску нам опять пришлось сбить и сидеть в подвале — прятались там от мародеров, им казалось, что все их счастье находится в больших еврейских кошельках... Эх!

Эта картина у меня и сейчас перед глазами! На очной ставке, теперь она может состояться только там, в поднебесье, я бы узнал того русского или украинца с винтовкой, который целился в отца и кричал про то, что «жидовская рожа» должна отдать золото и деньги. Никакие слова, что и до тебя, «спаситель России», здесь уже бывали, на него не действовали. Он орал. Мать бросилась в ноги к мучителю, видя, что на этот раз все точно кончится выстрелом, причитала и умоляла не убивать... отца и мужа. Она пыталась опустить вниз нацеленную винтовку, но бандит нажал на курок, и пуля попала мне в ногу, пробила насквозь икру. *(Садится на кровать, поднимает штанину, закручивая ее и показывая сам себе)*. Вот. Уже почти не видно. На моей старческой коже. Нет — видно. Видно-видно. Да... То ли перезаряжать ему больше не хотелось, то ли на улице заварушка началась, то ли по божьему промыслу «седьмой» — цифра-то счастливая — всю его злобу я взял на себя. Мы уцелели и пережили все погромы начала двадцатых годов. Мне было четыре года, сейчас — сто лет. *(С гордостью)*. Ровесник революции, между прочим, *(неожиданно)*. Тьфу на нее *(плюется)*. Еще раз — тьфу!

Не знаю, но почему-то я никогда не боялся. И не сказать, что не понимал происходящего по неведению или по глупости. По всем фрейдам, такая рана должна остаться в моей еврейской голове навсегда. Я, может быть, должен был девочек не хотеть?.. *(Смеется)*. Или маму... прости меня, мама, Господи! *(Кричит)*. Мама! Ты этого не слушала, это мои еврейские шуточки. *(Смеется и подкашливает)*. Не! Не! Фрейд, слышишь — это не со мной... я тебе не подхожу. С этим у меня всегда было в порядке. Придумал же такое!.. Тот выстрел оказался, как прививка против страха! Для поджидающей меня Второй мировой и особенно советской истории вещь совсем бесполезная, скажу я вам. И в судьбу я не верил, а не боялся, и все!.. Рана моя на ноге живет своей жизнью: то затянется, то сочится и ноет. Как в мире — на такую погоду — на войну реагирует. Сейчас ноет. Сильно ноет.

Ну вот. *(Хотел спустить брючину, но забыл)* Да-да, да-да...

Жить с еврейской фамилией — это многое меняет. Попробуй, Абрамович-Рабинович, а Майзлиш? да, да-да... попробуй поживи...не хочется? А!?

Кто-то сказал, что счастье — не электрическая лампочка (повернешь — и вспыхнет), а та искра, которую высекают из кремня. Ух! Сказанул! Про кремень — загнул, конечно. Две крайности. Обычная жизнь где-то посередине. Но мы все же надеемся, что принцип лампочки сработает, хотя с моей фамилией надо понимать: даже когда кажется, что, наконец-то, и у тебя зажглось, придется высекать и высекать — сбивать и прибивать вывески. *(Кричит)*. «Ремонт часов, велосипедов и фотография». *(Тихо)*. «Ремонт часов, велосипедов и фотография»...

Слышны удары молотком, будто где-то забивают гвозди.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Ну вот... Пароход «с прощальным гудком» отошел от родины в 1928 году. После пятого класса еврейской школы я и другие младшие дети с родителями поехали в Америку — мы решили. Америка! Папа Беньямин ну, очень хотел, чтобы у него была своя вывеска! Своя! Вывеска! Он даже завернул ее в одеяло, перевязал веревками и повез с собой. Ему говорила мама: «Беня, там — английский язык, зачем нам русская вывеска!?» А он все равно... потащил. Два старших брата остались в СССРе. Самая старшая сестра после разгрома Бунда — была такая еврейская

коммунистическая организация — поехала в Палестину работать в киббуце. Она должна была стать вместо Голды Меир премьер-министром Израиля! (*Смеется*)... Но умерла от малярии. В общем, наше семейство Майзлишей сократилось ровно в два раза. Одна часть — туда (*напевает один гимн*), другая осталась — здесь. (*Напевает другой гимн*).

Прилягу. Устал. (*Ложится в кровать, долго лежит, вдруг встает, как молодой*).

Казалось, все ясно — дальше начнется «американская сказка»...

До Америки мы не доехали — миграционные власти не пустили. Я не очень огорчился. Мы попали на Кубу. (*Звучит зажигательная латиноамериканская музыка*). Тепло. Океан. Пальмы. За пять центов — маленькая чашечка крепчайшего кофе на берегу. Отец прибывает вывеску. (*Кричит*). «Ремонт часов, велосипедов и фотография» (*на испанском, громко*) «Reparación de relojes, bicicletas y fotografía». (*И тихо*). «Reparación de relojes, bicicletas y fotografía».

Да-да. Да... Дела идут, дела идут ...но плохо. Куба есть Куба, там живут без часов и поэтому не нуждаются в их ремонте. Велосипед — роскошь, которая к тому же редко ломается. Фотография? Я не помню. Мне кажется, они не фотографировались совсем.

Здесь, с одной стороны, мы — «полакус» — приехавшие из Польши, почему из Польши? Папа с мамой решили, что так лучше, а с другой — «хулиус», евреи.

Знаете, что такое еврей? Русский — это прилагательное. Прилагательное, потерявшее свое существительное. Русский — это какой?.. Зеленый, синий, красный? Сильный-быстрый-умный? Свиный? Вот! Никто не знает... А еврей!?! Тоже прилагательное!? Нет! (*Многозначительно*). Это...!!!

И на Кубе эта национальность вызывала те же эмоции, что и на моей многострадальной родине. В общем, наша вывеска ... она...да-да, да, «Куба — любовь моя... остров зари багровой ...». Утром мы с братом садились на велосипеды и ехали на океан...

Достаёт велосипед из-под кровати, садится на него и начинает ездить, как молодой, напевая и позвякивая звонком на руле.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. У нас не было своих велосипедов, но мы брали те, что в ремонте, и испытывали их. Вы не поняли — мы их испытывали! Берни всегда возмущался, когда я посматривал на девушек. Он говорил: куда ты смотришь, они же не еврейки. (*Слезает с велосипеда*) Я говорил — что мне надо практиковаться в языке. Девушки... Испанский язык, не похож ни на русский, ни на идиш!... В общем... сначала, так сначала! Для меня это не было трагедией — что такое сначала!? Надо учиться и зарабатывать... я помогал отцу. Часы — часы моя страсть... чинить часы. Они как жизнь... тонк-танк. Тонк-танк. (*Подходит к напольным часам, всматривается и прислушивается к ним*). Туда-сюда. Туда-сюда.

Денег — нет. Но все потихоньку получается, я устроился на подготовительные курсы в университет... Испанский я хорошо... да-да. Хорошо. А чтобы не забыть русский, я переписывался с братьями из России, особенно с Менделем, ну с Мишей, он осел в Харькове. Судя по письмам, они там все испытывали радужный подъем — (*поет*). «Все выше и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...» Но, помимо птиц, у моих братьев была еще и работа! Хорошая работа! На заводе! Много денег платят! Они могут купить все что захотят — одежду, обувь...даже часы! На Кубе это казалось очень соблазнительным, о чем я и рассказывал своим новым кубинским друзьям в университете. Я мечтал о собственных часах! Круглые, на черном кожаном ремешке... блестящие... на солнце... Все девочки будут мои... Рассказывал, да. Мендель писал такое — я им читал его письма! Поэмы!.. «Все выше и выше и выше... стремим мы полет...»

В один прекрасный день в дом, где мы жили, постучали... и все изменилось в двадцать четыре часа!!!

Вошел кубинский офицер — вот так. И сказал отцу: «Поскольку ваш сын ведет коммунистическую пропаганду среди молодежи, ваша семья должна уехать. Вы должны покинуть Кубу». «Раз он ведет пропаганду, пусть он и уезжает, ему уже семнадцать лет», — сказал мой отец. Ему очень не хотелось сбивать уже прибитую вывеску...

Так я научился говорить не все. Умение важное. Ценное. Пригодилось.

Двадцать четыре часа! Вот вам «Ремонт часов, велосипедов и... (звук затвора фотокамеры).

Какими были проводы, я не помню — двадцать четыре часа! Это очень мало. Крутил ли папа у виска пальцем, показывая на меня, — не помню? Двадцать четыре часа! Двадцать четыре часа! Понимал ли я, что больше никого никогда из них не увижу — не знаю? Двадцать четыре часа — это очень мало, чтобы понять, что у меня больше не будет родных. (Кричит в высоту) Мама! Папа! Брат! Сёстры! Я забыл, как мы прощались! Я не помню... я не помню ничего, я не помню вас! Все было очень быстро, так быстро — вы наскребли денег на самый дешевый билет в трюме. «Прощальный гудок» — и в обратную сторону.

Звучит марш энтузиастов: «Здравствуй, страна героев, Страна мечтателей, страна ученых...». Яков, напевая, сходит по трапу корабля.

Он снова ложится в кровать, поворачивается спиной, накрывается одеялом с головой, чтобы не слышать, продолжающую звучать музыку.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ (через одеяло) 1933 год. Пять лет на Кубе — кажется, их не было никогда. Тепло... океан... пальмы. Пять центов — маленькая чашечка кофе... на берегу... велосипед... девушки... «не еврейки»...

Из-под одеяла каменным голосом звучат вопросы.

ГОЛОС.

— Как вы оказались в СССР?

— С какой целью вы покинули Кубу?

— Поддерживаете ли вы связи с вашими родственниками за границей?

— С какой целью вы учили испанский язык?

— На какую разведку работаете?!?!

Документально звучат слова и голос «великого Сталина» из репродуктора-громкоговорителя:

ГОЛОС. «...У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука - капиталистическое окружение. Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?» (продолжительные, оглушительные, оглушающие аплодисменты).

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Мендель не работал ни на каком заводе — он... работал связистом в НКВД — его заставляли писать эти письма. Он мне сказал — я же писал, что с зарплаты купил себе две пары часов! Две пары! Разве так может быть!? А я — верил... Две пары часов! Зачем разумному человеку две пары часов!? У часов нет пар!? Яша, ты, дурак или как!? (Встает с кровати, подходит к часам) Тонк-танк. Тонк-танк. Я наверняка думал — на левую и на правую руку... Кожаный ремешок... блестящие... Надо было лучше учить русский...

Вопросы. До 1937 года их задавали нечасто, и поэтому я успел выучиться в Харькове на фрезеровщика. Фрезеровщика! Молодость! Молодой, я жил прекрасно! В общежитии Харьковско-го тракторного завода в комнате на пятьдесят коек и пятьдесят прикроватных тумбочек — мне было

хорошо. Мне было отлично!!! Я гулял в парке! А чего? Весело! Голодали. Все время хотелось есть — весело. Брюшной тиф — прекрасно. В двадцать с небольшим фрезеровщик восьмого разряда! Это вам не хухры-мухры!!!

По данным английской статистики, в Первую мировую войну 90% летных аварий были связаны не с боевыми потерями, не с дефектами самолетов, а с непригодностью летчиков!! Я оказался на месте, абсолютно пригоден - в профессию попал, как в мишень. Может быть, она меня и спасла. Часовщик я по натуре, я люблю точность. Я люблю чистоту, я люблю, чтобы все было... Микрон — это очень много! Тонк-танк. На тракторном заводе в Харькове, а затем и в Москве на первом шарикоподшипниковом заводе, я зарабатывал в два раза больше других: высший разряд, «фрезеровщик точных станков». Все нравилось, и все было прекрасно. Не так тепло, как на... В суете тридцать седьмого я не заметил, как боролся с «политической беспечностью», с «отрыжкой правого уклона», с «двурушничеством» и со «шпионско-террористической деятельностью современных троцкистов», не заметил, и все! Я гулял в парке — у меня не было квартиры... Меня перевели в Москву — а Мендель... Мендель... Мендель исчез без следа: как указали в письме, полученном мною в начале девяностых, «умер в ходе следствия». Московский брат Саша, Александр, Абрам по-еврейски, умер через семь лет в тюрьме. Он не хотел со мной встречаться, боялся — вот мы и не встретились — теперь только там. *(Показывает наверх)*... Узнаем ли мы друг друга?

Меня выкинули из комсомола и из машиностроительного института, в котором я к тому времени учился. Допросы, на которые ходил, закончились без затей — я остался совсем один и понял, что упоминать ни в каких анкетах о том, что был на Кубе, категорически не надо. Не надо! Когда спрашивали, откуда испанский знаешь, я отвечал, что учил самостоятельно, чтобы бороться с Франко. Вполне подходящее объяснение для патриота! Ну а все остальное, в придачу, я всегда мог получить и по паспорту, и по морде! Как кому нравится...

Мне стыдно, но даже 1937-й вспоминается мной без слез, без переживаний, потом так же и война — «фронтовики» и «труженики тыла». «Миллионы погибших» — будто так и надо, будто нас специально рожали с избытком, какая-то стойкая русская неспособность к сопереживанию. 1937-й — будто все куда-то подевалось, 1941-й — что-то другое началось и смыло волной, отрезало, все предыдущие потери... Это такой особый русский хлеб... отрезают... и отрезают.

Звучит музыка, прочно связанная с Отечественной войной: «... 22 июня ровно в четыре часа, нас разбомбили, нам объявили, что началась война...»

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. В первые дни войны на службу не призывали. Я записался добровольцем в Московское ополчение, нас от завода было триста человек. Митинги организовали — я записался. Меня никто не провожал. Всех провожали, а меня... Записался, и мы пошли по Старокалужской дороге, по булыжнику пешком. Несколько дней шли, шли и шли. Через две недели нас догнало заводское начальство. Построили и зачитали список работников, которым надлежало вместе с заводом эвакуироваться в Томск.

ГОЛОС. Майзлиш Я. Бэ. Фрезеровщик.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Я вышел из строя... Томск. Северный городок. «Всё для фронта — всё для победы». Все! Все! Работа — по восемнадцать часов. Голодно. Я стал бригадиром молодежной бригады. Володька... Борька... Ленька... Семен... и... Славка. Тут началась моя дорога к счастью. Главные годы моей жизни. Здесь я встретил ... Надю. Она была русская... и я стал русским. Без родителей, без братьев и сестер — какой я еврей? Еврей без родственников — не еврей... *(Кричит)*. Надя! Надя! Скоро встретимся снова. Ты заждалась!.. Разве я виноват, что евреи долго живут? Пожелание 120 лет — это не пустые слова. Лариса, дочь, дочка! Я скоро к вам. Ты родилась там, в Томске. Честно говоря... нет, я тебя полюбил...

Ложится на кровать. Встает. Снова ложится. Не находит себе места.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Все друзья, вся жизнь оттуда. Моя дорога к счастью. Я стал их учить — Володку, ему 15 лет, Ленку — 16, Борьку... Молодежь! А мне 26. Всего! Я чувствовал себя таким старым... таким мудрым. Ну еврей такой (*смеется*), еврей... мудрый еврей в 26 лет... Из войны выросла моя мирная жизнь. Там возникла, можно сказать, из случайности. ... Я стал учить, обучать. Да. Я — преподаватель, меня вернули в Москву... На заводах квалифицированных рабочих не было, все погибли... и я стал обучать тонкостям нашего ремесла. Мне понравилось. Работал на американских станках по самому экономичному методу — рабочего передовика Лунина! Вот — помню! Расстилал вокруг станка брезент, и вся стружка полностью собиралась для переплавки. Работал чисто, одеваться любил элегантно, с галстучком, и меня прозвали Яшка-американец. Станок-то американский был! Естественно, никто, кроме жены, не знал, что я жил там, на Американском континенте, на Кубе. Велел Наде молчать. Никто не знал. Мои родные через одиннадцать лет с Кубы перебрались в США, приняли гражданство, а брат Бенья — восьмой — в то время, когда я резал огромные такие стальные чушки, оказывается, открывал «Второй фронт» в Европе. Что кричат американские солдаты, когда идут в атаку? Мы — «ура» ...(*слышны крики наступающей армии*), а они..?

Я, конечно, ничего этого не знал тогда, про «Второй фронт». Я молчал. И Надя научилась молчать. Мы все молчали. Мы молчали. Мне хотелось узнать, как они, но я молчал. Узнать — значит обречь себя на смерть в ГУЛАГе. За все время только три раза, уже после войны, когда я вернулся в Москву, кто-то приходил и передавал весточку из другой, идущей параллельным курсом американской жизни. И всякий раз мне было страшно не за себя, за семью. Мы молчали. Восьмой посылал короткие радиogramмы седьмому (*Слышно — азбука Морзе*). Безответные. «Мать умерла». «Отец умер». «Работаю». «Все хорошо». «Дети растут». Я просил одно — не ищи меня, не надо, забудь меня, Бенья — у меня тоже все хорошо... забудь!.. У меня двое часов на ремешке — на правой и на левой... А он не забывал... (*Кричит вверх*) Бенья, ты верил, что мы встретимся?

И тут не забывали... Любовь к евреям в начале пятидесятых приобретала впечатляющие художественные формы. Карикатуры на сионистов в «Крокодиле», «Правде» — я помню все сюжеты! Могу пересказать. Кукрыниксы — Куприянов, Крылов, Соколов. Или Борис Ефимов. Живо...пысцы! Я помню их живопись. «Евреи — сионисты — поджигатели войны». «Евреи — космополиты». «Евреи — прислужники американского империализма». Они выполняли «задание партии» - но ведь были еще и те, кто тряс этими «замечательными высокохудожественными рисунками» на собраниях... Я рассматривал их карикатуры и понимал — это меня рисуют, за мной готовы прийти. А Ефимов, оказывается, еврей был! Я его потом видел по телевизору, а его брат был расстрелян... его фамилия... как-то на Фе ... Фишман... Флексер... черт не вспомню... забыл. ..Забыл? ... (*Уже про иное*)... Я — не забыл.

(*Говорит, подводя итог*) «Ремонт часов,... велосипедов ...и фотография». Такая фотография — биография. Живопись. Графика. Можно сказать. Такая графика моего ...счастья... еврейского.

Никаких коммунистических иллюзий у меня никогда не было, в доброго Сталина, который ничего не знает, я не верил. Озохен вей! Знал, из станкоинструментального техникума, где я к тому времени преподавал так называемые «допуски-посадки», мне надо уходить. Бежать! На собраниях начали прорабатывать и меня заставляли выступать — чтобы я читал то, что они мне написали — «от имени всех советских евреев я заявляю» и так далее. Я выходил, как школьник, к доске — «от имени всех советских евреев» и так далее. В конце учебного года я без шума пошел опять на шарикоподшипниковый завод, чтобы встать к станку. Подал заявление — ухожу, меня вызвал замминистра образования и сказал: вернись, вся эта шумиха с евреями-сионистами тебя не касается... Понятно, слова доброго человека в недоброе время ни от чего не защищают и стоят недорого. Но все же стоят — столько, чтобы я вернулся через месяц. Я снова — преподавал, писал учебники,

вел дипломников, мотался по Подмоскovie в поисках дополнительных часов и заработков. Азартное дело — жить хорошо. Азартное... Благополучие... оно для того, чтобы взять нас тепленьким, с кровати...

Хрущевское и брежневское время было самым прекрасным, успешным, сытным, спокойным. В 1964 году мы с Надей купили себе «Москвич-401». Цвет — кофе с молоком. И я стал частником. *(Кричит)*. «Ремонт часов, велосипедов и фотография». *(И потише)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография».

Частник — так не говорят сейчас, слово утерянное. На машине мы поехали в Одессу. Там я случайно оказался в порту — столько лет назад отсюда... *(Звук корабельного гудка)*. Здесь мы расстались. Я вспоминал, с какого причала отходил наш корабль... и не вспомнил... Я стоял на берегу... но мне было все равно. У меня никого не было роднее Нади ... и дочери. Да. Да... Я стоял и... ничего. Потом мы поехали на Каролино-Бугаз. Там была лечебная грязь... Мы намазывались ею... все трое... с головы до пят. *(Кричит вверх)* Вы помните, мои девочки!? Вы помните!? *(ели сдерживает слезы)* Черное море — черная грязь... Помните!?! Потом мы вернулись в Москву... и мне дали комнату в трехкомнатной коммунальной квартире на набережной Максима Горького... Это он написал «На дне»... К нам приходила почти вся томская комсомольско-молодежная бригада, они тоже оказались в Москве, почти все, и мы писали «пулечку». По копеечке! Только по копеечке! Преферанс — какая игра! А!!! Преферанс — «я беру вас на мизере...» По копеечке, все по копеечке... копеечка к копеечке... *(как бы считает монеты)* Я любил Надю и Ларису, мою дочь, я любил работу, любил расписать пулечку с томскими друзьями — они стали мне как родственники, я любил пошутить, я был по-советски богат и независим. У меня все было хорошо, кроме фамилии... и морды... многим все еще хотелось по ней ударить.

В техникуме меня вызвали и сказали: Яков Борисович, вам надо вступить в ряды... Я сделал вид, что не понимаю — «какие ряды»? В КПСС, в партию!!! Я преподаватель, а значит «боец идеологического фронта». Да-а-а... Я пытался отказаться. Допуски-посадки — какая идеология!?! И что писать про Кубу, про Беню в Америке в этот раз? — вот вопрос. Мне не страшно, но... Тогда станкостроительный техникум укрепили отставниками из армии, отставникам показалось, что «жиды жируют»... нас там было трое... евреев. Это был настоящий еврейский заговор! Корецкий — он преподавал материаловедение... Зикс — язык. Немецкий. И я. Яков Беняминович для студентов — Борисович, Майзлиш.

Яков Майзлиш ложится в кровать. Накрывается одеялом с головой. Слышно бормотание советского радио — трансляция какого-то съезда партии, голос Брежнева, прерываемый аплодисментами.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ *(из-под одеяла)*. Завели персональное дело. Год «воевал», линией фронта был мой пятый пункт. ... Работал. Я написал толстый учебник... по нему учатся до сих пор... Это не интересно... Ах!!! *(Встает с кровати)* Вступление в КПСС обставлялось как священная клятва — писать заявление, еще автобиографию, три рекомендации надо только перьевыми ручками, макать в чернильницу — и обязательно с фиолетовыми чернилами... масоны... Почему фиолетовыми?

Меня не было дома — Надя открыла дверь, и ей передали фотографию. Цветную! Бенья! Седой, толстый — я бы его все равно узнал. И человек сказал на ломаном русском — Олимпиада. Мы с Наденькой поняли — он хочет, он приедет на Олимпиаду-80. Мы стали ждать. На фотографии еще была его жена... Красивая. Такая американка-американка! Его возраста. Высокая. Худая, без грудей. Ну почти совсем.... Ее звали Софа. Конечно, она была еврейка! Софа — София. И дети. Сын и дочь. Они стояли на фоне чего-то такого золотого... Такая маленькая фотография — как открытка, 9 на 12.

Звучит прощальная песня Олимпиады-80: «...до свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес... новой встречи нам всем пожелай». Затем снова слышна азбука Морзе...

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. ...Не приехал! Американцы объявили Олимпиаде бойкот... и никто не приехал. Мы зря ждали моего брата... человека из параллельной жизни на другом полушарии. Беня, то есть Берни, Берни Майзлиш вернулся живой со Второй мировой с медалями и привилегиями. Он уже не стал работать разносчиком воды на улице, как до войны — именно с этого началась его «американская сказка, мечта» — он завел мастерскую. По отцовской традиции прибил свою вывеску «Ремонт часов, велосипедов и фотография» и начал с нуля. Он стал продавать велосипеды, не чинить, а продавать. *(Садится на велосипед и, катаясь, продолжает)* ...Затем стал дилером знаменитой фирмы «Хонда», потом взял кредит (для ветеранов войны в Америке предусматривались большие льготы) и, работая день и ночь, за тридцать лет построил свой бизнес — открыл сеть роскошных магазинов, разбросанных по всей Америке. Он торговал дорогими машинами и мотоциклами, автозапчастями и велосипедами, в общем, всем этим... *(Кричит)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография». *(И потише)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография».

Он миллионер! Это я узнал, когда пришел Горбачев. При Горбачеве мы с Надей хотели поехать к нему. Я написал заявление, в техникуме (я уже проработал сорок лет) собрались собрание... они решали, можно ли мне поехать с женой или нет!!! Меня спрашивали, люблю ли я Родину? Родину? И где моя Родина, «которая дала мне все»? Я отвечал правильно... что я не знаю, как ответить — где моя Родина?... Где? Вы знаете, как переводится слово «еврей»? Русский — прилагательное. Прилагательное... без существительного. То есть прилагается... но неизвестно к чему... прилагательное ищет свое существительное... ищет все. А еврей? А еврей — это не прилагательное... нет, не прилагательное, это — определительное... оно все определяет... О-пре-де-ляет!!! Еврей — это пришелец. Да, пришелец. Так переводится. Мы пришельцы... откуда? Из космоса? ... Столько лет — а все пришельцы... беженцы. *(Кричит наверх)* Беня, ты слышишь? ...Пришельцы! Ты — пришелец, и я — пришелец. Мы пришельцы! Я пришелец дважды — я родился по дороге в Бердичев, а ты уже в Махновке. Знаешь, как это сейчас?.. Комсомольское... Берни... не смейся. Беня, Беня, Беня... Ты же знаешь, они не дали нам разрешение, чтобы мы поехали вместе... не дали. Брат может поехать к брату... а Наде там делать нечего... Это гуманно. Для них это было гуманно. Я сорок лет... Нас подозревали. Они подозревали, они всю жизнь меня подозревали. Причем местком был «за», а партактив — «против». Местком был — «за», а партактив, он главное, был «против». Плюрализм... тьфу, на него — тьфу. Надя не дожила... она так и не была... у тебя в Америке. У тебя... Она — молчала. Она только сказала — у тебя нет родни, ну и... она только сказала — че нам эта Америка, Яша? Кто ее придумал?... А потом поехал я.

Балтимор. Берни, у тебя там был главный офис... и твой дом. Бассейн... луга и конюшня. Балтимор — Город Большого Дома. На красном доме — в самом центре — из кирпича, ну да, из красного кирпича, как это... красное знамя на самом верху большими буквами *(кричит)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография». Нет, конечно, нет, нет, не «Ремонт часов, не велосипедов и не фотография», там на английском... компани- компани... в общем, его вывеска. Огромная. Он платит за нее сто тысяч долларов в год! Глупо, такие деньги... Но всем уже управляли дети... Я его спрашиваю, Берни, он уже еле-еле понимает по-русски, почти ничего, мы говорили по-испански: а где наша вывеска, что с ней... мы пошли в его кабинет... пошли... дома у него кабинет, и там я ее увидел — она оказалась такая маленькая, такая... вот такая *(уже не кричит)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография» *(и еще тише)* «Ремонт часов, велосипедов и фотография». *(Говорит вверх)* Папа! Ты не зря ее тащил из России... я понял тогда.

Евреи любят деньги... а деньги любят евреев. Говорят, мы их и придумали... Ну, это не так... — мы не можем придумать все... Не можем... *(смеется)* Надо же что-то оставить другим народам...

Пришельцы — мы пришли на Землю с деньгами... Берни, ты молодец... Я ему сказал: Берни, ты молодец, Ты молодец, Берни... Ты солдат, Берни... ты... солдат...

Он мне сказал — «ты тоже молодец... только у тебя нет жены-еврейки...». Я ему сказал... Однажды у меня в Подольске, ну когда я ездил... появилась женщина. Надя, ты слышишь? Прости, прости меня... появилась женщина... еврейка, между прочим. Такая... Я честно хотел еврейку — это я сказал Берни, да, мне хотелось, Надя, еврейскую женщину, потому что я... пришелец (*смется*) и мне хотелось. Она, это женщина — я рассказал это Берни — хотела, ну чтобы... понятно, она приготовила для меня фаршированную рыбу... ну, ты знаешь... в общем, я ел, но твоя была лучше! Я понял, как только откусил... Надя! Надя! Я рассказал это Берни — ты не расстраивайся, не надо, не ревнуй... не надо ... хотя ты не еврейка — твоя рыба была лучше... Я сказал это Берни.

Он приехал потом в Москву... у меня трехкомнатная квартира на третьем этаже в кирпичном пятиэтажном доме... Хорошая квартира... Кирпич дышит — это все знают. (*Оглядывается*) А чего в ней плохого? Берни всегда меня помнил, искал и хотел помочь... Он такой, мой брат Бенья... Бенья... Берни Майзлиш. Он приехал и купил квартиру моей дочери и внучке и каждому по машине... мы сказали — нам лучше «Жигули», их можно легко чинить. Об этом надо думать, когда покупаешь машину! Он купил... Хорошая квартира, он предлагал... Я остался один в этой... 54 квадрата. Разве мало для одного? Мы тут прожили с Надей, мы тут... ну чего? Ну чего... мы же не беженцы, нам... ничего. Мне ничего... мне ничего... ко мне приходит социальный работник и приносит... кефир... молоко... хлеб. Придет, позвонит в дверь, я открою... или...

Я ему сказал: Бенья, ты помнишь, как мы ехали на велосипедах к океану, как это было, ты... Он мне сказал: переезжай ко мне, и мы будем ездить на машинах на океан. И вообще куда захочешь, ни в чем нуждаться не будешь. Но я не захотел уехать. Куда, зачем? я все здесь сделал сам, тут мои дети, правнучки, в общем, я сказал «нет».

Когда Берни приехал в Москву... Я заказал ужин для всей американской и русской родни в ресторане «Арагви». Стол был не хуже, а даже лучше, чем у них в Штатах — что я, должен был ударить лицом в грязь!? Я защищал Родину... Да, Родину. Нет, все было хорошо. Очень... Высший класс. Только я заметил: Берни объяснял своему сыну, они вместе с ним приехали, как пройти в туалет: «направо, налево, вниз по лестнице...», а дальше он сделал такой жест: мол, там уже по запаху найдешь. И всё встало на свои места. Миллионера удивить сложно, одарить невозможно... Просто он нашел меня — простая... наша история. Про кого? Про Золушку? С еврейской фамилией... Золушка заслужила подарки... Фея — заокеанская!.. Какую вывеску ни прибер — придут и собьют. У них летчику дают золотую монету (если он катапультируется) за помощь в сохранении жизни, а у нас: скажи спасибо, что не убили. Золушка с еврейской фамилией — а с какой фамилией у нас жить просто? С фамилией Иванов?... Смирнов?

У нас с Беней было два еврейских деда, со стороны матери и со стороны отца — Либер и Шмуэль. Они встречались только на праздники, потому что Либер был гуляка, а Шмуэль — набожный. Талмудист. Шмуэль говорил: как ты, Либер, так живешь? Бессмысленно прожигаешь жизнь, все на ветер! А Либер ему: как ты можешь ничего, кроме синагоги и талмуда, не видеть!? И они спорили, горячились (я это четко помню), а умерли в один год, друг за другом через месяц. Им было под сто лет. Вот так. Не на все вопросы предусмотрены ответы.

Идет к кровати. По пути подходит к часам, открывает дверцу, поправляет стрелки, прислушивается.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. Тонк. Танк. Тонк... Кто-то сказал — часы, которые стоят два раза в сутки показывают абсолютно точное время, а которые ходят — ни разу! (*кричит*) Берни, Бенья! Ты меня

забыл!? Ты меня не вспомнил? Нет?.. Берни! Что кричат американские солдаты вместо нашего «ура»? Я так и забыл тебя спросить... Ты забыл меня... забыл. И поговорить не с кем... всю жизнь помнил... нашел и забыл. (*Слышен шум океана и латиноамериканская гитара*). Почему так вышло? Тебе было восемьдесят два или восемьдесят пять, я не помню, совсем молодой, когда ты стал все забывать — Альцгеймера болезнь. Все ... Мне тоже надо... заболеть этим...

Идет к кровати и ложится. Закрывается одеялом. Бьют часы.

ЯКОВ МАЙЗЛИШ. ...Я знаю, что бы ни произошло... откуда-то сверху закричат — жиды! Это они!!! Во всем...Я знаю... и через сто лет... Да. Да-а... Да-а-а, закричат... (*шепотом*)... ремонт часов... велосипедов... и фотография.

Тишина. Долгая тишина. Потом звонок в дверь, он все настойчивей и настойчивей. Затем, одновременно с дверным звонком, звонит телефон. Яков Майзлиш не встает, не открывает дверь, не берет телефонную трубку.

2016

© Текст: Григорий Каковкин

Вячеслав Вс. ИВАНОВ

РАЗУМ КАК ОПРАВДАНИЕ ИСТОРИИ

Размышления о цивилизации

В.Я. Свое восьмидесятилетие Вячеслав Всеволодович Иванов отмечал в Москве долго — с августа по октябрь. Он стоически принимал поздравления, выслушивал восхваления в стихах и прозе, но предпочитал им собственные лекции в разных аудиториях — от школьников до коллег-академиков. Он провел десяток творческих вечеров, на которых вспоминал жизнь, делился мыслями о будущем цивилизации и читал свои стихи. Невеселыми мыслями.

4 сентября он, представляя свою новую книгу, говорил о тайнах цивилизационных ритмов на книжной ярмарке на ВДНХ.

8 сентября в Овальном зале ГБИЛ, забитом до отказа, библиотекари чествовали своего первого свободно избранного ими директора. После блистательной лекции мы вручали Вячеславу Всеволодовичу от имени учредителей (журнала «Вестник Европы», ГБИЛ и Института экономики переходного периода) Серебряную медаль имени Н.М. Карамзина. Он ответил стихами.

24 сентября в Большом зале Библиотеки иностранной литературы Иванов два часа рассказывал школьникам о науке и потом еще час отвечал на вопросы.

Предлагаемая вниманию читателей публикация сложилась из записей выступлений В.В. Иванова, перемежаемых фрагментами из юбилейного сборника его статей, стихов и воспоминаний («Вячеслав Вс.Иванов “Пóтом и опытом”. Центр книги ГБИЛ им. М.И. Рудомино М., 2009).

Эпиграфом к своей книге Вяч. Иванов взял слова Осипа Мандельштама:

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается пóтом и опытом
Безотчетного неба игра.

Любитель толкований и дешифровок

«...За шестьдесят лет занятий стихотворными переводами у меня сложилось подобие обряда, которым я обычно следую. После того, как я несколько раз вслух и про себя прочту текст на языке подлинника, он удерживается в моей памяти. А дальше его начинает переиначивать и пересказывать по-русски недремлющий во мне любитель толкований и дешифровок. Большая часть его работы проходит вне поля моего сознания: эта бессознательная деятельность по замене одного ряда символов другим, быть может, сопоставима с фрейдовским пониманием сновидений. Потом вдруг появляются русские строки, которые словно мне приснились. Иногда это всего одна строка, а следующей приходится дожидаться годами...»

*...Из выступления 8 сентября 2009г.
в Овальном зале ГБИЛ:*

Моя жизнь складывалась так счастливо, комфортно, благополучно: замечательные родители, талантливейший, чуткий папа, и мама вся такая тонкая, красивая, умная; слишком огромная библиотека отца. В ближнем кругу — самые-самые интересные люди страны, обстановка моего детства: Пастернак, Ахматова, Юдина. Все было слишком хорошо, чтобы из меня получилось что-нибудь путное.

Если бы так продолжалось, я бы стал футболистом.

План моей жизни реализовывался поразительно продуманно: несколько событий, которые меня сформировали. Неожиданно я надолго заболел. Был подвижный ребенок, гонял на роликах, в один день я заболел — и на два года меня привязали к кровати. Отцовская библиотека открывала мне мир. Было время прислушаться к себе и к своему внутреннему человеку. Болезнь изменяла меня. Оказалось возможным жить с болезнью. Еще два года я ходил на костылях. А когда я стал выздоравливать, началась война; нас эвакуировали в Ташкент; привилегированная жизнь закончилась, начались стояния за едой. Там было довольно голодно и унижительно...

Кончилась война; я вырос, поступил в университет.

Но встали новые резкие ограничения: в детстве нельзя было двигаться; потом — поесть досыта; теперь нельзя было думать вслух. Было запрещено все, что имело отношение к свободе мысли.

В результате я вырос с чувством внутренней свободы.

В 1965 году, с приходом Брежнева, была попытка реабилитировать Сталина и сталинизм.

Но масса интеллигенции, прежде всего научная элита, не позволили сделать это. Ученые писали в ЦК письма с требованием десталинизации.

Под письмом А.Д. Сахарова в ЦК подписалось много очень серьезных людей, которые «ковали оборонный щит Родины». С этим нельзя было

не считаться. Но в отместку они посадили Синявского и Даниэля — что знали! На процессе Синявского выступил профессор Дувакин, в университете он вел поэзию, Синявский у него учился. Он очень хвалил его, выступая как свидетель в суде. Собрали Ученый совет филфака, требовали осудить и уволить Дувакина. Но времена менялись, преподаватели и студенты собирали подписи в его защиту. Дувакина взял под свое крыло ректор МГУ Петровский.

Теперь иное: интеллигенции в стране почти не осталось... И все разрешено (в записи В.Я.).

...После увольнения из университета (из-за солидарности с Б.Л.Пастернаком) я работал заведующим группой машинного перевода в академическом институте точной механики и вычислительной техники. В то время политические страхи в основном касались гуманитарных институтов. К засекреченным компьютерам подпускали и политически подмоченных людей. И меня засекретили. В институте у Келдыша в отделе кибернетики вместе с Кулагиной и ее учителем А.А.Ляпуновым работало несколько близких мне людей. Атмосфера поиска и находок охватывала тогда молодежь. Нас буквально лихорадило. Всюду виделись несказанные открытия и непроторенные дороги. Я выбрал все же институт славяноведения — главным образом из-за научной дружбы с Топоровым.

...Овладевая техникой структурного анализа, мы оба размышляли о том, как распространить ее на смежные с языкознанием области — этнологию, изучение мифов. ...Мы задумали симпозиум по изучению знаковых систем. Общая наука о знаках, охватывающая вместе с обычными языками самые разные системы — письма, искусств, наук, игр, этикета — была давно намечена такими первооткрывателями, как Пирс, Соссюр, Ельмслев и Бейсанс. Но все же везде были первые робкие шаги. Мы же рассчитывали на большее. Наш симпозиум был первым в мире с такой широтой охвата и детальностью рассмотрения отдельных систем.

...Польские семиотики были замечательны — среди них был Хмелевский, открывший сходство древнекитайского языка с исчислениями математической логики; несколько логиков, из числа принадлежавших к блестящей варшавско-краковской

школе. Больше всего меня поразило, как много, несмотря на все превратности истории, в Польше в поколении старше меня и Топорова оставалось людей среднего возраста, искренне преданных науке и человечески надежных: у нас большинство их сверстников погибли в лагерях и на фронте.

(Из статьи «Четверть века в Институте славяноведения»)

...Я довольно хорошо знал академика Ю.Б.Харитона — руководителя той части ядерного проекта «Арзамас», в которой участвовал А.Д.Сахаров. Мне рассказывали, как Харитон вместе с членами семьи любовался видом звездного неба. Но вдруг из него, отца советской атомной бомбы, вырвалось признание: он задумывается, сколько же из этих миров — следы ядерных войн, которые дотла сожгли свои астральные тела.

Когда я рассказываю об этом знакомым ученым, они возражают: никто ведь не доказал, что такое возможно, мы же не знаем, сколько бомб понадобится, чтобы Земля не «показалась звездой» (как в стихах Блока об этом), а *оказалась* ею. Во всяком случае, ученый нашего времени смотрит на звездное небо не чистыми глазами Канта. И гадает: расплавится ли земная кора?

Эти переживания вместе со знакомством с прогнозами Римского клуба, о которых я узнал от дружившего с моими родителями и со мной академика П.Л.Капицы, заставили меня всерьез задуматься над судьбой человечества, его возможной гибелью в середине XXI века и задачей его спасения.

Впереди — век гуманитарных наук

Недавно скончавшийся (в возрасте 101 года!) Клод Леви-Стросс¹, основатель современной структурной антропологии, заметил, что либо XXI век будет столетием гуманитарных наук, либо его не будет... Экологические, энергетические, демографические медицинские и техногенные проблемы прогнозируемого будущего вполне могут на протяжении ближайших десятилетий (не позднее середины XXI века) **привести к кризису, спо-**

собному угрожать продолжению существования Человека Разумного как вида.

Первые сигналы о назревающей опасности были поданы около сорока лет назад *Римским клубом*², в который входила относительно небольшая группа специалистов, пользовавшихся тогда еще не очень большими возможностями вычислительной техники и недостаточно надежной статистикой, касающейся самых болезненных точек развития...

Результаты, к которым они пришли, были более чем мрачны. По ряду подобранных ими характеристик казалось очевидным, что человечеству будет крайне трудно уцелеть, если срочно не предпринять действия, которые приостановят процесс, развивающийся в негативную сторону.

...Не все из этих прогнозов оказались правильными — особенно в том, что касалось конкретных сроков. Но участникам этого проекта удалось понять и предсказать, что наибольшее внимание в ближайшем будущем нужно уделить пробелам неограниченного роста населения Земли, которое оказывается все труднее накормить (если голод с тех пор еще не наступил в мировом масштабе, то на таких континентах, как Африка, он ощущается остро) и снабдить всех необходимой энергией (исчерпание ее естественных источников больше всего прямо угрожает будущему стран, экономика которых, как в нынешней России, целиком построена на них).

Теперь мы знаем еще более широкий спектр угрожающих тенденций и проблем, вызывающих опасения, и должны быть настойчивы в требованиях их широкого обсуждения.

В том, что катастрофа мирового масштаба, угрожающая человечеству в целом, вполне реальна, сомневаться не приходится, как и в том, что противостоять ей может только объединенное человечество.

(Из статьи «Гуманитарные науки и будущее современной цивилизации».)

Проблема в том, удастся ли начать и провести вовремя те действия, которые отодвинут или приостановят эту катастрофу, или, как обычно, меры начнут принимать, когда катастрофа уже разразится.

Мне представляется, что прежде чем будут выбраны какие-то широкомасштабные меры, должна возникнуть сеть свободных клубов, объединяющих деятелей культуры и интеллигентов с широкими интересами (инженеров, ученых, людей литературы, искусства, журналистов, преподавателей, врачей). В этих клубах люди могли бы систематически обсуждать ситуацию, создавать рабочие группы и вырабатывать реальные программы по главным направлениям.

Потенциально речь идет о проектах деятельности социально активных членов планетарного сообщества, которые в будущем помогли бы формированию некоей эффективной гибкой структуры, которую я называю «Мировым правительством».

Андрей Дмитриевич Сахаров создание его считал необходимым и неизбежным.

...При явной заманчивости идеи мирового правительства многих (в том числе и тех, кто помогал приходу перемен в нашей стране) смущает как бы бюрократическая формулировка названия, пугают антиутопии (*Хаксли, Замятина, Оруэлла, братьев Стругацких — В.Я.*). Один из известных диссидентов советского времени как-то сказал мне: «Мы с одним государством с трудом справились. Так зачем вам повторение этой гадо-сти в мировом масштабе?»

История с нами не советуется. Она ставит задачи, которые нам приходится решать. Некоторые из задач, оставленных нам глобальным противостоянием середины прошлого века (такие как ядерное разоружение), не под силу жителям одной отдельной страны. Приходится звать на помощь других землян — соседей по планете.

Источники неудач создателей сначала Лиги Наций, а затем ООН лежали в стремлении объединить не народы, а правительства (которые в среднем не заслуживают высокой оценки).

Постепенное возрастание роли негосударственных организаций, частично ассоциированных с ООН, может расширить возможность изменения ситуации к лучшему. Тем прискорбнее нападки на эти организации. Человечество — это не правительства; чтобы выжить, оно должно находить способы взаимодействия помимо правительств.

Для предотвращения крупных региональных конфликтов и все еще вполне вероятной Третьей мировой войны нужны неослабевающие энергичные действия авторитетных международных групп экспертов. **Их главная задача — не решение технических вопросов, а поиск мировоззренческих установок,** способных соединить людей, исповедующих разные мировые религии (или признающие этические системы вне религиозных норм поведения). Не ставя перед собой задачи экуменического слияния конфессий, надо развернуть поиск и обсуждение *правил построения* мирового общежития.

...Скажу как лингвист: мало просто уважать друг друга, надо терпеливо искать пути сближения. Духовные авторитеты могут помочь постепенно обнаруживать общие черты, важные для будущего. Роли историка религии и богослова становятся все значительнее, особенно теперь, когда и если они получают доступ на телестудии многочисленных кабельных и интернет-телеканалов.

Важнейшим принципом не только в христианстве и иудаизме, но и в других религиях была и остается расширенная формула любви к Ближнему Другому. Должны быть исключены любые насильственные и особенно вооруженные конфликты между странами. Деструктивно доминирование или военное и экономическое преобладание одного государства или даже группы государств над всеми остальными.

Главное препятствие на пути к реальному объединению человечества, **необходимому для спасения его как вида,** — неуклонное и быстрое нарастание религиозных, этнических и других различий между странами и их группами.

Идея всеобщего мира обосновывалась еще И.Кантом. Весь опыт мировых войн прошлого века и локальных войн последних лет говорит о живучести атавистических сторон человеческой психики, которые должны быть *преодолены*, прежде чем всерьез можно будет думать о реализации идеи всеобщего мира и практической задачи достижения единства человечества...

...Мысль, согласно которой отношение к Другому основано на том, чтобы видеть в нем *Ближнего*, составляет фундамент общечеловеческой нравственности и толерантности.

Эта мысль имеет и научное обоснование: новейшими палеолингвистическими, историко-генетическими исследованиями, в исследованиях по молекулярной биологии обосновывается вывод о единстве человечества в самом прямом смысле слова: все мы родственники, а человечество — это одна разросшаяся семья.

Кажется, что мы бесконечно далеки от решения задачи объединения человечества, для которой так много сделано теми, кто создавал фундамент единства, — сперва Лигу Наций, потом ООН. Вопрос стоит драматически: в какой степени будущее человечества может планироваться научно? Способна ли современная наука вывести мир из кризиса?

Пока остаются нищета, голод и холод, богатые и сытые страны не могут быть уверены в своем благополучном будущем и будущем своих детей и внуков...

Одна из главных проблем — накормить голодающий Юг сытым Севером. Пятнадцать лет назад я был в группе экспертов ООН, готовящей совещание в верхах в Копенгагене по этой проблеме. Север, однако, так и не накормил Юг и не пригласил его к столу; тогда Юг сам вломился к нему и отдалиться от него теперь невозможно. По всему миру началось экономически обусловленное географическое перераспределение населения. Остановить его полицейскими мерами не удастся.

Экономическая схема, реализуемая глобальным капитализмом в его нынешней стадии, совсем не кажется мне единственно возможной. Ведь человечество живет одновременно в разных эпохах.

Разум как оправдание истории

В самом общем виде необходимо внедрять в сознание возможно большего числа людей **значимость разума как основного оправдания истории, придающего ей смысл и лишшающего ее абсурдности.**

На этой идее следует настаивать, хотя бы из-за расхожей популярности обратного утверждения.

После мировых войн, геноцидов, свирепого лагерного террора, унесших десятки миллионов не-

раскрывшихся, потенциально прекрасных жизнью, верить в абсурдность исторического движения легко. Нужны немалые усилия и интеллектуальное мужество для принятия противоположного тезиса, состоящего в том, что история — не абсурдна, а человечество — не игра случайностей.

Можно ничего не делать, заботиться только о собственном благополучии и забыть о существовании Истории. Но есть немногие, избегающие этого искушения. В любые времена, как бы это ни было трудно и почти невозможно, люди, преданные разуму и его духу, не останавливаются. Их именами обозначаются целые эпохи. Владимир Вернадский и Пьер Тейяр де Шарден показали, что рост Ноосферы — сферы разума и науки как наиболее организованной ее части — это закономерность развития Земли как планеты.

Отдельные индивиды, сколь бы высокие посты они ни занимали и как бы решительно ни были настроены против науки, не могут противостоять этой тенденции в Большом Времени — времени, которое управляется мировыми закономерностями.

Интернет — новый инструмент Ноосферы

Интернет, столь стремительно развивающийся, становится главным инструментом строительства НООСФЕРЫ. Первоначально он был создан для вполне специальных целей, и его создатели даже не предполагали, что вскоре он может оказаться вмещателем значительной части уже накопленных и возникающих каждый день знаний, текстов и образов.

Разумеется, при всем многообразии поисковых систем и баз данных, цели глобального представления известного (и вновь возникающего знания) еще только маячат впереди; им противостоят немалые трудности технического, коммерческого, правового, морального характера. Но возможности, открывшиеся в последние годы в этой сфере сулят невиданную революцию в образовании. Интернет и новые поисковые системы и способы обучения приближают качественно новый скачок образования, и культуры человечества — если оно себя прежде не погубит.

Волны Кондратьева, или Почему надо заниматься наукой?³

Я хочу кое-что рассказать о кризисах. Идею цикличности великих мировых кризисов разработал наш великий экономист и один из самых замечательных русских ученых XX века Николай Дмитриевич Кондратьев.

В молодости он был очень активным членом партии эсеров (социалистов-революционеров). Это была партия русского крестьянства; Россия ведь была крестьянской страной, более 90 процентов населения жили в деревнях и эсеры были воплощением крестьянских надежд и чаяний большей части населения России. Кондратьев сам происходил из бедной крестьянской семьи, претерпел много бед, детство провел «в людях»; тяжелым трудом зарабатывал себе на жизнь, овладевал разными ремеслами, стал великолепным кожевником. Он рано вступил в партию эсеров и стал заниматься активной политической деятельностью, являлся одним из самых активных деятелей Февральской революции.

Россия никогда не была особенно свободной страной, что бы вам сейчас ни говорили о том, как хорошо жилось людям до революции. Но все-таки Кондратьев как эсер в царской тюрьме провел восемь месяцев, а в сталинской — погиб. Кондратьев провел в тюрьме восемь лет, прежде чем его замучили. Его пытали по специальному приказанию Сталина, который его ненавидел. Почему Сталин ненавидел Кондратьева? Потому что ненавидел русское крестьянство и пытался его уничтожить. Вам, наверное, попадалось упоминание о «голодоморе» — голоде, который был в начале 30-х годов, в частности, на Украине. Это была попытка Сталина расправиться с самой сильной частью крестьянства... Кондратьев имел неосторожность вызвать особую ненависть Сталина.

Задолго до этих событий В.Д. Кондратьев разработал пятилетний план спасения и восстановления деревни, которая была разорена в годы войны и продразверстки. Эта пятилетка была успешно осуществлена в 1923–28 годах. Если бы не эти пять лет, страна просто не выжила бы во Вторую мировую войну. И что же удалось сделать Кондратьеву?

Ему удалось решить проблему кризисов — понять, отчего они возникают, как они протекают и каким образом из них надо выходить?

Понимая, какая это сложная и важная задача, Кондратьев начал над ней работать в 1919 году. Уже в 1925 году он напечатал основные результаты своей работы. Их было примерно пятьдесят человек — специалистов в разных областях; Кондратьев называл свою группу «Конъюнктурный институт», который официально был создан в 1921 году и директором которого Владимир Дмитриевич был до 1928 года. И за эти годы его группа математически точно (тогда не было компьютеров, это была огромная ручная работа) сосчитали, положили на таблицы и графики основные экономические характеристики, множество факторов, которые влияют на производство, спрос, предложение, стоимость для ведущих капиталистических стран мира — начиная с XVII века.

С того времени, которое одни называют началом «научно-технической революции», а другие — началом «современного экономического роста» (с XVII до начала XX века), было подсчитано, как происходит производство, потребление, как развиваются наука и техника и как возникают кризисы — периоды падения потребления и производства. Выяснилось, что кризисы подчиняются той строгой математической закономерности, которая и была открыта Кондратьевым.

Как долго новое техническое изобретение помогает развивать производство? Это, оказывается, важнейший вопрос. Наука нужна потому, что при капиталистическом устройстве общества, где мотором служит капитал, а стимулом — прибыль, нужно, чтобы люди производили (и потребляли) все больше и больше; а чтобы достигнуть этого, надо непрерывно развивать технику.

Объясняется это довольно просто: ускоряющийся потенциал изобретений исчерпывается. Кондратьев обнаружил, что кризисы происходят через определенные промежутки времени: потом их назвали «волнами Кондратьева». Нужно следить за тем, как развивается наука; видеть, когда делается крупное изобретение, которое перспективно: массовое производство позволяет дать многим людям работу, это происходит очень быстро. Изобретение нужно уметь оценить и вложить в него со-

ответствующие деньги. В *правильно устроенном* капиталистическом обществе, когда начинается спад, люди разоряются, теряют работу, впадают в депрессию, но при этом растет число интересных и перспективных изобретений, внедряя которые, общество выходит из кризиса. Здесь возникает сложная проблема, связанная со сменой поколений. Старшие поколения, как правило, не очень способны оценить новые изобретения и, уж конечно, не способны его широко внедрить... Мне восемьдесят лет, и я должен был бы принадлежать к тем людям, которые очень плохо разбираются в науке и не любят инноваций. Но я настаиваю, что эта очень глубокая и интересная мысль Кондратьева, особенно важная для России, к сожалению, не находит здесь должного отклика. Кондратьев предсказал, как весь мир может избавиться от кризисов, а значит — и от войн. Он и в сталинской тюрьме пытался работать. И чем же его вознаградили? Закрыли «Конъюнктурный институт»; Кондратьева мучили чудовищными пытками, а потом и расстреляли по списку, который подписал сам Сталин.

Главные люди в разных государствах систематически заняты тем, что травят и убивают тех, кто делает самые крупные достижения. Возможно, это потому, что во всем мире в правители выбиваются не самые блестящие умы, они ощущают свое ничтожество рядом с гением и ненавидят его. В этом смысле, к сожалению, Россия — страна с очень тяжелым прошлым.

Макс Планк, первый великий физик, который ввел понятия кванта, отдельной непрерывной величины (XX век перешел к изучению прерывных, как мы говорим, дискретных явлений), однажды на вопрос: «Как вам удалось убедить научное сообщество принять понятие кванта?» ответил: «Знаете, я никого не пробовал убедить, просто те, кто со мной были несогласны, уже умерли. Произошла смена поколений». Кондратьев прав: нужны новые поколения, чтобы оценить новые открытия, когда исчерпываются возможности прежних; чтобы по-иному взглянуть на мир. Поэтому примерный интервал самых важных открытий «повышательная волна» и «понижательная волна», когда исчерпываются возможности нового (это 25 и 25 лет — вместе 50 лет). Кондратьев напечатал свою работу в 1925 году, за четыре го-

да до начала мирового кризиса. Чтобы предсказать начало спада, тут особой хитрости нет. А хитрость в том, чтобы понимать, что выйти из кризиса можно только одним способом, никаких других способов нет: развивать науку. Развивать таким образом, чтобы можно было оценить, какие научные открытия и разработки могут оказаться применимы к разного рода практике; как и когда вы сможете их внедрить, вложив деньги, которые на первом этапе кризиса еще получаете.

Это ровно то, что *не было* сделано в большинстве стран мира в ходе нынешнего кризиса. ...Российский президент тоже говорит об инновациях, о модернизации, но он же удрученно сетует, что ничего не меняется. А в США меняется, они знают, что наука нужна (хотя нельзя сказать, что представители бизнеса, ведущих корпораций, которые имеют свое влияние в правительстве и Конгрессе, так уж убеждены в необходимости тратить на науку). Но какое-то движение у них происходит. Так или иначе, но понимание постепенно просачивается в круги, которые заняты поисками путей выхода из кризиса. Значит, то о чем я говорю, — не абсолютная утопия: в некоторых странах будет осуществлена попытка переломить тенденцию спада через обновление техники, инфраструктуры, материальной и информационной базы всей экономики.

...В ближайшие годы неизбежно будут продолжены широкие вложения в космические исследования ближнего и дальнего космоса, прежде всего освоение Луны, выход к планетам Солнечной системы. В прошлом веке российские философы, ученые, инженеры являлись мировыми первооткрывателями. В этих исследованиях были совершены принципиальные научно-технические прорывы, навсегда изменившие жизнь людей.

Если Россия не примет участия в новом этапе освоения космоса, она выпадет из числа развитых стран и потеряет наследные права прошлых поколений. Компьютеры, связь, телевидение, интернет — все это возникло как прикладные решения больших космических проектов.

Сейчас снова оживились исследования в области робототехники... Как люди двигаются, ходят, некоторые основные законы движения — это часть науки физиологии.

Мне в свое время случилось хорошо знать нашего великого физиолога Николая Александровича Бернштейна. Он автор фундаментальных работ по общей теории движения человека. Его работы послужили основой разработки проектов роботов новейших поколений. Робототехника пока не получила ожидаемого развития по разным причинам; в частности, по социальным, потому что людям нужна работа, чтобы кормить свои семьи. Можно заменить роботами тяжелый и опасный шахтерский труд, но что делать с шахтерами, с их поселками? Их семьями? Я ездил по шахтам, спускался под землю. Это страшно — оказаться, как писал Пушкин, «в мрачных пропастях Земли». Лучше бы, чтобы роботы занимались этим вместо людей, но миллионы людей этим зарабатывают на жизнь, их надо обеспечить новой профессией, работой, жильем, это колоссальные затраты для общества, и общество решает: эту вполне доступную уже сегодня технику пока не развивать. Но это произойдет, в Японии уже началась широкая роботизация промышленности, произойдет это и в других странах.

И в России, как и в Японии, страдающей от недостатка трудовых ресурсов, нужно было бы широко вводить роботизацию. Или возьмем магнитные двигатели, изобретенные еще Петром Леонидовичем Капицей. Эти проекты уже используются в Китае. Накопилось уже много принципиально новых технологий, которые в очередной раз изменят мир. Наука и технический прогресс лежат в основе небывалого на протяжении долгой человеческой истории экономического роста последних трех столетий.

Поворот к новаторским поискам в глобальном масштабе не произойдет сразу, здесь требуется изменение общественных настроений, ментальности не только ученых и разработчиков, но и мирового общества; прежде всего деловых кругов.

Отступление о более общих вещах

В какой момент истории мы с вами оказались на Земле? Что вообще в широком смысле происходит с человечеством?

На это есть ответ, который принадлежит не мне, а двум великим ученым: один — Владимир Иванович Вернадский, а второй — французский палеонтолог и философ Пьер Тейяр де Шарден.

Вернадский был геолог (но не только геолог, а еще геохимик и многое другое). Владимир Иванович Вернадский, показал, что уникальность Земли как планеты состоит в том, что эволюция геосферы приводит к возникновению биосферы (от архебактерий до человека), а эволюция биосферы приводит к возникновению космической сферы Разума — Ноосферы, то есть духовной деятельности разумных людей, которые постепенно преобразуют свою планету, развивая науки, искусства. Все это выглядит очень красиво и оптимистично.

Но здесь возникают некоторые особые проблемы. Я уже упоминал, что многие великие ученые и изобретатели трагически прожили свою жизнь. Мы, возможно, движемся к Ноосфере, но это процесс не гарантированный, не автоматический, он может замедляться и даже оборваться. В истории были периоды остановок и довольно большого движения вспять. В Средние века были забыты многие достижения, скажем, греческой науки.

Академик Юрий Борисович Харитон как-то спрашивал меня: «Вот вы занимаетесь историей науки. Скажите, это правда, что в Греции уже была известна идея, (которую мы знаем как открытие Коперника) о том, что Солнце — центр нашей системы?»

«Да, действительно, — отвечал я, — эта идея была высказана еще в Древней Греции, но потом потребовалось потом очень много времени на то, чтобы люди могли оценить ее».

Я это к тому, что есть довольно влиятельные силы на Земле, которые не желают согласиться с движением в сторону Ноосферы, полной победы Разума над *тракобесием*. Более того, надо помнить, что это небезопасное занятие. Вы сильно рискуете, если серьезно занимаетесь наукой.

Так стоит ли заниматься наукой? И что это нам сулит? Мой собственный ответ (весьма субъективный)

связан с представлением о роли красоты. Я думаю, что многое из того, что мы делаем в жизни, связано с нашим стремлением к красоте. Я имею в виду красоту в самых разных формах — прекрасные люди, прекрасные человеческие лица, прекрасные здания, прекрасные произведения искусства, ландшафты, растения и твари земные. Я думаю, что нельзя счастливо прожить свою жизнь, не испытывая удовольствия от того, что ты читаешь хорошие стихи или слушаешь хорошую музыку. Но какое это имеет отношение к науке? По-моему, самое прямое. Каждый может сопоставить мои слова с собственным опытом. Но мне кажется, что ощущение чего-то необычайного, которое сопровождает твои занятия наукой, сродни тем эмоциональным состояниям, которые дарит нам искусство. Самое основное переживание (очень яркое) — от красоты построения.

Поэтому такая важная наука — математика, поэтому стоит ею заниматься. Конечно, математика имеет массу приложений — сейчас практически в любой продвинутой области науки (в том числе и науки о человеке) самое красивое — это математическое доказательство.

Например, важнейшее понятие в математике — понятие симметрии. Есть замечательная маленькая книга математика Германа Вейля «Симметрия»⁴.

Симметрические отношения — это самое простое, что природа позволяет нам узнать. Человек сам устроен симметрично, так же как и цветы, и листья... Оказывается, современная наука все в большей степени вовлечена в изучение симметрических отношений. Если есть одно — значит есть и другое. Интересно и то, как и почему она нарушается.

Авангард, современное искусство стремится показать нам асимметрические отношения в мире. И в музыке так: музыка больших современных композиторов построена на диссонансах, на нарушениях гармонии, на асимметрии. Это тоже очень интересно, когда какое-то явление используется как бы наизнанку, в обратном смысле.

Так вот, я думаю, что одно из важнейших свойств науки (начиная с математики, но и других наук тоже), построенных как разумная система, — это красота, которая в них есть.

* * *

Критерий красоты для разума очень важен, но я не уверен, что критерий разумности обязательно связан с красотой.

Но обратное несомненно: эстетический критерий в жизни играет и должен играть огромную роль. Мои претензии к современности — недостаточное внимание к красоте как таковой.

ВОПРОСЫ:

— *Что вы подразумеваете под окончательной победой разума над мракобесием?*

Тейяр де Шарден (который был хорошим палеонтологом, был иезуитом, орден с ним плохо обращался) думал, что наша интеллектуальная жизнь началась с первых мыслительных открытий, которые он обозначал греческой буквой «Альфа», а движемся мы к точке, которую он называл «Омега». Это состояние «Омега» — полная победа разума, Как это понимать?

Я думаю, это прежде всего разумное построение общества. И тут я сторонник разного рода утопий. Их было много на протяжении истории; они не все оказались удачными, но кое-что было сделано. Я думаю, мы в конце концов придем к разумному обществу, но это долгий путь.

— *Вся ли информация, которую мы создаем есть сфера разума?*

Есть интересные расчеты; я вступаю в область высчитываемого. Думаю, что одно из важнейших открытий XX века — это математическая теория информации. Сейчас она развивается, создается ее продолжение — «квантовая теория информации». Это гигантское открытие: оно дает возможность подсчитывать все то, что мы создаем в ноосфере, все, что полезно для будущего человечества.

Сосчитано примерно общее количество информации, выработанное всеми цивилизациями Земли. Это учитывает как минимум всю содержащуюся во всех библиотеках информацию. Так вот, **вся эта информация приблизительно соответствует возможностям одного нормально-го человеческого мозга. Один человек в прин-**

ципе может знать Все Что Знает Человечество⁵. Аристотель не только знал все, что знали греки его времени но и записал, все что знало человечество его времени. Наше образование все больше отстает от возможностей науки и от возможностей каждого обучающегося. Сейчас, с развитием интернета, впервые возникает возможность обучить, грубо говоря «всех всему». С моей точки зрения надо раньше начинать учить, и учить по-другому, и не бессмысленным фактам, а принципам мышления.

Я думаю, что наш человеческий разум — это способность нашего ума постигать мировую гармонию (или отступление от нее — дисгармонию), в моделях, которые отчасти воспроизводят то, что есть в мире.

Кроме того, я думаю, что существует Мировой Разум, то есть некоторые *общемировые правила*, которые определяют создание разных миров. Современная наука предполагает существование так называемого *мультиверсума* — то есть что кроме нашего *универсума*, в котором мы живем, существует большое количество, других миров — то, что и называют *мультиверсум*, и, по-видимому, устройство мультиверсума в целом должно описываться Мировым Разумом, к которому наука пытается приблизиться. Мы делаем только первые лилипутские шаги по отношению к этой гигантской задаче...

— *Как соотносится движение к сфере разума с уровнем нравственности общества? Это не зависящие друг от друга вещи — или единый процесс?*

Думаю, это единый процесс. Довольно давно начинаются попытки сформулировать некоторые правила нравственности рациональным образом; вы знаете, что Кант, один из главных создателей современной философской мысли, говорил, что для него всегда значимы две вещи, одна из которых — моральный закон в самом себе.

Так вот, этот моральный закон можно сформулировать рациональным образом, этим занимался один из самых глубоких и замечательных философов — Барух Спиноза. У Спинозы есть попытка построить этику как математикообразную науку. Я думаю, это очень интересный и важный опыт. Этим продолжил заниматься Коген, один

из главных представителей неокантианской школы, который очень повлиял на Бахтина и весь его кружок. Рациональное изложение основных моральных и нравственных принципов — это наследие большой иудео-христианской традиции.

О замедлении пути к Ноосфере

Иногда я думаю: а может быть, и есть нечто, какой-то космический «механизм», который препятствует слишком быстрому вхождению в те области знания, куда мы не готовы еще войти, что может иметь плохие последствия...

Ситуация, которая сложилась в прошлом веке с изучением мозга: в некоторых развитых странах, склонных к созданию мощных военных комплексов, дело явно шло к агрессивному вторжению в мозг отдельного человека — своего солдата или чужого. Вспомните «Заводной апельсин» и много фильмов о воздействии на психику, зомбировании людей.

Я бы считал, что идея задержанного развития небесмысленна... Так, у братьев Стругацких в повести «За миллиард лет до конца света» героям все время мешают думать некие силы... Они приходят к выводу, что развитие в этом направлении могло бы оказаться вредоносным для человечества.

Это очень неглупая идея... И думаю, что в наше время ученые имеют право заниматься теми областями науки, про которые мы уверенно можем сказать, что они не окажутся вредными. Один из крупнейших космологов мира Мартин Рис⁶ (его должность — астроном Ее Величества) в последней своей книге о будущем науки высказывает большие опасения по поводу нанотехнологии. У нас ею очень увлечены, на это дают большие деньги, никто толком не знает, что это такое, но самое главное, что речь идет об очень маленьких масштабах объектов, которые будут самовоспроизводиться. Что это будет? Вирусы? Эволюционирующие микромашинки с искусственным мозгом? Человек может оказаться лишь ступенью для создания (запуска) каких-то новых форм жизни. Опасна не злонамеренность, а незнание последствий того, что мы делаем.

— *Каким образом гуманитарные науки могут иметь практические приложения?*

Гуманитарные науки позволяют открыть многое в истории — в частности, истории культуры и разумным образом это использовать. Я большой сторонник внимательного изучения книги Велимира Хлебникова «Доски судьбы». Посмотрите сайты на тему времени. Там много интересного относительно циклов мировой истории, как понимать историю человечества. Советую прочитать книгу великого ирландского поэта Йетса «Видения». Проблема цикличности и выхода из кризиса целиком относится к гуманитарным наукам.

О судьбе русского языка

Мне задавали много вопросов о соотношении материального и духовного; я думаю, что судьба русского языка в очень большой степени зависит от успешности экономического развития России. Есть много оснований считать, что разные стороны жизни весьма тесно связаны.

Нас приучили противопоставлять духовное и материальное, это дурное наследие советского времени. По-моему, такое же, как и неправильное отношение к тому, что такое разум.

Мировой разум

Мне давно уже кажется (на научнообразном языке я писал об этом в своей книге «Чет и нечет»), что есть целая большая группа явлений, применительно к которой было бы бессмысленно говорить о воздействии Внеземного Разума.

...Я не масон и никогда им не был (хотя меня иногда приписывали к этому интеллектуальному и моральному движению, визионер и мистик лишь в том смысле, в каком это понятие относят к поэтам. Всю жизнь важные смыслы приходили ко мне как строки стихов.

Так вот, мы должны исходить из того, что если мировой Разум существует, то он конечно превосходит средний человеческий. А потому глупо думать, что наделенное таким разумом существо

(или не представимая нами субстанция) станет передавать какой-нибудь малозанимательный текст на длине волны радиоприемника, в надежде что его поймает наш простенький (мы неспособны создать нечто схожее с человеческим мозгом) прибор. Мне проще (и приятнее) представить, что этот Разум общается с самым совершенным устройством во Вселенной — человеческим мозгом напрямую. С самыми лучшими умами человечества. Многие величайшие пророки, мыслители, поэты и художники утверждали, что не сами создали свои произведения, что они им были продиктованы. Я бы полагал вероятным допущение, что такие взлеты человеческого творчества можно было бы считать результатом воздействия внеземного Разума, являющегося результатом *вдохновения*. Собственно, это понятие во всех культурах и подразумевает воздействие чего-то Внешнего.

Более того, оказывается возможным предположить, что исходное сообщение мирового Разума отличается от тех сигналов, которыми мы обмениваемся между собой. Поэт ясно различает Голос Музы. Мыслима одномоментная передача очень большого (в принципе неограниченно большого — через сжатие) массива информации, что и согласовалось быв с многими описаниями, которые мы найдем у мистиков, художников, писателей.

Такое сообщение напоминает образы искусства, не делящиеся на составные части. Мы еще очень мало знаем о собственном мозге, его функционировании и устройстве, о взаимодействии полушарий.

Теоретико-информационные расчеты показывают, что **один человеческий мозг способен вместить всю информацию накопленную человечеством за свою историю.**

Но мы все еще можем научиться включить наши мозги в сеть, в цепь, — которая бы передала Вселенную. (*Может быть, поэтому интуитивно мы ощущаем, что идея парламента, демократии, со-мыслия, со-переживания, самая перспективная из всех, что накоплены людьми. — В.Я.*)

...В восьмидесятые годы физики (у нас Иосиф Шкловский, Андрей Сахаров) говорили о прин-

ципе, который возможно, определит мироощущение человечества будущего. Это так называемый антропологический (антропический — то есть человеческий) принцип. Подробно и с очень интересными комментариями об этом говорит Сахаров в статьях, которые он написал во время горьковской ссылки.

Об антропном принципе Андрей Линде (работавший с Сахаровым, ныне профессор Стенфордского университета), выдвинувший идею «инфляционной вселенной» говорил: «мы видим вселенную такой, какая она есть, потому что только в такой вселенной могла возникнуть жизнь и, соответственно, мы сами».

И еще: «сильный антропный принцип утверждает, что Вселенная должна была быть создана такой, чтобы в ней стало возможным наше существование».

...Сахаров был склонен думать, что антропологический принцип был намечен великим русским и немецким физиком Павлом (Паулем) Эренфестом еще в 1917 году.

Согласно антропологическому принципу, некоторые основные физические параметры возникающей Вселенной (температура и плотность вещества) были *подобраны* таким образом, что это сделало со временем возможным образование именно тех тяжелых элементов, которые входят в состав живых организмов, в том числе и человека.

В более общем виде можно сказать, что *возможность* (или необходимость?) *создания человека предусмотрена* в самом начале эволюции Вселенной. Замечательно, что к этому выводу приходят не гуманитарные науки, а естественные, включающие человека в свой предмет исследования.

Кажется возможным наметить в духе Тейяра де Шардена такую общую схему эволюции, где вектор, направленный в сторону человека и его мозга, присутствует все время, определяя подробности физико-химического, биологического и психосоциального развития.

От первичного взрыва до современных компьютеров пятого поколения мы можем прочертить теоретическую линию, не знающую попятного движения.

— У вас огромный опыт. Дайте главный совет молодым.

Оптимизм. Мы живем, несмотря ни на что, в великой стране в великое время, когда решает судьба человечества, и мы должны оправдать свое существование. Здесь и сейчас.

Октябрь 2009 года

Подбор, комментарии и подготовка к печати — В. Ярошенко

Эта публикация не увидела света. Я послал текст уехавшему в Америку В.В. Иванову, он любезно ответил, слегка попеняв на то, что отвлекаю его от срочной работы, указал на мелкие стилистические неприемлемости и ошибки, предложил внятно разделить его текст и мой. Дело затянулось, в номер текст не пошел, а потом как-то затерялся за делами.

Мы еще несколько раз встречались с Вячеславом Всеволодовичем в разных ситуациях. Помню, на свадьбе детей общих друзей мы сидели рядом, и я сказал, что на меня сегодня случайно с полки упала книга Сергея Эйзенштейна, которую я с увлечением принялся читать (именно это мне и было нужно узнать).

— Книжки с полок случайно не падают, — сказал он убежденно. И стал рассказывать об Эйзенштейне и языке кинематографа.

Сейчас, когда пришла бесконечно печальная весть о его кончине, я не нашел этого текста среди своих старых файлов, но помнил, что посылал его Вячеславу Всеволодовичу Иванову. Почта «Яндекса» тут же вернула мне письмо с приложенным текстом и последующей перепиской. Исправив текст по замечаниям В.В. Иванова, я его сейчас и публикую.

Печально, что его с нами больше нет.

Хорошо, что он был среди нас и оставил наследие, которое еще предстоит понять и осознать.

В. Ярошенко

Примечания

- 1 Эксклюзивную беседу Г.Наумовой с Клодом Леви-Строссом см. «Вестник Европы», том 25. 2009 год.
- 2 Римский клуб — международная общественная организация. Основан в 1968 г. с целью исследования развития человечества в эпоху научно-технической революции. Объединяет 100 ученых и общественных деятелей многих стран.
- 3 Выступление В.В.Иванова 25 сентября 2009г. в Большом зале ГБИЛ.
- 4 *Герман Вейль. (Hermann Weyl)*. Симметрия. М., Наука, 1968. 192 с. Эта книга — последнее сочинение одного из крупнейших математиков XX века Германа Вейля (1885–1955). Она излагает содержание общедоступных лекций, прочитанных автором в 1951 г. в Принстоне (США). Г. Вейль был глубоким и разносторонним ученым, внесшим большой вклад в «чистую» математику и в области ее приложений; в частности, его работы сыграли выдающуюся роль в осознании важности математической идеи симметрии как для математики, так и для физики. Разумеется, это последнее обстоятельство придает особый интерес настоящей книге Г. Вейля.
- 5 Из пленарного доклада В.В.Иванова на Гуманитарных чтениях в РГГУ в 2014 г.: «Размеры всей информации, накопленной в печатных изданиях и рукописях человечеством, до настоящего времени оцениваются примерно как 10¹⁴ бит (двоичных единиц информации). Однако несомненно, что значительная часть этой информации может быть представлена существенно более сжатым образом, что в первом приближении дает величину порядка 10¹¹ бит. Число нейронов в мозге каждого человека превышает 10¹⁰, а согласно новейшим данным число нейронных соединений существенно превышает число самих нейронов, доходя до 10¹⁵–10¹⁶. Поэтому современные работы по оценке информации, накопленной всем человечеством, приводят к неожиданному и парадоксальному результату: вся эта информация в принципе может быть усвоена и переработана мозгом одного человека. Из этого и некоторых других достижений нейронаук и дисциплин, исследующих психические функции, следуют весьма важные следствия, касающиеся возможных путей преобразования существующих и использующихся во всем мире средств обучения, связанных с вероятными особенностями памяти и способов ее улучшения и тренировки.<...>. Все, где можно положиться на помощь компьютерной памяти, должно быть исключено из программ собственно человеческого обучения. Но остается наиболее трудная задача приближения норм достигаемого знания к сведениям, характеризующим ноосферу в целом. Это означает необходимость краткой и сжатой формулировки основных результатов современного знания и их педагогически продуманного включения в обязательное для всех образование».
- 6 Мартин Джон Рис. Научными сферами его интересов являются астрономия и астрофизика. Окончил Тринити-колледж (Кембридж), где и преподает. Известен своими работами в области исследования реликтового излучения квазаров, черных дыр, гравитационных волн.

© Текст: Виктор Ярошенко

ЗАПАДНЯ ХОМЯКОВА

© Фото: Алексей Махшиев

Польский историк идей Анджей Валицкий подчеркивает: «Восприятие мысли Хомякова — не то же самое, что мысли самого Хомякова»¹, — в этих словах ученого, которые можно бы сделать эпиграфом данной статьи, нашла выражение главная особенность повествовательного ключа Алексея Степановича Хомякова, определившая рецептивную подвижность его дискурса со всеми вытекающими отсюда последствиями. До некоторой степени Хомяков — типичный курьёз в русской истории, ее мысли, вере, подобно тому, каким был Циолковский в космонавтике и ракетостроении («музейный экспонат» — называли его инженеры).

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

Всё вместе отражает характерную для русско-го мироощущения тягу к мифологичности мышления, идеализации, а следовательно, и фальсификации реальности, что сыграло для страны роковую роль. Без такого рода «комфорта», когда дискомфорт — это всё, что мешает выстраивать свои представления о действительности, революции не свершиться. Мало, чтобы «низы» не хотели старого и «верхи» не могли по-старому². Была еще удобренная почва: чтобы ее взрыхлить, хорошо поработали славянофилы: посеянное ими выросло на славу. С них и пошло...

О Хомякове написано много, в основном панегирически, сказанное им в разных формах и построениях можно свести к многовариативной, но цельной по внутреннему высказыванию модели: у России особая стезя, и она нуждается в постоянной самозащите. Наиболее интересная и убедительная на сегодня работа о Хомякове-философе принадлежит Сергею Хоружему³, который упорядочил, если не сказать, заново переосмыслил его учение, благодаря чему Хомяков не столь противоречив, порой под его идеи он подводит собственные обоснования, в чем, кстати, Хоружий не одинок. Таковы его интерпретации славянофильства как «символа» русского богословия⁴, «новаторства» Хомякова в его «синтезе» русской мысли и анализа нововведения «соборность».

Ведущее положение Хомякова и славянофилов в идейно-социально-религиозной палитре России второй половины XIX века бесспорно. Славянофильство сложилось как устойчивое содружество единомышленников, первое подлинное направление в философии, проложившее разделительную черту между западничеством и славянофильством, сохраняющуюся поныне, и ту дифференциальную различительную, которой, похоже, приходит конец с новым поколением, которое в целом равнодушно относится к своим истокам, прародителям, славянскому этносу (впрочем, не только в России): как говорится, им бы «тупить» в гаджетах, чтоб оторваться от всего навязываемого.

Славянофильский пафос в подходе к собственной истории — «в чем мы другие?» — диктовал теорию. Концепция не заставила себя ждать,

смешав философские термины и понятия, кои на Западе вырабатывались столетиями (Фома Аквинский, Декарт и др.), нарушив когнитивность и комплементарность, на основе чего выстраиваются системы законов, религии, науки, их взаимодействий, позволяя выявлять специфику правового сознания, самосознания, философского мышления, веры, нравственности. Между тем, система славянофилов — живая плоть, пульсирующая по наитию сердца (по желанию — англичане могли оказаться славянского происхождения⁵).

Ритуальное отношение к славянам со стороны славянофилов (а позднее и подобное отношение *русичей* к славянофилам) породило своеобразную полемику, в которой славянофилы, скорее, были обращены на Запад и менее всего к отечественным западникам, их пыл был направлен против католичества как такового, тогда как западники вели свои дебаты именно со славянофилами. Позицию последних усиливала семейственность — патриархальная славянофильская «мафиозность», которая делала свое дело: почти все участники течения были связаны меж собою родством через жен, мужей, братьев, сестер. Позиция непоколебима. Род воевал с разрозненным меньшинством западников и был неуязвим: у сословной хватки могучая челюсть. И если западники расходились друг с другом во мнениях, ибо широк был спектр их воззрений (П. Чаадаев, С. Соловьев, И. Тургенев, А. Герцен), в силу чего их лагерь не отличался монолитностью, — славянофилы же бились как единый кулак. Главный нарратив полемики выстраивался для выявления основополагающего знака «свой». Всё, что не соответствовало их установкам, воззрениям, представлениям, — касалось ли это религии и философии или только культуры, образа быта и жизни, — подлежало табуировать как «чужое». И вот этот масштаб мировоззренческого измерения кочует в России и по сей день, находя проявление во всех приоритетах веры, знаний, искусства. Агрессивность в виде оскорбленного духа заметна в самом неприятии совместного бытия с другими конфессиями. Поразительно, но в конечном итоге в современной России единственная этика, которая

возобладала поверх всех конфессий, при ведущей роли православия, — в среде «воров в законе». Они сами признаются, что ни в одной стране мира подобного социума нет.

Славянофилам, считает Хоружий, ситуация в России «виделась в ключе противостояния, противопоставления, конфликта; она представлялась экзистенциально напряженной, насыщенной негативными эмоциями, а то и невротическими моментами: оба толкования этой ситуации у Ю. Самарина рисуют резкое неравенство, по одному из них Россия гораздо ниже, по другому — гораздо выше «передовых народов». Первичным фактом для осмысления служило глубокое неравенство России и этих народов; и задача самосознания переходила тут же в задачу самоутверждения: преодолеть неравенство, обосновать, что мы — не ниже, не хуже... Первичный факт оказывался и первичной травмой: неравенство воспринималось как несправедливость, в судьбе и положении православного славянства читались непризнанность, осужденность, страдательность... Поэтому построения славянофилов — не чистый научно-философский или богословский дискурс. Их философия и богословие, их исторические и социокультурные теории всегда включают специфические побочные мотивы — полемические, идеологические, эмоциональные, даже «психоаналитические», выражающие определенные комплексы»⁶. Комплексы повели за собой славянофилов — но не на поиски истины, а в бой на защиту ценностей, которые еще следовало опознать, описать и оправдать, ибо все они были скрепами из прошлого. Исподволь выпускался наружу пассаистский дух с его коленопреклоненным отношением к истории и традициям. Проект будущего виделся и выстраивался по законам матрицы бывшего, «плюскамперфекта», сберегающего для будущего необходимые знаки. Именно эта позиция проложила проторенную дорогу революции — скачок в исполненное время! Когда будущее не создается естественно и гармонично, а закладывается идеологически, призыв переделать мир реален, ибо потенциальная готовность к войне всегда будет оправдана.

Отсюда искус обнаружить чисто русские, оригинальные основы богословия, выстраивая его не столько в русле единого христианского дискурса, насчитывавшего не одно тысячелетие, сколько в противостоянии тем, «кто не с нами». Проблема далеко не камерная. Как и вопрос: кто сильнее и убедительнее?

В историю русской философии, и прежде всего экклезиологии, Алексей Хомяков вошел, разбудив отечественную мысль, как «величайший идейный борец за святую Русь» (не оставляет ощущение подтекста в словах Флоренского⁷). Он прославился своей любовью к России, ее народу, олицетворявшему в его лице всё добро мира, и резким неприятием Запада, прежде всего католичества. Всё плохое, разумеется, несло отсюда, там нигилистическое отношение к жизни, однако почему-то «западный нигилизм» ударил именно по России и миновал Запад. И еще: как же тогда преданность народу сочеталась с крепостным правом? Ведь в те годы в Европе Россия оставалась единственной страной, которая обладала юридическими полномочиями на эксплуатацию и рабство человека.

Привычная модель «всё скверное — от католиков, а истинное и будущее зреет в православии» нашла яркое воплощение в трудах и художественных сочинениях Хомякова — неистового ниспровергателя Запада, не только историка и богослова, но поэта и драматурга. И хотя открыто, официально из идей, получивших широкую огласку и распространение, ему практически ничего не удалось реализовать при жизни, он тем не менее не только обрел сторонников и продолжателей своего дела в лице Киреевского, Самарина, Кошелева, позже Бердяева, Флоровского и др., — но и заложил самый мощный (замечу, взрывоопасный!) фундамент — мифологизацию России, ее прошлого, ее народа, Церкви, науки, набросив своеобразный флер на реальную ситуацию и подлинный опыт. Более того, на сегодня мифологема русской святости — самая разбойная и ходовая «корона» всех политологических схем и построений, да и русского мышления в целом, с ней, как говорится, «можно съесть всё». Странно только, что эти качества Хомякова — духовная впечатлительность

и фантазирование — выявились не в стихах и пьесах, пафосных и назидательных, а в экклезиологии, требующей именно ригористического подхода. Кажется, будто его способность к художественному творчеству — с одной стороны, и к богословию — с другой, поменялись местами, не случайно Хомяков сам о себе говорил так: «Без притворного смирения я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозаитор [прозаик] везде проглядывает и, следовательно, должен, наконец, задушить стихотворца»⁸. Благополучно задушив в себе поэта, он всю свою неисчерпанную креативность целиком направил на учение о православии. Глашатай забил во все колокола, ибо единственный знает, что надо его Церкви. «Всякий вопрос о славянофилах и славянофильстве на три четверти, кажется, обращается в вопрос о Хомякове, а сама славянофильская группа мыслится как "Хомяков и другие"»⁹.

По-своему его натура была гармонична, а в его типе просматривалась «пленительная эстетическая законченность»¹⁰, хотя «он и не был эстетом»¹¹: наряду с отрицанием «прав собственности», «верой в то, что земля принадлежит народу, доверием к коллективной народной жизни»¹² он больше склонялся к жизни размеренной и семейной, нежели интеллектуальной (в этой сфере он был дилетант). Хомякова нельзя назвать аристократом духа, он весь — русский барин, убежденный, что только добрый барин спасет великую Русь! Бесспорен его вклад певца «коллективного бессознательного» в развитие патриотических идей в России, которые, надо заметить, поднимались на высоту за счет ниспровержения идей соседей. Утверждая самобытность русской веры, он насаждал самоизоляцию и прививал аллергию к толерантности, живописуя в рамках существовавшего тогда крепостного права *органические* взаимоотношения хозяин—холоп.

Русский народ, получивший в конце XVIII века, после разделов Польши (третий в 1795 году), ее земли с проживавшими там поляками и евреями (отчасти украинцами, белорусами), так и не оправился от этого насильственного «обогащения». И главной причиной стала

не психология русских, чутко реагирующих на чужое, но их повальная неграмотность, которая, в сравнении с польскими крестьянами (при костелах функционировали школы) и тем более евреями, успешно посещавшими хедер (где худо-бедно их учили ивриту по книге жизни Торе), делала их совершенно беспомощными. Славянофилы, прежде всего С.Т. Аксаков, не одну слезу уронили над участью несчастного русского народа, но мало кто из них осознавал, как не подготовлен был этот народ к новой жизни и каким ярмом было для него крепостничество! В итоге крепостное право было отменено не под влиянием и по требованию русской интеллигенции (о русском бунте — «бессмысленном и беспощадном», по выражению Пушкина, и говорить не приходится), а вследствие начавшихся восстаний польских крестьян, которым никак не подходила эта неподобающая зависимость, ибо на своей родине, к тому времени растерзанной на куски, они вполне могли бы купить себе дворянство, а здесь, по закону Российской империи, им полагалось быть приписанными к земле и хозяину.

Но что самое примечательное, в этом жаждавшем любви и семейного счастья патриархальном деятеле славянофильского очага рано пробудилось боевое начало, на что Бердяев не мог не обратить внимания, чуть ли не любясь этим качеством и ссылаясь для примера на «Послание Веневитиновым», написанное молодым Хомяковым и насквозь пронизанное державинским «Гром победы раздавайся»: «Итак, настал сей день победы, славы, мщенья: / Итак, свершились мечты воображенья...»¹³. Кстати, эти хомяковские строки от державинских отделяют едва ли не полвека; но все еще силен пафос бряцанья оружием!

«Воинственная натура Алексея Степановича сказалась очень рано. Семнадцати лет он пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение Греции. Он купил за сапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушел из дому. Его поймали за Серпуховской заставой и вернули домой»¹⁴. Или вот еще: «Всё, что было романтического в природе Хомякова, всегда принимало форму

стремления на войну»¹⁵. «Воинственность — характерная черта Хомякова. Черта эта сказалась и в том, что его часто тянуло на войну: и в воинственной манере писать, и в любви к диалектическим боям. <...> Он догматик всегда. Догматическое упорство проникает всю его натуру»¹⁶. Его догматизм и в самом деле был непобедим, ибо сшит белыми нитками — не «за», а «вопреки». И самое поучительное: «Плохой воин тот, кто борется с самим собой, а не с врагом. Хомяков всегда боролся с врагом» (которого, заметим, и выдумывать-то не надо было: католики, Папа Римский, Запад всегда под рукой).

Одно из самых больших заблуждений не только Хомякова, но и писавшего о нем Бердяева, — в идеализации, в которую попеременно впадал Хомяков. «Он видит миссию России прежде всего в том, что она откроет западному миру тайну свободы»¹⁷. А пока *тайна свободы* не открыта, одним росчерком государева пера переходившие в другую веру лишались всех сословных и имущественных прав: в частности, князь Иван Гагарин «за самовольное пребывание и вступление в монахи иезуитского ордена»¹⁸. Да и о какой *тайной свободе* могла идти речь при *явном* крепостном праве?! «Его собственная бытовая, деревенски-помещичья свобода представлялась ему органической свободой всего русского народа, всего уклада русской жизни. Тут была ограниченность, связанная с бытом, с историческими условиями места и времени, но сама любовь к свободе была у Хомякова безграничной». Бердяев просто любит затаившейся «деревенски-помещичьей свободой» на Руси (на Западе это давно анахронизм), вроде бы не замечая того кризиса, каким давно болела русская интеллигенция, и о чем он писал в исследовании с красноречивым названием «Духовный кризис интеллигенции» еще в 1910 году.

Столь явно идеализированная «деревенски-помещичья свобода» была аналогом не простоты, а «упрощенности» быта, заманившего собой духовность. Хомяковские прощания были обращены в прошлое, далекая история Руси освещала ему путь. Пассеизм надолго, если не навсегда, поселился в русской

душе, определив мироощущение и тип поведения. Показательно, что в искусстве пассаизм присущ декадансу — самый большой парадокс Хомякова, которым он награждал соотечественников, так и не вручив им ни ключей от врат, ни бразды правления в руки. Его философия работала только как «воспоминание» и руководство к действию против любого внешнего врага. Но она не спасала в трудную минуту. Чем она могла помочь многим людям, потерявшим все сразу после революции? Или бывшим владельцам вишневого сада, которые растерялись перед вырубленным садом? Жизнь стремительно менялась.

Утверждение, построенное на отрицании, оказывается, все еще живо. «Хомяковство» Хомякова осталось в пределах исследований его учеников и последователей, сосредоточившихся в основном на наследии своего учителя. А потому «Хомяков и учение его есть проблема»¹⁹, справедливо считает о. Павел Флоренский, указывая на «удивительную эластичность хомяковских формул, в его блестящей диалектике и в его сочном и убежденном уме обладающих мощной убедительностью, но почти пустых и потому удобопревратимых»²⁰ в любое утверждение. Точно так же остается непонятным, чему Хомяков мог научить будущие поколения? Любить жизнь, от которой остался обгоревший остов? Поклоняться Церкви, которая отчасти сама сдалась, отчасти ее разгромили. «Всё в прошлом» — благодушная картинка из Третьяковки, без будущего. То, что сегодня пишут о Хомякове, есть всего лишь переосмысление его идей в форме всё той же ностальгии или подвижнической веры в правоту православного Церковного учения, отрицающего конкретную личность как субъекта, а ведь истинный признак демократии — *vliberum veto!* Церковь Хомякова, исключая обособление в ней индивидуальности, обосновывала ее авторитарность, а в итоге — и служение государственной авторитарности.

Хомяков был замкнутой личностью. И тогда чему может научить бездушная теория? Мало того, что «в стихах своих он воинствен, точно из пушек стреляет», но он при этом «горд и скрытен» (Бердяев)²¹. Хомяков тщательно

скрывал от всех любые движения души, о чем писал и Киреевский, но именно этот опыт, гжучий, личный, глубоко скрытый, необходим и насущен. В жизни, как правило, открытость — признак и залог таланта. Творческой свободы тут нет и в помине.

Что мешало Хомякову? Может быть, отсутствие свободного пера? Такое бывает: мысль летит легко, но застревает на бумаге. И это в тот период, когда в русской литературе с приходом Л. Толстого всё большую власть получала имманентность, которая, по тонкому наблюдению П. Флоренского, распространялась на «богословствование» Хомякова, особенно по части того, какой он представлял себе Церковь, но не на поэтическое самовыражение. Замкнутую душу он словно заменил не Богом, не верой, а Церковью — единственным местом, где вершились человеческие судьбы, ибо здесь было подлинное собрание народа. Его идея «соборности» отчасти — отсюда из храма. Он явно преувеличил власть народа, и это спустя полвека горестно аукнулось России в годы кровавых революционных репрессий. Русский народ — вedomый народ. И хорошо организуемый. Даже против своих благодетелей: разграбленная и подожженная усадьба в Ясной Поляне — яркий тому пример. А ведь владельцы усадьбы лечили, образовывали, развивали. И к чему это привело? Вопрос не праздный. Хомяков нигде об этом не говорит, но это вытекает само по себе: русский народ — послушный и преданный, куда он закабален. А что делать со своей свободой, они не знают. Не обучены этому. Своеобразный комплекс вины перед необразованным и забитым крестьянством Хомяков заменил полномочиями, которыми в реальности народ не обладал, но которые в его социальном учении подразумевались. Частный случай из собственной практики он распространил на всё социальное устройство России, открыв шлюзы для псевдонароднической мифологизации. Вместо того чтобы воспитывать народ — долго и упорно, славянофилы выдумывали его, упустив шанс реформировать Россию действительно, а не вербально.

Через моделирование Церкви Хомяков выстраивал религиозные взаимоотношения в пределах почти всего мира, во всяком случае, расширяя на всё человечество свою программу. Судя по его историческим, «интуитивным» поискам, мысль его простиралась далеко не только в пространственном, географическом, но и временном отношении: от фактов, неизвестных летописцам, до нынешнего времени, и на века. И во всех его высказываниях первое место занимала православная Церковь. Современное ему христианство с его многочисленными ответвлениями церковный учитель славянофилов трактовал как вероотступничество. И не может не вызывать самого простого недоумения: почему русские с таким остервенением, а главное — уверенностью, будто имеют право, обрушивались на Запад, разносили в щепы всю его систему — не только религиозную (допустим, славянофилам абсолютно чуждую), но и политическое, идеологическое, социальное устройство? Ведь это не их родина и не их государство. И такой подход вошел в привычку, стал чуть ли не основным риторическим козырем русских людей.

В самом деле, «что мог противопоставить этому культурному богатству (Западу! — *Е.Т.*) творчески девственный „Восток“, византийско-славянский мир? Белые страницы своей истории, изредка обгащенные кровью, пролитой в диких оргиях братоубийственной вражды или вспышках необузданного варварства?» — восклицает Г. Флоровский²², словно вторя Чаадаеву, вроде бы всё сказавшему на эту тему. И находит объяснение: славянофилы противопоставляли просвещенной Европе свой идеал органической жизни в духе и любви, свой «сельский коммунизм»²³. А Европе что за дело — у нее что, не было своих проблем? Отдавая отчет в том, что славянофилы по-своему заблуждались, о чем Флоровский говорит с большой осторожностью, он всеми научными способами стремится оправдать даже провозглашаемую, а точнее — разделяемую ими триаду «православие, самодержавие, народность» как «символическое выражение их идеала органической жизни»²⁴. Гремучую смесь не разложить на составляющие. Флоровский ха-

рактизует славянофилов как «исторических старообрядцев», полагая, что трактовать их необходимо сугубо в рамках их собственной доктрины, не выходя за пределы того времени, чтобы «дети» не впадали в искушение создавать свое «предание об отцах».

Кем же был, в итоге, Хомяков? — неустанно вопрошает о. Павел Флоренский. Его вопрос не из области онтологии, и не имманентный по существу, его даже нельзя отнести к сугубо богословским, ибо это вопрос из области нравственности. Той ответственности, которая обязывает ученого сдерживать излишне ретивую мысль: *«Охранителем ли и углубителем корней святой Руси или, напротив, искоренителем исконных ее основ во имя мечтательного образа проектируемой России будущего? Смирено ли воспринимал он святую Русь русского народа, желая очистить ее от случайной грязи, налегшей на нее извне, или же с гордостью реформатора пытался предписать Руси нечто, им самим, или ими самими — московским кружком славянофилов, придуманное? Ведь от себя указывать Церкви, какой ей быть, хотя бы и по чистейшим своим побуждениям, — это значит не признавать Церкви, а признавать себя»*²⁵, — вывод чисто методологический. У Флоренского в его подходе к науке комплексов не было. Его мышлением управляла четко выстроенная и доказательная идея, у которой всегда были логика и место в его системно-структурном подходе («Иконостас» — идеальная модель структурного анализа, у истоков которого он стоял).

Разумеется, отношение к Хомякову не могло быть однозначным. Флоренский был одним из самых открытых и непредвзятых критиков Хомякова, он подчеркивал, что это — «не формальный вопрос: Хомяков сам подает повод к двойственному толкованию себя; и при том или другом желании его можно толковать надвое»²⁶. Вот и Валицкий, характеризуя «утопическое» учение Хомякова, назвал автора «двуликим»²⁷, пояснив, что «Хомяков заслужил репутацию великого предшественника модернистских течений в христианстве»²⁸ — и даже сыграл заметную роль в пересмотре католической догматики на II Ватиканском Соборе. Вме-

сте с тем в русле вечного спора русской мысли с католичеством «открывается совершенно другой облик Хомякова: православного фундаменталиста, который твердо придерживался вековых принципов и враждебно относился как к чему-то чуждому к экуменическим тенденциям общехристианского обновления XIX века»²⁹. Его идеи нацелены на «антикатолический фундаментализм, изоляционизм и чувство превосходства над другим христианским миром»³⁰. Откуда тогда именно на Западе столь очевидная увлеченность его образами и идеями? Хомяков, который выстраивал свою экклезиологию исключительно в противостоянии Европе и католичество, оказался востребованным именно католиками. Его «соборность» циркулирует от рядовых богословов до Папы Франциска. Очевидно, жаждавшее перемен современное католичество наложило свои ожидания на высказывания Хомякова, не разглядев, что у него на родине они давно превратились в идеалистическую конструкцию агрессивной самобытности, по сути дела оправдывавшей религиозную нетерпимость.

Носегодня «соборность» ассоциируется с исму — с ульманством, с его уверенностью в правоте своей религии и упорством отстаивать сплоченность. Как и суть максималистской «соборности» Хомякова «Для России возможна одна только задача: сделаться самым христианским из человеческих обществ»³¹. Амплитуда влияния «соборности» со временем только набирает обороты — не как религиозный термин, а скорее как национальное воззвание, видоизменяясь и трансформируясь.

* * *

Почти десять лет назад, 22 октября 2008 года в стенах итальянского католического монастыря в Бозе (Monastero di Bose), неподалеку от городка Биелла на севере Италии, между Туринем и Миланом (где возникла независимая монашеская община смешанного типа, став центром творческой, богословской и художественной деятельности экуменической ориентации), прошла конференция с примечательным названием: «Соборность, концилиарность и общение: от Хомякова до Зизиуласа». Зизи-

улас — греческий митрополит Пергамский Иоанн — сейчас один из самых видных православных богословов, сторонник экуменизма и сближения с католичеством, несмотря на страсти по филиокве.

Участник конференции, протоиерей Игорь Цветков, в частности, отмечает: «Философы т.н. славянофильского направления — а все они были горячими приверженцами православия — как раз и пытались перевести, как сейчас говорят, дискурс православного богословия в область соборной экклезиологии — к сожалению, безуспешно. Символический натурализм, о котором уже в американском рассеянии и через сто лет сокрушался прот. Александр Шмеман, оставался непробиваем»³².

Первый — и главный — вопрос, который возникает в связи с этим: что же всё-таки означает «соборность» и почему она стала не просто лакомым кусочком для славянофилов, а в дальнейшем — для православия (его официальные представители поначалу вели борьбу с новшеством), но и притягательной монетой практически для всех религий? Католики и англикане это признают открыто, у «соборности» много общего с мусульманством, «соборность» отвечает главным требованиям протестантизма. Флоренский выявляет основополагающие различия между православием и протестантизмом, руководствуясь опять же логикой сопоставления «иранского» и «кушитского» начал в работе славянофильского учителя Церкви: *«Для Хомякова сущность протестантизма — только в протесте против романизма, при сохранении, однако, основных предпосылок и характерных приемов мысли этого последнего. Но дозволительно сомневаться, так ли это: развитие протестантизма и его производных уже после Хомякова обнаружилось с несомненностью, что в основе протестантизма как главного выразителя культуры Нового времени лежит гуманизм, человеко-утверждение, человекобожие, или, по терминологии, заимствованной из философии, имманентизм, то есть замысел человечества из себя, вне и помимо Бога воссоздать из ничего всякую реальность, и в особенности реальность святыни, —*

*воссоздать во всех смыслах, начиная от построения понятий и кончая духовною реальностью. Между тем, сущность Православия есть онтологизм — приятие реальности от Бога, как данной, а не человеком творимой, — смирение и благодарение»*³³.

При всей подвижности своего дискурса «соборность» соответствует протестантским сообществам. Но в России она по-прежнему существует, скорее, на словесном уровне. Почему? По-видимому, как результат подмены ненависти к католикам «образом» Церкви с ее «соборным единством». Однако именно нацеленность на борьбу с «падшими Церквями» оказалась близкой ментальности русских. Бердяев красноречиво называет Хомякова «рыцарем православия»³⁴ — опять же, по аналогии с западным рыцарством, отсылаясь на выразительный его портрет, сделанный Герценом, о котором не мог не знать: «Он, как средневековые рыцари, караулившие Богородицу, спал вооруженным»³⁵ (сплошные католические ассоциации).

Вряд ли славянофилы предвидели то, — насколько был предугадан ими дух русского самосознания, столь ярко поведавший о себе в революцию.

Для убедительности и наглядности применения понятия «соборность» как центрального в системе богословских штудий Хомякова самый, пожалуй, большой поклонник его теорий, о. Георгий Флоровский, называвший его «систематиком славянофильского учения» и «прирожденным диалектиком»³⁶ (предостерегая от буквального понимания «системы», ибо в трудах и мысли Хомякова царят «не определения и доказательства», а свидетельство и описание³⁷), ссылается опять же — замечу — на католического богослова Иоганна Адама Мелера (Тюбингенская католическая школа), одна из работ которого так и называется «Единство в Церкви или принцип католичества» (I. A. Moeler (Mohler) Die Einheit in der Kirche oder das Princip des Katholicismus, 1825). Но Флоровский уже самим переводом толкует это название по-своему: «Единство в Церкви, или начало соборности». Тем самым принятый ранее и давно признанный термин «кафоличность» он для доказательств пра-

воты позиции Хомякова – подменяет «соборностью», и сразу становится очевидной условность значения «соборность», размытость его содержания, а в конечном счете – выдуманность.

Кстати, введенное в обиход Хомяковым слово «соборность» в русском языке возникло не от существительного «собор», как легко можно предположить, а от прилагательного «соборный»³⁸, что и означает в переводе с греческого *καθολικῆ*, то есть «целокупный», «универсальный», «вселенский» (или «католический/кафолический»). Всё это синонимы, которые, встав в один ряд, наводят на мысль об идеологической диверсии Хомякова. Он не просто стал кивает лбами разные переводы одного слова, как-то: «вселенский» – «соборный», пытаюсь «развенчать» католический Символ веры, но аргументированно выступает с собственной интерпретацией против сложившегося образования «католическая вселенскость», ведя открытый спор с другими христианскими конфессиями для утверждения православных, единственно верных догм³⁹. Его стремление к метафизическому осмыслению Церковного предания обернулось идеологическим расчетом с европейскими христианами: католиками, протестантами, желанием взять реванш. Подобный бунт на корабле христианства, когда один термин присваивался за счет того, чтобы низвергнуть другой, вряд ли способствовал взаимопониманию. Сегодня меньше всего вспоминают, каким образом Хомяков вводил понятие, долженствующее объединять всех верующих под сенью Духа Божьего. В Константинопольском символе веры (381 г.) говорится о вере в *katholike ekklesia*, то есть по-старославянски: «въ съборную церковь», позднее ставшую соборной. Тем самым «собор» возник из старославянского «съборъ», по Фасмеру, первоначально «собрание духовенства» – калька с греческого *συναγωγή*⁴⁰ – «собрать вместе», или «соборъ» («собрание», «синагога»)⁴¹. Хомяков, очевидно, вкладывал в это понятие совсем другой смысл: его «соборность» – то, что потом современные богословы назвали «концилиарность» (от лат. *concilio* – собор), которая подразумевает форму/орган церковного управления. Расширительно толкуя «съборъ» и давая

ему новое содержательное наполнение, Хомяков, по существу, увел от слова «соборный» как «собранное вместе», а значит, «совместное», его первоначальный смысл, придав ему формальные качества, которые и характеризуют, по его мнению, Православную Церковь. Примечательно, что сегодня, для того чтобы православную «соборность» облечь в работающую модель, прибегли именно к латинскому термину «концилиарность», на основе которого современными католическими богословами было выработано понятие, адекватное «соборности» в ее современном значении⁴².

*«Естественно возникает вопрос, – которым задается Хомяков в споре с иезуитом Гагариным по поводу понимания Символа веры, – существовало ли на Славянском языке слово, вполне соответствующее понятию всеобщности? Можно бы привести несколько таких слов, но достаточно указать на два: всемирный и вселенский. <...> Первое из приведенных слов (всемирный) встречается в очень древних песнопениях; древность второго (вселенский) также несомненна; оно употребляется, говоря о Церкви, для выражения ее всеобщности (вселенская Церковь) и говоря о соборах (Вселенский собор – *concile oecuménique*). Итак вот к каким словам прибегли бы первые переводчики для передачи слова кафолический, если бы они придавали ему значение всемирности. Я, разумеется, нисколько не отрицаю, что слово *καθολικός* (из *κατά* и *ολα*, с подразумеваемым *ἔθνη* – народы, или другим однородным существительным) может иметь и значение всемирности; но я утверждаю, что не в таком смысле было оно понято Славянскими первоучителями. Им и на мысль не пришло определить Церковь географически или этнографически; такое определение, видно, не имело места в их богословской системе. Они остановились на слове соборный, собор выражает идею соборания не только в смысле проявленного видимого соединения многих в каком либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве»⁴³.*

Между тем, замечает И. Цветков, «первые церковнославянские тексты, содержащие Сим-

вол веры, довольно далеко отстоят во времени от равноапостольных Кирилла и Мефодия, о которых известно, что они этот Символ перевели, а стало быть, изобретение ими прилагательно-го „соборная“ недоказуемо⁴⁴. Следовательно, у слова «соборный» исторически есть более далекое значение — «сборный» как «собранный вместе», единый, в то время как у сочетания «Соборная Церковь» есть свой специфический смысл: «Она заключает в себе верующих во Христа всех мест, времен и народов», — отмечает в Церковно-славянском словаре⁴⁵, что и есть «вселенская», а это в корне противоречит отношению Хомякова к другим конфессиям в силу его несогласия с их доктринами. Признать «соборный» истоком хомяковской «соборности» — вносить еще большую путаницу.

«Соборность» создавалась Хомяковым на основе слов, вырванных из контекста (съборъ — собор — соборный — соборность), задача была — выделиться из европейского, а значит общехристианского русла, порвать с католической «вселенскостью», подразумевающей «всемирная»: понятие, возникшее для уяснения греческого καθολική, из разряда синонима сразу же перешло в разряд антонима. Отсюда путаница, начало которой положено Хомяковым. По мнению Флоренского, «Хомяков считал, что определение „соборный“ точно передает первоначальное греческое значение слова „католический“, поэтому он отказывался называть Западную Церковь католической и пользовался такими терминами, как „романизм“ и „латинизм“»⁴⁶. Хомяков шел на открытое непризнание догм католичества (непогрешимость Папы Римского, проблема филиокве). Это позволяло обосновать национальную индивидуальность и на этой основе изложить принципы изоляционизма. Русская Православная Церковь провозглашалась как непохожая и обладающая своим особым путем — и прежде всего верностью традиции. Индивидуальность личности заменялась индивидуальностью соборной. Разводя Церковь-институт и Церковь как единое духовное целое, Хомяков наделял ее по статусу теми чертами непогрешимости, против которых восставал приме-

нительно к Папе Римскому, согласно догматическим принципам католиков.

Связь с логикой внушения, которую демонстрирует Хомяков, очевидна, как и то, что до некоторой степени им была открыта своеобразная школа «переплавки» смыслов и понятий в те, что необходимы на данный момент.

По сути дела, «соборность» получила терминологическую свободу, выражая всё и ничего, оправдывая притязания на «не свое». Это новообразование, неологизм, возникший на основе уже принятого и устоявшегося понятия «вселенскость», своей многовекторной ассоциативностью смешало в кучу «кафоличность/универсальность» имперской Церкви и форму правления Церкви, подразумевающей управление ею через собрания/соборы ее полномочных представителей.

Главный прием Хомякова — деконструкция слова и смысла, образа и значения, мысли и действия — в целом предвещает модернизм не только в богословии, о чем уже говорил Валицкий. Странно, что Запад, с его живейшим интересом к Хомякову, не уловил этой парадигмы, едва ли не первой ласточки в модернистском искусстве. Хомяков смело отнимает у слова его понятие и наполняет своим содержанием, нарушая законы перевода. Жаль, что он не сочинял музыку, стал бы предтечей какофонии.

Языковая подмена слова «вселенской» на «соборную», означавшую не «съборную», а уводящую к понятию «соборность», свела богословский дискурс к идеологическому, на корню уничтожив те процессы демократизации, поборником которых он сам выступал и которые вроде бы им и были начаты. Масштаб общечеловеческого был сведен Хомяковым к сугубо закрытому «храмовому» общению на основе формальных признаков. Все составляющие экклезиологии Хомякова оказались в конфликте друг с другом, нанеся урон самой идее своей коварной вербальной нечеткостью, характерной вообще для славянофильского богослова, когда подразумевается одно, а пишется другое, подбираются выражения более осторожные: например, Церковь «борющаяся» — на самом деле «воин-

ствующая»; Церковь «видимая» и «невидимая»; Церковь как место богослужения и Церковь как образ; Церковь как объединительный орган получала статус чуть ли не выше Бога, а объединение разных по своему статусу, но одной веры людей исключало всякие права отдельно взятой личности. То уже была не только лингвистическая, а подлинно религиозная и нравственная западня. Идеиная доказательность торжества православия как единого целого превращалась в ораторию захвата, который питался песнями былых побед русских — над татарами, шведами, французами, турками... И как стимул для развития промышленности, которая всегда пробуждалась с военным уклоном, точно так же и религиозный подъем сопровождается далеко идущими социально-политическими и географическими намерениями. Держать народ, своих верующих, на таком вот подъеме — это важная составная часть программы Хомякова и его последователей.

Конституирующая модель «соборности» с ее пафосом *сопричастности* в руках умелого игрока ловко забрасывала фишку на нужную территорию, ведя исподволь свою «пешку» от национального сознания через религиозное к социальному, а вскоре — и к революционному. Меняя лексическую нарратологию, она преследовала чисто идеологические цели, опираясь на присущее русскому народу свойство действовать сообща, «еще теснее сплотившись».

И чувствуя эту специфику (которая, к чести Хомякова, была именно им открыта и сформулирована, более того — философски обоснована), славянофильский учитель Церкви сделал ставку на народ как на сплоченную нацию, не учитывая истоков подобного единения, причин, обусловивших данную специфику, и обстоятельства, что сопутствовали такому сплочению. На формирование подобного монолита повлияла боевая культура татаро-монгольской орды, научившая русских «ордынской сходке», «коллективному бессознательному» в поисках формы: социальной (община) или религиозной («соборность»). Мифологемы общественного развития, с присущим им дыханием «особого пути», вплотную и подвели к революции. За-

хватническая апология лежала на поверхности, всё остальное тонуло во мраке.

В определенной степени «соборность» была претензией на легитимацию особого, так сказать, новопротестантского православного сознания: не случайно Флоренский видел в учении Хомякова сходство с протестантством (на что обиделся Флоровский). При этом сам Хомяков выступал в роли некоего Лютера, обратившись к новому прочтению духовного человечества, борясь с другими церквями, в том числе и со своей собственной, что на корню подрывало понятие «соборности» как фактора объединяющего, а не разъединяющего. Для Флоренского это был всего лишь «маскированный социализм», навеянный западными идеями: «Мысль о соборности сознания не совсем чужда и западной философии, например Канту, не говоря уже о Шеллинге последнего периода, и далее Фейербаху, Контю и др.»⁴⁷, — пишет он, тогда как современники Хомякова его диалектический пафос церковности как истинной целостности считали живым голосом изнутри.

Павел Флоренский, не вступая в открытую полемику с Хомяковым, а лишь выявляя явный алогизм его богословских суждений, смешавших догмат и право, религиозное чувство с социализмом, исказившего законы исторического развития (сюда можно добавить и умелое соединение Хомяковым поэтики учения о Церкви с художественной, чего стоит одно его заявление о Церкви как «образе», прямо «Сказание о Невидимом граде Китеже»), — не высказывается напрямую, а лишь посредством рецензии на книгу Завитневича⁴⁸ обнаруживает отступление, противоречия — подводные рифы, которые трудно обойти.

Религия предполагает жизнь. Хомяков выбрал борьбу. Победила революция, ибо боевой дух питал ее. Более того, отказывая отдельной личности в праве на свободу внутри единого церковного коллектива, согласно проекту «соборности», славянофил тем самым отказывал и Церкви как таковой в праве на собственную позицию, личные воззрения, не говоря уж

об индивидуальном выборе приходом внутреннего уклада, выработке литургии в системе церковной иерархии. Всё это далеко отстоит от провинциальных церквей, где на свой страх и риск, а иногда от безденежья и безнадежности выстраивается «соборность» — как правило, индивидуальная, случайная и временная — всё зависит от настоятеля, его характера, умения собирать верующих. То «единодушие», которое внушает Хомяков, на деле оказывается штампом, неким знаком качества, которому подлежат все. Не случайно Хомяков определил свое видение Церкви как «Церковь одна», а не «Церковь единая»: поначалу складывается впечатление, что это неточное слово, но потом понимаешь истинный смысл — Церковь одна, вера одна, народ один. Такое спланирует.

«Соборность», получившая популярность на Западе, для России стала неким прообразом коммунизма — вместе с опытом самовнушения: гипнотическое воздействие идей Хомякова на развитие русской ментальности не вызывает сомнений. Последующими поколениями мысль славянофила была выпрямлена, насыщена определенной долей душевной тоски, какую испытывал в России едва ли не всякий верующий, мечтавший, чтобы другой думал точно так же, разделял с ним его мироощущение, так сказать, онтологию и имманентизм одновременно, чтобы ощущать *всех со всеми*.

Хомяков создает свои тексты как модульные истории, которые требуется сложить, но эти составляющие он путает местами: их явный субъективизм заслоняет картину, а когда исчезает онтология, расплывается не просто личностная символика, которая так или иначе держит любое написанное, а *смыслообразующая идея*, без чего нет ни пишущего, ни читающего. И неважно, какой перед нами дискурс: философский, богословский, поэтический или мемуарный. Славянофильские смысловые умели его угадывать, далеко уведя своего учителя от интеллектуальной дороги.

Не отсюда ли та простота, которая обнаружилась себя в преемственности идей Хомякова? Трактовать его можно как угодно, что показало

последующее число сторонников «синтеза» его мысли. Хомяков выстраивал свои параллельные, воздушные пути, которые сегодня сияют «приземлить», найти им подобающее место. Но как не было этого места тогда, так нет его и теперь — если, конечно, не публиковать его тексты с комментариями. Его не заботила аудитория, свои выступления он словно готовил для домохозяек, которые в любом случае прослушают их с удовольствием. Субъективная идея двух мировых стихий — «кривое зеркало» «кушитства» и «приукрашенное» — «иранства»⁴⁹ как *стихии необходимости и стихии свободы*, которая делала Хомякова (считал Бердяев) почти конгениальным, по сути дела вступала в противоречие с самим автором: ставя перед собой задачу «угадать» неизвестные факты истории, не зафиксированные летописями, он полагался на историческую интуицию, отвергая при этом мистицизм, хотя обе эти области между собой соприкасаются. И начисто отбрасывал предыдущие работы, которые старательно штудировал, полагая, что в исторической науке всё двусмысленно. Вера в свою правоту была незыблема. *«То высшее начало, о котором пел он как поэт и в котором усматривал залог крепости крестьянского общества как хозяин, — оно оказывается теперь высшим началом истории. Но против этого начала в истории, как ранее — в образах поэзии и затем — в крестьянском быте, борется другая сила. Началу "иранскому", как назвал Хомяков высшее духовное начало истории, противостоит разъедающее его материалистическое начало "кушитское". После такого открытия Хомяков пытается отыскать и живые центры этих начал в их чистейшем виде. Этими центрами оказываются исторически Церковь и романизм, то есть та коренная сила, которая сделала из Римской Церкви общество еретиков и в своем дальнейшем развитии породила протестантизм»*⁵⁰, — Флоренский внимательно следует за мыслью Хомякова, стараясь всесторонне проанализировать его *вихревые потоки*.

Хомяков создавал свою систему культурологических стихий, которая не объясняет эволюции, ее логика развития слишком условна и на последующую науку влияния не оказала.

Другое дело – формирование мышления и логики доказательств чистоты православия вопреки вероотступничеству католичества.

Умение Хомякова держать голову поверх всех «аксиом» сослужило ему добрую службу. Будучи великим спорщиком, он любил и умел вести споры чуть ли не целый вечер на каком-нибудь приеме, отмечал Герцен⁵¹, при этом А. И. Кошелев в своих известных «Записках» еще и уточняет: «по сократовской методе»⁵², то есть умел встать на точку зрения другого, что называется, «прикинуться», из-за чего люди, плохо его знавшие, даже полагали, что он легко меняет свои взгляды, чтобы дать понять, будто уважает чужое мнение, хотя скорее «выуживал» из чужого мнения необходимое себе, а то и спорил просто ради спора.

Но это был взгляд со стороны, из салона Флоренский же, будучи богословом и священником, не мог смириться со столь субъективным толкованием Евхаристии⁵³. Да и внешне красивые, наполненные вроде бы глубоким смыслом и почти сказочные понятия, которые вводил и отстаивал Хомяков, провозглашая не столько «видимую и невидимую Церковь», сколько ее образ, принимались Флоренским с большими оговорками.

Понимание Хомяковым единства всей христианской Церкви сугубо в лоне православия оборачивалось искусом завоевать весь мир.. Этот фантом выявляет «диалектику» и «метафизику» хомяковской «сверхбытности»⁵⁴: нацеленность не на дискуссии (при всей склонности к ним), а на неприятие мировоззренческих позиций там, где речь идет об исключительной роли русского народа не просто в контексте славянского православия, но и всемирной религии: «Посему Церковь называется Православной, или Восточной, или Греко-Российской. <...>Когда распространится Церковь или войдет в нее полнота народов, тогда исчезнут и все местные наименования, ибо не отождествляется Церковь с какой-нибудь местностью: но она называет себя Единой, Святой, Соборной и Апостольской, зная, что ей принадлежит весь мир», – так завершает Хомяков свою центральную работу-трактат «Церковь одна»⁵⁵, утверждая самодостаточность Церкви вне ее «исторической действенности»⁵⁶.

Взяв курс на славянство, которое виделось в общечеловеческом масштабе, Хомяков, с одной стороны, предугадал возможности подобной стратегии: возникновение в далеком будущем подобного единства – «соцлагеря», с его опорой на славянство; но, с другой стороны, «в славянофильскую доктрину был внесен неразрешенный диссонанс. Общечеловеческий идеал был связан с „народным духом“ одной этнографической группы, цель человеческой жизни вдвинута в узконациональную историческую перспективу. Славянство выступало в роли „самого высшего“ народа. Это было ложно само по себе», – не без грусти констатирует Флоровский⁵⁷, пытаясь очистить восприятие славянофильского учения от захватнических соблазнов. История, к сожалению, знает, чем кончаются подобные притязания.

Примечательно, но «соборность» как религиозное понятие возникла не из религиозного, социального или философского движения, не из потребности общества в некоем консолидирующем призыве, лозунге, манифесте, а из идеи отдельного ума. Не было здесь вызова времени, это Хомяков бросал вызов своей эпохе. Бросал с большим опозданием и отрывом от Европы, в которой те же проблемы – взаимодействия личного и общественного, субъективного и объективного, общего как индивидуального, бытия имманентного и онтологического, веры и Церкви, духовного осознания Божеского дара и в целом концепция общения с Богом – получали совсем иные интерпретации и смыслы, приравниваясь к требованиям конкретных социальных перемен, а никак не вследствие дуновения реинкарнации.

Но чем могла прельстить «соборность» за границей? Она возникла в русской зарубежной среде как всё та же ностальгия и потребность в единении. И не сразу «соборность» обрела характер мема русской православной идеологии с его обязательными составляющими: многофункциональность, полисемантическая и неразгаданность.

Если «соборность» как вектор русского православия не подтвердила себя на практике в пределах русских земель, она показала свою правомочность за границей, внутри русской диаспоры. Достаточно только назвать страны и города, где собиралась русская эмиграция, начиная с первой волны, возрождая, упрочиная и развивая русскую богословскую мысль вокруг храмов: Берлин, Лондон, Париж, Рим. Это нашло отражение, в частности, в трудах Бердяева (правда, одна из первых его монографий о Хомякове относится еще к 1912 году). С. Булгаков также стремился связать воедино понятия «соборность» и «кафоличность»: «Соборность есть только следствие кафоличности», — здесь он буквально спасает «соборность», не заменяя ею «кафоличность», как это делает Хомяков, тем самым выталкивая кафоличность со сцены; нет, Булгаков ставит в один ряд с нею, как ее результат. И далее предупреждает: «Очень важно отличать кафолическую соборность от коллективности или внешней общности», — тонко уловив практический смысл, который вытекает из «соборности», как и куда ее ни включай⁵⁸. Показательно введенное недавно в научный обиход польским философом Т. Оболевичем рассуждение С. Франка о «соборности» — оно полностью относится к эмигрантскому периоду; привожу его для того, чтобы было видно, как далека интерпретация «соборности» Франка от хомяковской:

«Понятие соборности и отличие православной церкви от католической заключается совсем не в том, будто католическая церковь управляется единолично, а православная — соборно. Если бы это было верно, то, конечно, совершенно правы были бы обычные возражения католиков, которые говорят, что нет принципиальной разницы между непогрешимостью одного лица и непогрешимостью нескольких, собравшихся вместе лиц. Да ведь и римский папа, чтобы принять решение ex cathedra, должен выслушать мнения своих кардиналов. Нет. Соборность, как принцип Православной Церкви, заключается в том, что у католиков глава церкви — папа, наместник Петра, а в православии — Сам Христос. И следовательно, никакого иного эмпирическо-

го главы быть не может. А эмпирически решаемым в Православной Церкви является соборное, т.е. единодушное мнение церкви, мнение церковного тела как единства. <...> Из того факта, что Православная Церковь есть церковь соборная, отнюдь не следует, что она непременно и при всяких условиях должна управляться коллегиально». И еще. «Принцип соборности просто ничего не говорит о порядке управления. Это принцип, в силу которого в церкви нет вообще никакой непогрешимой власти и непогрешимость принадлежит только голосу самой Святой Церкви, в ее единстве, а не в каком-либо единоличном или коллегиальном ее органе. Конечно, я нисколько не отрицаю, что из этого принципа соборности, церковного единодушия следует, что в общем порядке и в меру практической возможности желательно, чтобы и иерархи общались между собой, чтобы отдельный иерарх не брал на свои плечи слишком многого; но чтобы везде и всегда, при всяких условиях, абсолютно необходимо была и вытекала из догматического принципа соборности обязательность коллегиального управления».⁵⁹

Н.О. Лосский усматривал в богословских трудах Хомякова «зародыш метафизической системы», разработанной впоследствии русской философией⁶⁰. Его труд по истории русской философии, также создаваемый в эмиграции, был фактически единственным, где обзор научных идей перемежается с описанием биографии философов и фактами конкретной истории. Его лаконичный язык тем не менее позволил ему нащупать главные, исходные точки русской религиозной мысли и в спокойной, мягкой манере дать свои пояснения весьма острым проблемам: «В своей критике римско-католической Церкви и протестантства Хомяков использует как отправной пункт принцип соборности, или общности, а именно сочетание единства и свободы, опирающиеся на любовь к Богу и Его любовь к истине и на взаимную любовь ко всем, кто любит Бога. В католицизме Хомяков находит единство без свободы, а в протестантстве — свободу без единства»⁶¹. Однако и Лосский не обошел ведущего тезиса Хомякова о приоритете России на карте мира. По его сло-

вам, Россия призвана стать в центре деятельности мировой цивилизации: «Россия стремится не к тому, чтобы быть богатейшей или могущественной страной, а к тому, чтобы стать „самым христианским из всех человеческих обществ“»⁶². Эта идея (излюбленная цитата из Хомякова) начала себя разрушать еще до революции — с величайшим всплеском атеизма, а революция завершила содеянное, что можно толковать как доказательство утопичности и даже ошибочности умозаключений Хомякова, которым легко поддавались русские по-другому ощущавшие себя за рубежом, нежели на родине. И однако, именно они делали всё, чтобы оправдать и спасти ту миссию, которая, по мнению славянофилов, была предначертана России. Другое дело, что из поля зрения всех, кто в той или иной форме брал на себя роль кариатид русской философии, совершенно выпал важнейший эксперимент такого рода в России — Новгородское вече, в определенной степени являвшееся предтечей одного из смыслов «соборности».

Имманентная история России не получила у славянофилов должного осмысления, ее поглотил пассаистский дискурс, далеко ушедший от традиций Новгородского веча и самого веча как прежде всего собрания, Собора. Вроде бы близкое Хомякову понятие, но без религиозного вдохновения, реалистично раскрыло себя всего лишь локально — в пределах Новгорода, ну и фантазийно — как Град Китеж, представ в чистом виде как хомяковский «образ» Церкви.

МЕССИАНСТВО И МИССИАНСТВО

На возникновение «соборности» как понятия, спланивающего нацию категорией веры, на самом сознании того, что у России есть своя миссия, заметное влияние оказали два разных по сути, но близких по звучанию явления: *мессианство* и *миссианство* (не зря русские философы конца XIX века предостерегали их не путать⁶³). По-своему их развел в разные стороны Н. О. Лосский, посвятивший монографию философской дифференциации добра и зла⁶⁴. Велик был «мессианистический соблазн!» — сокрушал

ся Флоровский⁶⁵. Еще бы — «В Московской Руси уже в начале XVI века национальное мессианство получило яркое выражение в идеологии псковского инока Филофея, согласно которой “два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать”. Третий Рим — Москва»⁶⁶, — напоминает Лосский.

К тому периоду, когда славянофилы писали свою «православную симфонию», мессианские идеи давно превратились в бродячий сюжет, и каждый народ готов был приписать себе мессианский пророческий дух, но минуя важнейшую составляющую: национальную утрату государственной независимости, — такова почва порождения мессианских предчувствований. Сама идея мессианства своими корнями уходит в историю еврейского народа, волна надежд и ожиданий захватила иудеев не в силу их «богоизбранности» (хотя и это имело место), а в результате изгнания их из Израиля, с исконной земли, после чего начался затяжной период еврейского рассеяния. Отсюда берет свое начало и польский мессианский опыт (сарматизм, в последующем яркие «романтические» выразители его А. Мицкевич, А.Товяньский) — в опоре на иудейский, который был им близок даже географически: евреи проживали на территории Польши без малого пять столетий и испытания и надежды пригодились полякам в период утраты собственной государственной независимости и разделов страны.

Проблема миссии России начала разрабатываться В. Соловьевым, многое из его идей славянофилы отвергали напрочь, однако в итоге, спустя десятилетия, возобладали его теории, согласно которой «истинное единство народов — есть не однородность, а всенародность» — краеольный камень проблемы, как полагает Лосский⁶⁷.

В полном смысле единство народа в России, увы, нашло воплощение в том, с какой революционной страстью, отражая, наверное, «кушитскую стихийность», сообща громили церкви и разрушали кладбища, жгли иконы и книги, уничтожали другие реликвии богослужений вместе с утварью, которую потом находили

на свалке, в подвалах домов, в самых неожиданных местах. Ни одна страна не прославилась таким массовым уничтожением своих святынь.

В итоге, Хомяков, один из зачинщиков пробуждения религиозной жизни в России и поборник церковного обновления, оправдал — изоляционизм, против которого восставал Вл. Соловьев, а ранее вел свои баталии П. Чаадаев. При всем сходстве с протестантством (о котором нынешние богословы пишут с еле скрываемой неприязнью) Церковь Хомякова вроде бы является собой оплот собирающий, но со своими дисциплинарными взысканиями, да к тому же раскалывает христианское сообщество как целое. И духовное единство русского народа и Церкви оказываются одновременно в разных, порой взаимоисключающих, регистрах: орды, сказочности, миссионерского служения, мессианского призвания, особого религиозного пути, в итоге отрицающего все другие конфессии... Но опять — как и в случае со словом «соборность» — спасение русской философской мысли в Россию приходит с Запада и от тех ученых, которые безжалостно были высланы из нее на «корабле мудрецов». Зато они сохранили и приумножили ее культуру, традиции, не позволили уронить ее достоинства — русское православное зарубежье и католики.

Не победа ли это «вселенскости» над «соборностью», особенно если принять во внимание, как легко облик «соборности» переплавился в коммунизм?

(Израиль. Тцур-Адасса)

Благодарю Руслана Лошакова (Упсала) и Иннокентия Павлова (Выборг) за научную консультацию и поддержку.

Примечания

- 1 А. Валицкий, Два лика Хомякова. — См.: Россия, католичество и польский вопрос. М: Изд-во Московского университета, 2012. С.98. / Пер. — Е. Твердислова.
- 2 В. Ленин, Крах II Интернационала. — См.: Полн. собр. соч., М.: Изд. политической литературы, 1967, т. 2. С. 218-219.
- 3 С. Хоружий, Современные проблемы православного мирозерцания, © Интернет-издание Веб-Центра «Омега», 2002. Православие и современность. Электронная библиотека;

С. Хоружий, Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви, — Богословские труды. Научно-Богословский журнал РПЦ. М., Издательство Московской Патриархии. Вып. 37 (2002).С. 153-179.

Обе работы богаты научными наблюдениями, отсутствием пафоса, глубоким анализом. Однако все они будто написаны в отрыве от реальной практики Русской Православной Церкви, а потому замечания ученого о «соборности» — проникновенные, наполненные глубоким религиозным смыслом, утопичны, как и у ее создателя.

- 4 Как символ славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания», — о. Павел Флоренский подразумевал некую типологию прочтения славянофильского наследия как именно креативного. П. Флоренский, свящ., Около Хомякова, — Символ. Paris, 1986. № 16.С. 140-226.
- 5 «Любовь к англичанам заходила у него так далеко, что он серьезно считал англичан славянами». Berdyayev, Алексей Степанович Хомяков, 51; *Khomyakov*. Письмо об Англии, Т. 1,74-104.
- 6 С. Хоружий, Современные проблемы православно-мирозерцания...С. 2.
- 7 П. Флоренский свящ., Около Хомякова...С. 142.
- 8 Н Бердяев, Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.]. Париж: YMCA-Press, 1997. С.52.
- 9 П. Флоренский, свящ. Около Хомякова...С. 148.
- 10 Н. Бердяев, Алексей Степанович Хомяков...С. 33.
- 11 Там же. С.64.
- 12 Там же.С. 35.
- 13 Алексей Степанович Хомяков, Вячеслав Анатольевич Кошелев. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.С. 61.
- 14 Н.Бердяев, Алексей Степанович Хомяков...С. 35.
- 15 Там же.С. 37.
- 16 Там же.С. 47.
- 17 Там же.С. 49.
- 18 А. Юдин, Гагарин, Католическая Энциклопедия в 5-ти томах. М.: Изд-во францисканцев, 2002. Т.1. С.1166-1170.
- 19 П.Флоренский свящ., Около Хомякова...С. 154.
- 20 Там же.С. 153.
- 21 Н.Бердяев, А.С.Хомяков...С. 42.
- 22 Г. Флоровский, прот., Вечное и преходящее в учении русских славянофилов. — Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.С. 59-77.
- 23 Там же. С 35-36, 39.
- 24 Там же.С. 41.
- 25 П. Флоренский свящ., Около Хомякова...С. 151.
- 26 Там же.С. 152.
- 27 А. Валицкий, Два лика Хомякова...С. 96 — 104.
- 28 Там же.С. 97.
- 29 Там же.С. 98.
- 30 Там же.С. 103.

- 31 А.С. Хомяков, О юридических вопросах. — Полное собрание сочинений в 8 тт. М.: Университетская типография, 1900. Т. 3.С. 335.
- 32 И. Цветков *прот.*, Соборность в интерпретации современных богословов. — Материалы Международной конференции «Соборность, концилиарность и общение: от Хомякова до Зизиуласа». www.orientecristiano.it/rassegna-stampa.../5225-from-khomyakova-to-ziziulasa.html.
- 33 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 156-157.
- 34 Н. Бердяев, Алексей Степанович Хомяков...С. 56.
- 35 А. Герцен называл Хомякова «Ильей Муромцем, разившим всех со стороны православия и славянизма» А. Герцен, Былое и думы, Часть 4-5. — Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М. К. Лемке в 22 тт. П.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению, 1919. Т. 13. С.142.
- 36 Г. Флоровский *прот.*, Пути русского богословия...С. 270-285.
- 37 Там же.С. 274-275.
- 38 Терминологическую составляющую этого понятия см.:С. Хоружий, Алексей Хомяков: учение о соборности и церкви...
- 39 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 217.
- 40 М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка в 4 тт. М: Прогресс, 1987. Т. 3.С. 704.
- 41 Полный церковно-славянский словарь //Составление Григорий Дьяченко. — М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. Т. 2.С. 627.
- 42 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 217.
- 43 А.С. Хомяков, Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафоллический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита... Т 2.С. 326.
- 44 И. Цветков, Соборность в интерпретации современных богословов...
- 45 А. Свирелин, Церковнославянский словарь. М.: Издательство «Христианская библиотека» Нижний Новгород, 2011.С. 206.
- 46 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 217.
- 47 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова... С. 158.
- 48 В.З. Завитневич, Алексей Степанович Хомяков. — Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1902.
- 49 П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 157.
- 50 Там же.С. 45-146.
- 51 «Один Хомяков спорит для спору, для него жизненнейшие вопросы только предметы для разговора», — писал Герцен в письме к Самарину (от 27.II.1845). Отношение Герцена к «ранним» славянофилам было язвительным. Он оценивал их как «безумное направление, становящееся костью в течение образования. Оно принимает вид фанатизма мрачного и нелепого», — цитирует Тесля запись, сделанную Герценом в Дневнике от 18.XI.1842. В целом отношение к Хомякову у Герцена не менялось: «Этот суетный, 40-летний парень Хомяков, просмеявший целую жизнь и ловивший нелепый призрак русско-византийской церкви, делающейся всемирной, повторяющий одно и то же» (запись от .IX.1844). См.: А. Тесля, Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение (электронный журнал). Т. 12, №1, 2013.С. 66, 63, 68. <https://sociologica.hse.ru/>
- 52 Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 гг.) с семью приложениями — Мемоіren / Сост. О.Ф. Кошелева. Берлин, 1884. Глава 10.
- 53 «Как ни осторожно изложение Хомякова, невозможно пройти мимо одного оттенка, а именно: у Хомякова эмоциональное ударение падает на слово *вера* в таинство, а не на самое таинство как предмет веры. Хомяков хочет поставить вопрос догматический на почву прагматическую, если выразиться по-современному, то есть так, чтобы было исключено понятие о святой евхаристии самой по себе и осталось лишь понятие восприятия ее, поклонения ей, благоговейного размышления о ней. Протестантский *запах* этих рассуждений несомненен, хотя неопределенность высказываний и позволяет избегнуть протестантских формул». См.: П. Флоренский *свящ.*, Около Хомякова...С. 161.
- 54 Г. Флоровский *прот.*, Пути русского богословия...С. 273.
- 55 А.С.Хомяков, Опыт катехизического изложения учения о Церкви («Церковь Одна»)... Т. 2.С. 26.
- 56 Г. Флоровский *прот.*, Пути русского богословия...С. 273
- 57 Г. Флоровский *прот.*, Вечное и преходящее в учении русских славянофилов...С. 44.
- 58 С. Булгаков, Свет не вечерний: Созерцания и умозрения, — М.: Республика, 1994.
- 59 Т. Оболевич, Семен Франк. Штрихи к портрету философа, М.: ББИ, 2017.С. 149-151.
- 60 Н.О. Лосский, История русской философии, М.: Советский писатель, 1991.С. 33.
- 61 Там же. С.37.
- 62 Там же. С. 41.
- 63 В.Тутлис, Общечеловеческий смысл русской идеи. / Общечеловеческое и национальное в философии. / Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой Бишкек : 2004. С.120-132.
- 64 Н.О.Лосский, Русский мессионизм и миссионизм. — Условия абсолютного добра. М.: Издательство политической литературы, 1991.С. 321-331.
- 65 Г. Флоровский *прот.*, Вечное и преходящее в учении славянофилов... С. 43.
- 66 Н.О. Лосский, Русский мессионизм и миссионизм... С. 321.
- 67 Вл. Соловьев, Оправдание добра. М.: Республика, 1996.С. 69; Н.О. Лосский, Русский мессионизм и миссионизм...С. 323.

© Текст: Елена Твердислова

ПАМЯТИ ЗИГМУНТА БАУМАНА

*“Сумасшедшими” являются
лишь неразделимые смыслы.
Безумие перестает быть безумием,
если оно коллективно.*

*Зигмунт Бауман.
Индивидуализированное общество. М., 2005*

Владимир ВОЛКОВ

мир без иллюзий и эпоха экономического роста

Аннотация

9 января 2017 года ушел из жизни замечательный философ, социолог, политолог Зигмунт Бауман — один из самых известных в мире исследователей эпохи постмодерна, личность яркая, неординарная, многогранная. Его концепция «текущего модерна» коренным образом изменила наше представление о современной социальной и культурной реальности. Стиль его письма отличается от привычного сухого академического изложения «классиков» и «авторитетов», подкупая тем, что сложные мысли он излагает красиво, убедительно, доступно, и при знакомстве с его работами создается впечатление, что он просто беседует с нами. В многочисленных публикациях, лекциях, интервью Бауман дает глубокий анализ исторических изменений, которые произошли в мире за последние сто с лишним лет, обращая внимание в первую очередь на такие оппозиции, как оседлость — движение, традиция — новация, устойчивость — изменчивость, космос — хаос, необходимость — свобода. Его интересуют прежде всего проблемы глобальной деформации мира, изменения, разрушения старых социальных, политических, культурных форм и появления новых, неожиданных, непривычных, иногда шокирующих, таких, которые обычно квалифицируют как девиацию, аномалию, отклонение от нормы.

Тяжелый модерн и текущий модерн

Зигмунт Бауман в ряде своих работ обращал внимание на то, что на протяжении многих веков люди жили в условиях традиционного, аграрного, феодального, доиндустриального общества, занимались сельским хозяйством. Затем они перешли к модернизации, превратились в горожан, стали работать на заводах и фабриках, обнаружили себя в условиях капитализма, модерна, индустриального общества, поверили в прогресс. Традиционное общество, жестко детерминировавшее жизнь индивидов, стало распадаться. Классический модерн, пришедший на смену традиционному обществу, провозгласил приоритет динамических ценностей — развития и совершенствования, движения вперед — к разуму и свету. Казалось бы, отвоеванное у Средневековья право на динамику, движение увеличивало свободу, но нужно признать, что само это движение осуществлялось в строго установленном направлении. Так возникла «твердая», «тяжелая», «жесткая» (solid) модификация современности — модерн, индустриальное общество. Модерн строился на жесткой дисциплине: вырабатывая новые «дисциплинарные практики», он заменил «старый порядок» на другой, более соответствующий реалиям.

С 70-х годов XX века люди стали говорить о постиндустриальном обществе, постмодерне, глобализации, обществе потребления. Некоторые социологи, например Юрген Хабермас, считают, что проект модерна до сих пор не завершен, поэтому называют постмодерн «незавершенным модерном». По их мнению, тенденции, формирующие облик цивилизации начала XXI века, представляют продукт саморазвития модерна и вписываются в общий контекст эволю-

ционной программы модернизации. Другие же полагают, что классическое общество модерна, воспитанное на протестантизме, Просвещении, научно-технической революции, ушло в историю. Сейчас люди живут в совершенно другом мире, который нуждается в новом подходе, анализе и интерпретациях. Бауман исходил из того, что «постмодерн не есть преходящее отклонение» от «нормального состояния модерна». Это качественно иное, по сравнению с модерном, общество, не похожее ни на одно из прежде существовавших обществ. Он определяет новую разновидность общества как «текущий модерн» (liquid modernity)¹.

Характеризуя solid modernity, Зигмунт Бауман указывает на то, что эпоха «тяжелого модерна» была временем «помолвки» между капиталом и трудом. Рабочие зависели от своего труда, который давал им средства к существованию, тогда как капитал зависел от найма работников, без которых он не мог воспроизводиться и возрастать. Типичная модель «тяжелого модерна» — завод Форда, на котором люди служили «общему делу» и каждый выполнял свою функцию. Индивиды были включены в систему разделения труда, а их деятельность подлежала регламентации и контролю. Цели коллективных действий задавались «извне» или «свыше», основным субъектом социального управления, планирования и нормообразования выступало государство. Труд людей в таких обществах был монотонным и рутинным, но стабильным и долговременным. Люди строили жизненные планы с расчетом на длительную перспективу, долгосрочными были и их обязательства, и отношения с окружающими. Работники, занятые на заводах и фабриках, были уверены, что на этих предприятиях при благоприятном стечении обстоятельств могла пройти вся их профессиональная жизнь. Ценилось то, что человек долго работал на одном предприятии, имел непрерывный стаж работы, становился мастером своего дела, уходил

Волков Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор. Родился в 1954 году в шахтерском поселке Коспаш на Урале. Окончил историко-английское отделение исторического факультета Марийского педагогического института. Работал в вузах Москвы, С.-Петербурга, Смоленска, Йошкар-Олы, Балашова, Иваново. Автор книг «Культурология» (1997), «Западная философия XX века» (2000), «Онтология личности» (2001), «Основы культурологии» (2005).

на пенсию с того предприятия, на которое устроился еще в юности. Возникали трудовые династии, культивировался коллективизм.

Сегодня, утверждает Бауман, ситуация совершенно иная. Условия труда меняются внезапно, не следуя твердой логике или внятным схемам. Лозунгом дня стала «гибкость», что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до «очередного уведомления». Трудовая жизнь насыщается неопределенностью. Внезапно исчезают профессии, специальности, предприятия, отрасли производства. Современный молодой человек за свою карьеру вынужден будет многократно сменить место работы. Бауман называет такой постмодерн «*модерном без иллюзий*».

В эпоху постмодерна попечитель и контролер уходит в прошлое, и весь груз ответственности перекладывается на плечи самих атомизированных индивидов. Сегодня человеку приходится жить своим умом, принимать решения самостоятельно, без оглядки на государство, начальство, партию, вождя. Простой, рядовой человек становится свободен, но это не делает его более счастливым. Проблем в жизни людей не становится меньше, но искать пути их решения индивиды вынуждены в одиночку, а в случае неудачи винить приходится только себя. Социум становится индивидуализированным², а современное общество – обществом риска³.

В обществе начала XXI века, с одной стороны, быстро усложняются экономические действия, с другой – все более явно фрагментируется человеческое существование. Согласно Бауману, противоречие между этими действиями и составляет основную дилемму современной жизни. Несложно заметить, говорит он, что при всей «индивидуализированности» социума в нем побеждают тенденции к самодостаточности хозяйственных действий, в то время как социальное начало становится все менее значимым: этнические, национальные, политические, семейные связи становятся эфемерными. В этом кро-

ется основная причина того, что **современное общество пропитывается антигуманизмом, а человек становится все более дезориентированным, ограниченным, беспомощным.**

Раньше государство модерна выступало в качестве оплота борьбы за лучшую жизнь. Модерн утверждал себя как цивилизацию разумную и гуманную. Наиболее значимыми признаками цивилизованного существования считалась свобода от страдания и других несчастий. Свобода от страданий, от страха перед ними должна была способствовать формированию личности в условиях свободы, а самостоятельность людей – сделать человека хозяином своей судьбы. Суверенное право действовать принадлежало государству, законодательным и исполнительным органам власти.

Выражаясь словами Эрнста Кассирера, политические лидеры эпохи модерна оказались в роли «знахарей, обещавших излечить все болезни общества»⁴.

Однако возложение на государство ответственности за решение задачи всеобщего счастья приводило к злоупотреблениям и стало восприниматься скорее как усиление бремени, чем как освобождение от него. Обретение индивидом уверенности в себе и ответственности за себя в результате освобождения от любых ограничений становилось все более нереальным. Это привело к выводу, что «*если бы человек следовал лишь своим природным инстинктам, он не стремился бы к свободе; скорее, он выбрал бы зависимость... Свободу же часто считают скорее обузой, чем привилегией*»⁵.

Поскольку неизбежным спутником индивидуализации становится стремление к освобождению индивида, которое, как правило, сопровождается отстранением от свободы, чувством бессилия, желанием отказаться от своей индивидуальности, стремлением преодолеть чувство одиночества, растворившись во внешнем мире.

Затем происходит постепенное «разжижение», «расплавление» структур общества модерна. Система ослабляет свое давление на индивида. Новое поколение уже не так боится пришествия Старшего Брата, оно верит, что мета-нарративы повержены навсегда, что то-

талитарные амбиции государства ушли в прошлое. Однако вера в возможность установления справедливого строя серьезно подорвана. Крах демократической иллюзии предопределен как неспособностью человека к самоутверждению, так и тем, что решающий удар по ней нанесен со стороны государства и одержимых властью правителей. Вера в спасительную миссию общества сегодня разрушена, замечает Бауман. По его мнению, при переходе от «тяжелого» и «твердого» модерна (solid modernity) к «легкому» и «жидкому» (liquid modernity) главную роль начинает играть скорость движения людей, денег, образов и информации. Тракторию «текучего модерна» рассчитать почти невозможно. Долгосрочное планирование биографии и карьеры становится бессмысленным. Действующая сегодня «формула успеха», скорее всего, не будет работать завтра. В такой ситуации нужно уметь быстро перестраиваться, чутко реагировать на внешнее окружение и его запросы, осваивать новые знания и навыки, быть готовым к любым изменениям. Когда ближайшее будущее не определено, о далеком задумываться не приходится. Жизнь совершается и переживается в настоящем.

Глобализация, мобильность, миграция

Модерн со своей изначальной преобразовательной ориентацией делал ставку на освобождение времени от пространства. И он добился этого: сегодня информация за считанные мгновения преодолевает расстояния в тысячи километров. Человек, в распоряжении которого находятся соответствующие технические средства, может попасть почти в любую точку земного шара в течение суток. Он может общаться со всем миром, но при этом не знать соседей по лестничной площадке. Пространство утрачивает свое изначальное родство с населяющими его людьми.

«Привязанность к определенному месту не столь важна, поскольку это место может быть

достигнуто или оставлено по собственной прихоти в короткое время или в мгновение ока»⁶.

«Тяжелый модерн» отличался гигантоманией «стационарного» типа. Могущество государства во многом определялось его территорией. За пространство и ресурсы велись войны, захватывались колонии, создавались империи, производилось «огораживание» территорий, строились огромные заводы, небоскребы и т.п. Поверхность Земли была разделена на сферы влияния и контроля национальных государств. Границы держались на замке и представляли реальное препятствие для актуальных и потенциальных социальных коммуникаций.

Бауман считает, что эту страницу мировой истории на рубеже XX–XXI веков можно с уверенностью перелистнуть. Будущее, по его мнению, принадлежит силам глобализации, экстерриториальным по своей природе. Кто остается на месте, рискует остаться ни с чем. Выигрывает тот, кто быстрее движется. Идеи, инновации и финансовые средства передвигаются по миру со скоростью электронного письма и банковского перевода. У капитала нет отечества, он направляется туда, где лучше условия и больше возможностей для роста. Оседлость — обременительна, укорененность в локальных средах, прочные социальные связи и обязательства — отягощают. Лидирующие позиции в ряду рациональных поведенческих стратегий приобретает «кочевой образ жизни». Значительная доля власти переходит к экстерриториальным субъектам и организациям.

Зигмунт Бауман (как и Энтони Гидденс, Ричард Сеннет, Мигель Кагельс и многие другие) полагает, что в современном мире коренным образом изменились взаимоотношения капитала, труда и политических институтов. Капитал стал экстерриториальным, невесомым, компактным, а достигнутый им уровень пространственной мобильности достаточен для шантажа привязанных к определенной местности политических институтов с целью заставить их отказаться от претензий. Избавившись от лишнего груза громоздкого оборудования и многочисленного персонала, капитал путешествует налегке, не более чем с руч-

ной кладью — портфелем, портативным компьютером и сотовым телефоном.

Главным источником прибылей во все большей мере становятся идеи, а не материальные предметы.

Когда ставится задача сделать идеи прибыльными, конкурентная борьба идет за потребителей, а не за производителей. При планировании передвижений капитала и определении мест его размещения наличие рабочей силы является второстепенным соображением. Так капитал отчуждается от конкретного пространства и становится независимым.

Неразвитость и негибкость системы инвестиций в эпоху «тяжелого модерна» привязывала собственника к работникам и местам, где разворачивалась их профессиональная деятельность. Сегодня капитал освободился, чего нельзя сказать о большинстве видов труда. Работник нередко оказывается прикованным к месту. А капитал может в любой момент испариться, убежать, найдя для себя более привлекательные зоны приложения. Труд, особенно не требующий эксклюзивных навыков и знаний, является принципиально заменимым и зависимым. Понятно, что при такой логике движения ресурсных потоков говорить об «уверенности в завтрашнем дне» не приходится, констатирует Бауман. Одним из самых важных выводов, к которому приходит английский социолог, является вывод о том, что национальные государства, традиционно претендовавшие на роль источника силы и могущества, обнаруживают свою слабость перед лицом анонимно-универсальных тенденций текучего модерна. Глобализацию невозможно запретить, закрыть для нее двери. Ценой такого предприятия была бы полная и, вероятно, недолговечная изоляция, в результате которой упрямым и непокорным пришлось бы сдаться. Вегания «текучего модерна» распространяются по планете, не обращая внимания на границы и пропускные пункты. При необходимости они даже разрушают их. Осуществлять силовое вмешательство, захватывать территории, устанавливать оккупационный режим, как правило, не требуется. Если война оказывается неизбежной, предпочитают разбомбить инфраструктуру

и деморализовать население. Поэтому во избежание неприятностей дальновидные государственные режимы, адекватно оценивающие свои возможности, стремятся максимально угрождать глобальному капитализму, создавая благоприятный климат для развертывания его мощностей в пределах конкретной страны. Ведь если капитал не заинтересован в территории, она приходит в запустение.

Война текучего постмодерна

Говоря о специфике современных войн, Бауман отмечает, что в последнее время изменился сам смысл ведения войн, произошел слом старой военной парадигмы: захват территории как военной добычи сам по себе уже никого не интересует. Свободный, текучий, проницаемый постмодерн стремится устранить барьеры, изоляцию, стены. Страна, которая пытается сегодня оградить себя «железным занавесом», «импортозамещением», «санкциями в ответ на санкции», в современном мире вызывает лишь смех, а агрессивная политика наказывается международным сообществом точечными ударами по самым болезненным местам национальной экономики, банковской сферы, инвестиционного пространства. *Прогрессистский проект — это глобальный проект, ограничение экспансии противоречит самой его сути.* Поэтому всякая последовательно изоляционистская политика сегодня обречена на провал.

Иначе говоря, для развития современного мира необходимы современные коммуникации и финансовые институты, богатое население, способное покупать товары, образованные и квалифицированные люди, способные переучиваться и осваивать все новые производства. По большому счету никто сейчас не заинтересован ставить какие-то страны или народы «на колени». И вставание «с колен» состоит совсем не в том, чтобы бряцать оружием и аннексировать территории соседних государств, а в соз-

дании инновационной экономики, креативного среднего класса, современной системы образования и здравоохранения, в гарантиях прав и свобод личности.

Бауман отмечает, что в эпоху постмодерна активно развивается процесс отстранения от политики: стремительно падает интерес к политическим движениям, политическим партиям, к составу и программам правительств, размываются политические убеждения, снижается масштаб участия граждан в политических мероприятиях. Считается, что «граждан» могут волновать лишь ближайшее снижение налогов или увеличение пенсий, а их интересы распространяются только на то, чтобы сокращались очереди в больницах, уменьшалось количество нищих на улицах, в тюрьмах сидело бы все больше преступников, а вредные свойства продуктов выявлялись как можно скорее. Долгосрочные планы относительно «справедливого общества» не пользуются спросом.

С усилением в обществе ориентации на потребление, а не на производство социальная интеграция все больше достигается через соблазняющий эффект рынка, в то время как степень вовлечения государством граждан в политику уменьшается. Политическое господство обеспечивается без культурной гегемонии, а с отделением культуры от государства культурные элиты утрачивают былое политическое влияние. Господствующий рынок не признает никаких иерархий, его интересует продвижение товара.

Власть в наши дни становится все более оторванной от политики, отмечает Бауман. *Власть глобальна и экстерриториальна — политика территориальна и локальна; власть течет — политические институты остаются неизменными.*

«Частное» вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того, чтобы взаимодействовать с ним. Телевизионные откровения «простых людей», «эсклюзивные» газетные сплетни о личной жизни звезд шоу-бизнеса, политиков и других знаменитостей становятся публичными уроками, подтверждающими пустословие общественной жизни. Сегодня одинокие граждане приходят на агога только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек,

как они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве.

Современная власть использует хаос, отсутствие рационального управления в своих целях, позволяя подданным играть в собственные игры и винить самих себя, если результаты не оправдывают их ожиданий. Чем больше человека накрывает страх, боязнь будущего, тем лучше в этих условиях чувствует себя государство. Человеку внушают, что бытие ненадежно, выживает сильнейший. В этих условиях человек живет только сейчас, в вечном настоящем, все вертится вокруг собственного «я» и личной жизни.

Подданные современных государств являются индивидами по воле судьбы; то, что определяет их индивидуальность, — не предмет их собственного выбора, утверждает Бауман. Человек исходит из того, что если собственную жизнь можно строить по своему усмотрению, то законы общества определены раз и навсегда и не подлежат сознательному реформированию.

Такое впечатление создается и поддерживается, с одной стороны, мощной индивидуализацией проблем, планов и устремлений, с другой — сокращением полномочий национального государства. Современный политический суверенитет государств есть лишь слабая тень той многогранной автономии держав прошлого, создававшихся по образцу тотального государства. Сегодняшние государства мало что могут предпринять ради противостояния давлению глобализированного капитала.

Итак, с одной стороны, наблюдается снижение интереса людей к совместным и общим делам. Этому содействует государство, готовое передать как можно больше своих обязанностей в сферу частных интересов и забот. С другой стороны, нарастает неспособность государства решать проблемы даже в пределах своих границ, равно как и устанавливать нормы защищенности, коллективные гарантии, этические принципы, которые могли бы ослабить чувство ненадежности и неопределенности. Результатом этих процессов оказывается растущая пропасть между «общественным» и «частным», упадок искусства перевода частных проблем на язык обще-

ственных и наоборот, искусства поддерживать диалог, вдыхающий жизненную силу в политику.

В условиях глобализации государственные и национальные перегородки утрачивают смысл. Появляются новые формы общности людей, возникающие на основе не родовых, этнических, национальных, но профессиональных, дружеских, коммунальных, досуговых и прочих связей. Формируется новый способ общественной организации на основе сосуществования автономных и самодостаточных групп меньшинств — «новый трибализм», калейдоскоп диаспор. В этих новых условиях общество развивается непредсказуемо.

Баумана часто называют критиком глобализации, но, на мой взгляд, это не соответствует действительности. Я бы назвал его не столько критиком, сколько трезвым аналитиком. Он рассматривал глобализацию как данность, как движение, как объективный процесс. Этот процесс можно критиковать, не соглашаясь с ним, не принимать во внимание, видеть в нем лишь негативное, плохое, отрицательное, опасное. Однако нельзя не признать, что глобализация развивается стихийно, спонтанно, как бы сама собой, поэтому ее нельзя игнорировать, не принимать, не следовать в ее русле, стараясь по мере возможности избежать скрытых и явных опасностей, пропастей и тупиков.

Жизнь в условиях хаоса и абсурда

Сегодня мы стоим на верном пути к глобальному хаосу. Налицо признаки распада мировой системы модерна и капитализма как цивилизации.

Мир находится на перепутье. Хаос может смениться новым порядком, отличным от известного нам. Отличным, но необязательно более совершенным. Каковы будут последствия глобализационного процесса, мы не знаем и знать не можем. Мы живём в эпоху неизвестности и неопределенности, и это повергает людей в растерянность.

Все, что делает человек в своем символическом мире, есть попытка отрицания и преодоления его гротескной судьбы. Он буквально доводит себя до самозабвения социальными играми, психологическими уловками и личными увлечениями, настолько далекими от реальности его положения, что все они являются формами безумия, — утверждает Бауман. «Согласованное», «коллективное» безумие возмечивается всеохватным масштабом и артикулированным или молчаливым согласием уважать то, что признается столь многими. «Общество» — это всего лишь изощренная уловка, иное обозначение согласия и принятия неких ценностей, сила, которая делает согласованное и принятое величественным. Обычаи, привычки и рутина устраняют яд абсурдности из терзаний, порождаемых конечностью жизни. Общество творит живые мифы и смыслы о значимости человеческой жизни. Эти мифы самодостаточны, нечувствительны к опровержениям, их действительно трудно подвергнуть сомнению или опровергнуть.

Бауман специально останавливается на понятии абсурда — констатации смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире. Он отмечает, что все общества представляют собой фабрики смыслов, питомники для жизни, исполненной смысла. Свобода приходит в облике изгнания духа смертности. Такие формы общности, как религиозная община, государство, нация, всегда претендовали на вечность и обещали индивиду приобщение к бессмертному коллективу. В пределах смертной жизни можно испытать бессмертие, устранив свою жизнь по образу тех форм, которые наделены нетленной ценностью, или вступая в соприкосновение и общение с вещами, которым суждена вечность. Осознание конечности человеческого бытия провоцирует желание трансцендентности, проявляющееся в одной из двух форм: либо жизнь, признаваемая переходящей, должна оставить после себя долговечные следы, либо человек до смертного своего часа должен вкусить ощущений, которые «сильнее смерти».

Элита эфемерности

Сильные мира сего во все эпохи старались окружать себя долговечными, возможно даже неразрушимыми объектами, оставляя бедным и обездоленным бьющиеся и хрупкие вещи, которым суждено превратиться в прах. Сейчас мы живем в эпоху, которая впервые меняет это соотношение на обратное. Новая мобильная и экстерриториальная элита вводит в повседневную жизнь надменное безразличие к собственности, проповедует преодоление привязанности к вещам и демонстрирует отсутствие сожаления при отказе от предметов, потерявших свою новизну. Быть окруженным осколками вчерашней моды – это симптом отсталости, бедности и неудачи-«лузерства».

Разделяя идеалы гуманистической традиции, Бауман обрушивается на современное общество, показывая, сколь неустойчив социум, члены которого не имеют представления о собственных долгосрочных целях и, более того, стремятся вообще уйти от них. Наша культура – первая в истории, не вознаграждающая долговечность и способная разделить жизнь на ряд эпизодов, проживаемых с намерением предотвратить долгосрочные последствия и уклониться от жестких обязательств. Вечность не имеет значения. «Долгосрочность» – всего лишь набор краткосрочных впечатлений и переживаний, поддающихся бесконечным перетасовкам. Бесконечность сведена к понятию множества «здесь и сейчас»; бессмертие – к бесконечной смене рождений и смертей.

Бауман не утверждал, что то, с чем мы сталкиваемся сегодня, – это «культурный кризис». Кризис как постоянное изменение границ, предание забвению созданных форм и экспериментирование с формами новыми и неиспробованными представляет собой естественное условие существования человеческой культуры. Он однако, считал, что на этой стадии постоянных трансгрессий мы вступили на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни. Впервые смертные люди могут обойтись без бессмертия и даже не возра-

жают против этого. *«В этих местах мы не были никогда прежде, и нам еще предстоит увидеть, что значит оказаться здесь и какими будут долгосрочные последствия... всего этого»,* – заключает социолог⁷.

Каждая культура живет изобретением и передачей из поколения в поколение смыслов жизни, и всякий порядок держится на манипулировании стремлением к трансцендентности. Однако порождаемую этим стремлением энергию можно употреблять по-разному. Вколачивание в сознание мысли о том, что «в обществе нет больше спасения», и превращение этой мысли в расхожее правило житейской мудрости приводят к тому, что коллективные орудия трансцендентности отрицаются, а человек остается наедине с той задачей, решить которую самостоятельно он не в силах. Бауман подчеркивает, что люди сами определяют свой образ жизни, – но в условиях, которые не зависят от их выбора. «Условия» лимитируют человеческий выбор, поскольку оказываются внешними по отношению к жизненным играм с их целями и средствами. То, что люди полагают истинным, имеет тенденцию становиться истинным именно вследствие этого. Когда люди говорят, что сделать ничего нельзя, они действительно больше уже ничего не смогут сделать.

Приобретения и утраты

Человек в обществе постмодерна многое приобретает, но также кое-что и теряет. Он утрачивает чувство онтологической безопасности, он одинок и растерян. Индивид нуждается не только в свободе выбора, но и в узах солидарности, хочет ощущать принадлежность к группе близких ему по образу жизни и миропониманию людей. От «холодных» и непрозрачных отношений эры текучести он хочет спрятаться за чьей-то спиной. В ненадежном мире люди ищут «теплых» форм социальности. В коллективе можно разделить с другими бремя ответственности, уйти от необходимости принимать самостоятельные решения. Тот, кто не может справиться

с вызовами «текущего модерна» в одиночку, стремится делать это сообща с другими. Но «альтернатива» сообществ, полагает Бауман, является, по сути, «тупиковой», поскольку они предлагают *не стратегии решения проблем человеческого существования в новых условиях, но стратегии бегства от них.*

Сообщества часто конструируются в соответствии с принципом «негативной идентичности» (мы – они, свои – чужие). На социальном уровне психология «своих и чужих» создает барьеры между группами, основанные на страхе и неуверенности в своей идентичности. Создание враждебного «Они» соединяет «Нас» в группу, жестче определяет нашу идентичность, что особенно важно для людей, в ней не уверенных. Но если свое определяется путем отталкивания от чужого, то у такой идентичности нет собственного смыслового содержания. Оно воспроизводится только через нарушение границы с иным, а это значит, что выходить-то некуда, так как в ином нет ничего, кроме такой же бессодержательной идентичности. Такая идентичность неполноценна, а подобное «единство» основано только на страхе, на чувстве опасности перед «враждебным окружением». Замыкание в изоляционизме групп «себе подобных» объяснимо, но бесперспективно. Судьба современного человека – жизнь в разнообразном и разнородном социальном и культурном окружении. Существование в мире различий невысказимо без конфликтов и столкновений.

Бауман отмечал, что современная культура разрушила идею статичного космического миропорядка и соответствующего ему циклического времени. Жизненная программа человека модерна – динамика, стиль жизни – постоянная погоня за новым. Он идет от незнания к полному знанию, от общества несовершенного к обществу абсолютного совершенства. Однако между тяжелым и легким модерном имеются различия. Все проекты «будущего», созданные ранее, дискредитированы. Общей цели нет, гомогенного социального пространства – тоже. Конечная точка (коммунизм, рай, идеальное состояние общества гармонии и совершенства),

достижение которой было бы равнозначно примирению с наличными условиями, отсутствует. Единственное, что осталось, – это стремление людей к неуловимому счастью и смыслу жизни, которые у каждого свои и уже не связаны с верой в далекое светлое будущее. Модерн трактует жизнь современных людей как задание, всегда незавершенное и требующее все новых забот и усилий.

Бауман подозревал, что условия человеческого существования в позднем, текущем модерне или постмодерне сделали эту модальность жизни еще навязчивее: *прогресс более не является временным делом, приводящим в результате к совершенству, а становится вечным состоянием, самим содержанием жизни.*

Однако, чтобы строить будущее, надо уметь управлять настоящим. Только сегодня задача управления настоящим становится задачей каждого отдельного человека, и для многих «контроль над настоящим» сомнителен или отсутствует. Когда господствует неуверенность, планы на будущее становятся неустойчивыми. Чем слабее контроль человека над настоящим, тем меньше планов он строит на будущее – сами отрезки времени, называемые «будущим», становятся все короче, а жизнь в целом разделяется на эпизоды. В жизни, управляемой принципом гибкости, стратегии, планы и желания могут быть лишь краткосрочными.

Реванш кочевников

Глобализация как «новый мировой беспорядок» обесценивает порядок – он становится индикатором беспомощности и подчиненности. Новая структура глобальной власти действует, противопоставляя мобильность и неподвижность, случайность и рутину, исключительный характер принуждения и массовый.

Глобализация – это «реванш кочевников»⁸. Побег и ускользание, легкость и переменчивость пришли на смену мощному и зловещему присутствию как главному приему господства. Претензии в отношении будущего не могут предъ-

являться теми, кто не контролирует настоящего. Бауман разделяет мнение американского социолога Мигеля Кастельса: *«Четкая организация элит, сегментация и дезорганизация масс – вот, по-видимому, двойной механизм социально-го господства в наших обществах. Пространство играет в этом механизме фундаментальную роль. Короче говоря: элиты космополитичны, народы локальны. Пространство власти и богатства пронизывает весь мир, тогда как жизнь и опыт народов укоренены в конкретных местах, в их культуре, истории. Поэтому, чем больше социальная организация основана на внеисторических потоках, вытесняющих логику любого конкретного места, тем больше логика глобальной власти уходит из-под социополитического контроля со стороны исторически специфических местных и национальных обществ»*⁹.

Живущие во времени

Деградация значения местности отражается на «аборигенах» – людях, которые не свободны в передвижениях и «перемене мест» за неимением необходимых средств. Это обстоятельство подчеркивает масштаб различий между желанными туристами, жаждущими удовольствий, или путешествующими бизнесменами, ищущими новых возможностей для вложения капиталов, – и презренными «экономическими мигрантами», мечущимися в поисках места, где они могли бы выжить.

Бауман считает, что степень отсутствия мобильности является в наши дни главным мерилом социального бесправия и несвободы. Когда власть непрерывно перемещается, и перемещается глобально, политические институты испытывают те же лишения, с которыми сталкиваются все, кто привязан к определенному месту обитания. Время и пространство по-разному распределены между людьми, стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. *Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве.*

Мораль без этики

Многие западные социологи отмечают, что такие традиционные формы общности, как семья, брак, родительские отношения, соседство, работа, во многом утратили свою роль социальной фабрики, то есть механизмов воспроизводства общества. Ричард Сеннет говорит о «категориях-зомби» и «учреждениях-зомби», которые «мертвы и все еще живы». Он называет семью, класс и соседей как основные образцы этого нового явления¹⁰. Об этом же пишет и английский социолог Энтони Гидденс:

*«Повсюду мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Прежней осталась скорлупа, внешняя оболочка, но внутри они изменились – это происходит не только в США, Великобритании или Франции, но практически везде. Я называю их “институты-пустышки”. Это институты, уже не соответствующие задачам, которые они были призваны выполнять»*¹¹.

Работодатели и работники, коллеги и партнеры, друзья, мужья и жены, организации не хотят заглядывать вперед, обременять себя «лишними» обязательствами, о которых впоследствии придется сожалеть. Это не означает, что происходит распад общества, – нет, социального распада не происходит. Общество продолжает функционировать «нормально», но в ином режиме. Люди вступают в многообразные, фрагментарные, временные отношения, и такой же является их групповая принадлежность.

Еще один важный вывод, к которому пришел Бауман, состоит в том, что в эпоху постмодерна происходит отказ от норм, заданных эпохой Просвещения. Вместо крепких социальных связей формируются «слабые связи». Так, например, модель долговременных человеческих отношений в семье разрушается, партнеры

предпочитают быть вместе только до той поры, пока это устраивает обоих. Принцип «пусть лишь смерть разлучит нас» заменяется «пробными браками» и неустойчивыми псевдосемейными союзами, которые можно расторгнуть по первому же требованию. Начинает преобладать тенденция, обозначаемая оборотом «от брака — к сожительству». Фактически теперь он и она говорят друг другу (или подразумевают): пока мы вместе, а дальше — как получится. Это делает институт семьи очень хрупким. Бауман утверждает, что возврата к прежним семейным ценностям уже не произойдет¹².

Эротизм, освободившийся от репродуктивных и любовных ограничений, как будто специально создан для сложных, подвижных, эфемерных личностей мужчин и женщин времен постмодерна. Секс, свободный от репродуктивных последствий и длительных любовных прелюдий, может быть заключен в рамки эпизода. Свободно кочующий эротизм в высшей степени подходит для задачи достижения такого типа личности, который, как и все культурные продукты постмодерна, ориентирован на максимальное воздействие и мгновенное устаревание. Человек предпочитает не иметь стойких и длительных привязанностей, а совокупность его контактов напоминает мир вещей одноразового использования. За обретенную «относительную свободу» приходится платить не только одиночеством, но и ощущением ненадежности, неуверенности, отсутствия безопасности.

Мораль и религия

И все-таки Бауман исходит из того, что все-таки моральность предпослана возможности существования человека. По его мнению, до всяких авторитетных объяснений, что есть добро, а что — зло, мы уже стоим перед выбором, ответственность за который не исчерпывается никаким сводом правил; *моральная жизнь — постоянный выбор наугад до всяких правил*¹³.

Религия облегчала бремя выбора (греха), обещая от имени превосходящего чело-

веческие силы и разум авторитета прощение взамен на послушание Богу; религия никогда не обещала безгрешной жизни. А вот светские проекты модернизма видели возможность свободы от греха и грешников, от неверного выбора в подчинении законам и перенесении ответственности на сверхиндивидуальный уровень. Вместо выбора и греха они дали список обязанностей. В индустриальную «эпоху этики» мораль выводилась из кодекса универсальных правил поведения, была «продуктом» этики. В эпоху постмодерна к «умершему Богу» присоединилось государство, отказавшееся задавать этические стандарты. Авторитеты возникают ниоткуда, чтобы, уловив момент доверия, незаметно исчезнуть в никуда — и спросить не с кого. В связи с этим Бауман констатирует: *«Быть нравственным — означает быть и оставаться в состоянии вечной неопределённости»*¹⁴.

Верх и низ

По Бауману, и на социетальном, воспроизводящем общество уровне произошла инверсия «верха» и «низа». В эпоху модерна «естественный» взгляд знати на спонтанную природу добра не допускал никакой ограничивающей свободы кодификации, а «низы» искали спасения от произвола сильных в установленных правилах. В ситуации постмодерна правители, дабы воспользоваться кредитом доверия, нуждаются в рационально обоснованной этике, а эмансипировавшиеся массы открыто чураются апелляции к разуму. Сейчас уже нет суверенных, универсальных, конституирующих общество «сверху» инстанций (Бога, Разума, Государства); нет надежды на «моральный инстинкт» — от природы, «снизу». В пустоте, лишенной притяжения авторитетов, всё дозволено. Означает ли это аморальность современной массы?

Бауман надеется, что кризис этики не ведет к кризису морали. Сегодняшнюю ситуацию он характеризует формулой «мораль без этики». *«Мораль в ситуации хаоса возникает спонтанно, моральные Я не ищут себе этических осно-*

ваний, но создают их в процессе самосозидания при остром осознании личной моральной ответственности за выбор¹⁵.

Обходиться без привычек

Итак, по Бауману, в эпоху «текучего модерна» любые позиции, позволявшие раньше стабильно ориентироваться в мире, кажутся неустойчивыми. Мы вынуждены как бы играть одновременно во множество игр, причем в каждой из них правила меняются непосредственно по ходу дела. Постмодерн разрушает рамки и ликвидирует образцы — причем все рамки и все образцы. При таких обстоятельствах обучение, дающее знания о том, как нарушать общепринятый порядок, как избавиться от привычек и предотвратить привыкание, как преобразовать фрагментарные элементы опыта в новые образцы, относясь к любому из них как к приемлемому лишь «до особого уведомления», обретает высшую ценность и быстро становится центральным элементом незаменимого «снаряжения» для жизни. Когда люди эпохи постмодерна предполагают найти связную и логически последовательную структуру в путанице случайных событий, тогда впереди их ждут ошибки и разочарования. *Жизненный успех (и тем самым рациональность) людей постмодерна зависит от скорости, с какой им удастся избавиться от старых привычек, а не от скорости обретения новых.* Лучше всего вообще не проявлять беспокойства по поводу выбора ориентиров; привычка, обретаемая в ходе отбрасывания старых привычек, — это *привычка обходиться без всяких привычек*¹⁶.

Бауман напоминает, что со времен эпохи Просвещения образование воспринималось как строго структурированная система, в которой управляющие занимают четко определенные позиции и обладают всей полнотой инициативы. Никем не управляемая система не может не привести теоретиков и практиков образования в замешательство, стать причиной для беспокойства. Непреодолимое ощущение кризиса, в большей или меньшей степени распространив-

шееся среди философов, теоретиков и практиков образования, проистекает из всеобщего разложения личности, из отрицания авторитетов, полифонии провозглашаемых ценностей и связанной с этим фрагментации жизни, характеризующей мир постмодерна. Мир, в котором вынуждены жить люди «текучего модерна», стимулирует развитие той разновидности обучения, к которой унаследованные нами образовательные учреждения даже не знают, как подойти.

Образование под вопросом — чему учить?

Бауман полагал, что нынешний кризис в сфере образования — это прежде всего кризис унаследованных институтов и философий. Предназначенные для реальности иного рода, они находят все более затруднительным для себя усвоение происходящих перемен, приспособление к ним или их сдерживание. Кризисом поражены все устоявшиеся образовательные институты, в частности, современные университеты, которые всегда претендовали на роль учреждений стандартов образования. Существующие сегодня представления об университетах и их роли в обществе являются порождением модерна. Для этой цивилизации основополагающим является союз знания и власти.

Согласно Бауману, современная власть ищет в образовании просвещения и наставлений, тогда как современное знание следует предпосылке Огюста Конта: «знать, чтобы иметь силу действовать».

И поскольку современная цивилизация изначально была ориентирована на изменение прежнего характера вещей, то в результате этого союза носители знания приближались к властям предрержащим или даже вступали с ними в конкуренцию, в обоих случаях оказываясь в центре институциональной сети и в ранге духовного авторитета. Центральное место знания

и его носителей обеспечивалось, с одной стороны, национально-государственной опорой на руководящие принципы и основополагающие ценности, опорой, необходимой для превращения господства в авторитет и дисциплину; с другой же стороны – практикой культуры (образования, воспитания), придающей отдельным членам общества форму социальных существ, способных действовать конструктивно, в соответствии с предписаниями. И в том, и в другом случае ключевую роль играли университеты, где создавались ценности, необходимые для социальной интеграции, и где обучались сами наставники, призванные распространять их и преобразовывать в социальные навыки. Сегодня, констатирует Бауман, положение коренным образом изменилось. Как самостоятельность, так и *центральное место университетов и образованности как таковой находятся под вопросом*. Современные национальные государства почти отказались от большинства интегрирующих функций, выступавшего их прерогативой в эпоху модерна, и передали их силам, которых они не контролируют в состоянии. В результате на исключительное право наделять *авторитетом* людей, активно проявивших себя в поиске нового знания и его распространении, некогда дарованное государством университетам, ныне претендуют совсем другие учреждения. Университеты вынуждены конкурировать со многими организациями, значительно более искушенными в проталкивании собственных идей и гораздо лучше понимающими желания и страхи современной клиентуры. Сейчас все имеют равный доступ к видеомониторам, подключенным к Интернету. Последние достижения научной мысли, должным образом переработанные, адаптированные к требованиям учебных программ, легкие для использования и упрощенно интерактивные, продаются в каждом магазине компьютерных игр. Последние модели обучающих игрушек попадают в распоряжение человека, в зависимости от наличия у него скорее денег, нежели ученой степени. Именно открытие информационных каналов показало, насколько влияние учителей прежде опиралось на коллективно принадлежавшее им право осуществ-

лять эксклюзивный контроль над источниками знания. Это также показало, в какой мере их авторитет зависел от безраздельного права формировать «логику обучения». Когда эти права оказываются дерегулированными, приватизированными, а цена сделала их доступными всем и каждому, претензия академического сообщества на то, чтобы быть единственным прибежищем всех тех, кто отвержен высшему знанию, становится пустым звуком.

Бауман обращает внимание на то, что постоянная и непрерывная технологическая революция превращает обретенные знания и усвоенные привычки из блага в обузу и быстро сокращает срок жизни полезных навыков.

В таких условиях краткосрочная профессиональная подготовка, пройденная на рабочем месте под руководством работодателей, ориентированная непосредственно на конкретные виды деятельности, а также гибкие курсы и быстро обновляемые наборы материалов для самоподготовки, предлагающиеся на рынке без посредничества университетов, становятся более привлекательными, нежели полноценное университетское образование, которое сегодня неспособно даже обещать, не говоря уже о том, чтобы гарантировать, пожизненную карьеру.

Задачи профессиональной подготовки постепенно уходят от университетов, что повсеместно отражается на ослабевающем желании государства субсидировать их из общественных фондов.

Падение интеллигенции

По мнению Баумана, само право научных сообществ и их членов на высокий престиж и исключительное положение подтачивается на корню. Так, к примеру, одним из важнейших предметов гордости университетов эпохи модерна была предполагаемая связь между приобретением знаний и нравственным совершенствованием.

Наука, как тогда считали, была наиболее мощным гуманизирующим фактором;

с ней могли сравниться лишь эстетическая разборчивость и культура как таковая; все они в целом облагораживают человека и умиротворяют человеческие общества. После ужасов XX века, порожденных наукой, такая вера кажется смехотворной и преступно наивной, полагал социолог. Университеты столкнулись с необходимостью переосмыслить свою роль в мире, который более не нуждается в их традиционных услугах.

Однако шанс выжить в современной ситуации и приспособиться к новым условиям у университетов есть. По Бауману, такой шанс заключается в плюрализме и многоголосье нынешней массы сообществ, посвятивших себя достижению образованности. В мире, где никто не может предсказать, какие специальные знания могут понадобиться завтра, наличие многих разнообразных путей достижения высшего образования и различных его канонов является необходимым и достаточным условием, позволяющим университетской системе подняться до ответа на вызовы постмодерна¹⁷.

Высшее образование все больше превращается в специфическую форму самоорганизации жизнедеятельности, при которой субъект образования не нуждается в чьей-либо помощи для выстраивания мировоззренческой позиции.

Усложняющийся процесс дифференциации наук и расширяющийся поток информации не допускают возможности конструирования целостной концепции личности, которую возможно было бы «создавать» при помощи прежних методов социального воспитания. Сама задача воспитания становится неактуальной. Иными словами, задача высшей школы состоит в формировании успешного индивида на рынке труда, а не в формировании универсальной личности с заранее заданным мировоззрением. В высшей школе навязывание определенных систем миропонимания практически исключено, ибо там субъект образования решает одну-единственную задачу — удачно включиться в процесс самореализации на рынке труда. Соответственно, мировоззрение выпускника может быть любым, только бы оно соответствовало внешним рамкам законности.

Насилие не исчезает — оно приобретает новые формы

Если система власти организует статистический порядок, то массы заняты производством статистического беспорядка. Массы играют на своей неуверенности. Поэтому вся система сегодня становится террористической, ибо терроризм, по мнению Жана Бодрийяра, есть ужас неуверенности и утраченного. Массы живут во мраке отрицания и отчуждения, они сильны лишь своим неприятием, отрицанием всего, что недоступно их пониманию. Испытывая глубинное отвращение к политике, массы становятся источником ненависти, которая проявляется не только в расизме и преступности, но и в обыденном равнодушии.

В теории насилие обычно осуждается, но на практике ему часто приписывается позитивная роль как средства социальных преобразований. В любом случае ответственность за применение насилия перекладывается на «общие законы» истории, идейных и политических противников, незрелый человеческий материал, врагов и чужих. Зигмунт Бауман считает, что уже в основе проекта модерна лежит насилие, то есть стремление сделать вещи не такими, какие они уже есть. Насилие оправдывалось будущим освобождением человека от случайных ограничений. Даже те, кто ратовал за следование человеческой природе, видели ее не в том, каковы люди на самом деле, а в том, какими они должны быть с помощью специального принуждения. Модерн взял на себя культурную миссию по организации цивилизационного процесса, вследствие чего территория ойкумены разделилась на территорию цивилизованности — где установлена монополия на легитимное, упорядоченное насилие, и на варварство — где нет монополии, порядка. Рациональное управление насилием в рамках нации-государства было возможно, пока потенциальное и действительное насилие выносилось за его границы: либо экспортом излишков населения, либо

импортом благ для поддержания охранительных институтов метрополии. Сейчас территориальная экспансия Запада достигла возможных пределов. Непрозрачные границы тормозят развитие транснационального бизнеса, и насилие возвращается из периферии в центр: нет больше непрозрачных для насилия границ цивилизованного мира.

Бауман указывает на то, что в эпоху модерна бюрократия научилась исключать целые категории людей из царства моральных субъектов, посредством разделения на мелкие операции скрывать моральные следствия целого действия, утвердила в качестве высшего морального критерия личную преданность начальству, а с внедрением процедурной рациональности отменила личную ответственность. Передовые технологии позволили дистанцироваться от «исключенных из списка», а огромный поток картин насилия в СМИ повысил нечувствительность к жестокости.

Как это ни странно, но и в эпоху постмодерна толерантность и разговоры о мире парадоксальным образом сочетаются со спросом на идеологию насилия. В последние десятилетия борьба с терроризмом остается главной заботой властей. «Терроризм» упоминается всякий раз, когда вооруженные силы посылаются на выполнение нового задания, запускается в производство новый тип вооружения, а на жителей накладываются все более жесткие ограничения. Идеологическая концепция «терроризма» оказывается полезной, если в какой-то части мира кто-то решает оказать угнетению вооруженное сопротивление, особенно если оно становится сопротивлением властям. Ее часто используют и в борьбе против неугодных граждан, диссидентов, инакомыслящих: жизнь с клеймом «национал-предатель», «иностранный агент», «пятая колонна», «экстремист» или «террорист» имеет немало отрицательных последствий и при трудоустройстве, и с точки зрения негативного отношения в обществе¹⁸.

«Нет сомнения, что терроризм предполагает жестокость и кровь, и люди, называемые "террористами", стремятся и готовы убить столько народу, сколько необходимо для организации

или продолжения их общего дела. Но проблема в том, что навешивание ярлыка "террористы" на людей, которые стреляют, бомбят или жгут других людей, зависит не столько от самой природы их действий, сколько от симпатий и антипатий тех, кто навешивает такие ярлыки»¹⁹.

Говоря о терроризме, Бауман обращает к проблеме легитимности. Он подчеркивает, что сущность власти состоит в праве давать официальные определения, а главным призом в борьбе за власть служит право устанавливать свои собственные и игнорировать исходящие из противоположного лагеря определения. Во всех операциях по установлению порядка легитимность становится главной проблемой. Борьба идет из-за грани, отделяющей правильное использование силы и принуждения от неправильного. «Война против насилия» ведется во имя монополии на использование силы. «Устранение насилия», объявляемое целью такой войны, представляется как ситуация, в которой эта монополия больше не оспаривается. «Ненасилие», рассматриваемое как атрибут цивилизации, предполагает не отсутствие использования силы, а лишь отсутствие ее неуполномоченного использования. Именно поэтому война против насилия никогда не может быть выигрыша, а понятие «ненасильственного социального порядка» оказывается крайне противоречивым.

Современный терроризм любопытен тем, что он выпадает из правовой системы государства. Террориста-самоубийцу невозможно подвергнуть наказанию²⁰. В связи с этим Бек предполагает, что, возможно, мы стоим на пороге индивидуализации войны, когда воюют не государства против государств, а отдельные индивиды против государства. Но когда возникнет угроза индивидуализации войны, человеку нужно будет доказывать, что он не опасен. Под подозрением окажется любой, каждый может оказаться потенциальным террористом. И люди вынуждены будут смириться с тем, что их без всякого конкретного повода будут проверять на предмет благонадежности. Если государства будут объединяться против граждан, чтобы избежать опасностей, исходящих от граждан, то подобная индивидуализация войны может привести к смерти

демократии. Какую цель имеет война с терроризмом? Нечеткие определения цели — уничтожение зла, корней терроризма — не знают границ, конечной точки и эквивалентны всеобщему полномочию. Таким образом, отменяются фундаментальные различия между войной и миром, нападением и защитой. Подозрение в терроризме делает более радикальным и гибким конструирование образа врага.

Современная цивилизация считает «устранение насилия» одной из главных задач в деле установления порядка. Многие теоретики стали утверждать, что современное общество ориентировано на «смягчение» условий человеческого существования и исключение насильственных методов наведения порядка. Но и по сей день они испытывают крайнее разочарование от собственных попыток документально подтвердить наличие прогресса. Проблема, порождаемая внесением в игру изменений, по Бауману, состоит в том, что *«невозможно постоянно обновлять обещания лучшей жизни без переоценки прошлого: то, что в свое время считалось триумфом цивилизованности, по прошествии некоторого периода приходится описывать как историю жестокого, вызывающего дрожь насилия»*²¹.

Наша эпоха является переходной постольку, поскольку прежние структуры разрушаются или демонтируются, но альтернативных форм, обладающих в равной мере узаконенным статусом и призванных занять их место, пока не существует. Лишенные таких форм, все модели отношений начинают вызывать подозрения в той мере, в какой они оказываются уязвимыми, подверженными сомнению. Перемены в «классификации» иллюстрируются вдруг получившими название формами семейного и уличного насилия: супружеские изнасилования, издевательства над детьми, сексуальные домогательства на службе, преследования, вымогательства и т.д. Бауман обращает внимание на то, что явления, которые призваны обозначить эти вызывающие возмущение и панику модные словечки, не новы. Они существовали на протяжении долгих лет, но либо к ним относились как к «естественным» и сносили их безропотно наряду с другими нежелательными,

но неизбежными жизненными неприятностями, либо же они просто оставались незамеченными, как и прочие черты «повседневности».

Во фрагментированном обществе постмодерна перманентный страх перед насилием подсказывает людям «стратегию разъединения»: территориальная обособленность достигается с помощью современных аналогов крепостных рвов и подъемных мостов (таких как охранники в подъездах, огороженные кондоминиумы, скрытые системы видеонаблюдения, прослушивания, металлические двери с надежными замками, телохранители, вооруженные патрули)²². Средства и методы борьбы с насилием порождают новые дисциплинарные пространства и дисциплинарные практики, новые и наиболее изощренные формы насилия. Все это приводит к тому, что люди, которые боятся насилия, — насилия уже не замечают.

Нужна ли человеку свобода?

Большинство из нас, живущих в обществе постмодерна, свободны настолько, а вот наши предшественники могли только мечтать о такой свободе, говорит Бауман. Наши предки представляли себе свободу как состояние, в котором человек не обязан выслушивать. Но они не могли предвидеть, что ценой такой свободы являются небезопасность, неуверенность, неопределенность и незащищенность. Сейчас, как и прежде, индивидуализация — это судьба, а не выбор. Способность индивидуализированных людей к самоутверждению, как правило, не отвечает потребностям их подлинной самореализации. Обратной стороной безграничной свободы является незначительность выбора. Людские беды, даже самые распространенные, не суммируются в «общее дело».

Ранний, классический, модерн не был эпохой «всеобщего благоденствия». Ему нередко приходилось взывать к аскетизму и идее «отложенного удовлетворения». «Твердый модерн» носил производительно-созидательный характер, нынеш-

ний – текучий – призывает к гедонизму и потреблению, видит счастье в изобилии. Человек живет в мире потребления вещей, товаров, услуг, работы, досуга, идентичностей, социальных практик. Предложение огромно – попробовать все невозможно. Авторитеты и референтные группы многочисленны. Конкретное содержание выбора остается за индивидом, в выборе он свободен. Но потребление как стиль жизни навязано обществом, поэтому выйти из игры нельзя, от потребления отказаться невозможно²³.

Социально значимые свойства индивида в обществе «твердого модерна» определяются как «исполнения» и «достижения», человек приобретает их в процессе своего существования. Жить для современного человека – значит желать чем-то обладать чем-то. При этом общество потребления стремительно «бежит», заставляя не слишком расторопных сограждан чувствовать себя неудачниками. Индустрия потребления постоянно выбрасывает на рынок новые модели и образцы. Полностью удовлетворить желания потребителя невозможно, поскольку они не заданы и уходят в бесконечность. Чувство насыщения конкретными благами мимолетно, ему на смену всегда спешат новые формы желаний и потребностей. Идея «всеобщего устаревания» порождает особый тип отношения к объектам обладания. Вещи обесцениваются и устаревают быстрее, чем физически изнашиваются. Зависимость от вещей в целом усиливается, в то время как привязанность к конкретным вещам ослабевает. Люди с легкостью расстаются со старым предметным и символическим окружением, стремясь соответствовать авангардным потребительским стратегиям. Несвобода становится все более изощренной. Обольщение в качестве инструмента влияния на массовое сознание и поведение действует гораздо лучше, чем силовое воздействие, считает Бауман.

Текучий, легкий, мягкий модерн, несмотря на свою текучесть, легкость и мягкость, все же не решает проблемы человеческой свободы. Правила могут меняться, но от этого не переставать быть правилами. Если воспринимать зависимость человека от общественных условий как «плен», то, конечно, подобный плен в эпо-

ху текучего модерна сохраняется. Социальные образования и институты зависят от людей и могут быть ими преобразованы. Следовательно, шансы человеческой свободы никогда не бывают реализованы полностью, и перспектива ее «исторически относительного» расширения всегда остается открытой. Потребление, скорости и темпы, смена картинок и образов, быстротечность и неопределенность принудительны.

Еще философы Франкфуртской школы говорили о сверхдетерминированности человека, его «одномерности» и подавлении, подразумевая некую перспективу освобождения, но уже Мишель Фуко не впадает в подобную иллюзию. Всякая свобода, говорил он, есть не что иное, как очередная модификация дискурса. Ситуация пребывания вне дискурсов невозможна до тех пор, пока существует человечество, общество и коммуникация. Однако при анализе темы свободы и освобождения социология «твердого модерна» в центр собственного познавательного интереса ставила проблему подчинения и сопротивления обществу, тогда как социология «текучего модерна» фокусируется на проблеме соотношения ответственности и желания уйти от нее.

По мнению Баумана, *постмодернизм стал возможен потому, что Свобода и Прогресс перестали быть проблемой*. Все то, что в модерне было достигнуто только в особых сферах, постмодерн осуществил вплоть до повседневности. Рационализация общества и эмансипация индивида состоялись, хотя результаты этих процессов неожиданны и болезненны для сознания, поглощенного модернистской идеологией: процесс реализации ценностей оказался процессом отчуждения и овеществления. Из сферы общественного устройства свобода и прогресс перекочевали в сферу повседневности, обустройства быта. Мотивы свободы и прогресса больше не определяют выбор политического и экономического курса, но зато определяют выбор одежды, еды или косметики. Как отмечает Бауман, *«ощущение свободы – это фактически во все не свобода. Люди могут быть довольны своей участью даже при том, что эта участь далека от того, чтобы быть "объективно" удовлетвори-*

тельной; живя в рабстве, люди чувствуют себя свободными и поэтому не ощущают никаких побуждений освободиться, таким образом, отказываясь от возможности стать истинно свободными или лишаясь ее»²⁴.

В обществе всеобщей коммуникации и множественности культур встреча с другими мирами и формами жизни происходит постоянно, иные возможности существования реализуются на наших глазах. Жить в этом многообразном мире означает иметь опыт свободы, ощущать его как непрекращающееся «колебание между причастностью и потерянностью». По меткому замечанию Джанни Ваттимо, в том и заключается проблематичность свободы, что мы сами еще недостаточно хорошо знаем, как себе ее представлять. В нас еще коренится тоска по замкнутым горизонтам, угрожающим и обнадеживающим одновременно, поэтому требуется усилие, чтобы помыслить колебание как свободу²⁵.

Бауман уверен в том, что сейчас возникает совершенно новая и необычная социальная реальность. Мы оказались в неизвестном мире. Мы живем в условиях огромного богатства возможностей и отсутствия каких-либо запретов. В мире постмодерна нет ничего определенного: глобальных целей, ценностей, интересов. Выстраивание «истинного» и «правильного» часто приводит к неудачам и разочарованиям.

Постмодерн — это переход от модерна к обществу, которое нам совершенно неизвестно. Мы находимся в состоянии нестабильности и хаоса, плывем по течению к неведомым берегам и не можем сказать ничего внятного в отношении нашего будущего. Это страшит и пугает. Нужно действовать на свой страх и риск, без заранее заготовленных планов, рецептов и долгосрочных программ. Нельзя положиться на государство, нацию, класс, этнос, политического лидера, ученого, семью, авторитет, традиции, прошлое. Никакая стратегия не является в этих условиях прочной — все зыбко, туманно, неясно. Но отказ от модерна — это не просто отрицание, но и решимость действовать в ситуации неопределенности и непредсказуемости последствий наших действий. Тем более что жесткой предопределенности, фатума, рока, судьбы не существует.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. — 188 с.
 2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М.: Логос, 2005. — 390 с.
 3. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. — 132 с.
 4. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. СПб., 2008. — 240 с.
 5. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 464 с.
 6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
 7. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Пер. с ит. М.: Логос, 2002. — 128 с.
 8. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. — 208 с.
 9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. — 120 с.
 10. Жижек С. «Прослушка, или Что делать во времена без событий» (URL: http://www.redflora.org/2013/05/blog-post_8.html)
 11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
 12. Сеннет Р. Коррозия характера / Пер. с англ. Н.: ФСПИ «Тренды», 2004. — 296 с.
 13. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. М.: Логос, 2002. — 424 с.
- Слотердаjk П. Критика цинического разума / Пер. с нем. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009. — 800 с.
- Bauman Z. (2000), *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Cassirer E. (1995), *The Myth of the State*. N.Y.: Doubleday & Co.
- Giddens A. (1993), *The transformation of intimacy*. Cambridge

Sennett R. (1998), *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: W. W. Norton & Co.

Примечания

¹ См.: *Bauman Z. (2000), Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press; Бауман З. *Текущая современность* // Пер. с англ. СПб., 2008.

² *Бауман З. Индивидуализированное общество* / Пер. с англ. М., 2005.

³ См. также: *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну* / Пер. с нем. М., 2000.

⁴ Cassirer E. (1995), *The Myth of the State*. N.Y.: Doubleday & Co., pp. 362-363.

⁵ Там же. См. по этому поводу размышления Петера Слотердайка о Великом Инквизиторе (*Слотердаик П. Критика цинического разума*. Екатеринбург, 2001.С. 287-307).

⁶ *Бауман З. Текущая современность*.С. 20. На это обращает внимание и Ричард Сеннет: «Когда публичное пространство становится функцией движения, оно теряет всякое независимое, основанное на опыте собственное значение» (*Сеннет Р. Падение публичного человека* / Пер. с англ. М., 2002.С. 22).

⁷ *Бауман З. Индивидуализированное общество*. М., 2005.С. 316.

⁸ *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества* / Пер. с англ. М., 2004.

⁹ *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / Пер. с англ. М., 2000.С. 349.

¹⁰ Sennett R. (1998), *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: W. W. Norton & Co., p. 44.

¹¹ *Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь* / Пер. с англ. М., 2004. С. 35.

¹² Об этом же пишет Энтони Гидденс.: *Giddens A. (1993), The transformation of intimacy*. Cambridge.

¹³ *Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality*. London: Blackwell, 1995. P. 2.

¹⁴ *Бауман З. Индивидуализированное общество*. М., 2002. С. 216.

¹⁵ *Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality*. London: Blackwell, 1995.

¹⁶ *Бауман З. Индивидуализированное общество*.С. 125-126.

¹⁷ *Бауман З. Индивидуализированное общество*.С. 161-165.

¹⁸ По поводу терроризма Фредерик Джеймисон иронично замечает, что «в массовой культуре выжили лишь две фигуры негодяя, воплощающие зло: одной такой фигурой, подлинно асоциальным типом, является серийный убийца, а другой — террорист (главным образом, с религиозными убеждениями, поскольку этничность стала отождествляться с религиозной принадлежностью, а светские политические персонажи вроде коммунистов или анархистов вроде как все закончились» (Цит. по: *Жижек С. Прослушка, или Что делать во времена без событий* (URL: http://www.redflora.org/2013/05/blog-post_8.html)

¹⁹ *Бауман З. Индивидуализированное общество*. М., 2005.С. 151.

²⁰ Ульрих Бек указывает на то, что, «совершив преступление, прежние террористы пытались спасти свои жизни. Террористы-самоубийцы черпают из сознательного отречения от собственной жизни чудовищную разрушительную силу. Террорист-самоубийца — наиболее радикальная противоположность *homo oeconomicus*. В экономическом и моральном отношении он совершенно раскован и, таким образом, становится носителем абсолютной жестокости. Преступление и преступник-самоубийца в строгом смысле слова единичны. Террорист не может совершить самоубийство дважды, а государственные власти не могут его уличить. Эта единичность подкрепляется одновременностью преступления, признания своей вины и самоуничтожения» (Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М., 2007.С. 31).

²¹ *Бауман З. Индивидуализированное общество*.С. 153.

²² В связи с этим Мануэль Кастельс замечает: «В то время как новые технологии помогают системам безопасности, они также делают нашу повседневную жизнь все более подверженной внешним воздействиям. Цена возрастающей защиты — это жизнь в системе электронных замков, сигнализаций и on-line полицейских патрулей. Это также будет означать рост страха. Возможно, он не отличается от опыта большинства детей в истории. Это также является мерой относительности человеческого прогресса» (*Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М., 2000.С. 443).

²³ *Бауман З. Свобода* / Пер. с англ. М., 2006.

²⁴ *Бауман З. Текущая современность* / Пер. с англ. СПб., 2008.С. 24.

²⁵ См.: *Ваттимо Дж. Прозрачное общество* / Пер. с ит. М., 2002.

© Текст: Владимир Волков

ТЕТРАДЬ, ДИКТАНТ, ОШИБКИ

Из записок художника

* * *

После уроков со студентами сидим с Димой Крымовым, обсуждая удачные названия его спектаклей.

«Холст, масло, смешанная техника», — говорю, может у тебя слямзить название для своей книжки? ...Название должно быть кратким, например: «ухо горло, нос» У меня — «Тетрадь, диктант, ошибки». Это про меня. Тетрадь — несерьёзность, диктант — вид моего творчества, сама себе диктую, то есть пишу только тогда когда увижу и записываю, бессвязно, но то, что есть, и в холстах работаю так же, ничего не могу придумать, только записать увиденное. Ошибки это ясно, без ошибок и жизни нет. Это самое интересное, есть что исправлять.

* * *

Детство. 44-48 годы

Ленинград. Васильевский остров.

Дом отца. Много окон с оливковыми бархатными шторами. Очень высокие потолки. Старинный 3х этажный особняк купца? Соловейчика. Широкая мраморная лестница, на первом этаже камин, всё в упадке, парадные двери заби-

ты, чёрный ход, дрова во дворе, голландские печи, крысы. В детстве мне казалось — в Ленинграде была постоянная зима. Папа приносил на новый год большущую елку, я постоянно болела ангиной, рыбий жир, но санки много снега. Середина Васильевского острова сплошь сады, зимой красиво. У мамы тёмно-голубой байковый лыжный костюм, в котором она ходила всю зиму, больше ничего не было. В этом же костюме в 40 градусные морозы 17 февраля 42 года она эвакуировалась по Ладоге в открытых грузовиках вместе с институтом им. Репина в Самарканд.

Эшелон дал С.В. Земблинов, он любил художников и во многом явился спасителем, с его дочерью Наташей мы были дружны всю жизнь. В Самарканде тепло, виноград и начали появляться не запланированные дети. В конце 43 мама перевелась в Суриковский институт и поехала со студентами в Москву из Средней Азии. И вот в поезде на станции Арысь я и родилась.

И.Л. Табенкин рассказывал, что он лежал на этой станции в соседнем вагоне и умирал от тифа, просил помощи, а ему кто-то сказал, что ты, вот там женщина рождает, это была моя мама. Её ссадили с поезда и она провела 2 дня в Арыси, а затем одна со мной и вещами какими-то до-

биралась месяц до Москвы, появившись у своей мамы Марии Владимировны с таким подарком в виде меня. Комната была очень маленькая а мебели было жутко много, пианино, 3 шкафа — книжный, посудный и бельевой с зеркальной дверью, в выдвижном ящике которого, в качестве колыбели, меня и расположили.

В 44 году Суриковский и Репинский институты жили в эвакуации в кельях Троице-Сергиевой Лавры в Загорске. Там же были и мы с бабушкой, я конечно этого помнить не могла, но это по скудным рассказам мамы и по работам отца, пейзажам Лавры 44 года...

«*Бригада садоводов в цветущем саду*»

Никогда не работала в живописном комбинате. В 1980 году я получила заказ на картину «Бригада садоводов в цветущем саду». Всё для того, чтобы поехать в Барнаул и встретиться с Комелиным. Заказ был для села Ново-Егорьевский, как говорит Толя, это под Барнаулом. Я получила командировку. Был конец августа. Из Барнаула на местном самолёте мы отправились в областной центр. Уже не очень помню как мы добрались до этого совхоза, но я рисовала эту бригаду с портретным сходством в саду плодовых деревьев в предгорье Алтая. Пробыв, некоторое время в этом селении, я отправилась в горы, а Толя вернулся в Барнаул, ибо начались занятия в детской художественной школе, где он преподавал скульптуру и как законопослушный советский учитель он не мог опоздать. Меня поразило, что Комелин, живя в Барнауле никогда не был в горах. Я же отправилась в горы на перекладных, на местном автобусе забираясь все выше, путешествуя одна. На автобусной остановке разговорилась с девушкой, — куда мне отправится? Поезжайте в деревню Савушки, там живет моя бабушка она с удовольствием вас примет у себя. Так я и сделала. Добравшись до деревни Савушки высоко в горах, уже в настоящем Алтае, я разыскала эту бабушку действительно очень гостеприимную, она была рада хоть какому-то общению. Она пекла в печи потрясающе вкусный хлеб и у неё было варенье из черноплодной рябины.

Из деревни я пошла в поход в горы одна, дул очень сильный ветер, на мне была клетчатая накидка в виде пончо, шила её я сама, она развевалась на ветру. Я проходила мимо большого стада коров. Тучные, ленивые они все вылупились на меня, как будто никогда человека не видели и медленно поворачивали головы, провожая меня взглядом, пока я не скрылась из вида, видимо их потрясла моя накидка. Ветер был жуткий, я шла, скорчившись, упираясь головой в валы ветра. Нагулявшись в пустынных горах, я спустилась по той же дороге мимо тех же коров, мизансцена была такая же.

Путешествуя по Алтаю, я добралась до местного маленького аэродрома, спустилась с горы к самолёту, и каково же было моё удивление повстречать в этой глуши Павла Фёдоровича Никонова с дочкой Викой. Вот как тесен мир! Мы летели в Барнаул почти одни.

В Москве я начала писать большую картину 1,80 x 2,50 метра. Деньги за неё были назначены большие, писала с увлечением. Позвала посмотреть Эдуарда Георгиевича Браговского, он тогда возглавлял художественный совет живописного комбината. Говорит: «красиво, но совет пройдет вряд ли». Так и вышло. На совете её зарубили, надо детали, подробности, нет переднего плана. Браговский как мог защищал работу, не вышло. Больше всех кричал Коля Пластов да и друг Ваня Сорокин тоже отличился. Браговский Сорокина даже пристыдил. Я человек гордый решила ничего не исправлять. Но тут вмешалась Наташа Нестерова. Они с Лёшей Соколовым в 4 руки, что там тронули, немножко вишнёвый сад конкретизировали, Наташа надела белый пиджак и запросто сдала мою картину на худсовете. Браговского в этот день не было. Через какое то время мы с Эдиком едем в Тарусу на его машине, водил он хорошо, спокойно всегда 80 км в час. Он так робко спрашивает, — как твоя картина? Говорю, давно Наташа Нестерова сдала. Он конечно удивился. Я эту работу в законченном виде не видела. Это коллективное творчество. Должна она была уехать в этот совхоз и висеть там в доме культуры. Зачем она им нужна? Лучше бы они открыли консервный цех по переработки ягод, каждый урожай неку-

да было девать. Деньги мне заплатили. Всё закончилось очень удачно. Наташа Нестерова работала в живописном комбинате постоянно, писала работы с лёгкостью, но с отвращением, называя эту обязанность чемоданом без ручки, и бросить жалко и нести невозможно. Скоро это всё само собой отпало. Закончилась Советская власть вместе с ней и живописный комбинат.

Таруса

На Воскресенской горке руины церкви, взорванной в 30-е годы. Трудно представить, что это был храм. Теперь сарай. В 30–40-е, школа танцев, а-ля Айседора Дункан, затем пекарня, склад, к концу 80-х функций никаких, кроме разрухи. Ближайшая действующая церковь в Серпухове и в селе Истомино, в 7 км от Тарусы. Эту церковь Советская Власть не закрывала, местные жители разрушили её сами в середине 70х, и постепенно всё растащили.

14 октября 1984 года на Покров день мы с Толей пошли в Истомино, был яркий день, синее небо. Вокруг разоренной церкви непросыхающая лужа и мерзость запустения, двери настезь, летают птицы, остатки позолоченной деревянной резьбы. Венчает отсутствующий иконостас громадная икона «Тайная Вечера» в духе Леонардо да Винчи, только очень чёрная. Мы подобрали несколько фрагментов позолоченного орнамента, маленькие кусочки, лежащие на полу. Печальное зрелище, убогая деревня, нищая с красивым названием Истомино, замечательно расположенная, на высоком холме, окруженная речкой Таруской. Церковь видна издали, пока ещё сохранившая внешние формы, но в таком жалостном состоянии внутри. Ирина Васильевна рассказывала, как они *тарусяне* по праздникам бегали в эту церковь Успения Богородицы на службу. Вспоминала Истоминский голубой храм и Галина Алексеевна Арбузова.

Семья Браговских в Тарусе была тесно связана с семьёй Бириштейнов. Нина Николаевна Ватолина, жена Макса Бириштейна, построила в 50-х годах дом, купив сруб за 400 рублей, построив террасу с цветными стёклами и надстроив 2-ой этаж. Вид оттуда потрясающий на туль-

ский берег и Оку. Нина Николаевна любила лето проводить в Тарусе, Макс, как летучий голландец, приезжал на 2 дня, закатывал пир и уносился куда-нибудь за границу или вообще по свету. За 2 дня он успевал написать картину, пойти за грибами, на рыбалку, посетить друзей. Точно такая же Аня Бириштейн, дочь своего отца. Нина Николаевна Ватолина замечательно образованный человек, грузинская княжна, плакатист, автор знаменитого плаката «Не болтай!».

Ещё один обитатель дома Бириштейнов Володя, сын Макса от первого брака, талантливый живописец; молчаливый, не очень здоровый человек, он много времени проводил в Тарусе писал. Мне достался, — Аня подарила, — Володин натюрморт с астрами, живопись а-ля прима. Он висит у меня в Тарусе на парадной стене. Смотреть на него можно долго, никогда не устаёшь.

* * *

Таруса ничем не лучше других уездных городов. Грабежей, поджогов, убийств предостаточно. Милиция труслива, почуяв опасность — не ввязывается. Картинная галерея в центре Тарусы, два шага от милиции, когда залезли с целью грабежа, через окно, сработала сигнализация, милиция долго заводила машину и куда поехала неизвестно, дав грабителям уйти беспрепятственно, но взять они ничего не успели. Сейчас многие частные дома на охране, туда и не суются. Самое опасное в Тарусе «Творческое объединение — «Лицей», бывшее ПТУ. Разгорячённая молодёжь бьёт стёкла, лазает по домам, берут что придётся, от одежды, техники до банок с вареньем, безобразничают, гадят в домах, зачем?

Наших друзей Олега Клинга и Катю Орлову, профессоров МГУ, у них нищенский домик на берегу Оки, обчистили набезобразничали, хотя там и взять то нечего. К нам в дом залезали два раза. Но не так разрушительно.

Не говоря уже о местных котах, тут держи ухо востро. В пору Толиной рыбалки, он как то принёс замечательную добычу, большой улов карасей, они были ещё живы. Он опустил металлический садок в большой бак с водой. Наутро там

не осталось ничего, только аккуратные хребтики. Вскоре появился ленивый рыжий кот, он вождеденно смотрел на этот бак, выдав себя с головой.

В Тарусе масса собак, есть целые собачьи улицы, собаки объединяются в ожидании кого-нибудь облаять, напугать. Я собак не боюсь, хотя меня жестоко кусали, но это было на Юге в Алушке, нога не заживала месяц, Но всё равно я их не боюсь. А Толя смиренный человек, на него кидаются все собаки, особенно, когда ранним утром идёт на рыбалку в темноте и вдруг рядом опасное дыхание, собака, которая не лает особенно опасна. У Макса Бирштейна всегда были собаки лайки, он охотник, но его собаки так же успешно охотились на соседских кур и гусей, что небезопасно для хозяев собаки. У них даже при входе было две калитки, чтобы собака не выбежала случайно. Сейчас у Ани большая красивая собака, цвета слоновой кости, грациозная, молчаливая Альма – афганская борзая. У Наташи Ватагиной собаки есть всегда. Но она по доброте своей их закармливает. Был такса Юджин, бархатный шоколадный пёс. Он умер приобретя все человеческие болезни, от ожорства и ожирения. Была большая овчарка Туман, сейчас дворняшка Даша, трусливая постоянно лает, но обожает хозяйку Наташу, если Наташа даже ненадолго оставляет Дашу, уходя в магазин, у Даши стоят слёзы в глазах. У Ватагиных на участке ещё масса полудиких кошек, слепой грач в клетке, чтобы его кошки не съели.

* * *

11 марта 2012 года

Идёт снег, оттепель, после сильных мартовских морозов. Яркое уже весеннее солнце, сменилось на бледный молочный день. Мы как раз задумали съёмку в моей мастерской, нам нужен сильный свет, но как всегда, что было вчера, этого уж нет сейчас. Вчера вечером читала Толе свой текст. Сказал «скучно». «Хроника наших первоначальных действий в Тарусской церкви.

Отец Зенон пишет, что прежде, чем писать иконы надо 15 лет учиться; Ватагина, напротив погрузила меня в эту деятельность сразу, без подготовки. Она руководила мной, учи-

ла технике. Мы работали с таким энтузиазмом с таким жаром, горели и это видно. Сейчас наш Храм на Воскресенской горке вызывает восхищение многих, там нет богатства, нет золота, но есть радость, цветовая сакральность, наполненность. Вначале 90-х я сделала эскизы росписи. Наш настоятель долго сомневался доверить ли нам такую ответственность, но вдруг решился. Начали мы с алтаря левого предела. Писали соборно. Мы с Толей в конце апсиды благославляющего Спасителя. Ватагина и Карпова нижний регистр, Московских Святителей, принимали участие Коля Ватагин и Володя Давыдов, но в дальнейшей работе остались только мы с Толей. Ранней весной в марте в неотапливаемом Храме начали роспись купола. На шатких лесах, отрезанные от света, почти в темноте и в холоде, но с дымом. Внизу поставили буржуйку, может стоящих рядом она и согревала, но нам доставался один дым. О. Леонид поднявшись к нам на леса, заметил «Вы тут холодного копчения». В куполе Храма Архангелы высотой 2.70 метра. Было нелегко скомпоновать, нарисовать, сначала я чувствовала себя просто мухой, но Толя взял двухметровую палку и привязав к ней уголь, рисовал здорово, я контролировала, но вслепую, что будет видно снизу Вопрос? Мы отсечены лесами. Венчает купол заглавный Спаситель, окружённый текстами. Всю эту роспись от страха мы сделали за 13 дней, в технике фреска а secco, то есть по сухой штукатурке, положенной заранее. Как пишет Алпатов, техника эта требует большого мужества, в день надо писать фрагмент сразу окончательно, притом при высыхании живопись сильно высветляется, теряет насыщенность, становится плоской, но зато она не разрушает архитектуру, принадлежит стене. Мы разобрали верхние леса, открылась наша работа, возникли первые зрители, наши оппоненты Утенковы, но отрицательной реакции не последовало.

Дело в том, что я нарушила хронологию событий, росписи Храма. До купола мы расписали центральный алтарь. Троицу Ветхозаветную, трёх ангелов в белых одеждах, Авраама и Сару. В нижнем регистре служба Святых отцов. Вни-

зу работал Е. Утенков и Ю. Мачерет. Поработав, они поняли как это не просто, и в дальнейшем уже не рвались к росписи. Мы-то рады любому участию. Все краски до мельчайших подробностей готовила я, не доверяя столь ответственную работу никому. Точный цвет, его композиционное, музыкальное соотношение, определяют стенопись. Словом мы раскрыли леса и начали следующий регистр. «Жёны Мироносицы у гроба Господня», «Уверение Фомы, «Исцеление Слепого», «Исцеление Расслабленного», «Христос и Самарянка у колодца», всё это композиции Воскресенского цикла, первые недели после Пасхи. Было много трудностей с композицией да и физически. Всё ещё был март, холодно, приходилось работать в телогрейках, что на лесах неудобно, и вдобавок начали менять окна. Сквозняк такой, мы чуть не улетели в открытые рамы. У нас любят создать дополнительные трудности.

Написав пять композиций в восьмерике Храма в световом регистре, мы решили немного отдохнуть, но «заботливый» о. Леонид говорит, «Ну что тут осталось, всего ничего, каких-нибудь 50 метров квадратных. «Пришлось работать дальше. На северной стене «Воскрешение Лазаря» 3 x 6 метров. На южной стене «Положение во Гроб», мы разделились, я больше работала слева, Толя справа. Это сложные многофигурные композиции. Пришло второе дыхание, навык. 9 мая во время молебна, мы писали ангелов в кругах с текстами на западной арке. В течение марта, апреля и мая мы расписали стены главной части Храма, и прихожане с нетерпением ждали роспись всего Храма.

Наш первый иконостас, так вначале не понравился отцу Леониду, прижился в Храме, и когда церковь ограбили в первый раз, люди молились, чтобы только не Деисус. Украли много, отреставрированные иконы, и написанные нами праздники, видимо приняв их за старинные. Следователь из Калуги оказался опытный, он их взял на очередном ограблении церкви, часть икон, которые они не успели продать нам вернули, но не все. Грабили наш Храм два раза, горестно, хотя был сторож. Сейчас у нас сигнализация, да и время стало не такое бандитское.

* * *

Мы рисовали друг друга. Толя сделал в крашенном дереве большую работу – Ира Затуловская с дочкой Асей. Затем много этюдов в красной глине. Я написала портрет Ирины. И ещё большой холст «Молодые художники, 1986г». Среди семи молодых художников, Максим Кантор, Феликс Бух, Лёва Табенкин, А. Цедрик, Анна, Мухамед Зарипов, А. Сундуков, З. Шерман. В центре в красном Ира, все остальные намёком, но узнаваемы, выделив тем самым Ирину, расставив свои акценты. Ира присутствует и в другой моей картине, «Живописцы, 1984 г., здесь она неглавная. Солирует Михаил Всеволодович Иванов, Андрей Дюков, Павел Никонов, Катя Григорьева. Этой картиной я вызвала крайнее неудовольствие живописцев, не отраженных в этой работе, как будто у меня была такая задача, просто я написала, кого лучше знала.

Как-то Андрей Древин, (скульптор, сын Александра Древина и Надежды Удальцовой), встретив меня сказал, чтобы я его написала, непременно с внуком Петей и в колорите отца Александра Древина. Андрей приходил в мою мастерскую в сопровождении маленького внука, был нетрезв постоянно, а внук, несмотря на юный возраст, мог контролировать деда.

Я их рисовала сразу кистью по бумаге. Написала холст. Древин остался доволен. Я написала большой холст «Скульпторы», много представителей скульптурной секции. Здесь наиболее близкие мне на тот момент ваятели. Алла Пологова, Ира Блюмель, Андрей Марц, Виктор Думанян, Андрей Красулин, Дмитрий Шаховской, Юрий Орехов, Георгий Франгулян, Андрей Древин, Лазарь Гадаев, Тая Калёноква. В ту пору я писала много портретов – в 80-е годы.

Потом интерес к портрету полностью иссяк.

Недавно я опять вернулась к этому жанру, вдруг что-то проснулось. Я очень люблю смотреть в человеческие лица в метро, в транспорте, есть такие красивые, значимые, совсем незнакомые... В метро так интересно, а сейчас особенно, когда там увидишь все народы мира. Едешь в метро и живешь жизнью, а в своей ма-

шине я не думаю что что-нибудь можно увидеть, надо следить за дорогой.

Александр Григорьевич Тышлер мне говорил, «Когда я еду, я живу, вижу». Он ко мне хорошо относился, называл козочкой, сам он был очень маленького роста. Он меня учил масштабу холста, и его смысла в пропорции значимо. Тышлер был полон неизъяснимого обаяния, говорил тихо, вкрадчиво. Мы с мамой бывали у них дома в гостях в их квартире на Беговой. Это был дом художников. Однажды произошёл такой казус. Мы, молодые художники гуляли в чьей-то квартире и особенно «хорош» был Витя Попков, увидев случайно зашедшего Тышлера, живого классика, воскликнул — Тышлер ты ещё жив? Но с чувством юмора у Тышлера было всё в порядке. И не так уж он был стар.

Тышлер был чуток, рассказывал, как ему даже голубь, севший на подоконник и смотрящий глазом в его мастерскую мог помешать в работе. В конце жизни он работал интенсивно, повторяя найденное, и этим продлил свою жизнь. В молодые годы лучшие его работы были в еврейском театре с Михоэлсом. Самый знаменитый спектакль «Король Лир». Андрей Красулин говорил, «Вот Тышлер поймал рыбку и боится её упустить». Тышлер и не отпускал, стал легендой, казалось, что он живёт так давно, реакция Попкова на появление Тышлера была понятной.

* * *

Осталось много учеников Рафаила Фалька, они преданны своему учителю, усвоив только эти принципы живописи. Но ценность педагога не внедрить что-то только своё, а открыть в каждом присущее этому художнику, развить его неповторимые особенности. Мы об этом говорим с моими студентами. Нужно оставаться самим собой, но при этом уметь учиться накапливать, анализировать своё, чужое. Учиться видеть вокруг себя. Валя Резникова поставила сегодня натюрморт с гипсовой ногой, натюрморт на пространство в глубину. Я поставила натюрморт с головой Сократа с жёлтыми и лиловыми драпировками деревянным сундуком, свитком бума-

ги и еще маленькими деталями. Таня Анастасова начала этот натюрморт толково. Аня Кострикова скомпоновала натюрморт с ногой. Валя Резникова закончила натюрморт с зелёными драпировками на синем фоне чёрным мольбертом и инструментом из фанеры это альт. Все пишут по разному, но эти трое сегодня были наиболее плодотворны.

* * *

18 января 1989 года на праздник Богоявления, состоялось историческое для Тарусы событие, первое Богослужение после пятидесятилетнего перерыва.

Возрождение Храма в Тарусе произошло старанием местных бабушек, собравших «Двадцатку», они добились открытия церкви Воскресения Христова на Воскресенской горке.

Мы с Толей приехали позднее в апреле. Приходим в церковь на службу. Молодой, высокий, аскетичного вида священник о. Леонид, настоятель храма и по сей день. К этому моменту у него было трое сыновей, старший Алексей, средний Пётр и совсем крошка Александр. Отец Леонид — создатель, строитель, хозяйственник. В 4-5 утра он занимал очередь за кирпичом. Достать было строительные материалы трудно, но ещё всё было дёшево. Мы предложили помощь. Нужна медь на кровлю. Я через своих друзей скульпторов, Володя Соскиев принимал участие, посредством Бабушкинского комбината медь добыли. Художники устроили благотворительную выставку, заработали часть денег на колокольню. Необходим швеллер, укрепить фундамент, Случайно нашла искомую деталь у электриков, договорились продать церкви, прицепили пятиметровый швеллер к моей машине, ехать в гору, не далеко, но горка крутая, под конец пришлось тащить о. Леониду и Толе, швеллер тяжеленный. В России всегда есть место подвигу.

* * *

Богослужение началось в центральном приделе, иконостас из ДСП, на нём бумажные иконы. Храм не отапливается, зимой холодно. Правый придел в честь иконы Боголюбской Богоматери.

Ирина Васильевна начала писать эту храмовую икону на большой доске. В это же время я начала писать первую икону Дьяконскую дверь правого иконостаса. «Архидьякона Стефана» привлекла меня к работе Ватагина, поручив мне писать Деисусный чин из семи ростовых икон. Благословил меня о. Геннадий, наш духовный отец. О. Леонид вначале смотрел на мою церковную живопись с недоверием. Опасность светского художника. Мы с Ватагиной и Комелиным сделали проект правого иконостаса. Примером нам служил иконостас Александра Свирского в Храме Василия Блаженного. Простой тябловый иконостас. Отец Леонид привлёк иконописца Игоря, сделавшего проект на весь храм, вычурный в духе XIX века. Ватагина его разгромила, Игорь исчез. Мы взялись за дело. Современные иконы мы сочетали со старинными, это было редкостью, и шитые пелены под иконами. Отец Леонид был всем очень недоволен. Считал что это временно. Весь наш гонорар состоял из бутылки водки.

Мы не были заинтересованы в таком подарке и тем более, мягко сказать в столь отрицательном отношении к нашей работе. Архитектор Борис Григорьевич Могинов, тоже от нас хотел полного проекта интерьера храма. Мы начали с маленького иконостаса, с угла. В дальнейшем осознав нашу правоту, Могинов ставил нас в пример. Когда ставили масштабные неосуществимые проекты, он предлагал начать лучше с уголка. Могинов привёз в Тарусу знаменитого архитектора Давида, он восстанавливал Андронников монастырь, Авторитет Давида был непререкаем. Стоя перед нашим иконостасом он громко произнес «Как мне не нравится иконостас», — мы замерли, — «в Симоновом монастыре! И как нравится этот!».

В правом пределе мы поставили три киота, сделанные Комелиным, два на южной стене с иконами Сергия Радонежского с житиями и Серафима Саровского с житиями резными иконами. Верх киотов венчают по три праздника. На южном входе большая икона «Знамение Богородицы», слева от иконостаса киот с иконой «Боголюбская Богоматерь». Мы создали Храм в небольшом приделе, постепенно рас-

пространяясь на всё пространство. Иконы Сергия Радонежского и Серафима Саровского писал Евгений Георгиевич Утенков. ...Утенковы вначале были нашими оппонентами во всём, постепенно это стёрлось. А теперь, когда нет ни Ирины Васильевны ни Евгения Георгиевича всё ушло в прошлое. Приехала дама из Александровской Лавры, всё публично раскритиковала, но к этому времени мы нарастили авторитет нашей церковной работой. Я работала под покровом И. В. несмотря на противодействие о. Леонида, желающего чтобы всё писала И. В., но она доверяла мне, «Будешь писать ты, — скажем, что моя работа». Саша Султанов, близкий друг о. Леонида, приезжал летом в Тарусу восстанавливать Храм. Самые тяжёлые работы, с тачкой на солнцепёке, делал отмостку из булыжника вокруг Храма. Нам подарили КАМАЗ булыжника, красивый материал. Матушка Галина, жена о. Леонида в отличие от молчаливого своего мужа, говорлива, оптимистична, мать пятерых детей. Вначале они жили в крохотной избушке в центре Тарусы возле автостанции. Теперь на месте этой избушки строиться громадный дом, принадлежащей Храму Петра и Павла. А в те времена мы подолгу сидели в этой избе и говорили обо всём спорили о назначении искусства о роли музеев. О. Леонид и матушка Галина получили философское образование.

Приход Храма Воскресения Христова состоял из местных бабушек, хранительниц православия, и тарусских москвичей; сначала их было немного, но постепенно верующих прихожан всё прибывало. Мы продолжали работать над центральным иконостасом, местный ряд, затем Деисус из девяти ростовых икон. Выше «Праздники» и наконец «Пророческий ряд».

Комелин вырезал крест с распятием, предстоящими и праздниками. Алтарную преграду выполнил Толя и вырезал «Страстной ряд». Пока мы монтировали центральный иконостас, о. Леонид перешёл служить в правый Боголюбский предел. Праздник во имя иконы «Боголюбская» — это событие, происходит 1-го июля.

До революции вся женская половина Тарусы шла в Храм в белых одеждах на Богослужение. После службы общая трапеза. Иногда при-

езжает архиепископ Калужский и Боровский Климент. Он всегда лестно оценивает убранство церкви. Ему столь понравился каменный поклонный крест, поставленный чуть к северу-востоку от храма, что он попросил для Калуги сделать крест в честь 200-летия Калужской епархии.

* * *

1987 год

Наша первая большая совместная выставка в выставочном зале в центре Подольска. Выставка с каталогом, статью писал Вильям Мейланд. В ту пору выставок было не много. Из Москвы народ приехал. Выступала Мюда Наумовна Яблонская, Макс Авадиевич Бирштейн. Подольск на пути из Москвы в Тарусу.

Несмотря на «оттепель» власти Подольска настаивали на снятии одной моей работы «Красная площадь» они увидели негативный подтекст. Трусливая лошадь своей тени боится. Работасхрамом Василия Блаженного стёмным ненастным небом. Никакого подтекста там не было. На выставке были сотрудники Третьяковской Галереи и Василий Алексеевич Пушкарёв.

После вернисажа был банкет в Подольске, а затем несколькими машинами поехали к нам домой. Я помню, что на нашей девятиметровой кухне поместилось масса народу. Веселились. Вильям Мейланд познакомил нас со своим младшим братом Сашей, заядлым рыбаком, они стали с Толей большими друзьями. Саша Толин крестник, крещёный в нашем храме в Тарусе. Саша привлёк ещё своих друзей рыбаков, и у нас в Тарусе на террасе от рыбацких снастей пройти не возможно было. Три пары болотных сапог 45-го размера, рыбацкие ящики, подсачики мешки с подкормкой, я сходила с ума от раздражения, долго терпела, после рыбалки, конечно все пили; рыбацкие рассказы терпела ради Толи, оказывается он тоже сходил с ума от друзей рыбаков.

В 98-году я купила квартиру в Тарусе, куда благополучно выселила компанию рыбаков и их друзей. Теперь всё стало на свои места, никто друг друга не раздражает.

Великобритания

В 1987 году мы, несколько живописцев, были приглашены в Великобританию с выставкой. В Лондон и в Эдинбург. Это была моя первая поездка после Болгарии в 1969 году. Когда мы получали заграничный паспорт в министерстве культуры нас было трое: Витя Калинин, Аня Бирштейн и я. Человек с паспортами сказал «Вас трое, а паспортов выдали два», мы затихли, кого не взяли. Приглашений от Англии было три. Выставку организовывал Эндрю Браун, куратор из Шотландии у него была своя галерея 369 в центре Эдинбурга. Оказывается у этого деятеля министерства была такая шутка. Паспортов всё-таки три.

Это была потрясающая поездка.

Фестиваль в Эдинбурге

Лето, август; мы жили в старом городе в особняке на третьем этаже в личных апартаментах. Приехав из Советского Союза, мы конечно обалдели от Запада от свободы, от музыки, театра на улицах, от одежды и магазинов. От музеев.

В Лондоне мы пробыли не долго, но нам показали Британский музей, Тейт Галерею и Лондонскую Картинную Галерею, здесь проходила выставка ретроспективная Марка Ротко. Это потрясение на всю жизнь. До этого я никогда не видела Ротко. Большая выставка в развитии жизни, судьбы, это моё искусство. Тогда на Ротко ещё не ломались. Эдик Штейнберг рассказывал, что через лет 15 была выставка в Германии, люди стояли часами. В Москве в центре Гараж несколько лет назад привезли 12 картин Ротко. Моё впечатление не уменьшилось.

Тогда Лондон поразил меня своей ухоженностью. Мы жили в центре в богатом квартале у миллионера господина Милтона, одного из спонсоров нашей выставки. Принимали нас роскошно. Мы были одни из первых русских художников, приглашённых в Англию. На нас смотрели с таким интересом, как в зоопарке. Выглядели мы не плохо. Никто из нас не знал языка, я чуть-чуть, но Эндрю Браун, сказал, что лучше молчать, плохой английский, хуже, чем рус-

ский. Меня поразила любовь англичан к цветам. С каждого балкона в каждом дворе такое тонкое сочетание цветов, гортензии, голубых и розовых фиалок, астр.

Из Лондона на скоростном поезде через всю Англию мы отправились в Шотландию в Эдинбург. Ехали днём, в окно видели поля со стадами овец без пастухов, фермы, города. Ближе к Шотландии леса и море. Уже поздно вечером въехали в Эдинбург. Вокзал в центре города старинный, потрясающе освещенный, и сразу возникает на горе старинный романский замок.

В Москве я написала картину «Приезд в Эдинбург» большую 2 x 1,5 метра.

Каждый год в августе в Эдинбурге проходит театральный фестиваль. В рамках этого фестиваля проходила наша выставка. Эдинбург кипел искусством. На площадях подмостки с клоунадой, уличные действия, музыканты с шотландскими волынками в национальных шотландских килтах и белых шерстяных гольфах. Поезд открытых грузовых машин с театральными действиями, всё так естественно шутя, ярко. Ну и конечно серьёзные спектакли на сцене. Волшебная Флейта Моцарта в исполнении Шведской Национальной Оперы. Сцена — прозрачный овальный пандус, Во время действия на сцене, весь оркестр виден сквозь прозрачный пол. Это блестящая находка для «Волшебной Флейты».

Мы видели многое. Для нас даже устроили приём в честь дня рождения Роберта Бёрнса летом, хотя он родился зимой. Помню высокие потолки, затянутые тёмным холстом, Все стены увешаны картинами и чёрная кошка с «бриллиантовым» ошейником. Громадный стол, гости, атмосфера старой Шотландии, англичан они не выносят. У многих стоит макет Маргарет Тэтчер, они её прокалывают ножами и чучело президента США Рейгана, его презирают тоже. Игра в политику без последствий. Нас принимали в загородных домах, *король виски*, || *Король пива* ||.

Большая семья, пятеро детей, дети взрослые, летом они в Испании. В семьях играют в интеллектуальные игры, например вопро-

сы по Диккенсу и Чехову. По Чарльзу Диккенсу я взяла все призы, выиграла виски. Мы с мамой в те годы прочли всего Диккенса из тарусской библиотеки.

Чехова я знала гораздо хуже. «Три сестры» и «Вишнёвый сад», эта тема мне знакома хорошо, но на «Дяде Ване» я засыпала, никогда не читала. Вернувшись в Москву прочла все редакции «Дяди Вани».

Мы вставали с Витей Калининым в 5 утра и обошли весь Эдинбург, благо заблудиться там не возможно, он разлинован, как Петербург; шотландцы считают, что Пётр построил город на Неве по образцу Эдинбурга, но Санкт-Петербург красивее ярче, Эдинбург весь серый из природного камня. Возможно это моё обманчивое ощущение, шёл дождь. В августе там не жарко, но смотрю фотографии, которые делали шотландцы и нам подарили, я в белом платье, почти балетном и белой шерстяной кофте, значит не холодно.

В Шотландии мы много танцевали. Меня называли молодая Уланова. Мы своей свободой поведения и интеллектом их поразили, подружались с молодыми художниками. Я сокрушалась по поводу незнания языка. Эндрю: «У тебя язык живописи ему перевод не нужен».

С выставки в Эдинбурге у меня купил работу итальянец, Хотел купить музей Эдинбурга но Эндрю Браун назначил такие высокие цены, мы на это повлиять не могли. От этих денег мы получали копейки, через экспертный совет иностранного салона, да их мы тоже не получали годами. Но можно было потратить этот заработок в «Берёзке», (отдельная тема советской жизни, мало кому интересная теперь). Денег в Шотландии у нас было мало, но я купила Толе в рыбацком магазине дорожные крючки для рыбалки, которые он благополучно похоронил в Оке, цепляясь за коряги под водой. Ещё за 5 фунтов я купила Булгакова «Мастер и Маргарита». Трудно теперь представить, что в Москве эту книгу купить было невозможно. А представить в 87 году, что скоро всё поменяется!

Вернувшись из Шотландии в Лондон, господин Милтон и его друг Вячеслав повезли нас на свою дачу в Оксфорд. Надо сказать, что все

путешествия по Англии на поезде сопровождалась корзинами с французским вином с неизменными стеклянными бокалами. Я очень боялась напиться, но вино было столь хорошо, что никаких последствий не возникало, хотя выпито было много. Электрички в Англии не такие как наши. Между мягкими сидениями столик, так что вы сидите друг напротив друга на столе стоит корзина с винами и немножко закуски. Дача в Оксфорде скромная в один этаж, три спальни и кухня – столовая. Дом не отапливается, но есть камин и перед сном кровать подогревается. Дом окружён японским садом с ручьями, валунами, мхом и диковинными кустами, и карликовыми деревьями. Есть несколько персиковых деревьев, они успевают вызреть. В Англии мода на японский и китайский стиль и кухню. Зная моё увлечение музыкой хозяева подарили мне замечательные пластинки. Моцарта под управлением Карла Бёма. и ещё три диска.

За дирижера Карла Бёма в Москве меломаны сражались с просьбой переписать.

Из Оксфорда, где мы пробыли всего сутки, нас отвезли в аэропорт. Ани Бирштейн с нами не было, она осталась в Лондоне с подругой Машей Слоним. В аэропорт она опаздывала, наш руководитель «в штатском», (он нам не докучал), в Оксфорд его не взяли вовсе. В Эдинбурге он жил отдельно от нас, мы были предоставлены сами себе, но тут не увидев Ани он струхнул. Но всё обошлось, в последний момент Аня появилась. С нами этим же рейсом летел Олег Ефремов, его прямо таки погрузили в самолёт по известной причине. А в Эдинбурге в бутике среди костюмов нам повстречался Олег Басилашвили. Все они были участниками театрального фестиваля.

Америка

В начале февраля 1991 года в составе небольшой группы московских художников, я оказалась в Америке в Нью-Йорке. Директор Музея Современного Искусства в Тампе, штат Флорида, организовала нашу выставку. Она сами отбирали работы в Москве и пригласили всех участников приехать в Америку. Из более молодых

художников; Борис Марковников, Николай Наседкин, Виктор Калинин и я, старшее поколение представляли; Николай Андронов, Андрей Суровцев, Джон Папикян, Эдуард Браговский, Михаил Иванов, Илларион Голицин и Николай Тужилин, с ним я не была знакома и ничего не знала о его творчестве. Благодаря этой поездке я познакомилась с замечательным художником – совершенно единственным Николаем Терентьевичем Тужилиным. Нам организовали блестящий приём, в то время они ещё не устали от нашествия русских.

Мы были новинкой, да и выставка была очень красивая. Итак мы прилетели в Нью-Йорк, если не считать Наседкина, у которого пропал багаж...

Нас поселили в центре Манхэттена в шикарном отеле. В первый же день нас накормили в итальянском ресторане так, как в России мы за всю свою жизнь не ели. Это был ужин, наверное, из 20 блюд. Итальянские вина. Заснуть мы конечно не могли. Вчетвером, которые помоложе, всю ночь гуляли по Манхэттену, по Бродвею, к нам вяло, не нагло приставали ньюйоркские бомжи, в основном, негры, но очень чисто одетые. В центре Бродвея мы застали пожар, туда естественно нас не пустили, Что то мощно и красиво горело. Мы ходили до рассвета, наполняясь красотой города. В феврале там весна около 20 градусов тепла, ночью холоднее. Город нереален. Отраженное небо в стекле небоскрёбов, современная готика. Днём мне удалось побродить по городу одной. Там замечательное чувство одиночества, почти как в лесу... Музей Метрополитен, больше всего захватили фрагменты помпейских фресок, фрагменты стен, энергия цвета, без сюжета. Это Марк Ротко. Просто один цвет – сколько содержания. Кроме меня эти куски стен никто не увидел. Все разошлись кто куда. В музее замечательный зал импрессионистов и зал Ван Гога. Он меня завораживает.

Музей полон шедевров, останавливает Рафаэль, совсем маленькие работы, Питер Брейгель Старший. Потрясающая экспозиция Китая – там от счастья стонал Николай Иванович Андронов.

Я вспоминаю Британский Музей. Египет, Вавилон, первый этаж, Вас встречают гигантские скульптуры, подлинные, в отличие от нашего Пушкинского музея. Скульптуры в светящемся мраморе, граните, громадных размеров. Им многое удалось вывести из колоний и выставлено это потрясающе, конечно в Америке такого богатства нет, но есть что-то другое, как и в России.

В Нью-Йорке лучшее собрание импрессионистов, затем зал начало XX века – Поллак, Магрит. Идя по залам с Илларионом Голицыным наткнулись на современную скульптуру а ля Комелин. В это время в Метрополитен Музее проходила ретроспективная выставка Казимира Малевича, для нас это было уже не ново. Я запомнила больше всего Метрополитен Музей, хотя нас возили и в другие, – Музей Современного Искусства и другие частные галереи. На статую Свободы я не пошла, предпочтя погулять по Нью-Йорку. Было 14 февраля Валентинов день, у них это праздник, большие скидки в магазинах, но я не к тому, что я что-то покупала, но это интересно. В центре очень дорогие магазины чередуются с вполне демократичными, и даже маленькими лавочками. В Нью-Йорке мы провели 3 дня и 2 ночи и затем на самолёте местных авиалиний мы отправились в Тампу.

Мы прилетели поздно вечером. Тампа это административный центр самого богатого штата Америки, Флориды, на берегу Мексиканского залива. Сверху это колоссальная освещенная территория, огни и освещены даже пальмы. Тепло, начало цветения, нас поселили в отеле с бассейном, номера двухкомнатные, то есть гостиная с диваном и спальня с кроватью 3x2 метра, в ней можно просто потеряться. Вокруг парк с короткими пальмами на толстых бочкообразных ногах. Их замечательно рисовал Илларион Голицын, рисовал он всё время в маленьких альбомах на бумажных салфетках, Браговский заметил, продадим Ларюшкины рисунки, купим Боинг и на нём вернёмся в Москву.

Я на дно чемодана положила несколько акварелей, и эскиз Деисусного чина, поскольку я была поглощена этой темой. Бумажные работы ничего не весили и места не занимали.

К моему удивлению у меня купили всё и ещё заказали написать подобный Деисус, что я и сделала, разложив бумагу и краски на этой самой постели, поскольку большого стола в номере не было. Словом я заработала кучу денег, в Москве я бы за 10 лет столько не заработала. Нас начали пугать, что на таможне всё отнимут. Но на границе ничего не отняли. Американцы подарили нам много хороших материалов. Хороших красок, бумаги, пастели, на выбор на определённую сумму денег. Поскольку Буш Старший начал войну в Ираке, то в аэропортах все боялись террористов, (ну мы из России, вполне попадаем под эту категорию), на американской таможне у нас пытались отнять краски в тюбиках, мало ли что там заложено. Но за нас вступилась принимающая сторона и всё закончилось благополучно.

Музей Современного Искусства в Тампе, архитектура неправильной формы эллипса. С одной стороны много стекла, при входе большая стена, на ней висели работы Джона Папикяна.

Затем большой зал, здесь экспонировались картины М. Иванова, на отдельной стене, Голицын, Тужилин и Суровцев делили большую стену и Витя Калинин занимал третью стену, затем был переход, довольно низкий и неудобный в экспозиционном отношении, здесь располагались работы Браговского и Андропова и следующий зал в три стены. Живопись Марковникова висела на стене и спускалась на пол, он написал манифест и очень с ним носился в то время. У Наседкина были совершенно чёрные холсты.

У меня цикл из 6 работ «Течение времени» и ещё две большие работы. Развеской своих работ я осталась довольна. Мои старшие товарищи так бы меня не повесили. Музей находится в центре университетского города. Там преподают все науки и искусства. В этом был весь смысл выставки. Мы давали мастер классы...

Когда-то Флорида это было одно сплошное болото с крокодилами, сейчас частные дома, одноэтажная Америка. Ближе всего в этой поездке я была с Николаем Андроновым и Илларионом Голицыным. Все поехали в Диснейленд. Андронов ненавидел Уолта Диснея, он меня туда не пустил. Вообще Америка его раздражала

ужасно, он считал дни, когда мы вернёмся в Россию. У него три любимых женщины, жена Наташа, дочь Маша, внучка Лиза. Всем он вёз подарки, при том были определённые заказы.

Илларион Голицын только что потерял жену Наташу, время от времени плакал я его утешала. В поездке он забывался, но он так привык быть ребёнком, что без жены он просто существовать не мог. Илларион мог бы прожить ещё долго, но несчастный случай — его сбила машина.

Граф Илларион Голицын обладал особенно громким голосом, он любил читать стихи, знал наизусть множество, пение была его слабая сторона. В Америке наши мужчины могли громко и в ресторане спеть что-нибудь русское — вдоль по Питерской, или в этом роде, слухом обладали не все, потому выходило нестройно, американцы не были в восторге от такой свободы, но терпели.

...В Америке я поняла что такое Новый Свет, не вникая в тонкости и сложности европейской культуры, они взяли что-то лежащее сверху, если это испанский костюм, то безвкусный. Американский известный цирковой артист начал собирать в Европе живопись второго, третьего ряда. Этот колоссальный музей во Флориде, полон Рубенса, ужасающего и вообще каких-то работ совсем немужейного уровня, но ему так хотелось собирать картины и создать музей, что он наконец обанкротился и умер в нищете. Тем не менее американцы гордятся этим музеем.

Там есть подлинный Дюрер, Малые голландцы и предметы интерьера средневековья, это главные ценности музея. Но в этой случайной экспозиции тоже что-то есть неожиданное, сугубо американское, полное отсутствие вековых традиций, европейского вкуса. Такое ощущение, что они начали с нуля.

Возвращались в Россию мы через Нью-Йорк, пересев на Боинг. Пролетев 2 часа над океаном, у нас отказал один двигатель. Нам объявили, что мы возвращаемся обратно, просидев сколько то в аэропорту в ожидании замены самолёта, были накормлены, но наш обратный путь сильно затянулся, а перелёт и так нелёгкий

через Франкфурт с пересадкой. Но за всё хорошее надо платить, хорошо, что не жизнью.

В городе Сарасоте, мы побывали на богослужении в православном храме, я не помню его внешней формы, но внутри он был в форме базилики, прихожан очень много, стояли плотно. Мы еле протиснулись, служба шла на английском и только «Отче Наш» все возглашали по-старославянски. Многие молитвы читались в храме сообща.

Американцы поразили меня своим воспитанием, выдержкой, отношением к инвалидам. У нас в институте не встретишь студента в коляске, а у них такой студент обладает теми же правами как и здоровый, в магазинах в музеях инвалидов в колясках множество, всё оборудовано и даже коляска с улицы, заменяется на музейную, более удобную.

Мы ехали в большом автобусе к берегу Атлантического океана по узкой дороге, перед нами ехал инвалид в коляске, обогнать его не было возможности, и мы ехали шагом, у нас такого отношения к обезноженным людям даже представить невозможно.

В больших супермаркетах с утра собираются старики, с ними занимаются гимнастикой и вообще эта утренняя встреча их заряжает жизненной энергией. В музее в Сарасоте, я не прошла мимо ювелирного магазина, и меня восхитили вещи из лазурита с кораллами, и крошечная бутылочка на цепочке для благовоний, это стоило недорого, но кольцо из бирюзы с маленькими топазами в несколько ниток, безумно дорого. Папикян сказал: «Покупай, а то всю жизнь жалеть будешь». Мне сделали большую скидку, и я сразу надела на себя все три вещи, к удовольствию наших друзей во Флориде.

Возвращаясь в Москву, в полёте над Атлантическим океаном, проходя ночью по дорожке Боинга между кресел, все спят, вижу что-то голубенькое на полу, оказывается это мои бирюзовые бусы, когда я их потеряла? Но обретя их дважды, никогда с ними не расстаюсь. Андронов сказал, что над океаном все цепочки расстёгиваются. У Наташи Егоршиной, его жены, такое уже случалось.

* * *

1991 год

Около 30 лет назад на пороге нашего дома в Тарусе появилась Ира Затуловская. До этого мы с ней не были знакомы, вскоре Ира стала нашим другом. Мама моя не влюбила Иру нещадно.

Ира Затуловская, крёстная мать Вани Лубеникова старшего и не только. У меня пятнадцать крестников, одиннадцать из них мои родственники. Ира Затуловская это часть моей жизни. Какое то время мне кроме Толи Комелина и Иры Затуловской не нужен был никто. Мы были изгой до некоторой степени. Когда я позволила себе мужа Комелина, некоторые мои сверстники и друзья от меня слегка отвернулись. Уж очень Толя был экзотичен рядом с такой интеллигентной Ирой и вообще — в Москве что ли не могла найти своё счастье в жизни? Но я шла непростым путём всегда. Ира тоже была изгой среди своих сверстников молодых художников.

Максим Кантор то приглашал Иру принять участие в выставках, то в последний момент отклонял её участие. Она не вписывалась в их концепцию. Весь путь свой она проделала одна, без компании единомышленников. Ира свела искусство до минимума, я это сравниваю с капустой освобожденной от листьев до кочерыжки, всю шелуху она ликвидировала, отдавая должность ценности касания, детскости, простоте, что есть самое сложное.

Нужно быть очень талантливым и смелым художником, чтобы не заискивать перед зрителем, не стараться его занять, минимальными средствами создать образ мира, ничего ни у кого не заимствуя.

Ире Затуловской я обязана введением меня в церковь, до Иры я была верующая, но Ира в буквальном смысле ввела: мы ходили в храм воскресения Христова в Брюсовом переулке. Этот храм никогда не закрывался. В те времена настоятелем был отец Борис, суровый с чёрными глазами. Храм владыки Питирима. Вера Георгиевна Риттер знавала его мальчиком.

Он учился у неё игре на скрипке. Владыка был красив очень, на службе его мы стояли с замиранием сердца, благодаря таким священникам сохранилась наша церковь. Так говорила Ирина Васильевна Ватагина. Когда рухнула Советская власть, владыку Питирима несправедливо обвиняли в приспособленчестве, а он бы мог стать патриархом. Впрочем сносить обиды удел христианина.

Отец Геннадий

В этом храме на Успенском Вражке служил отец Геннадий Огрызков, будущий настоятель храма Малое Вознесение на Никитской улице но об этом позже. Это целый кусок нашей жизни. С Ирой мы часто ходили ко всеобщей. Комелин сердился, тогда он еще не был приобщён к церкви. В 80-х годах действующих церквей было ещё очень мало и в Брюсовом, особенно в последнюю неделю Великого поста толчея нещадная. В Великий четверг причаститься — большой подвиг. В этом храме перед алтарём есть чудотворный образ иконы «Взыскание погибших». Храм знаменит тем, что здесь пели Нежданова, Козловский и многие другие великие певцы Большого театра, живущие в Брюсовом переулке.

Многие годы на службу в церковь я ходила в Брюсов переулок, проходя мимо маленькой церкви с шатровой колокольней, в ней были реставрационные мастерские. В 91-м году это помещение, требующее большой реставрации, в печальном состоянии, но всё же в лучшем, чем Тарусский храм, отдали церкви. Настоятелем стал Огрызков. И мы, его чада, переместились за ним, счастливы тем, что он получил свой приход. Храм маленький, разделён по вертикали на три этажа, эти перекрытия снесли довольно быстро. Богослужение проходило в центральном приделе, а в это время в правом готовили обед, часть придела поначалу служила трапезной, запах капустных щей, не способствовал аскетической молитве. Вскоре для нужд церкви дали подвал, напротив через дорогу, по Никитской улице. Но прежде был вагончик, в котором отдыхал между службами отец Геннадий. Я часто сидела в этом холодном вагончике, что-

то мы обсуждали. Миша Бузник, охранитель о. Геннадия, от назойливых прихожан старался всех отогнать, потом мы с ним подружились. Миша поступал правильно, он берёт о. Геннадия. Наш настоятель был так любим своей паствой, что после службы никто не хотел уходить, все хотели прикоснуться к о. Геннадию, он был поистине милосердный человек, большой доброты и кротости. Он очень полюбил Толю, поручив ему сделать каменные резные иконы на северной стене храма, и это не смотря на то, что Комелин свою скульптуру и замки делал очень далёкую по своим свойствам от церковной. Но отец Геннадий провидец. Первые четыре каменных изображения были поставлены в Великую Субботу 1993 года. О. Геннадий получил архитектурное образование, но затем закончил семинарию в Троице-Сергиевой лавре и стал священником. Жил он с семьёй, женой Еленой и двумя сыновьями в Подмоскowie, в Косино. Он вставал в пять утра, чтобы успеть к ранней службе в Брюсовом переулке, тогда он носил имя Неждановой. Возвращался очень поздно после Всенощной... О. Геннадию дарили подарки, он их тут же передаривал, иногда это была я, он говорил, «давай теперь развернём посмотрим, что там?»

В Тарусском храме мы уже интенсивно работали над иконостасами и росписью храма. В 1994 году закончили роспись двух алтарных пространств, завершили роспись главного придела и центрального пюруса трапезной. О. Геннадий издал следил за нашей работой, благословив нас на сие поприще и снабдив специальной молитвой. Он поручил мне подумать о левом приделе, крестильне. Я быстро сделала эскизы. Отдельное пожелание о. Геннадия, было написать на западной стене «Крещение Руси». Мы работали в Великий пост, успели расписать часть свода; Жены мироносицы у Гроба Господня, Явление Иисуса Христа Марии Магдалине, и Крещение, на южной стене, между окон, Св. Константина. Св. Елену и Св. Николая. Разобрали леса, о. Геннадий сделал маленькие замечания, которые я исправила за полчаса.

И 7 апреля 1997 года на праздник Благовещения он Умер. Ему было всего 48 лет, от сер-

дечного приступа. У него болело сердце за всех за нас, оно не выдержало.

Мы все потеряли ОТЦА. Он часто бывал в мастерской у Толи и у меня. Помню одну из последних наших встреч. Мы заранее договорились, что он с утра приедет в мою мастерскую, телефона у Батюшки не было, а о мобильных тогда и не помышляли. Его кто-то привёз на машине к моему дому. Я его жду нет и нет, оказывается он перепутал подъезды и 40 минут в облачении ходил по двору. Я прихожу на службу, слегка обиженная, а он на меня, думая, что я забыла о встрече. Я говорю, что только смерть могла мне помешать встретиться с Вами. Он так испугался. «Прости меня это я по греховности своей так решил». После службы мы поехали в мастерскую и уже никуда не спешили, вот и хорошо можно многое обсудить. Это было месяца за два до его смерти.

О. Геннадий ходил на наши выставки в Манеж и в Третьяковскую Галерею. Зимой 1993-94 года у нас с Толей состоялась выставка в этом музее. Я выставила холсты на Библийские темы. Нам дали два зала. До этого наша совместная выставка прошла в Центре Современного Искусства МАРС. Выставка в Г.Т.Г. состоялась благодаря Нине Глебовне Дивовой. Познакомила нас Наташа Александрова, приведя меня за ручку в кабинет выставочного отдела. Мы тряслись от страха. Дивову боялись все. Но так случилось, что мы с Ниной Глебовной полюбили друг друга, и я обязана ей двумя персональными выставками в Г.Т.Г. и получением Государственной премии, ибо она так повесила мои работы... Но в том 1993 году у Нины был тяжкий период, умирал её муж Игорь, и спасти его не удавалось. Нина почти не делала нашу экспозицию, хотя это её высокое мастерство, только пришла под конец, что-то слегка изменив. Толя прослушав мой текст поправил «не боялись, а боятся «Нина Глебовна известный страхонапугатель, когда она делает экспозицию, это такой творческий процесс, что бы никто не нарушил, надо концентрироваться, обороняться. Нина может создать выставку из чего угодно. А уж если это в самом деле интересно! В Г.Т.Г. экспозиция всегда на самом высоком уровне.

* * *

Крестовые походы

Торквато Тассо. Италия, 16 век. Поэма. «Освобождённый Иерусалим», затем заменил название на «Покорённый Иерусалим», в поэме он звучит Салим. кровь, убийство. Крестовые походы. Готфрид Бульонский, христианское горение и варварские действия к побеждённым, казнены все жители. Телами завален город, кровь по колено лошадям. Папа Урбан II-й, благословил, приказал, направил европейцев в эти крестовые походы, дошла до Иерусалима пятая часть. По дороге умирали от эпидемий, голода, выживали сильнейшие. Эмир Иерусалима предложил мир и свободный доступ к христианским святыням, но мир крестоносцам был не нужен.

Эта тема для меня очень живая. Будучи на Ближнем Востоке, и находясь в замках, цитаделях, построенных крестоносцами, поражаясь, сколько усилий? А задержались они там не на долго, всего на 100–150 лет.

Мои предки по материнской линии принимали участие в двух крестовых походах, об этом говорит наш рыцарский дворянский герб, на котором два креста. Возможно во мне живёт память рода. Но мой герой Саллах Ад Дин, он победил крестоносцев, казнил Рено де Шатильона, наиболее вероломного и безжалостного. Я была в его хорошо сохранившейся цитадели в Иордании, стоящей на скале над 1000 метровой пропастью, мрачный замок. Это дорога на пути в Мекку. Он хотел захватить гроб с телом Пророка Мухаммеда и допускать к святыне за деньги, и ему эта авантюра почти удалась, в последний момент его взял в плен Саллах Ад Дин. Ричард Львиное Сердце тоже мой герой. Крестовые походы послужили объединением разрозненных народов Ближнего Востока, возникли исламские Империи, Халифат.

Есть в истории особые точки напряжения. Почему Торквато Тассо обратился к этой теме, живя в эпоху Возрождения? Поэма полна страданий автора. Пролитые реки крови невинных жертв во имя Креста. Т. Тассо прожил тяжкую жизнь, что послужило погружением в ту эпоху.

* * *

Снова Таруса

Итак, приобретя дом в Тарусе наша жизнь кардинально изменилась. Из кочевой она превратилась в осёдлую. Все наши устремления заключались в скорейшем переезде из Москвы на дачу. Я умудрялась сеять грядки сразу как сойдёт снег как-то раз это было 1-го апреля. Наш дом на горке и снег тает быстро. Правда земля ещё холодная, но травы; петрушку, укроп и морковь сеять можно. Все художники славятся своими огородами.

Ирина Васильевна Ватагина разговаривала со своими огурцами, кабачками, огород была её страсть, в доме был великий беспорядок — художественный, но огород — это святое. всё продумано. В те советские и горбачёвские годы огород кормил. Я сажала помидоры, огурцы и даже перец. Всё вызревало. Мы сажали картошку поштучно 60 штук, собирали не многим больше, с картошкой у нас не очень получалось. Комелин ловил рыбу: лещей, голавлей, плотву, особенно вкусны были язи. Мама собирала ягоды, в основном землянику на другом берегу Оки. Я специалист по грибам. Ватагины нас называли «экологически вредное семейство».

Толя вставал в четыре утра уходил на Оку. Встречал рассвет. Рыбачина начала клевать в 9 утра, но надо занять место на реке. Он ловил с лодки. Макс Бирштейн считал себя учеником Толи по рыбацкой части. Заядлый рыбак был Фёдор Дружинин — знаменитый альтист. Шостакович посвятил ему одно из последних произведений. Дружинины старинные *тарусяне*. Тесть Фёдора Дружинина Сергей Васильевич Шервинский переводчик античных языков. На Шервинского ссылается Ахматова и Мандельштам. С семьёй Шервинских дружила моя мама и дядя Юра. Он был в дружбе и с Фединым отцом. Так что наши семьи имеют 100 летний стаж знакомства, несколько поколений. Алёна и её муж Юра Шичалин основали классическую гимназию в Москве. Античные языки; греческий и латынь. Прекрасное воспитание. Лагеря и аресты не затронули Шервинских-Дружининых. Дед Фёдора Серафимовича Дружинина был священник. Когда в 1989 году на праздник Крещения

было первое Богослужение в церкви на Воскресенской горке после более чем 50-летнего перерыва, Дружинины были на этой исторической службе. А пока они с Толей обменивались успехами в рыбалке.

* * *

У Комелина в друзьях были два заядлых рыбака лет за 80; Виктор Павлович Морозов и Яков Степанович Бобков. И тот и другой колоритнейшие фигуры. Виктор Павлович имел участок неподалёку от нас в полторы сотки. Умудряясь собирать огромный урожай. У него были деревья, на которых одновременно росли разные сорта яблок. Он их успешно прививал. Я под его руководством попробовала, у меня ничего не получилось. Какие-то невиданные помидоры.

Сейчас интерес к огородам ослаб, зато все разводят цветы: розы, гвоздики, флоксы, гортензии, бархотки. Я огород свела до минимума.

На рыбалку они ходили с Толей ночью с керосиновыми фонарями на налимов. Осенью налимами у нас забит был весь холодильник. Рыбой и грибами. Толя возвращаясь голодный с рыбалки просил что-нибудь поесть, но только не рыбу и грибы. Яков Степанович Бобков в Тарусе фигура легендарная. Местный Кулибин. Громадный красивейший старик. Он чинил швейные машинки, но вообще мог создать что угодно из чего угодно. Он официально не работал нигде, его хотели посадить за тунеядство, но спас от тюрьмы его К.Г. Паустовский. Виктор Павлович Морозов в прошлом железнодорожник, был напротив ветеран, член партии, абсолютно человек советский, труженик. Втроём они составляли на редкость комичную группу рыболовов.

* * *

Но собирание грибов моя страсть осталась неизменной. В начале нашей тарусской жизни мы с мамой и с Толей обошли леса и могли быть топографами местности. Все овраги, где растут белые, где подосиновики. Ранней весной, только сойдёт снег в лесу – сморчки, это самые вкусные, нежные грибы, но их пора очень

короткая и найти их нелегко. У мамы был талант в собирании грибов, но я её превзошла. Здесь нужно чутьё, интуиция. Когда грибов много, это дело нехитрое, но самое интересное, когда их нет, а ты выходишь из леса с полной корзиной белых. Мы как то ходили за грибами с Эдиком Браговским, он кричал «я тебя ненавижу, что бы я ещё раз пошёл с тобой за грибами!!!» Макс Бирштейн называл меня «ведьмой». Можно пойти в лес, пройти несколько километров – ничего, и вдруг набрести на 40 белых, и опять ничего. Страстный грибник отец Леонид... Я люблю ходить в лес одна. Никого не надо догонять, слышишь лес, шуршание, встретишь косялю, иногда кабанов, леса я не боюсь, заблудиться могу, но редко, если идёт дождь, то легко сбиться с пути, дождь заглушает все звуки. Сейчас зима, а я слышу запах леса, особенно сырого осеннего. Прошлый год, год подосиновиков, их было столько! Шли волнами, белых почти не было. Грибы в Тарусе могут быть с конца мая по октябрь, надо только знать куда пойти. С Натасей Гуртовой мы пошли за грибами 27 мая, были летние опять и множество ландышей. Выйдя на шоссе обнаружили потерю ключей от машины. Пошли след в след обратно, нашли чудом через два часа поисков в высокой траве.<...>

Комелин уходил на рыбалку в 4 утра, мама шла, если это был июнь, вместе с ним, он перевозил её на другой берег, там она купалась и шла в лес за земляничкой одна, на дальние поляны, земляника на другом берегу, но и комаров там тьма, съедают живьём. Другой берег – Тульский. Тульская область, леса буреломные, сосны. В соснах земляника на высоких ногах. Мама набирала пятилитровый бидон, собирая ягоды по кружечке и пересыпая в большой бидон. Как-то она отошла от этого бидона, потеряв его ещё и заблудилась. Мы в Тарусе волновались, Толя и Андрей Шторх ездили на велосипедах на реку, не видно ли Тамары Георгиевны на другом берегу. Мама вернулась поздно вечером, это уйдя в 4 утра, без бидона, глубоко призирая наши страхи.

На следующий день уехав рано через реку, она нашла потерянный бидон. Прежде в Пору Земляники вся Таруса переправлялась на дру-

гой берег, и там в траве ползая за ягодами ко-го только не встретишь. На эту тему у меня есть большая картина. Она правда из этой ягодной темы, претворилась в коленопреклонённых Марфу и Марию. Для меня собирать ягоды пытка, мне нравится процесс поиска, неожиданности, а не обязанности. Теперь нет Мамы и надо в саду собирать малину, это так скучно, и как я не сокращаю наш малинник, она всё равно каждый год даёт урожай, и долго на ветках не висит. Хорошо пойти поесть с куста. В этом есть что то первобытное. Наши мамы — моя и Толина сражались в этом малиннике за урожай, а у меня ягоды погибают.

* * *

Вчера слушала концерт Владимира Горовица. Концерт, который он давал в 1987 году, ему под 90. Такими прямыми пальцами, руки где-то под роялем, так не играет никто. Рахманинов, услышав, увидев, Горовица в 30-х годах, удивился; это всё против правил, нас учили обратному, так нельзя, но гениально, Услышав свой 3-й концерт для фортепиано с оркестром в исполнении Горовица, сам больше его не исполнял. Уехав из России сначала в Германию в 1925 году, а затем в Америку, Горовиц спасён для мира. Родом из Бердичева, уже в 19 лет покорял своей игрой. Рождён гением сразу. Не он написал эту музыку, но быть великим проводником, то есть написать эту музыку собой, своим нутром, не пальцами. Что он делает? Как? Даже Артуро Тосканини не мог разгадать. Диски слушать замечательно, но живой концерт, реакцию зрителей, пусть по ТВ, это другое ощущение. Старик-пророк.

Ближайшими нашими соседями на тарусской земле — большая семья Браговских. Эдуард Георгиевич гостеприимный хозяин открыл для нас свой дом сразу. Садясь за стол в 80-м году, он говорил: «Где Ира?» Обязательно делал бутерброд и вручал гостю, теперь так делает его сын Петя, тоже гостеприимный хозяин, намного расширивший поместье родителей. Старый бревенчатый дом Браговских похож на терем. К старому срубу пристраивались новые постройки, как в старину обрастая то мастерской

в 50 метров с печью и камином, то лестницей, связывающей три этажа, то ванной комнатой, а сверху терраской из некачественного сруба. Из-за того что всё возникло спонтанно в протяженности времени, все слеplено, как скульптура.

В цоколе кухня-столовая. Мастерская несколькими ступенями выше. Второй этаж комната дочери Ани, над Мастерской низкая спальня Пети и Лады. А ещё выше жили Петины дети, а теперь, сестра Эдика, Неля. Участок Эдика и Туси беспорядочный хаотичный, без намерения его упорядочить, совсем как на картинах Браговского и Любимовой. Всё непреднамеренно. Эдик и Туся писали с натуры, подчиняясь воле природы, следуя за правдой, бережно относясь к поверхности белого холста. Для Наталии Сергеевны Любимовой отношение тёплого и холодного было самоценностью в живописи. Прежде мне казалось это несущественным, что эта задача так мала... А теперь я вижу ценность этой живописи. И в малой решённой задаче больше смысла, чем в навязанной концепции. Наташа Любимова, Катя Григорьева, Наташа Егоршина — их объединяет ценность прикосновения к холсту, вибрация света. Вкус к предмету в пространстве фона. У Кати Григорьевой жанр почти как натюрморт. Дома, помойки, фигуры, суть — чашки, цветы, коробки. Город, жизнь человеческая сведена к театру предметов, к цирку, к балаганчику, к «Петрушке» Стравинского. Масштаб натюрморта и масштаб жанра с фигурами не меняется, их можно поменять местами. Это особое Катино действие.

* * *

Суббота 3 марта

Пришла из церкви к студентам, опоздала на 2 часа. Сегодня они говорят, что пришли вовремя и все. Это случается с ними крайне редко. Пишут. Лучше всех Валя Резникова. Природный живописец, принесла ещё работ восемь, написанных дома за неделю, когда успеваеt?

Наш 1-й курс пишет, даже разогрели 5-й. Те тоже понаписали работ, хотя от них этого не требуется, они дипломники, делают макеты. Крымов из них выжимает мысли, идеи неординарные, словом у нас не поспишь на уроках.

* * *

Ирина Васильевна Ватагина запрещала в семье говорить о политике, потому что даже за столом в одной семье начинается гражданская война и близкие родственники начинают враждовать, глаза белые, каждый уверен в своей правоте. Семья Ватагиных самая большая из наших тарусских друзей. Ирина Васильевна была старшим и моральным авторитетом. Она прекращала все войны и когда работала реставратором в Свято-Андронниковом монастыре и будучи художественным руководителем восстанавливающегося Свято-Данилова монастыря. Затем на Маросейке в храме Св. Николая в Кленниках, Ирина Васильевна руководила иконописной мастерской. Этот храм знаменит своим настоятелем Отцом Алексеем Мечёвым.

В годы революции к нему стояли толпы и даже большевики, все на исповедь. Отца Алексея Мечёва не тронули, он умер своей смертью, но его сын отец Сергей Мечёв был репрессирован. Ирина Васильевна была ученицей Марии Николаевны, монахини Иулианы, сейчас эту мастерскую ведёт Вера Юрьевна Карпова, ученица и сподвижница Ватагиной, прекрасный иконописец и педагог.

* * *

Семья Ватагиных в Тарусе старожилы. У Василия Алексеевича две дочери от первого брака и падчерица она же племянница от второго брака. После смерти первой жены Антонины Ржевской он женился на её родной сестре Елене, у которой в этом же 34 году внезапно умер муж Адольф Польстер. Таким образом три сестры высокие, длинноногие, красивые. Про Людмилу Адольфовну ходили легенды, она доплывала по Оке от Тарусы до Поленово, в окружении молодых людей, обратно они возвращались по берегу. Мы сблизились с семьёй Ватагиных в середине 80-х, но самой близкой долгие годы мне была Ирина Васильевна, я училась у неё иконописанию, иконографии.

* * *

Поехали с Толей на «Фабрику» на его выставку, он её готовил долго, считает, что пять

лет. Войдя в зал я не увидела ничего кроме цеха, крашенные кирпичные стены в белый цвет, конструктивный потолок, много прямоугольных колонн, все разной толщины, два балкона, само по себе помещение уже театр. Первое впечатление, что в этой архитектуре, насыщенной деталями конструкций ничего не может удержаться. Преодолеть экспансию самого цеха деловой конструктивности – кирпич, металл, провода, цепи, уже завораживает и дерево, доски, ДСП, картон, ржавый металл и оцинкованное железо, кажутся столь легковесными, временными, мне захотелось плакать.

Толя видит моё состояние, не понимает, а я испытала печаль и суетность искусства его временности, хрупкости. Задалась вопросом. Зачем? Всё тщетно. Но постепенно всё поменялось местами. Необходимо усилие проникнуть в суть происходящего. И уходит цех и остаётся дух, материя отодвигается и ты видишь, что это теорема Пуанкаре и нужно быть Григорием Перельманом, чтобы захотеть решить эту теорему. Кажущаяся на первый взгляд случайное сложение досок и вертикальных плоскостей тонкого металла, понимаешь, что всё ответственно, каждый пространственный ход продуман с абсолютной точностью и уходя с выставки ты помнишь только состояние аскетизма формы, протеста материи, гламуру и насилию царящему вокруг нас. Но хорошо что Толя делает скульптуру для церкви, надеюсь, что это его наследие сохраниться. Оно служит украшением храмов, Евангелие в камне и дереве.

* * *

6 марта в 19 часов открылась выставка Комелина на «Фабрике», выставочный зал – цех. Народу было достаточно, близкие друзья и совсем мне не знакомые. Вначале у всех без исключения на лице было заметно недоумение, настолько это не привычно. Счастливым себя чувствовал только Марк Пекарский. Это в его вкусе, он жалел, что не может здесь развернуться тоже, как знаменитый ударник. Здесь барабаны звучали бы здорово, да ещё на такой выставке. Марк и его жена Оля действительно увидели смысл этой выставки. Саша Ситников все лежащие

по горизонтали работы, хотел бы видеть в вертикальном состоянии, это давно не даёт ему покоя. Комелина просили выступить, но не дождалась. Пришлось мне.

Я снимала фильм, камера была заряжена мало, хватило ненадолго, жаль. Выставка открылась, Комелин успокоился, напряжение спало. Он был на грани вулканического извержения.

Возвращаясь к реакции Марка Пекарского, он проник в музыкальность, симфонизм выставки, многочастность, точность материалов, звучание, для музыканта очевидное.

Первое недоумённое впечатление сменяется громадностью совершённого запечатления во времени, некоей формулы, разрушаемого творения, для созидания нового.

Оля Пекарская приехав из Израиля и никак не встроившись в нашу жизнь позвонила Толе и сказала, вот теперь я в России. Твоя выставка вернула меня домой. Реакция Инны Крымовой, — при всей аскетичности материалов, выставка выглядит изящно.

Мы привыкли принадлежать самим себе, не ходить на должность, ни от кого не зависеть, и даже небольшие обязанности нас приводят в отчаяние. Я должна написать массу бумаг, сочинить послужной список за 45 лет, свои достижения, и всё это ради звания доцента, не в свободной форме, а по ранжиру, по таблице, игра возможно не стоит свеч, я в ГИТИСе пребываю на должности профессора, так зачем мне доцент?

Зарплата у меня меньше чем у уборщицы, но зато дело интересное, это компенсирует финансовые обиды.

* * *

1989 год. Я просматриваю свой гроссбух, в том году написано так много работ, к выставке, состоявшейся в ноябре-декабре этого года в ЦДХ совместно с Володей Соскиевым. Нам дали громадную территорию. Почти параллельно состоялась выставка Наташи Нестеровой и Лазаря Гадаева, в соседних залах. В начале года я, как правило, пребываю в уныние нет сил, зима, темно, не работается. Дима Шаховской сказал, открой псалтирь — там всё так изо-

бразительно. И я написала свою главную работу, «А я буду размышлять о высокой славе величия Твоего» 148-й псалом.

Работы: «Свет», «Туман», «Солнце», «Луна». 190х 143 каждая работа.

Этот год был наиболее плодотворным; «Зимний путь», «2 августа. Ильин день», «Яблочный Спас» и т.д. Большие многочастные композиции. На выставке в ЦДХ было выставлено более 100 работ.

В то время ЦДХ ещё не так дискредитировал себя, как сейчас, когда всё за деньги.

Тогда это начало перестройки, ещё не рухнул СССР. Этот зал принадлежал Союзу художников СССР, и вот мы получили возможность выставки в таком пространстве.

Казалось это нереально. Вахтангов, пребывая на выставке и смотря на холсты; сказал. «Ты же понимаешь, больше у тебя такой выставки не будет». К счастью его пророчество оказалось ложным. С тех пор состоялось много выставок, но может быть та выставка была самая сильная. Работы разошлись по музеям, десять работ купила Третьяковская Галерея. Директор в ту пору Королёв, монументалист, отвергнув мои работы незадолго до этого, здесь отобрал много, но какие-то работы уже мне не принадлежали, успех этой выставки был очевиден.

С Володей Соскиевым наше содружество органично. К этой выставке Союзом художников были изданы каталоги — у каждого свой. Автор вступительной статьи к моему каталогу Михаил Лазарев, это одна из лучших статей о моих работах с замечательным эпиграфом моего любимого О. Мандельштама. «Природа тот же Рим и растворилась в нем». Составитель каталога Ольга Яблонская.

Она так тщательно каталогизировала все выставки, в которых я участвовала с 1966 года по 1987 год, около 50 выставок. Перечень работ с 1970 по 1988. Сейчас я понимаю, что такое грамотно составленный каталог, с ним можно работать. Для Оли были непростые времена, Тяжко болела мама Мюда Наумовна Яблонская. Мюда и Оля мать и дочь были так тесно связаны, Оля говорила, у нас до сих пор не разрезана пуповина. И ещё 89 год запомнился подавле-

нием демонстрации в Тбилиси. Оля была свидетелем, оказавшись в Грузии в командировке, как наши войска орудовали сапёрными лопатками, расправляясь с демонстрантами. Конечно грузины забыть этого не могут, я бы тоже не забыла, но в отношении осетин они поступали жестоко я знаю это из первых рук, от своих друзей осетин.

* * *

К 1988 году я участвовала в выставках в Голландии, Дании, Германии, Польше, Франции, Чехословакии, Норвегии, Венгрии, Италии, Великобритании и др. За выставкой последовали статьи. В журнале «Творчество» статья А.А. Каменского // «Приближение чуда». Каменский сам мне говорил, что на выставке 1981 года в ЦДХ он меня не увидел, а здесь открыл суть, смысл моих работ. К этому времени господин Петер Людвиг купил для своего музея много моих работ, отбирал он их сам. В его коллекции две четырёхчастные композиции 2х 2 метра. «Времена года» и «Ока. Лето.» «Зимний путь», «Двое» и т.д. Людвиг — немец громадного размера в высоту и ширину. Эмоционально реагировал на живопись, когда я поставила работу «Зимний путь» из двух холстов 3 метра в длину, он прослезился, — такая Русская долгая зима, где погибло много его соотечественников. Эта работа висела в его постоянной экспозиции в Кёльне. Сейчас не знаю, времена изменились, не стало Петера Людвиг и его жены Ирэн.

* * *

В начале 90х годов я начала писать иконы. Ватагина научила меня готовить краски, смешивая натуральные пигменты с желтковой эмульсией. На стене мы работали этими же сухими, смешивая их с известковым молоком. Это сильно повлияло на мою живопись маслом, я начала готовить краски сама, если по холсту, то смешивая пигмент с олифой или льняным маслом, если по бумаге, то готовя темперу. Всё зависит от связующего. Готовые краски из тюбиков я почти не употребляла. Начала писать более локально, не нагружая холст корпусной живописью. Написала цикл библейских сю-

жетов на холстах, пытаясь осмыслить по своему, стараясь пронзительностью цвета и света достичь явления. Когда пишешь иконы перед тобой такие великие образы, ты понимаешь свою беспомощность перед ними, но это великая школа, наработанная веками, Комелин говорит, они величайшие формалисты, то есть там столь совершенен цвет, свет, рисунок, силуэт, линия. Все иконы разные, они не повторяют друг друга, в подлинниках нет схемы, чертежа, чистописания. Псковская, Новгородская, Тверская, Ярославская, Московская эти школы рознятся между собой. Словом то, что мне не удавалось достичь в иконе, я старалась добрать в холсте, и то и то не получалось. В росписи храма мы столкнулись с такой задачей как орнамент. Ни я, ни Толя, ни Ватагина в этом жанре не сильны. Я начала задумываться откуда он произошёл, ведь от природы. Начала писать как задачу орнамента, его происхождение. Мне проще написать лик в иконе, фреске, да и интереснее; это моя тема, образ я воспринимаю как портрет этого единственного и неповторимого явления на земле. Образ в иконе для меня всегда живой человек, не схема. Портрет на холсте для меня отчасти икона или стремление к ней.

* * *

В 90-е годы много написано зимних работ, протяжённых пейзажей. Прежде мы жили зимой в Тарусе теперь бываем редко. Мои зимние пейзажи всегда ассоциировались мной с Шубертом, с его песенными циклами. Особенно в исполнении Элизабет Шварцкопф в сопровождении Михаэля Раухайзена и Д. Фишера Дискау и Святослава Рихтера. «Скиталец», «Ночная песнь», «Странник», «Тайное», «К музыке», «Маргарита за пряхкой» — мне сразу хочется работать. Поэзия и музыка так тесно связаны. То, что создал в симфонии Бетховен, Шуберт сделал в песне. Это эмоциональное наполнение, напряжение, является стимулом для моего творчества. Зимний путь, Зимняя тропа, Медленный полёт вороны, Поворот Оки, Другой берег — всё это Шуберт.

К слову сказать я очень завистлива, но не к деньгам и славе.

Я завидую Бетховену, Шуберту, Госканини, Горовицу, Рихтеру почему то никогда не завидую художникам, а вот Композиторам и музыкантам да.

Я завидую немислимой высоте, явленной в музыке, совершенной необъяснимости.

* * *

2012 год

На открытие выставки Комелина, Ваня Лубенников всё ждал речей. Толя, конечно, не проронил ни слова, пришлось мне. «Надо пережить два инфаркта, операцию на сердце».

Алшибая добавил, «ещё упасть с лестницы в церкви с большой высоты, головой перед Царскими Вратами на мраморный пол, чтобы сделать такую выставку». Мироздание, жизнь и смерть, воскресение, здесь всё есть.

Незадолго до смерти о. Геннадий был в мастерской Комелина, он хотел, чтобы Толя сделал поклонный каменный крест, во дворе Храма. Увидев у Толи уже сделанное каменное Распятие, как то смутился, о. Геннадий легко краснел, и вскользь заметил, прибавь всюду по камню, по всем четырём ветвям креста, так и вышло. О. Геннадий умер и староста Володя тут же предложил вмонтировать этот крест в стену у того места, где исповедовал о. Геннадий.

Обычно он сидел на стульчике, мы становились на колени, он клал свою очень большую ладонь на спину, накрывая нас крылом. Мне сдаётся, что о. Геннадий предвидел свою смерть, и увидев Толин Крест узрел его назначение, его дальнейшую жизнь, памяти о. Геннадия, его памяти, потому и смутился, что увидел, и даже сам наматил его очертание.

* * *

В 1992 году Толя Комелин переехал в новую мастерскую на Садовой-Спасской, рядом с высотным зданием у Красных ворот. По сравнению с глубоким подвалом в Варсонофьевском переулке, и тесным помещением, это было здорово. Во-первых, полуподвал, тогда даже были световые окна, но позже \\бандиты\\ незаконно, я думаю, к дому пристроили гаражи и заложили окна кирпичом. Мастерская 105 ме-

тров, но Комелину мало. Когда он получил мастерскую в ней было полно гипсовых слепков бюстов и фигур Ленина, обеспечивающие \\ потребности общества в эстетическом воспитании\\.

Разбитие этих гипсов к акту вандализма не причтёшь, ибо оригиналы стоят где-нибудь отлитые в бронзе. Каждому достаётся, то, что он заслуживает, У меня большая мастерская, но она так плохо построена, вся кривая косяя, пол разноцветного линолеума. Но зато много окон и замечательный вид из окна на Москву и Кремль.

У Толи большая мастерская высоты около 4,5 метра, он использует это пространство максимально. А маленькая комната вся увешана рельефами. В большой мастерской не пройдёшь.

Комелин не выносит художественные изделия, у него их нет, я тоже не стремлюсь к завершённому результату. И мастерская её форма обретает дух художника. Творческая мастерская художника — это возможность отшельничества, абсолютного аскетизма. Наташа Глебова в 60 лет получила мастерскую, обрела счастье, доселе не виданное, прежде работала дома это не то.

* * *

Сегодня 20 марта, выюга не унимается. Я на зло мраку пишу тюльпаны на ярко-синем. И в Савкиной горке жёлтое небо переписала на голубое, хоть бы как-то не зависеть от этой городской чернухи. Телевизор лучше не включать, потом не заснёшь. ПТИЦЫ, о чём они думают? Туда-сюда, метель, а им летать хочется.

* * *

УМНЫХ МЫСЛЕЙ НИКАКИХ, одни искушения, скоро еду в Голландию, удобной обуви нет, то тут, то там жмёт. С утра в Европейском купила очень хорошие английские короткие сапоги за полцены. Искушение состоит в том, чтобы не поехать и не купить ещё и другие, тоже необыкновенные. Сижу перед окном в мастерской, снегопад такой, что ближайших домов не видно, пропал и Кремль. Я много раз писала этот пей-

заж из окна, в разных состояниях, при солнце, и в серую погоду, а сейчас он исчез. В 70-е годы я вставала в 5 утра и весной с этюдником ходила по окрестностям писать с натуры, все эти работы разошлись и даже слайдов не осталось.

Весной на рассвете можно писать и только единицы прохожих или дворники могут помешать.

* * *

Но был такой художник Арон Бух старший, он все время писал с натуры Москву в районе Балчуга, Якиманки, его там все знали, мог делать несколько этюдов в день. Взрывные, эмоциональные работы. В них почти не проглядывалась архитектура, но свет и тени города, он не придумывал, он вдыхал состояние, переводил его в краски. Сейчас, когда его не стало, он превратился в модного художника, даже жалко, потому что он настоящий по правде.

* * *

Писать с натуры большое счастье и как ветер сбрасывает твой холст с этюдника и кусают комары и мухи, летит песок, сменяется погода, а ты борешься за правду, ловишь неповторимость момента, но теперь я лишена этого счастья, там много лишнего, надо делать отбор, память хранит главное.

* * *

Опять о Торквато Тассо

Я не могу завернуть свою голову в нужное русло. Воспоминания иссыкли, и хочется думать только о Крестовых походах.

Вглубь Азии увлекши всю Европу

И заревом пожаров освятив.

Великое перемещение человечества, гордость, корысть, героизм, вера всё перемешалось. Тассо описывает как хроникёр, с состраданием и к тем и к другим, и к христианам и к сарацинам. Этот первый Крестовый поход особенно героический и горестный. Это Илиада, война рождает героев. У Тассо, как поэта Возрождения, цвет, зарево, золото, зелёный, пурпур, в сражениях он выхватывает одного среди толпы, а иногда среди равных. Златокудрые женщины, ама-

зонки, коварство красавиц, любовь рыцарей и над всеми благородный Готфрид.

Самый конец XI века. Осада Иерусалима 1096–99 годы. Вокруг враждебный Египет, Сирия. Они в тяжёлых сверкающих доспехах. Читая Тассо, я мысленно написала множество картин. У Тассо короли и принцы Франции, Германии, Англии, Ирландии, Дании, Голландии, Италии. О, как они ненавидят трусливых греков! Действительно, почему Византия, завоевав такое множество земель не захватила Иерусалим? Я не историк и малограмотный географ и уж совсем не политик. Но что-то тут не то. В 10 веке Византия разрослась до Бейрута и Дамаска ещё чуть-чуть и Иерусалим! А он никогда не принадлежал Византии. А крестоносцы прошли всю Европу и захватили, освободили Иерусалим. Тассо злорадствует по поводу поверженной Византии, поверженных греков, турками. Как сильны расхождения между правой и левой ветвями христианства. Священная Римская Империя, Фридрих Барбаросса, затем Фридрих II, возникновение орденов Тамплиеров, храмовников, Госпитальеров-лекарей. Франциск Ассизский, участник 3 крестового похода, основал свой орден и Джотто — его зримый летописец. Джотто прославил Франциска. Франциск-миротворец повлиял на уклонение от Крестовых походов Фридриха II, чем был вызван гнев Папы.

К концу XII века Салах Ад Дин в целом изгнал крестоносцев, сражаясь с Ричардом Львиное Сердце, но они даже стали родственниками. Младший брат Саладина женился на сестре Ричарда. Крестоносцы построили замки в неприступных местах на скалах в Сирии, Иордании, строили на века, а удержались 100 лет. Путь в Мекку из Палестины и Египта пролегал по владениям хозяина замка Керак Рено де Шатильоне. Этот сеньор грабил всех и купцов и паломников. План захвата гроба с телом Пророка Мухаммеда ему почти удался. Мусульмане были вынуждены срочно перетащить по суше из Александрии в Красное море часть египетского флота, и перехватить людей Рено де Шатильона в сутках пути от Священного города. Салах Ад Дин поклялся лично отрубить голову святотатцу. Он смог выполнить эту клятву после сражения под Хит-

Ирина Старженецкая и Анатолий Комелин © Фото: Виктор Ярошенко

тином. Затем пал Иерусалим, взят замок Керак, стоящей на отвесной скале.

Вид оттуда потрясающий, сейчас там нищее селение, облепившее мрачный замок в замечательной сохранности. Не всякий путешественник отважится ехать туда.

Очень крутая дорога, ко всем этим замкам ведут крутые маршруты. У меня было чувство, что машина не выдержит такого отвесного подъёма на 1-й, 2-й передаче, и мы сорвёмся вниз.

* * *

Москва. Понедельник 27 февраля 2012года.

Вчера был митинг под нашим домом и вообще по всему Садовому кольцу спиной к Кремлю. Счастливые, радостные, возбуждённые, чего радуются? Митинг, Россия без Путина — главный лозунг, что дальше их не касается, главное царя свалить.

Всё это уже было, всё проходили, история ничему не учит. Поссорились с Наташей Костиной. Они все считают себя независимыми, а собрались по звонку, кто кого знает, с кем дружит — значит заодно.

Я объясняю — это я независимая от всех, у меня свои убеждения, меня просто так не купишь, агитацией не возьмёшь, что же делать, если в данном случае мои убеждения совпадают с ненавистным мне Прохановым и иже с ним.

<...> У нас считается хорошим вкусом поносить власть, синдром советских времён.

Все революции кончаются одинаково и тем же, дележом власти, гибнет народ. Юрий Лотман утверждает, что если бы декабристам удалось совершить переворот, то сталинские времена начались на 100 лет раньше. Кромвель в Англии, французская революция...

Когда я читала дневники Мура Эфрона, меня поразило, как он ориентировался в мире, в тактике военных действий, Германия в Африке, на Ближнем Востоке, сквозь кромешную тоску юности, постоянного голода, такая осведомлённость, понимание происходящего, даже прогнозирование мировых процессов и это в 15-16 лет. Его одиночество разделяли только дневники, трудный возраст непонимания между матерью и сыном плюс полный кошмар происходящего.

Его упрекают, что он ничего не написал о своём отношении к кончине матери.

А что он мог написать? Кто бы это доверил словом бумаге? Думаю это неизъяснимо.

Слишком тяжело.

У Крымова в спектакле «Таррарабумбия» по А.П. Чехову интеллигенция слышит дальние раскаты артиллерии — стреляют, не у нас, не у нас, затем у нас.

Мне сдаётся, что мы тоже считаем сейчас стреляют далеко, на Ближнем Востоке, дождёмся что и у нас стрельнут. Мне говорят, как же мы не можем подружиться с Западом? Так это Запад с нами никогда не подружится, чтобы мы не сделали, как бы не прогибались. Во-первых, мы выигрывали в больших войнах. С помощью России и Первая и Вторая мировые войны, и затем мы всегда враги, нас боятся. Запад потерял свои колонии, мы тоже утратили большую часть империи, но ещё не всю, вот когда отдадим всё, тогда станем друзьями возможно. Затем у нас другая религия, и это значит много, между католицизмом и православием столь сильные расхождения, что Запад всегда хочет играть роль миссионера у нас, как будто мы страна не крещёная.

Больше пятидесяти лет мы живём без войн и революций, помоги нам Господи, дай разум и терпение не впасть во всеобщую инфекцию революций.

* * *

Балет Пины Бауш, что это? Новая эстетика, открытие, не просто современная хореография, импровизация, ничего доселе не виданное, — правда, счастье — танцуйте, танцуйте, танцуйте иначе вы погибнете. Танец на песке на фоне моря, река с большим бегемотом, не настоящим конечно, танец в воде, на вершине холма. Вереница фигур в медленном судорожном действии — шествии, среди вертикальных свай, по гребню земляного вала, так красиво. Красная фигура в дали с деревом. Затем много фигур на площади на сцене, движение свободное, но точное, не случайное, рядом с этим танцем классический балет — такая абстракция, украшение, а здесь истинность чувств. В юности

я мечтала о таком танце. Я попеременно хотела стать дирижёром, потом балетмейстером. Художник — сложение суммы качеств, жест, движение, паузы, ритм, пространство сцены — холста, цвет, свет.

* * *

Бессонной ночью вспомнились эпизоды детства. Хореографическое училище. Мы девочки ученицы 1-го и 2-го класса в *поманельках* и уже на пуантах пишем какое-то домашнее задание по общеобразовательным предметам. Возникает ссора, одна из девочек вонзает мне перо в коленку, тогда мы писали деревянными ручками с металлическими перьями на конце, вонзила с чернилами удачно, много крови. Незадолго до смерти бабушки приехал дядя Юра, мне около 12 лет, бабушка лежит в постели, возник скандал. Я не была злостным ребёнком, но дядя Юра на что-то взбеленился и грозился меня убить, я убежала, закрывшись в уборной — это единственная дверь в нашей квартире, которая закрывается. Он колотит в ярости, бабушка за ним.

Дядя Юра написал моему отцу в Ленинград, чтобы он забрал свою дочь, отец написал маме. Скандал разросся, мама 2 года не разговаривала с братом. Когда мне исполнилось 16 и больше, дядя Юра весьма ко мне хорошо относился. Моя подруга Лена Серова готовилась стать актрисой, выучила стихи Есенина:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

Дядя Юра прослушав Лену, сказал, её бы в свой театр я не взял, а тебя бы взял, но я не собиралась идти в актрисы, но и Лена не поступила. Дядя Юра был громогласен и потому, когда он орал, это действовало устрашающе. В 50-х годах он был на гастролях в Вологде. До революции генерал-губернатор вологодской губернии был старший брат отца моей мамы и дяди Юры Александр Павлович Старженецкий-Лаппа. У дяди Юры сохранилась такая же фамилия, и к не-

му на поклон приходили ещё оставшиеся в живых, помнящие Александра Павловича.

Сохранилось ещё почитание прежней власти. А.П. умер своей смертью в 1919 году в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище. В прошлом году я поставила на его могиле новое надгробие взамен старой маленькой мраморной плиты на земле. Кто дальше будет следить за могилами? Рядом похоронен мой дед Георгий Павлович, бабушка Мария Владимировна, Ольга Георгиевна и Тамара Георгиевна. Эту могилу мне удалось сильно увеличить и украсить. Думаю это по воле моей мамы. Я исполнила то, что должна была сделать, и кладбищенские мастера меня не подвели, всё выполнили даже лучше чем я предполагала.

* * *

Воспоминания из детства. В соседнем подъезде жила семья Костиных. Лев Константинович Костин был макетчиком в Большом театре, Елена Михайловна его жена искусствовед и Андрияша их сын, он был младше меня, но мы учились в одной школе МСХШ. Ездили в школу в битком набитом автобусе № 6 он шёл по ул. Воровского (сейчас как и до революции Поварская), до Лаврушинского переулка. Каждое утро влезть, прицепиться в этот автобус было большой удачей, ходил этот автобус редко. Мы уцепившись висели на подножке с открытой дверью. У Андрея более яркие воспоминания о нашем дворе. У меня же на дворовые забавы времени не было никогда. Андрей оставил потешные воспоминания, но не уверена, что это не плод его художественного воображения. С семьёй Костиных мы дружим много лет, то есть с Андреем его женой Наташей и их дочерью Верочкой. Прежде они жили на Большой Грузинской улице в однокомнатной квартире, но там была довольно большая кухня-столовая, выкрашенная в зелёно-малахитовый цвет, как в дореволюционных усадьбах. Наташа и Андрей великие собиратели антиквариата, поэтому на этом зелёном фоне красная мебель и старинные тарелки и картины выглядели почти музейно. Помню в каком-то далёком году Андрияша за бесценок купил буфет красного дерева и вос-

хищенно говорил, какой мальчик! Мы неизменно ещё на старой квартире собирались на 7 ноября и из свёклы вырезали портрет Ленина, а из моркови Кремль и украшали этой скульптурой салат оливье. Мы не подозревали, что когда-нибудь доживём до краха Советской власти. Сейчас мы тоже отмечаем 7 ноября и неизменно со свекольной головой Ильича и Кремлём из морковки.

* * *

130 лет со дня рождения Евгения Вахтангова, любимого ученика К.С. Станиславского, так рано умершего. Последний знаменитый спектакль «Принцесса Турандот» 22-го года. Восстановленный в 60-е годы с Ю. Борисовой, В. Лановым, Л. Максаковой, Н. Гриценко, Ю. Яковлевым. Это была феерия, колоссальное событие тех лет. Наша семья не пропускала премьер Вахтанговского театра.

1917 год. Вахтангов смотрит в окно с ненавистью на происходящие события, нестройные ряды матросов грабившие, бывшие оконные стёкла. Но его крайне негативная реакция к октябрьской революции вдруг сменилось на противоположную. Всему виной эпизод: Вахтангов наблюдал, как рабочий на столбе чинил провода. Вахтангов следил за его руками и вот его режиссёрское видение события. Он говорил, что рабочий чинит СВОИ провода с таким упованием на холоде. Эта легенда ходила среди актёров по театру.

Мы живём в центре с видом на Белый Дом. 3 октября 1993 года, приехав из Тарусы в Москву 4-го утром я с рюкзаком пошла на Киевский рынок. В Тарусе в ту пору есть было нечего. Накупив продуктов, как можно больше, пришла к остановке троллейбуса напротив гостиницы «Украина» и попала в самое пекло. По мосту от Белого Дома в касках и со щитами бежала доблестная милиция. Оттуда уже стреляли. Снайперы были и на «Украине». Троллейбусы уже не ходили, через мост пешеходов не пускали. Как перебраться домой? Пришлось идти обратно к Киевскому вокзалу и возвращаться через Бородинский мост. Начиналась граждан-

ская война. Идти было страшно. Неслись грузовики с призывами «На Останкино», «Руцкой Президент». Народ кипел, я с трудом добралась до дома. Беспорядочная толпа заполнила всё Садовое Кольцо. Стреляли из Белого Дома и в Девятинском переулке. Толя шёл из мастерской пешком несколько километров сквозь толпу домой. Ощущение начинающейся войны — лица озверелые. Как же мы любим революции. 5-го народу на Садовом Кольце уже не было. Трассирующие пули и бойцы в камуфляжах противоборствующих сторон изредка появлялись, прячась за машинами, припаркованными к обочине. Моя довольно новая машина тоже стояла там. В арке нашего дома дежурила милиция, не выпущая на Садовое кольцо. Я прошу «пропустите, машину жалко», они мне в ответ «видишь снайпер с дома художников в Девятинском переулке стреляет, давай быстрее», мне удалось, рискуя жизнью перегнать машину во двор.

Наша чёрная кошка Дуся сидела на подоконнике и во все глаза следила за трассирующими пулями, быстро поворачивая голову. Я смотрела в бинокль за окнами Белого Дома, что не безопасно. Прячась за Американским посольством подъезжали кареты скорой помощи. В Девятинский они не заворачивали, он простреливался. Туда носился только один смельчак на газели с открытой дверью, подбирая раненых и не только. Перегружая их уже здесь напротив наших окон. Так продолжалось два дня. 6-го прибыли правительственные танки. Они изредка не очень метко стреляли по Белому Дому, один снаряд ударил в наш дом, на крыше был снайпер. У Голейзовских во втором подъезде вылетели стёкла и повредилась библиотека. Было страшно. С каждым артиллерийским снарядом я от страха падала на пол. Только моя мама смотрела на всё с презрением, ни тени страха. Ночью мы с Толей спали в коридоре, как и многие обитатели нашего дома. Танки довольно сильно повредили Белый Дом и противостояние закончилось.

Я описала свидетелем чего мы были, об остальном все узнали из телевизионных программ. У нас такое местоположение, что и события 91-го года проходили под нашими окнами.

ми. Демонстрации протеста перед Американским посольством мы имеем счастье лицезреть. Если с утра начинают сигналить все машины разом, то значит их убирают эвакуаторы куда попало и будут протестные события.

* * *

В субботу волей случая оказалась на Винзаводе. К удивлению, надо сказать, народу масса, молодёжь и не только. Жизнь кипит. Мне казалось, что добраться туда не реально, особенно ситуация под мостом. Мне удалось посмотреть три выставки. Поехала ради Андрея Красулина. Зал метров 50, пол и потолок чёрные в центре одна чёрная колонна. Темно. Входя через стеклянную дверь сразу обнаруживаете в беспорядке разбросанные картонные коробочки разных размеров. Свет с пола отбрасывает тени на белую стену, несколько коробок подвешены к низкому потолку. Одна картонная коробочка раскрыта, висит на фоне стены, представляя собой правильной формы крест. Из дальнего угла очень красиво, Андрей недоволен словом красиво. Но что поделаешь, всё равно так. За что не возьмется красиво не реально, и всё живёт по вертикали. Треть зала занимают рулоны скрученной металлической сетки с крупной ячейкой, они дают изящную проекцию на стене. Андрей рад как ребёнок. Он в радости от происходящего, в благодарности. Он с восторгом рассказал — вот как всё это положили, так и осталось, ничего не искали, всё сложилось само собой. Тайна коробочек и прозрачной металлической сетки, всё утончённо элегантно, ничего с этим не поделаешь. Затем попала в бывшие винные погреба — низкие старинные своды, старый кирпич. В качестве выставочного помещения своды не задействованы, они сами по себе. Молодая художница — выставка под названием «Почти ничего» всё из пакетов. Занавесь из целлофановых пакетов, свисающих с потолка до пола, проходишь сквозь них, затем на стенах на основательных крюках висят бумажные пакеты, ещё там что-то делает серебряная плёнка.

Третья выставка в галереи «Проун» про синее. Судейкин, Сапунов, Павел Кузнецов, Лабас, Ира Затуловская, Инфанте, есть первокласс-

ная живопись. Под стеклом лежит восточная керамика и изразцы. Здесь непреходящая ценность искусства. Все работы с включением синего, небольшие работы, висащие на неровной поверхности стен побелённого кирпича.

В понедельник на Старосадском открылась выставка Наташи Глебовой. Всё о счастье, радость, гармония и мир. Чистейшая душа. Три непростых зала. Я никогда не видела здесь выставки лучше. Работ не много, но достаточно. Даже в каминном зале с двумя большими белыми парадными дверями замечательно красиво. Никто не заметил белого камина, облицованного кафелем, правда при ближайшем рассмотрении оказалось — это печь, на её фоне висит маленький автопортрет, очень кстати, а по бокам, закрытая парадные двери, висят два больших холста. В искусстве Глебовой всё о жизни вокруг неё, мир детей, внуков, цветов, Москвы. Не мудрствуя лукаво, со смирением, не ставя себе сверхзадач, счастье Наташи трансформируется нам, живопись питает человеческое сердце и разум.

Эта выставка Глебовой наиболее удачная, очень отраднo, что здесь её творчество двигается по нарастающей, последние работы лучшие.

* * *

Вторник 19 февраля 2013 года. Кафедра. Спектакль мастерской С.В. Женовача по пьесе А. Н. Островского «Шутники», никогда не читала, не видела в театре. Пьеса не популярна. Молодой режиссёр, это его первый спектакль — Александр Демахин, студент 4-го курса. Текст осовременен, убраны сцены не связанные с семьёй Павла Прохоровича Оброшенова, всё жжато и всё, как сейчас, вокруг нас. Это сделано тактично не нагло, не агрессивно, при том это совершенно Островский во всём. Шесть персонажей под током высокого напряжения. Спектакль на белых стенах, зрители сидят по периметру небольшого зала, действие происходит внутри. Шесть актёров + два стула + два подоконника, 2 окна и 2 форточка. Студенты четвёртого курса, три девочки и три мальчика, играют персонажей разных возрастов, доказывая свой почтенный возраст игрой, а не гримом, или ко-

стюмом. Мы все участники действия, соучастники. Александр Демахин — совершенно особенный герой, внешне ничем не примечателен. Он преподает в школе Русский, Литературу и как сказали ещё всё на свете в Сергиевом Посаде. В прошлом году он стал «Учитель года» получил награду в Кремле и миллион рублей и квартиру. Бывают же случаи, когда награда находит достойного, на таких героях Россия держится. Один за всех. Созидатель.

Есть люди-человеки, ушедшие корнями в землю и эти корни их так держат и привязывают, оторваться взлететь никак невозможно. Есть человеческие особи летучей воздушной стихии или огненной, они не так прикреплены к земле. Словом хотеть от людей чего им не дано беспочвенно, не продуктивно.

* * *

Помечтать о великом путешествии

Не вредно помечтать о великом путешествии, например на Тибет. В 1625 году португальский монах Андраде в поисках Шамбалы отправился на Тибет и открыл страну Гуге. К этому времени политические и экономические ресурсы страны были исчерпаны. Последний царь Гуге Чадахо радушно принял миссионеров и даже разрешил проповедь христианства, чем вызвал гнев буддийских монахов и восстание народа. Государство, существовавшее 7 веков, расцвет которого приходился на XII век пало. Закончилась царская династия, возникшая с 200-го года. В XI веке в Индию пришёл Ислам, истребляя Буддизм. Непрístupное царство Гуге, расположенное в Западном Тибете спасло, сохранило Буддизм. Благодаря сухому климату, остались настенные росписи Восточной школы, фрески объединяющие культуру разных народов. Столица царства Гуге город Тапаранг — неприступная цитадель расположена в пещерах горы. На вершине покои царя и его придворных, средняя часть горы принадлежала монахам, купцам, ниже располагались простолюдины; пастухи, крестьяне. Сложность для города состояла в обеспечении его водой. Но 7 веков это цар-

ство справлялось с сей задачей, были построены акведуки. Долгое время город процветал, его считали Флоренцией Востока, он находился на Шёлковом пути. Но в 1630 его захватили Ладокцы, казнили царствующую династию, а женщин сбросили с вершины. Захватчики пробыли в Тапаранге всего 50 лет. Затем город был оставлен вовсе. В 1957 году его обнаружили солдаты армии Китая. С 80-х годов там ведутся раскопки и исследования. Это место священо для Буддистов. В скале вырублена статуя Будды немыслимой высоты.

Пещеры напоминают пещеры и города Каппадокии, находящиеся в другой части света на Ближнем Востоке, сейчас это территория Турции район Кесарии. Датировка возникновения пещер и их росписи сложна даже для Византинистов. В пещерах селились монахи разных конфессий, возможно ещё с 4-го века. Насельники пещер высекали храмы, многие из них расписаны. Есть росписи столь совершенные и столь смелые по живописи, не скованные никаким заказчиком. Есть робкие, вполне традиционные. Есть храмы, расписанные в 2 цвета почти знаковой композицией. Пещерных храмов великое множество и они ещё не все открыты, тем более не всякий паломник дойдёт до них, иногда нужно альпинистское снаряжение. В этих архитектурных внутриземных сооружениях горение веры величайшее. Почти в каждой горке вулканического происхождения в Каппадокии либо храм либо жилище, в долинах виноградники и множество голубиных гнёзд, голубиный помёт служит прекрасным удобрением. Пещерные храмы расположены на большой территории и если вы поднимитесь по ущелью вверх и напротив в глубоком ущелье внизу, куда спуститься совсем непросто, начинают сдавать ноги, если так долго отвесно спускаешься. Внизу течёт бурная холодная река, а по её берегам самые удивительные пещерные храмы.

В Сирии подобное ущелье, где находится монастырь Св. Фёклы, ученицы Апостола Павла, во время его пребывания в Дамаске, а в Иордании целый город Петра, найти который можно лишь обнаружив узкий проход в ущелье. Сестра Василия Великого на красивейшей горе в Кап-

падокии основала монастырь, сейчас он в руинах, но место на котором он находился — Божественное. В Сирии она по преданию основала монастырь Сиднайской Божией Матери, который с 4-го века и по сей день один из самых почитаемых на Ближнем Востоке.

* * *

Я люблю думать про Восток, который от нас на Западе. Пейзаж ближнего Востока аскетичен. Эти камни и песок видели многое — смену цивилизаций, множество войн, а земля и небо всё такие же. То чёрный базальт, то розовый песчаник, как в Пальмире, в Сирийской пустыне, ближе к Евфрату, то серая каменная пустыня, где храм Симеона Столпника или античный город Апамея. В России совсем другие масштабы, природа многообразна и, кажется до неба очень далеко. На Востоке оно почти рядом.

Русская печаль — так далеко до небес.

Сирия. Дамаск. По преданию на горе Касьюн Каин убил Авеля. В этой горе небольшая пещера, где происходило первое братоубийство. Гора нежно розовая, небо низкое, синее, пещера чёрная. Всё правда. В этой горе есть другая пещера — пещера сорока мучеников. Сорок зелёных дощечек, как штакетник, но дух захватывает от их сакрального содержания при столь простом воплощении. Молятся все на коленях, людей не много, но всё очень подлинное — пещера, души мучеников, молитвы.

Сирия — самая невероятная страна. Там на каждом шагу ждет встреча либо с античностью, либо с христианской Византией, либо с арабскими древностями, либо с колоссальными замками-цитаделями крестоносцев.

Неподалёку от Аммана археологи раскопали артефакты — редкие неолитические скульптуры из белого камня. Их всего 33; они все двухголовые. На меня они произвели сильное впечатление своей сакральностью, сжатой символикой, тайной. Скульптуры эти настолько древние, что почти современные. У Анатолия Комелина есть подобная, довольно большая скульптура из белого камня. Она находится в Ярославском художественном музее. Этих скульптур он конечно не видел и именно поэтому я была поражена

сущностным сходством. Амман — город из белого камня. Ощущение белого города там присутствует. Дамаск тоже однородного цвета, он тоже каменный, этот цвет тепло серый и песчаный. С горы Касьюн в начинающихся сумерках открывается потрясающий вид на монохромный Дамаск. Что-то там теперь осталось?

От Аммана мы пересекли всю Иорданию на юг до Акабы — порта на Красном море. Пересекаем и каменную пустыню в которой затерялся знаменитый город Петра, столица набатеев, центр туризма, конечно же одно из чудес света, дошедших до наших дней. Ничто не указывает на то, как попасть в этот город. Найти вход в это чрезвычайно узкое ущелье, расселину в высокой скале. Попадая туда вы видите маленький кусочек неба в высоте. Это узкое ущелье, довольно длинный коридор, выходит на обширное плато, окружённое высокими отвесными скалами. Когда то столица набатеев, оставивших скальные храмы, говорят о их высокоразвитой культуре, затем античные постройки — храмы, амфитеатры, далее остатки византийской культуры, словом от языческих капищ до современных ресторанов, обслуживающих многочисленных туристов, посещающих Петру. Вся Иордания живёт от доходов, приносящих сей достопримечательностью. Там можно провести несколько дней и то вы всего не увидите. В основном все пребывают в долине, но там надо знать тропы ведущие на вершины гор, где располагаются отдельные культовые сооружения разных эпох. Мы бродили по Петре вдвоём с Верочкой Костиной, на что то мы набрали сами и рады — открывали без подсказки, там каждый камень представляет собой произведение природы в сочетании с руинами древности. Лестницы, вырубленные в скальных породах, ведущие к древним святыням. Забравшись высоко мы отдохали, взирая на невероятные красоты гор, притом, Верочка села на край скалы и болтала ногами над бездной, я волновалась ужасно, но делать замечания не в моих правилах, если бы она улетела вниз, мне пришлось бы последовать за ней, так велика ответственность за близкого человека. В Петре мы пробыли один день, отправившись затем в Акабу, порт на Красном море. Проведя на пля-

же, наслаждаясь солнцем, холодным очень прозрачным морем с острым каменным пляжем, затем побродили по Акабе. Город мало интересен, или мы чего то не увидели, кроме рынка с маленькими ювелирными магазинчиками.

Вообще-то я там ходила одна. Было 5 часов пополудни и меня поразило, как они все совершали молитву, двери в магазинчиках стеклянные, и я с уважением и восхищением смотрела на их общее обращение к Богу, где бы они сейчас не находились. До сих пор помню двух арабов, владельцев ювелирной лавки-мастерской, там же они изготавливают свои изделия из камня и серебра, выбрав компоненты вы можете заказать нужную вам вещь, при том один из них был инвалид в коляске, очень дружелюбный. Я видела, как искренне по-детски они молились.

Путь из Акабы пролегает по старой Королевской дороге, лежащей через Аравийскую пустыню, сопки, чёрные скалы, затем серые и к Мёртвому морю белые, сияющие на фоне ярко-бирюзового совсем не Мертвого моря. Такой силы цвета воды морской я не видела! Берега в Иордании – сияющие кораллы, белое золото. Какие сочетания цвета! Думаю Мёртвое море с его скалистыми берегами – это в сжатом ступке зримая Библия. Дорога из Акабы проходит по Аравийской пустыне. Это каменная пустыня, чёрное, жёлтое, много терракоты. Я рисую из окна по всему протяжению дороги, на ходу автобуса.

Я никогда не снимаю в поездках, делая путевые рисунки. Иосиф Бродский говорил: «Я не снимаю на плёнку, я запечатлеваю на сетчатку». Я рисую в музеях, к вящей зависти туристов, где нельзя фотографировать, из окна транспорта – в Каире ужасные пробки, почище московских, зато можно рисовать всех и вся.

Добравшись под вечер в четверг до отеля на берегу Мёртвого моря, мы наблюдали картину приготовления большого пиршества на площади перед отелем, пятница у них выходной день. Наш иорданский гид, довольно циничного нрава с неприязнью предупредил нас о большом нашествии местного народа на вечернее торжество. А мне было интересно. Во-первых, как готовили разного рода яства; и мясо и рыбу и овощи и разнообразный десерт. Неограниченный

шведский стол. Обитатели отеля не столь многочисленны, сплошь иностранцы. И много-много только на вечер приехавшего местного иорданского населения. Я думаю, какая же будет свалка у этого шведского стола? Ничего подобного. Сначала пригласили поочерёдно всех иностранцев и когда были удовлетворены все постояльцы отеля, затем постепенно приглашались все приехавшие, в основном это была молодёжь. После ужина при звёздах и луне на открытой площадке начались общие танцы под арабскую музыку, красивую, неспешную. И все принимали участие в этом веселье. Кто-то пошёл купаться. Всё это происходило на берегу Мёртвого моря. Молодёжь одета по-разному; девушки и в брюках и в юбках и не обязательно в хиджабах, кстати в Сирии и в Ливане стиль одежды женщин достаточно свободный, всё зависит от воспитания в семье. Иорданские женщины красивые, вообще народ красивый, с очень крупными чертами лица; глаза, носы, губы резко очерчены. В Иордании шикарная полиция, вся в чёрном и на конях. Просто янычары. На Мёртвом море мы провели несколько дней. Иордания – западный берег Мёртвого моря – напротив Израиль. Из этого места мы ездили на Иордан, минуя Библейские картины. Илья пророк пребывал в пустыне и ворон, приносящий ему пищу. Место крещения Иисуса Христа, раскопки говорят об этом месте. Битва Иакова с Ангелом. Приехав в Москву я написала именно эти темы и ещё встречу Иакова и Рахили. В Иордании мощные закаты, вся земля под вечер накаляясь солнцем становится красно-оранжевая, я всё так и написала, ничего не придумав.

* * *

Иордан сейчас довольно узкий жёлто-коричневого цвета с илистым дном, берега крутые. Одна женщина сползла в реку, вынули её оттуда по пояс в иле, но она была вполне счастлива. По берегам растёт мелкий кустарник. Весной в Библейские времена Иордан разливался на километр в ширину, создавая этим плодородную почву. Теперь поднимается совсем не на много. В Иордании весной бывают сильные ливни, мы приехали как раз после них, но вода быстро

уходит, значит мы видели Иордан даже широким, летом он ещё меньше.

Библейскую картину не украшают военные машины с вооружёнными солдатами, стоящие по обеим берегам реки; на восточном Израиль на западном Иордания, несмотря на то, что между этими странами мирный договор. Иордания в мире и с Ираком и с Сирией. Забыла упомянуть, что проезжая по Королевской дороге вдоль Мёртвого моря, нам показали, где были города Содом и Гоморра и каменный столб в который превратилась жена Лота.

Мёртвое море жутко солёное, купаться интересно, но плавать невозможно, вода тебя выталкивает, ведёт себя слишком агрессивно — 40% соли<...>

Ливан и Сирия

Началось наше путешествие, о котором я пишу с Ливана. Мы прилетели в Бейрут. В Москве меня отговаривали от посещения Ливана. Там небезопасно. И даже более чем. Но это такая страна — Финикия. Люди моря, её населяющие, откуда они пришли. Про всех что-то известно, а финикийцы возникли из моря. Сейчас Ливан весь расположен вдоль Средиземного моря. Это совсем небольшая страна. С юга граничит с Израилем, с Востока зажат горами, на севере Турция. В Бейруте не спокойно. Через каждые 300 м — вооружённый патруль. Мы с Верой как приехали, сразу отправились в путешествие по незнакомому городу, даже не запомнив названия гостиницы и улицы на которой она стоит. Нам казалось, вот Средиземное море, мы его всегда увидим и найдём дорогу назад, благо гостиница на берегу. Город с побережья резко поднимается вверх, мы пошли, как оказалось, в опасную часть города. Влекомые желанием подняться всё выше, мы не заметили как спустилась ночь. Мы попадали иногда в безжизненные кварталы. В Ливане 20 лет шла гражданская война и многие побросали свои дома, уехав в более безопасные места. Мы начали спускаться к морю, но не тут-то было, мы зашли слишком далеко. Патрули стоящие на нашем пути ни по-английски, ни по-французски не понимают. Но,

в общем, немного стухнув, нашли свою гостиницу.

Гордые своим ощущением независимости и восприятием совсем не туристического Бейрута. Там совсем недавно взорвали крупного политика, кажется премьер-министра. Дом в клочьях, он в самом центре, никак не восстановлен. В Ливане мы видели три великих явления: город Библос, Баальбек, и невероятную пещеру в горах. Библос от слова Библия — то есть книга. Первое книгопечатание возникло здесь, не берусь сказать когда. Библос стоит на самом берегу моря, остатки колонн, старинной дамбы, словом немногочисленные объекты напоминают о некогда высоком центре культуры. В этот же день мы посетили университет в Бейруте, главное высшее учебное заведение на ближнем Востоке, нам так сказали. Необъятный парк в котором разные строения учебных заведений, построили кажется американцы. Меня поразили вековые неизвестные мне деревья и большая библиотека. Современная молодёжь, европейского вида.

Горы в Ливане подступают близко к морю, оставляя для жизни прибрежную узкую территорию, при том, если в Александрии город с плоскости берега плавно переходит в горы, то в Ливане они покрыты непроходимой чащобой. Лишь в Бейруте город расположен уступами, террасами. Лишь только редкий охотник знает как пробраться сквозь эти колючие дебри. Так и случилось в XIX веке. Некто, охотясь, случайно открыл необычайную пещеру. Даже Ходжа Насреддин о такой не мечтал. А то что там живут джины нет сомнений. Сейчас для туристов провели канатную дорогу вдоль ущелья. Двухъярусная глубокая пещера, на дне озеро, медленно проплывая на лодке, иногда наклоняя голову, чтобы не задеть каменных сводов низких гротов, перемещаясь в тишине в неведомое пространство. Там холодно и влажно. На верхнем уровне проложены деревянные мостки с поручнями и слабое освещение, дающее возможность видеть чисто голливудскую картину, необыкновенной формы вековые сталактиты. Ощущение, что всё это построено художником, а не природное образование, но это так. Сей-

час перед входом в пещеру маленькая площадка среди дикой растительности. Пещера уходит вглубь горы на несколько километров. Словом это чудо природы почище, чем миражи в Египте в Нубийской пустыне. Все только и ходят открыв рот и выпучив глаза, ибо вряд ли где ещё увидишь такое.

Из Ливана мы отправились в Сирию, через горный перевал с остановкой в Баальбеке. Сейчас о нём много говорят. Мои ощущения не сопряжены с техническими возможностями, или определением загадок. Всё увиденное в Баальбеке — это древний античный город в горах, невероятных пропорций, гиперболических колонн, плит под ними, таких масштабов строительства античности нет нигде. Храм Зевса. Комплекс храмовых построек. Капители невиданных размеров, украшенные орнаментом. Совершенно не обладая аналитическим умом, я могла только отложить на сетчатку глаза всё увиденное. Что я и делала, путём небольших зарисовок. Там было холодно и дул сильный ветер. В горах Ливана и особенно в Сирии в замках крестоносцев дикие ветры, при тёплой погоде, и холодные камни, на них не посидишь. Я рисовала, Верочка снимала, благодаря ей у меня есть доказательные материалы, что мы были там. Затем через единственную цивилизованную дорогу из Ливана мы отправились в Сирию. Через Ливанские горы, через перевал открывается прекрасная долина, пока ещё принадлежащая Сирии. Подъезжая к границе нас накрыл жуткий дождь. Это было в сумерках. Надо показать паспорт на границе. Вера его начала лихорадочно искать. В сумке не нашла, пришлось выйти из автобуса достать чемодан. В поисках паспорта под дождём она умудрилась промокнуть вся и промочить все вещи, лежащие в чемодане. Уж не помню, где ей удалось обнаружить искомый обязательный документ при пересечении границы, но всё закончилось благополучно.

Сейчас по этой дороге из Ливана в Сирию течёт оружие для мятежников. А может она уже не существует. Через месяц после нашего возвращения из этого путешествия в Москву, возник вооружённый конфликт между Израилем и Ливаном, там это не редкость. Ливан самая

демократическая страна на Ближнем Востоке. Президент — мусульманин, Премьер-министр — христианин, это обязательно. В Ливане много действующих христианских храмов, разных конфессий. 37% населения — христиане. Считается, что именно в Баальбеке живут самые опасные исламские мятежники. Но наш гид сказал, что это не так. У всех своя правда.

* * *

Поскольку все эти земли Ближнего Востока принадлежали Римской Империи, то поражает масштаб амфитеатров и кое-где оставшихся мощёных римских дорог. В Иордании в замечательной сохранности глубокий амфитеатр на десятки тысяч зрителей с прекрасной акустикой и сценическим пространством — всё из светлого камня. В Сирии город Босра — амфитеатр из чёрного базальта и целый город с улицами; агорой и декуманусом, с форумом, общественными банями и даже остатками напольных мозаик. В Иордании город мозаик — Мадаба. Музей мозаик и храм над мозаикой, изображающей карту Святой земли.

На горе Небо, куда Моисей привёл свой народ, после 40 лет скитаний по пустыне, оттуда видна страна Обетованная. Моисей умер здесь и похоронен на вершине. В честь этого события построен храм. Главная достопримечательность — мозаичный пол в прекрасном состоянии, над полом проложены тропы из досок, чтобы туристы не затоптали святыню. С горы Небо видна вдаль Святая земля через плоскогорье. День был с дымкой. Горизонт виден не отчётливо. В этой же горе Небо, но у подножия, помещение с мозаичным полом, это место связано с именем Лота.

Из Иордании мы вернулись в Сирию. Наш сирийский гид Хомуд — добрейший человек, в каждом городе старался показать нам как можно больше. Уж не помню где, в каком то грязном городе с вонючими стоками, текущими прямо по улицам, Хомуд нас, прямо таки насильно потащил в громадный музей, построенный французами из чёрного базальта. Я устала от искусства, идти не хотелось. Но такого я не видела нигде. Музей полон хаотически стоящей скульп-

птурой, животные и многочисленные изображения Медузы Горгоны, народу никого, ни одного туриста. Вспомнила, город назывался Сувейда. Когда я была в 90-х в Сирии, там туристов почти не было вовсе, в двухтысячных ситуация изменилась, но не сильно. Всё же в Пальмире, в Апамее и в храме преп. Симеона Столпника народ был.

Сирийский народ в то время был дружелюбный, особенно к русским. В Дамаске необъятные рынки, в центре столицы рынок — Хамидия знаменитый на весь Восток, расплазается на километры, как в Стамбуле. Похоже этому рынку немало веков. Кое-где там присутствуют античные вкрапления. В очень узких арабских улицах, где с трудом пройдет ишак вы найдете дом Анании, ушедший за 20 веков под землю, дом в который пришёл ослепший Савл, ставший затем апостолом Павлом. Над домом Анании христианская церковь. Дамаск был многонациональный и многоконфессиональный город, остались армянские кварталы, были еврейские кварталы.

Но сейчас Сирия в состоянии войны с Израилем. Если у вас в паспорте израильская виза — в Сирию вас не пустят. Но теперь туда поедет только смельчак. Сколько там разрушено! Город Алеппо едва ли не старше Дамаска. Сейчас он в руинах. Я была там два раза и мне так горестно, что происходит с людьми, зачем все это?

В Дамаске остались места связанные с именем апостола Павла. Стена, где его спускали в корзине. Первая ученица Павла Святая Фёкла. Преследуемая своим женихом и отцом, перед ней расступилось ущелье, скрывшее её от преследователей, там основан женский монастырь и на верху горы её могила, с часовней и источником.

В самом центре Дамаска, окружённая рынком, мечеть Омеядов с минаретами посвящёнными Иисусу Христу и пророку Моисею. Мечеть в бывшей христианской базилике, а ещё раньше храм Зевса. Размеры сооружения весьма внушительные, едва ли не достигают собора Петра в Ватикане. Вся историческая постройка сохранилась. Святыни — христианская купель, алтарь. В центре саркофаг с главой Иоанна Предтечи. Этим мощам поклоняются паломники всех

конфессий. Мечеть окружена медресе с настенными средневековыми арабскими мозаиками в духе Равенны. Вся мечеть застелена коврами. Вы можете сидеть, лежать, конечно, предварительно сняв обувь. Контраст базара и храмового пространства внушает уважение и вы разительно меняете своё место в мире. Дамаск так богат своими древностями, тайнами, красотами — это город Тысяча и Одной Ночи. Деревья с плодами инжира и с листьями похожими на ладони в Дамаске растут повсюду. Плоды инжира — украшение базаров, в каком только виде они не продаются, в виде больших связок, как громадные ожерелья, покрытые белой сахарной пудрой. Инжир, оливки и разные восточные пряности, занимают километры базара. В Дамаске, построенный французами музей, полон сокровищ. Меня остановил раздел старинных арабских книг, когда они писали клинописью, до арабской вязи. Комелин, не зная этих текстов, почти так написал тексты Омара Хайяма, Книги Бытия, Библейских холмов, но об этом позже. В музее Дамаска есть сокровище, привезенная из Дур-Эуропос это древний город на востоке Сирии на берегу Евфрата, почти на границе с Ираком, Синагога 240 года. Она вся расписана житиями пророков Моисея и Аарона, аналогов нет. В росписях всё время присутствует диалог пророков с Богом (рука Божия, перст Божий.) Вся внутренняя поверхность храма расписана многоярусными, многочастными композициями и плоский потолок тоже. Росписи в технике энкаустика, реставрация неудачная. Но тем не менее так пленяет наивность и вера в росписях, никакого «умения» и совершенства. Здесь видно влияние раннего христианства.

* * *

В Сирии знаменитый город Пальмира сейчас затерян в песках пустыни, оазис с пальмами, некогда богатый город, стоящий на шёлковом пути. Путь из Дамаска в Пальмиру лежит через Сирийскую пустыню. Это песчаная пустыня, светлая, ровная, окаймлённая Ливанскими и Анти-ливанскими горами. Античные руины розового песчаника, освящённые солнцем, сияют на голубых небесах. Бельгийцы восста-

навливают город, собирая по частям рухнувшие камни от времени, войн и землетрясений. Во времена императора Аврелиана Пальмира восстала против владычества Римской империи. Царица Зенобия Септимия возглавила эту борьбу, подобно Клеопатре, она была весьма образованна, амбициозна и к тому же прославилась как военный стратег. Она славилась необыкновенной красотой, была прекрасной наездницей, появлялась в пурпурных одеждах и в шлеме. Она стала правительницей тех земель, которыми когда то управляла легендарная ассирийская царица Семирамида. Римлянам долго не удавалось её одолеть. Над Аврелианом даже потешался Сенат, что он не может сладить с женщиной. В Пальмире Зейнаб, в Египте Клеопатра, в Британии восстание против римлян подняла Гаудика, жена казнённого римлянами царя, и не без успеха долго побеждала римлян. Зейнаб была взята в плен. Закованная в золотые цепи в осенний день 274 года проследовала по улицам Рима в процессии триумфатора за колесницей Аврелиана. Бывшая императрица была пощажена. Пальмиру жестоко разграбили, но в отличие от Клеопатры, царица Зенобия на одной из вилл в Тиволи под Римом умерла своей смертью. Санкт-Петербург называли северной Пальмирой, сравнивая Екатерину Великую с царицей Зейнаб, и процветание Петербурга с процветанием легендарной Пальмирой. Пальмира сохранила всю инфраструктуру и центральную улицу, пересекающую весь город Кардо и Форум и храм Зевса. Амфитеатры, бани, жилые дома и особенно невероятные, многоэтажные гробницы, с барельефами усопших, которые они заказывали себе ещё при жизни. Есть там музей. В изобилии скульптура и барельефы наполняют музей внутри и по периметру здания. А вокруг базар ручных ремёсел; холодное оружие, знаменитая дамаскская сталь, украшения из полудрагоценных камней, керамика, шитьё. И все носит антикварный характер.

* * *

Из Пальмиры мы отправились в Алеппо. В пустыне нас накрыла песчаная буря и гроза с дождём невероятной силы. Дождь здесь быва-

ет 2-3 раза в год. Нам повезло. Чёрные небеса, молнии прорезают, вонзаются в землю. Потоки льются с небес, вода в песок не уходит. Мы медленно плывём, а путь не близкий. Но громовежник Зевс или Илья Пророк нам подарили это чудо небесное, как и в нубийской пустыни нам подарили миражи. В Алеппо мы остановились в гостинице, расположенной в древней части города и в старинном здании. Внутренний просторный двор — всё такое арабское, вряд ли это сейчас осталось в целости. Древний крытый рынок, высокие каменные перекрытия. Цитадель крестоносцев, мечети — всё в тесном соседстве. В Алеппо хотелось побыть дольше. но наш путь лежит дальше в город Хаму, Библейский Емаф, арамейский Хамат. В этом городе на реке Оронт произошло открытие современной наукой цивилизации хеттов, народа, часто упоминаемого в Библии. Этот город именуется учёными столицей сирохетского царства.

Хаму называют городом норий. Нория древнее водоподъёмное колесо, приводимое в движение течением. Оно стоит вертикально, лопасти по его окружности сделаны в форме лотков, которые при вращении колеса черпают воду, а в верхней точке выливают её в отводящий жёлоб, откуда она бежит на поля, к баням, фонтанам и в дома. Нории изобретены не менее 5 тыс. лет назад и их родиной считают Хаму. Самое большое колесо находится в сердце старого города, его диаметр — 21 метр. Нория построена в XIV веке и она в рабочем состоянии и сейчас. Хама — один из красивейших городов Сирии. В центре большого нижнего дворца восьмиугольный бассейн. Растущей здесь магнолии 250 лет. Мы случайно зашли в небольшую мечеть на воде, где нас напоили кофе по-арабски, от которого не спишь потом 6 дней. По преданию царь Агарь, которому Иисус Христос послал плат со своим изображением для исцеления, был царём Емафа, то есть Хамы.

В Сирии самое большое наследие замков крестоносцев. Самый известный Крак де Шевалье. Саон — прекрасный образец военной архитектуры. Замок тамплиеров в Тартусе. Хорошо сохранившаяся крепость крестоносцев — Красный замок.

Замки поражают своими масштабами, толщиной стен и мрачностью. Усилия, проявленные крестоносцами в строительстве цитаделей циклопические. Но задержались они в них ненадолго, не смотря на внешнюю неприступность.

Одно из самых святых мест в Сирии храм Симеона Столпника. Вдали от любой цивилизации, он расположен в серой каменной пустыне. Симеон — святой IV века, ушёл в пустыню, воздвигая камень на камень построил более чем тридцатиметровый столп и жил там 37 лет, еду ему подавали в корзине. Постепенно это место поселения Симеона стало святым и в V веке был построен на этой невысокой горе храм. Сейчас его руины окружены невысокими кедррами и это место посещается немногочисленными паломниками. Когда мы были там в первый раз, кроме нашей компании там не было никого. И это было Потрясающе.

В 2000 году группа арабских детей просто-таки населила руины, возможно были каникулы в Сирии, потому, что эти перемещающиеся дети преследовали нас всюду. От этого Монастыря с оставшимся столпом уже довольно сильно растащенными паломниками, мы отправились в город Апамею. Апамея по своим масштабам и изяществу архитектуры может сравниться с Пальмирой, крупнейший и интереснейший памятник Сирии, еще мало изученный. Этот античный город из серого песчаника расположен в долине. Витые колонны, стоящие вдоль кардо на фоне горной гряды, оставляют незабываемое впечатление. Здесь присутствуют все компоненты античного города. По пути к Апамее мы остановились для осмотра сохранившихся древних сельских построек. Ко мне привязался мальчик лет 5-6, взял меня за руку и не отпускал в течение всей экскурсии. Когда время закончилось он никак не хотел со мной расставаться и я бы его взяла с собой, такой был дивный мальчик. Но кто бы мне позволил? До сих пор его помню, кем он стал теперь?

Голландия

2012 год. 23 марта. Без приключений приземлились в Амстердаме.

За дверью солнце и Лиля Закирова меня встречает. Едем час в Хёйсден. Лиля рассказывает жуткую историю, как коробку с моими работами арестовали в Роттердаме, сказав на 3-4 месяца, но в результате диких усилий, писем отдали через три дня, а то бы выставка не состоялась, препятствия на каждом шагу, где их не ждёшь.

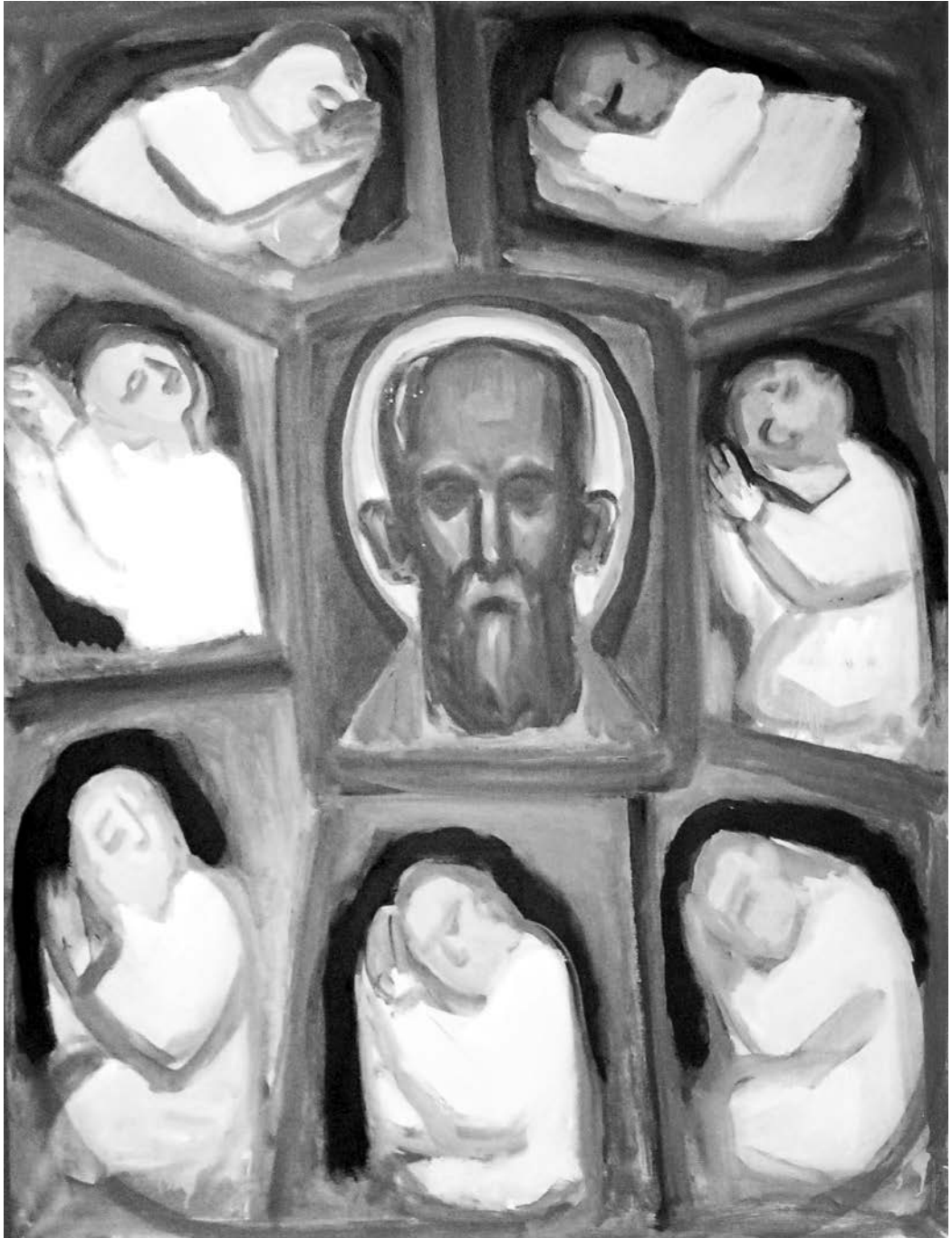
Хёйсден город изумительной красоты, кажется, что он весь XVI века, но потом понимаешь, что часть домов действительно старинные, а другие в том же стиле, но поздние, все дома кирпичные, сами кирпичи произведения искусства, все разные и по цвету и по форме. Дом Закировой 1580 года. Нижний этаж — галерея 60 метров и 6 метров высотой, белые оштукатуренные стены, потолок деревянный темно-бордовый. Но 2-й этаж ведёт чёрная винтовая лестница 21 ступень. Мишель, старший сын Лили. Ему 16 лет, высокий гибкий юноша. Дочь, маленькая Ребекка, черноглазая девочка 5 лет. Третий день солнце, тепло, красота.

* * *

Сегодня Воскресение 25 марта, у католиков Благовещение.

Мы были в Кафедральном католическом Соборе, застали конец мессы, хор изумительный, колоссальный орган. Настоящий средневековый, готический собор, громадный, скульптура замечательная, витражи сомнительные. Прихожан немного. Мы приняли причастие. В протестантском соборе оживлённо, но это больше похоже на клуб. В католическом соборе есть махонькая православная келья, придел, там висит керамическая икона Иры Затуловской. Внутри мы не попали, но через стеклянную дверь видно. Мы погордились Ирой.

Город Схертогенбос, столица Северного Брабанта, весьма голландский город в центре памятник Иерониму Босху, он здесь родился. Побродили по городу, глядя в витрины закрытых по воскресеньям магазинов. Позавтракали в открытом кафе на площади в центре города, отправились в Хёйсден домой в свою галерею. Вчера в субботу 24 марта открылась моя выставка в Галереи Лилии Закировой в Хёйсдене.

Арт-клуб «АртЭриа». Работа «Никола Чудотворец и семь спящих отроков» кисти Ирины Старженецкой. Источник: <http://www.pravmir.ru/nikolin-den-otvazhitsya-i-napisat-obraz-svyatitelya/>

Прекрасная погода, гости начали съезжаться в 2 часа, хотя открытие в 4 пополудни. Их не так много, но все очень симпатичные, знают мои работы, у некоторых по 2-3 моих работы. Закирова вся в розовом как Аврора, я в чёрном. Воодушевлённую речь произнесла искусствовед — Марика, конечно по-голландски, я не поняла ни одного слова кроме Кандинский, Малевич, и ясное дело, свою фамилию, которую она выучила с трудом. Затем французское шампанское, устрицы, много цветов. У Лили ещё свой дворик, гости распространились туда. Всё произошло под музыку Баха «Страсти по Матфею», это для меня неожиданность, на такое я не претендовала. Музыка звучала тихо сверху. Работы приобрели торжественно трагический смысл.

Голландцы вкладывают деньги в искусство, так исторически сложилось. В Хёйдене при 1000 жителей 14 галерей. Это город туристический, в выходные масса приезжего народу. Закирова живёт здесь 20 лет, хорошо знает язык и её галерея наиболее серьёзная, судя по каталогам, которые я видела.

Закирова создала Русскую Галерею и живёт своим трудом. Содержать такой дом и галерею непросто. Очаровательный, доброжелательный муж Вит, обожает детей, моложе Лили на 12 лет. Очень галантен — врач, классический гомеопат. Страстный любитель музыки, конечно немецкой. Всё время напевает или насвистывает арию из Весёлой вдовы, Ледяра или Страсти по Матфею Баха, у Вита тенор и взъерошенные волосы, стоящие вверх, он такой Папагено из Волшебной флейты Моцарта.

Лили тоже персонаж вполне сказочный — весёлая фея рубинов. Ей очень идут все розово-красные цвета, она изящна, зато у Мишеля бас и он обещает быть высоким и стройным. Ребекка в свои 5 лет очень стеснительна, залезла под стол, думая, что её не видно, тайно наблюдает за мной. Я читаю книгу Андрэ Моруа про Голландию, она видит, что я не опасна, на неё внимания не обращаю никакого, скоро вылезла из-под стола, сидит на диване напротив меня и слушает что-то интересное в наушниках, хорошенькая маленькая фея. Словом Ганс Христи-

ан Андерсен. Всё похоже на сказку, даже слишком. Вечером на улицах ни души. Утром раньше всех в городе появляются хозяева собак со своими питомцами, собак много, они дружелюбны. Голландцы боятся пожаров, наводнений и чумы, а больше ничего, оттого они так спокойны. Я в Амстердаме.

Утро 27 марта, вторник. Красота немыслимая. Начать с того, что Закирова сняла для меня апартаменты, ну я думаю чердачок какой-нибудь. Но это дворец на берегу канала в центре. 5 этажей + чердачок с окошком. Я на третьем этаже 100 кв. метров. Три дивана в терракотовых тонах и тёмно голубой ковёр.

<...>Вчера мы приехали через Гаагу в Амстердам, поселившись в этом доме № 864, пошли в музей посмотреть «Ночной Дозор». Вернее в музей я пошла одна, а Лили уехала в Гаагу за Витом, у него там врачебная практика. Основное здание музея на реставрации много лет. Небольшая экспозиция выселена в здание неподалёку. Когда работ не много, можно сосредоточиться на 5-6 работах. Франс Хальс, Вермеер Дельфский и конечно Рембрандт.

Никакая репродукция не даёт представления о великом искусстве. Вокруг этих трёх мастеров были, казалось такие же художник — почти, внешняя форма не так уж отличается, но эти гении, а те посредственность.

Как это написано?!

Особенно Рембрандт. «Ночной Дозор» в отдельном зале, освещён несильно, ради этого стоит приехать в Амстердам. Голландские художники Иераним Босх, Питер Брейгель — цвет Голландии её земли, дыхание, пейзаж, небо, каналы, катки, зимой это сплошной каток, хотя сейчас теплее и не всё замерзает. Голландцы любят искусство, вкладывают в него деньги, покупать картины у них в привычке. Вечером все окна открыты и вы видите картины, скульптуру, они этим гордятся.

<...>Сегодня была в музее Ван Гога. Он перешибает всё доселе увиденное. Я всегда считала его лучшим в мире, но теперь ещё больше в этом убедилась. Как много он подарил миру, но мир вокруг него от него отвернулся, ничего не понимая. Я думаю, что и сейчас по-настоящему его це-

нят единицы, но в музее толпы. Как всегда японцы, американцы, русской речи я не слышала. Работал он всего 5 интенсивных лет с 1885 по 1890-й год до своей смерти. Сделал невероятно много. Каждая работа – откровение, истина, никакого искусства в смысле навыка, умения, всё как в первый раз. Ранние работы 81, 82 года копии Милле. В отдельной экспозиции на третьем этаже Поль Гоген, Боннар, Тулуз Лотрек, Эдуард Мане, Синьяк и другие.

* * *

Музей современной архитектуры. Скромный с виду, внутри устроен хорошо.

Напитавшись Ван Гогом, а он входит к вам в кровь, вышла из музея, чуть погуляв по городу, села на пароход, который делает круг по каналам Амстердама, выходит в реку Амстел и озеро, а дальше Северное море, ну так далеко мы не зашли. С воды очень красиво. Как довольно большие пароходы проходят под низкими мостами, не задевая опор, ювелирная работа.

Голландцы гении инженерии. Дамбы, шлюзы, живой хронометр истории. Поначалу Амстердам был крохотный, построен на осушенном острове, болоте, обороной служил канал, затем он всё прибавлял по кругу, как луковица, строился новый квартал окружённый каналом. Каналы расположены по городу крестообразно. В Амстердаме 1600 мостов. Я сейчас была свидетелем как пяти минут хватило на подъём и спуск моста для прохода грузового суда через Амстел. На 700.000 жителей приходится 600.000 велосипедов. Все гоняют быстро, велосипеды простые, без скоростей, работают ногами, иногда молодая мама гонит на велосипеде, спереди коляска в ней двое детей и даже не маленьких. Город ровной поверхности, но все мосты горбатые. Здесь они скорость прибавляют. Девушки, как амазонки и даже на высоких каблучках. Весь город мощен кирпичом.

Когда испанцы прогнали евреев, многие поселились в Голландии именно в Амстердаме, им выделили остров, он всё время затапливался, но евреи укрепили его всяким мусором, сейчас это центр города, здесь дом Рембрандта Ван Рейна. Сегодня я нашла его, но пришла слишком

поздно, тут всё закрывается в 17 часов. У них, видите в 18 ужин и это святое.

Разыскивая дом Рембрандта набрела на блошинный рынок, наряду со всяким барахлом. Индонезийцы торгуют тут своими заморскими товарами, красивый текстиль и лазуриты, ослепительно синие, пройти мимо невозможно, легко сторговавшись, купила две пары бус. Исколесив сегодня город вдоль и поперёк, если понять схему всё так близко. Оказывается, Нью-Йорк основан голландцами, то есть Манхеттен устроен так же, только вместо каналов улицы. Здесь все курят и никто с этим не борется. Самое удивительное . когда молодые господа в чёрных костюмах и белых рубашках, при галстуках и с дипломатом в руках едут на работу на велосипедах, а господа постарше, все похожи на Андрея Красулина, приеду напишу его портрет в голландской шапочке, как у Иеронима Босха. Когда мы ехали на пароход, дают наушники с переводом по-русски, так вот нам сказали, что Амстердам столь демократичен, что можно насчитать 200 национальностей, я думала в мире столько не найдётся. Наш капитан великолепный седовласый голландец, но навстречу нам в капитанской рубке абсолютный Отелло, совсем тёмно-лилового цвета. Пожилые дамы все как одна любят красивый красный цвет. Я приехала в красном кожаном пальто, вписавшись в их колорит.

8.15 вечера сумерки, зажигаются огни в домах. Никто штор не задёргивает, свет отражается в каналах. Жаль, что в воде много мусора, но украшают птицы, утки, бакланы. Толстые чайки с громадными крыльями, и так смешно наклоняют головы вбок, как скульптуры неподвижно сидят на сваях, торчащих из воды. Сваи чёрные, птицы белые с чуть серыми спинками.

Мне раньше это никогда не приходило в голову: Таня Назаренко в каких-то работах переключается с Босхом, интересно – она это делает сознательно, или это её натура, видение мира.

<...>Во вторник дом Рембрандта нашла, но он закрывался. В среду пошла к 10 утра и это хорошо, была почти одна, затем народу стало много. Дом этот у Рембрандта отняли за долги в 1659 году со всем скарбом, и поэтому есть точная опись всех предметов. При ор-

ганизации этого музея их собрали в точности. Где Рембрандт прожил последние 10 лет? Похожонен в братской могиле неподалёку. Первый этаж кухня и маленький дворик, это полуподвал с улицы. Второй этаж парадный. Две комнаты с красивыми каминами, много картин не его конечно. Здесь Рембрандт продавал свои картины и своих учеников, третий этаж — мастерская, всё стоит как 350 лет назад. На этом же этаже Кунсткамера, собрание редкостей; африканские, греческие раковины, панцири больших черепаш, скелеты, скульптуры и. т.д. Сохранилось зеркалоглядявкотороеРембрандтписалавтопортреты.

В музее в Гааге потрясающий автопортрет 1669 года в год смерти. 17 век расцвет искусства в Голландии Золотой век.

И тем не менее как отличаются Рембрандт Ван Рейн, Франц Хальс и Вермеер Дельфский. В Гааге это особенно видно. Вермеер Девочка с жемчужной серьгой и пейзаж. Этот пейзаж я никогда не видела. В книгах ничего похожего. Это просто информация, где что находится. На самом деле мурашки по коже от Вермеера и Рембрандта.

Рембрандта в Гааге много, два зала. «Анатомия доктора Тульпа» громадная работа во всю стену, Автопортреты 1629, 1636, 1669 годов, «Сюзанна» 30 года, «Андромаха», «Еврейская невеста», «Симеон и Мария с младенцем», на эту тему две работы. В целом работ 10-12, завораживает. Музей небольшой тем он и хорош. Конечно, Малые Голландцы.

Из музея поехали на Северное море. Погода испортилась, холодно, ветер. Море бледно серое, на берегу открытые кафе с ультрамариновыми зонтами и плетёные кресла с подушками такого же цвета. Вспомнила картины Наташи Нестеровой, очень похоже. Мы пообедали в закрытом стеклянном кафе очень вкусной свежей рыбой. И обратно, почти в московской пробке вернулись сначала в Хёйсден, а затем в Дембос.

<...>

Ван Гог ищет жалости к тому существу, что прячется за отталкивающей внешностью, личностью. Сумеет ли Бог и искусство спасти

его из этой клетки. Ван Гог — самый христианский художник. Ему так много было дано, человек не в силах это выдержать, он надорвался. Мир кричал вокруг него, он не выдержал этого крика, шума, неразделенности, только брат Тео в него верил.

* * *

30 марта в пятницу в последний день моего пребывания в Голландии, вместо Брюсселя мы поехали в дом, где родился Ван-Гог. Оказалось это не близко от Хёйсдена. Мы даже пересекли границу с Бельгией. Место называется Грот зюндерт, Северный Брабант. Дом почти не сохранился, только фасад, но осталась церковь, в которой священником служил отец Ван Гога. Церковь наверно XVI века, вокруг погост, маленький огород с огородными пугалами, в открытой галерее инсталляция «Едоки картофеля», вся сделанная из картошки, и атмосфера создана такая же как у Винсента Ван Гога. Это трогательно. Внутри дома-музея с голубыми интерьерами выставка Арт Деко. Внизу кафе, если пить кофе, вид в сад через стеклянную дверь совсем Вангоговский.

Лиля взяла большую книгу о Ван Гоге, и вдруг обнаруживаем, что 30-ое марта день рождения Ван Гога, мы приехали случайно в этот день, а ведь похоже на провидение. Для меня это важно.

Очень похолодало, вчера было + 16, а на солнце и того больше, молодёжь в Амстердаме загорала. А сегодня + 6 холодно, ветер и серое небо. Вернулись в Хёйсден без происшествий<...>.

* * *

Я писала, хоть отчасти соблюдая хронологию событий в моей жизни.

Но теперь так отошла от этого, что не знаю как вернуться в прошлое. Это непросто.

Девяностые годы были плодотворны. Я смотрю по своей книге, сколько было написано работ, выставки, роспись храмов, написание икон. Тарусская жизнь, работа бок о бок с Комелиным, некое продолжение друг друга, он меня собирает, организует, но не щадит в оценке. То

ля так гневно хмурит брови, глаза чернеют, и по затылку даже видно, что я сильно промахнулась в своей работе, что-то не так. Всем кажется, что я работаю очень легко, да нет, бывает такая пустота, думаешь всё, ничего больше не сделаешь, не придёт видение, особенно весной, ждёшь чего то нового, не хочется повторяться, это ожидание бывает тягостным, главное не пропустить, услышать, подставить голову под удар, что бы не мимо.

Когтями разрывая облака,
Он камнем пал, где замок был Тамары.

* * *

<...>

Я равнодушна к балету — это фамильное. От воспитания никуда не денешься. Суламифь Мессерер, Ольга Лепешинская, могла сделать не 32 фуэте, 50 в это же самое время в Дон Кихоте Минкуса, в роли Китри. Майя Плисецкая, необыкновенна хороша по рисунку прыжка, совсем другая Екатерина Максимова. Васильев в паре с Максимовой уступал ей, служил чуть вторым планом, с другими балеринами он разворачивался. У нас дома масса революционных фотографий, Кшесинская-1, Кшесинская-2. Гельцер, Рославлева — Императорский балет, конечно Анна Павлова. Анна Павлова в роли Жизели с дарственной надписью моей бабушке, 1906 года. Уезжая за границу навсегда, Павлова подарила свой портрет бабушке на память.

100 лет назад, всего каких-то 100 лет, была совершенно другая эпоха, красивые женщины в шляпах в длинных платьях с тренами, подол платья волочился по земле, надо было обязательно ездить в каретах.

Я им не завидую. Женщины много добились в своей свободе, есть плюсы и минусы. В юности я обожала наряжаться в бабушкины платья, длинные, сложные, тем паче, что они мне были впору, с возрастом это прошло вовсе. Эти множество крючков, затянутые корсеты, тяжесть самого платья. Свобода выбора в одежде это удовольствие, независимость и творчество. Носи что хочешь.

<...>

«Я ощущаю в себе, силу, которую должен развить, огонь, который должен не гасить, а поддерживать, хоть я и не знаю к какому финалу это меня приведёт, и не удивлюсь, если последний окажется трагический». «Мы живём не для счастья, но всё таки должны постараться его заслужить». У Винсента Ван Гога потрясающая наивность сочетается с высшей степенью образованности, глубочайшей подлинной верой, безмерной добротой, болью сердца за обездоленных, серьёзной тщательностью в работе художника; всё по максимуму. Он всё время разбивается о скалы, вновь копит энергию, противостоит обывательщине, пошлому мнению, у него нет никакой защиты от окружающего цинизма и лжи. Во всём величайшая битва и сражение, он Дон Кихот — воплотившийся в своих работах, бьётся и не надеется на удачу, но верит в своё предназначение. Он ничего не сделал для выгоды, да и не сумел бы. Он дико страдал от предательства «доброжелателей», коих смелость и энтузиазм в поддержке Ван Гога оказались такими же недолговечными, как вспыхнувшая солома. Нравственное величие Винсента Ван Гога!!! Нравственное величие в искусстве, которое сплошь и рядом уступает «величию» материальному. «К гибели ведёт широкая дорога, к спасению идут узкой тропой». Это всё из писем Ван Гога. Как он искал хоть какого то места, которое обеспечило бы его — безуспешно. Он слишком честен, чтобы иллюстрировать журналы на злобу дня, ему это не подходит. Ван Гог словами Золя определяет время «триумф посредственности», как ничего не меняется в этом / лучшем из миров\\. Ван Гогу нравилась поговорка «Как станет хуже некуда, так и на лад пойдёт». У него как то на лад в быту ничего не шло.

* * *

Читая письма Ван Гога, нахожусь под впечатлением его личности, как он сражался за своё видение мира, и как его уничтожали, оскорбляли, бедствиям не было конца. Он не перед кем не склонился, ничего не делал наполовину, он был художник 24 часа в сутки. И когда писал письма Тео, часто объяснял почему он поступал так,

а не иначе. Все его пытались научить, он не поддавался. Соппротивление всему миру, сколько силы, и твёрдая уверенность в выборе. Служители церкви, священники считали своим долгом бороться с ним, обещая ткачам деньги, лишь бы они не позировали Винсенту. А ведь Ван Гог самый христианский художник, как они были слепы. Пусть бы им не нравилось как он это делает, но что бы не допускать и мысли о написании бедняков, он же писал с глубоким состраданием. Это его проповедь в искусстве, его кричащая проповедь.

«Я всё больше прихожу к убеждению, что о БОГЕ нельзя судить по созданному им миру: это лишь не удачный этюд. Согласись, любя художника, не станешь очень критиковать его неудачные вещи, а просто промолчишь. Но зато имеешь право ожидать от НЕГО чего то лучшего.» \Дальше Ван Гог говорит о том, что даже этот неудачный мир стоил ТВОРЦУ больших усилий, и что такие ошибки совершают лишь мастера и лучшее утешение, что ТВОРЕЦ сумеет взять реванш. Придётся принимать землю, такой какая она есть и утешаться надеждой, что мы увидим нечто лучшее в ином мире.

Тем не менее Винсент настолько интенсивно работал, при постоянном безденежье и ухудшающемся здоровье. Но всё время надеясь, что кризис пройдёт и наступят лучшие времена. Он мечтает о том, чтобы продавались его работы хотя бы по себестоимости, знал бы он сколько стоят они сейчас, и какие деньги делают на имени бессребреника Ван Гога.

Он верил, что такие художники как он и Гоген ещё пробьются, он конечно был прав, и его картины остались миру путём его ежедневного самоубийства. Хотя он по-своему был счастлив, ведь ему так много было дано, и столько сил для осуществления и Веры.

Наконец Ван Гог выбрался к морю, он так мечтал об этом. Подробно пишет о своих впечатлениях, о цвете моря, о деревне Сент-Мари, делает рисунки, пишет этюды. // Подходит ко мне красивый жандарм... Люди здесь хорошие, даже у кюре вид порядочного человека... \\\

* * *

16 апреля. Понедельник. Часто совсем не знаешь как поступить, просишь подсказки, не ведаешь как закончить работу, а может она уже закончена, пытаешься услышать, напрягаешься, обостряешь зрение, слух, полон нерешительности, а иногда всё само собой получается, и без сомнений. Нет никаких рецептов, ни на сейчас ни на будущее. Конечно что то накапливается, прибавляется, когда оглядываешься назад. Но это не служит утешением сейчас. Каждый день неповторим.

Закончилась Страстная неделя. В пятницу лил дождь целый день, мрак, я писала до двух часов дня, черно-коричневую работу, определённо мрачную. Затем пошла на службу Вынос Плащаницы и чин Погребения, длительность службы 5 часов, даже не заметила. Казалось, что дождь будет идти всегда. Все священники в чёрных облачениях с серебром, только у отца Глеба фелонь чёрная с золотом. На следующий день в Субботу солнце, Жёны Мироносицы у Гроба Господня, все священники в белых облачениях. Как сакрален, эмоционален цвет. Содержателен, изобразителен. На Пасху все в красном и прихожане — красное с белым, очень торжественно и погода благоприятствует.

* * *

5 ноября 1817 года в городе Бофоре произошло бракосочетание капитана 23 артиллерийской роты, расквартированных во Франции русских войск, Вильгельма Михайловича Лаппа-Старженецкого с местной уроженкой Генриеттой Церкулой Дерикур. Спустя год у супругов родился первенец, названный Павлом. Воспитание и образование получил в школе гвардейских подпрапорщиков. По окончании курса его направили в Преображенский полк, а через три года перевели в Лейб-гвардейский Литовский полк. В 1845 году Лаппа-Старженецкий получил направление в отдельный Кавказский корпус. Участвовал в экспедициях против горцев. Участвовал во множестве боёв и схваток с кавказцами. В июле 1845 года Павла Вильгельм

мовича назначили командиром 5-ой роты Егерского князя Чернышова полка. В составе полка они совершили знаменитый рейд из Андии в село Дарю. Это был непрерывный шестидневный бой, атаки горцев не прекращались. Полк прибавился через их засады. 5-я рота шла в авангарде. Ружейным огнём и штыками рота прокладывала путь полку. Прадед был громадного роста и солдаты всё время видели перед собой его могучую фигуру. На шестой день он получил пулю в левое предплечье, но остался во главе роты до конца перехода. за проявленное мужество был награждён орденом Св. Анны 3 степени, за храбрость. Он достаточно быстро дослужился до чина полковника. В январе 1854 года Павел Вильгельмович вышел в отставку. 24 января 1855 года Лаппу отправили в Нижегородскую губернию на должность старшего полицмейстера. Там он порядок навёл довольно быстро. Он в одиночку справился с задачей, которая оказалась не по плечу усиленному наряду полиции и казаков, усмирив драку русских с татарами близ мечети, одними кулаками. Он вышибал зубы правому и не правому, его прозвали \\\ дантистом\\\. Он воспитывал ямщиков и извозчиков, не снявших шапок при его приближении, он одной рукой сдёргивал с козел, встряхивал и на полном ходу швырял жертву на мостовую. Известный актёр А.П. Ленский, весьма не любивший Лаппу, говорил, как в санях пронёсился по ухабам военный, завернувшийся в шинель с бобрами и с широкими плечами, так что его плечи равнялись в ширину саней. Но Павел Вильгельмович не только сворачивал скулы и выбивал зубы. Когда Павел Васильевич Анненков выкупил права на издание сочинений А.С. Пушкина, и для издания потребовались немалые деньги, Лаппа, т. е. его полицейские распространили среди ярмарочного купечества билеты на будущее издание по 12 рублей. Нужная сумма была собрана и с 1855 по 1857 год П.В. Анненков сумел издать всё, написанное Пушкиным.

Довольно скоро Лаппа стал первым лицом Нижегородского театра. Ещё прадед страстно любил тушить пожары. Как только раздавался пожарный набат П. В. мчался на паре своих знаменитых серых, к месту пожара. Всеми

действиями командовал он сам, и горе тем нерадивым пожарным, которые там появлялись позже него. Родовой дворянин не слишком любил свои прямые полицейские обязанности. На роль Шерлока Холмса он не претендовал. Вероисповедания П.В. Лаппа-Старженецкого католического, имел ордена Св. Анны 2 и 3 степени с бантом, Св. Станислава 2-й степени с императорской короной, имения ни за собой, ни за женой Екатериной Мессинг, немецкого происхождения, не имел. Дети; Александр, впоследствии, действительный статский советник, губернатор Тобольска, вице-губернатор Вологды, 1849 г.р. Владимир, уйдя из гвардии, он занял место полицмейстера Мариинского театра, со временем перешёл на должность управляющего Большим театром, Георгий, мой непосредственный дед, инженер путей сообщения, действительный статский советник, и две дочери Софья и младшая Надежда, вот её в старости я помню, ух крутая была бабушка, просто Дама Пик, очень образованная, работала в Эрмитаже, дожила до 90 лет и умерла впоследствии того что вывалилась из трамвая, сломала руку и плавно умерла. Дралась в старости. У меня висит её портрет, была красавицей. Моя мама Тамара очень похожа на свою бабушку Екатерину Мессинг.

У нас дома есть её портрет написанный акварелью в середине XIX века. Ну всё. С этими родственниками покончено, больше никого мучить не буду. Но мне кажется они заслуживают внимания.

После 17 года носителям этой фамилии пришлось несладко. Расстрелы, лагеря, ссылки, обыски, конфискация всего имущества. Как бабушка что-то спасла? Особенно документы, фотографии, что было небезопасно. Остался полный послужной список прадеда. Он мне понадобился для Новодевичьего кладбища, в доказательство своего родства.

* * *

С именем Шевченко связана история моего прадеда Павла Вильгельмовича Лаппа-Старженецкого, который в Нижнем Новгороде был старшим полицмейстером.

Это был 1858 год. Из дневников Шевченко видно, как суровый гвардейский полковник, удивительно сострадал к судьбе бывшего государственного преступника, приехавшего в Нижний Новгород. Была опасность, что Шевченко могут вернуть в место ссылки, Лаппа без раздумий отправил рапорт в Петербург о внезапной «мнимой» болезни Кобзаря. Они были в тесной дружбе. Лаппа был приглашён на прощальный обед отъезжающего из Нижнего Новгорода Шевченко. Там были лишь самые близкие Нижегородские друзья.

* * *

Тарас Григорьевич Шевченко из крепостных. Был выкуплен за 2.500 рублей у украинского помещика усилиями Жуковского, Венецианова и Брюллова. Брюлов написал портрет, который был продан ровно за эту сумму, требуемую за крепостного Шевченко. Получив вольную в 1838 году, Шевченко закончил Академию Художеств в Санкт-Петербурге в классе Брюллова; мой отец как раз преподавал в этой мастерской и сильно недолюбливал Тараса Григорьевича. Во-первых потому что забрали часть мастерской, в качестве мемориального угла, и потому, что гости с Украины приезжая падали на колени и целовали пол и отец говорил «Я не знал, как себя вести в этом случае, я же оставался стоять». Что касается Тараса Шевченко, он был очень талантлив, и Писатель и Художник, и даже псалмопевец. Но жизнь ему сломали, забрили в солдаты на 10 лет, почти сразу после окончания Академии, запрещали рисовать. Он был слишком вольнолюбив, не вписывался в рамки, рано мечтал о независимости христианских государств; Сербии, Польши, Украины, России, поплатился за свои взгляды. Но последние годы ему было позволено жить в Петербурге, о чём он и мечтал. Это время Чаадаева, объявленного сумасшедшим.

* * *

Крылов в Эзоповских баснях выглядит вполне невинно. Чаадаев незаурядная личность, Солженицын о нём сказал, что де никому не угоден на 150 лет. Написал так написал, не лицепри-

ятен: о России, что мы либо крепко держимся за свои устои, а если хотим догнать запад, то это принимает уродливые формы, то, что там уже разжевали и выплюнули, мы подбираем с подобострастием. И сейчас эта мысль не устарела, напротив, что мешает нам быть самостоятельными.

Многие годы Запад ценил наших художников за социальную сторону искусства, разоблачающего косность нашей жизни, но уже проехали это увлечение. Я никогда не верила, что у нас всё уж так плохо, а у них всё уж так хорошо. Я думаю, всем поровну. Не может быть, чтобы Бог так обделил нас. Вот и сейчас наши русские эмигранты, уехавшие добровольно, всё уверены, что в России жить невозможно, что живём мы по-старому, хотят нас научить.

Пастернак и Ахматова, потому не уехали, что не стремились к благополучию. Художнику это вредит. Конечно, если убивают и травят тоже перебор. Но из этого складываются поступки, противодействие. Искусство в период кризиса расцветает. А в России с кризисом всё в порядке — у нас перманентный кризис и великое искусство.

* * *

Норвегия

Зимой 1991-92 года нас с Толей пригласили поработать, а потом сделать выставку в центре Осло. Русская блондинка Римма, жена богатого норвежского мужа, решила делать выставки русских художников. Продолжалось это недолго, ибо ожидаемого коммерческого успеха это не принесло, но нам повезло. Мы прожили в Норвегии больше месяца и природа Ибсена и Грига меня захватила. Вдобавок мы жили в предместье Осло, что давало возможность побродить по зимнему лесу с корабельными соснами, растущими на скалистых горах. Русскую зиму я всегда писала по горизонтали, в протяжении горизонта, а Норвегия для меня сугубо вертикальная и Дальнего горизонта нет, если ты не на фьордах. Сильный ветер гнёт тонкие деревья до земли, но дома построены настолько аккуратно, что огонь свечи горящей на столе близ окна не колышется. Комелин был поражён

этим обстоятельством. Дома финские дощатые, не бревенчатые, у состоятельных на одну семью, менее зажиточные владеют домами на четыре семьи, у каждого отдельный вход. Дом в котором мы жили лепился к горе с сильным перепадом в целый этаж. Крыша первого этажа служила террасой второго. Когда мы ехали в Норвегию, нам сказали там зимой тепло, как бы не так. Очень даже холодно и сильные ветры с Северного моря, высокая влажность. В Норвегии царит дух протестантизма. На Рождество все сидят в домах, едят свою индейку, никому и в голову не приходит ночью идти в церковь, звонит колокол, но это оказалась запись. Мы пошли к храму на звон колокола — никого. В Осло народ заметен, но в предместьях редко кого встретишь, разве что в супермаркете. Я таскала Толю по лесам, он был жутко недоволен, но приходя домой я делала работы о Норвегии. Лес, снег, скалы, фьорды, небо. Выставка в Осло, последовавшая в конце нашего пребывания в Норвегии состояла в основном из работ сделанных там. Толя сделал ряд скульптур в дереве. Было красиво. Я написала портрет Риммы, она его купила.

Вчера 24 апреля вторник, Радоница

Поехала в Новодевичий Монастырь на службу. Литургия, потом панихида. Насчитала 13 или 14 священнослужителей. Во главе иерарх церкви в саккосе, митре и с посохом весь в красном с золотом. Церковь Успения Богородицы — так называемая Трапезная по форме архитектуры. Свободно, прихожан немного, по сравнению с нашим Малым Вознесением, просто воздух и покой. Вспоминала детство, бабушка водила меня маленькую именно сюда. Тогда народу было очень много. Новодевичий, один из немногих монастырей, который не закрывался, если не единственный в Москве. Богослужения не прерывались. Спасибо не снесли, а идеи такие были. И кладбище осталось, теперь самое престижное. Ельцина, как первого нового царя могли бы похоронить у Кремлёвской стены, ан нет на Новодевичьем. Я пошла к своим; два деда, бабушка, тётя Оля и мама. Уже сухо, красиво, масса голубых первоцветов, это голубые под-

снежники. Спилили засохшую берёзу, нависающую над могилой деда Александра Павловича. Несмотря на Радоницу народу на кладбище совсем нет. Все почему-то едут на Пасху.

Все мои мысли уже в Тарусе, я бы там начала новый цикл работ. Жизнь там обновляется. Природа, сельское хозяйство в умеренных дозах, цветы, небо, река, в лесу быть может, сморчки, весенние грибы так редки.

* * *

Я думаю о том, какая сейчас схватка за жизнь, естественный или противоестественный отбор, как в природе, выживает сильнейший. Богатые и сильные всё могут если захотят отнять у бедных и слабых. Надо, что бы спастись сбиваться в стаи. В одиночку никак не прорвёшься. Звания не спасают никак. Тем более что их можно купить, добыть локтями. Сильные страны ставят подножку в виде освободительных революций странам Ближнего Востока, насаждают демократию, в действительности разрушая их уклад, не оставляя за этими странами независимости. И так во всём. Я ещё поражаюсь, что мы живы, и можем работать и хотим. Зато есть свобода мысли и вообще всякая свобода. Например печатай, что хочешь.

За 9 лет я издала 11 книг, от первого каталога 2003 года экземпляров осталось уже не много. Издатель Таня Карпова. С ней мы работали над четырьмя книгами. Мой и Толин каталоги к юбилейной выставке в МАРСе, в Третьяковской Галерее и Галерее Манеж.

* * *

Живопись — занятие молчаливое. Сегодня и сейчас ненавижу скульптуру, все время что-то пилится болгаркой, как в гремящем зубоврачебном кабинете. Пытка бесконечная. Пытка звуком, стуком, каменной пылью, словом суций кошмар.

У Пети Браговского работает бетономешалка, это просто умиротворяющая музыка, против Скульптурной деятельности Комелина, Куда деваться? Сам то он этого не слышит. Я даже рисовать не могу, села Мирное, отдохнуть на террасе — как же.

Просто скрежет зубов, повесится можно. А посмотреть на Комелина, он с такой любовью водит болгаркой по камню, даже не догадываясь, какую адскую симфонию он творит. Пытаюсь переждать, может закончит, сижу в закрытом доме в дальнем углу, нервы на пределе. Хочется рыдать громко от бессилия. Выглянула в окно, никаких перемен, весь белый от каменной пыли, она летит клубами на сильных порывах ветра.

* * *

Если какое то время не писал картины, то это к лучшему, начинаешь с нуля, учишься, ищешь, ползёшь в горку. Начала сразу 13 холстов, 8 из них составляют одну большую картину, притом последовательность холстов можно менять. Нахожусь под впечатлением писем Ван Гога, сколько страдания, сколько энергии. Он писал всем своим существом, всю жизнь, но потом холодным рассудком в письме излагал свой метод, задачи, успехи и поражения. Он писатель-художник. Степень напряжения колоссальная, «В крове Бога Небесного», для того, чтобы быть проводником послания, надо отдать всего себя, опустошиться, чтобы быть свободным для наполнения, и отдачи смысла, молитва услышана, исполнена. Это требует непомерных сил.

Ван Гог не выдержал. Он верил и не верил в себя. Пишет Бернару // надрывался над этюдом, могу писать только с натуры, совсем лишён воображения \\ В воображении он не видит правды. Он с восторгом воспринимал перемену места, но через короткое время всему упирался, протестовал. Страдал от восприимчивости, по его собственному выражению. Письма Ван Гога это анатомия художника, без тени назидательности. Ради холста и красок он во многом себе отказывал, но и материалов для работы ему постоянно не хватало. Спасибо Тео, он присылал брату хорошие краски. Живопись в превосходной сохранности, чего не скажешь о моих холстах, иногда я пишу неизвестно чем, например строительными красками, что довольно быстро даёт о себе знать. Но старые хол-

сты, которым лет 30–40 абсолютно не изменились, так, что можно надеяться, что сколько-то проживут.

* * *

Идёт дождь, в большом окне японское дерево груши, она только что отцвела. Мы её так обрезали, оставив две-три ветки, отходящие от ствола горизонтально. Груша стремится вверх, и если дать ей волю быстро дойдёт до небес. Когда идёт дождь вспоминаю Пастернака, пишу на память, могу наврать. Ужасный, капнет и вслушается, Всё ли он один на свете? Мнёт ветку в окне, как кружевцо, Или есть свидетель? Дождь располагает к писательству или к поэзии, но не к живописи, холодно, мокро, а тут сидишь за столом смотришь в окно, тут же на столе кошечка Лиза во всё вникает, вообще Лизик очень способствует творчеству.

* * *

Когда Комелин работает под навесом над каменными скульптурами, Лиза обязательно наблюдает за его действиями, особенно любит, когда он сидит в шезлонге напротив своей работы, Тут она не преминет сидеть у него на коленях и впиться от счастья когтями в ноги. Наши кошки всегда уважали нашу профессию, а вот музыку не любили, особенно кошка Шура. Я ставила диск, допустим увертюру к опере Леонора Бетховена, чёрная Шура смотрела на меня так выразительно тоскливо, всё было так хорошо мы были вдвоём, а Тут Это! — говорил её взгляд.

Недавно для радиостанции «Орфей», меня попросили дать интервью о музыке. Что-то я там говорила, дама ведущая эту передачу под конец сказала, «с Вами просто Неинтересно, у нас эта рубрика беседа с непрофессионалами, а Вы!». Передача была в пятницу в 19 часов, я не слышала, зато Петя Браговский рассказал, как я его напугала. «Я один в мастерской вдруг слышу твой голос, я не понимаю, смотрю по сторонам, не сразу догадался, что из радиоприёмника, там была музыка и вдруг твой голос».

Мне сказали, что в пятницу в 7 часов вечера, когда все стоят в пробках люди слушают...

* * *

Весна. Таруса

<...>. Весна стоит жаркая, деревья цвели, но сирень столь густо растущая по всей Тарусе разных оттенков; от густо лилового до бледно сиреневого, особенно хороша белая сирень. Запах одурманивающий, сильные порывы ветра.

Вспоминаю как Ван Гог боролся с мистралем вкапывая ножки мольберта в землю. Этот ветер в его работах, в поздних работах, написанных на юге Франции, ощущаешь кожей, он передается нам, тот ветер 1889 года. Откуда-то берется ветер, — все тихо и как налетит — ветки деревьев закручиваются по кругу. Как красиво выглядят стропила и начало стройки каркас прозрачной архитектуры, и как замечательно, когда строит один человек молча и соразмерно своим человеческим возможностям одного. Страшно, что он Комелин сам все таскает, поднимает, но вид у него совершенно счастливый, любой помощник только бы мешался.

* * *

Комелин не очень-то расположен наслаждаться плодами цивилизации, когда мы были в Италии он меня просто съел. Рим его раздражал ужасно, особенно фонтан Треви. Во Флоренции всего слишком много, надо все посмотреть в короткое время. Наступает быстрое пресыщение. В памяти остается монастырь с собором Сан Марко фресками Фра Беато Анжелико. Простые аскетичные в два-три цвета. О них хочется думать. Сиена, Перуджи, Ассизи примирили Комелина с Италией. Там хорошо очень. Об Италии столько всего сказано, написано. Гариф Басыров перед нашим отъездом советовал в Ватикан не ходить, ничьих советов слушать нельзя. Сикстинскую капеллу видеть надо.

Но хочу сказать, что когда все туристы идут скопом по галереям Ватикана от античной скульптуры, на полу галереи, куда не смотрит никто — потрясающие флорентийские мозаики. Лазурит, малахит, яшма сильный цвет небольшое вкрапление орнамента в пол. Возможно моя фантазия, что-то доделывает, преувеличивает, но это столь сильное впечатление отразилось в живописи по приезде из Италии.

Замечательные «Арабески» оставил Гоголь об Италии, он не пишет об искусстве, но об особенностях цвета, света, небесах Италии словом об Италии как о мечте, о несбыточной гармонии. В этих «Арабесках» он художник.

* * *

Дочитала письма Ван Гога. Да, он был «всешатаем и неколебим», слова В.В. Розанова. Он был велик в дерзновении в тоже время такого смирения и кротости. Письма Ван Гога это величайшее произведение, равное его живописи. Никакие искусствоведческие измышления не дадут такого полного понимания его работ, как его собственные письма, тут уж ничего не прибавишь, можно только исказить. Спасибо Иоганне (жене Тео) Ван Гог, что она сохранила, датировала и издала эти письма. Бывают же умные прозорливые любящие женщины! Винсент Ван Гог немного не дожил до своей славы, каких-то 20 лет, думаю славу не вынес бы. Это хуже одиночества. Он был слишком честен и чист, не для славы. Прошло более 100 лет со дня смерти Ван Гога и задачи искусства изменились, время диктует свое отражение, но путь художника по словам Осипа Мандельштама — путь на Голгофу, другого пути нет. И кто способен это выдержать?

© Текст: Ирина Старженецкая

Наталья ПРОЗОРОВА (Израиль)

диалог

который начался
до встречи
и продолжается
по сей день

Большую радость дарит ценителям поэзии Иосифа Бродского вышедшая в издательстве «Пушкинский фонд» в 2016 году книга Аннелизы Аллева «Наизусть / A tetogia» — двуязычная антология любовной лирики (переводы с итальянского: Максима Амелина, Олега Дозморова, Михаила Еремина, Льва Лосева, Глеба Шульпякова).

Аннелиза Аллева — итальянский поэт, автор восьми сборников стихов, эссеист и переводчик (кстати, всей прозы Пушкина и «Анны Карениной» Толстого). Еще в детстве, будучи из-за болезни целый год прикована к постели, она изучила и полюбила русский язык.

В 1980 году Аннелиза закончила филологический факультет Первого Римского университета, а в 1981-м в Риме произошло «роковое» для нее событие — она встретила с Иосифом Бродским, стихов которого тогда не знала, но пошла на его лекцию о «Новогоднем» Цветаевой, так как сама только что закончила перевод «Повести о Сонечке» и «была, увы и к счастью, под влиянием Цветаевой, той Цветаевой, которая пишет через Сонечку: Ах, Марина! Как я люблю — любить! Как я безумно люблю — сама любить!»¹. Бродский же отдавал Цветаевой пальму первенства среди поэтов прошлого столетия. Известен его ответ на вопрос, кого вы считаете самым большим поэтом XX века? — «Цветаеву. — В русской поэзии? — Нет, я сказал:

Иосиф Бродский. Лондон 1972 г.
фото: <http://rusmecenat.ru/wp-content/...>

XX века»², — об этом вспоминает Соломон Волков в своих «разговорах» с Бродским.

Так уж случилось, что «диалог» Бродского с Аллева провиденциально начался еще до их реальной встречи благодаря почти мистическому участию Марины Цветаевой — а как известно, поэзия сродни мистике... Цветаева явилась тем «воздушным», по выражению Пастернака, «путем», на котором соединились поэтические судьбы Иосифа и Аннелизы.

1981/82 был для Аннелизы академическим годом: получив стипендию от итальянского МИДа, она провела всё это время в Ленинграде, где часто навещала родителей Брод-

ского, о чем с присущей ей тщательностью и теплотой рассказала в своих воспоминаниях и в стихах: «Мы с Иосифом часто обедали в ресторанах, а у Бродских я всегда ужинала по четвергам, и в жестах матери за столом я узнавала жесты Иосифа, например он так же ломал кусок хлеба. Этому он научился у нее, да и вообще всему он научился у нее...»³.

*Я захаживать стала по четвергам.
В комнату входя, за перегородкой
сразу в тапочки переобувалась.
Матери не нравились поцелуи,
кошка не давала себя погладить.*

*Как-то за ужином она спросила:
«Саша, что б ты взял с собой, уезжая?»
«Зонтик». «А я б так, ничего не взявши».
Ему лететь отсоветовал доктор:
сердце. Она не могла дожидаться.
Рим, ноябрь 1987⁴*

Бродский стал для Аннелизы и возлюбленным, и учителем: следуя его настояниям, она начала писать стихи. Доказательством может служить отрывок из письма Бродского, который Аннелиза приводит в статье «Абстрактные открытки»: «Ты — единственная, кому пишу. Остальным — либо звоню, либо вообще — ничего<...> У Вас колоссальный дар на письма и вообще — видеть. Мне все время кажется, что Вам следовало бы заниматься сочинительством, хотя я и побаиваюсь, что если Вы станете писать профессионально, свежесть ощущений может уступить простой стилистике <...> Во всяком случае, Вас ужасно интересно перечитывать, и, может быть, я попробую у Вас что-то украсть для своих стишков»⁵. По-видимому, в тонкой лирической миниатюре — стихотворении, опубликованном в 1986 году, но начатом на острове Иския в 1983-м, где, по признанию поэта, он провел «две самых счастливых недели в этой жизни в компании Аннелизы Аллева»⁶, прячется одна из таких (гениальных) краж:

*Ночь, одержимая белизной
кожи. От ветреной фрезды,
ставень цапающей, до резной
мелко вздрагивающей звезды,
ночь, всеми фибрами трепещи
как насекомое, льнет, черна,
к лампе, чья выпуклость горяча,
хотя абсолютно отключена.
Спи. Во все двадцать пять свечей,
добыча сонной белиберды,
сумевшая не растерять лучей,
преломившихся о твои черты,
ты тускло светишься изнутри,
покуда, губами припав к плечу,
я, точно книгу читая при
тебе, сезам по складам шепчу⁷.*

Метафоры света в стихотворении — развитые реминисценции образа из письма Аннелизы от 6 июля 1984 года: «Дни стали уже длиннее, волосы вьющимися, глаза приобрели несколько ватт; надеюсь <...>, жизнь не захочет их выключить»⁸. Стихотворение, чей сюжет можно уложить в пять слов (ночь, он любит ее спящей) на поверку, при пристальном чтении, оказывается вечным «диалогом» жизни и поэзии.

«Ночь в стихотворении — страстное, одержимое, трепетное «живое существо»: звукопись первых четырёх строк — звенящая; звуковые повторы *жи - з - н* складываются в слово *жизнь*. Ты, сумевшая не растерять лучей, преломившихся о твои черты, светишься изнутри — светишься «внутренним» светом — светом жизни; ты и жизнь — синонимы. Поэт словно убаюкивает жизнь, закликает этот слабый, едва теплющийся свет не уходить, ещё побыть: пока ты спишь и светишься, я шепчу. Но верно и обратное: пока я шепчу, слагая стихи, — ты, жизнь, светишься»⁹. Поздним откликом на это стихотворение Бродского звучат, может быть, строки Аннелизы:

*Сколько же потребовалось хвосту,
дутья на огонь,
едкого дыма,
чтобы понять твою правду:
жизнь была — не знание о жизни,
я была — жизнь.¹⁰*

Разумеется, отношения, как теперь принято говорить, Аннелизы с Бродским никак не назвать простыми и легкими. На вопрос Валентины Полухиной о том, были ли в ее дружбе с Иосифом ямы и буераки, Аннелиза отвечает: «Интересно определение наших отношений как дружба. У меня не было дружбы с Иосифом, скорее была война<...> Он был больше меня, по крайней мере, по росту, возрасту, языку, культуре. Я, как маленький Давид женского пола, внимательно его слушала, следила за его советами-упреками по поводу моего чтения. И одновременно я изучала его поведение, хотела его понять, раскрыть

и ему противостоять<...>, а он не позволял сформулировать представление о себе, он все время посылал противоречивые сигналы... По-моему, за всем этим туманом крылась какая-то неуверенность. Он притягивал к себе и уходил. <...> Присутствие Иосифа в моей жизни на самом деле было постоянным его отсутствием»¹¹.

Их тайный роман в значительной степени протекал в письмах, отразивших духовную жизнь двух поэтов на протяжении десяти лет (1981–89). Благодаря постоянному дискурсивному общению уменьшались расстояния между ними, а расставания становились некой точкой постоянного соприкосновения, побуждая сохранять память, держать образ друга, искать слова, выражать мысли, которые наполнены поиском и утратой одновременно: «Роман был прожит в одиночестве», – писала она. Это был нескончаемый и вечно движущийся диалог, в котором не было просительницы, ибо сама Аллева признавалась в том, что не знала, кого любит больше: Бродского или русскую словесность. Их роман-дружба был в полном смысле вербальным, на высоте слов, способных отринуть, прогнать, но не зачеркнуть. «Иосиф был для меня Абеларом, Лезбией Катуллы, мужчиной «Диалогов» Платона; был Онегиным»¹².

Об этом необыкновенном общении повествуют стихи «Наизусть» – диалог, который начался до встречи и продолжается по сей день, что подчеркивает и композиция стихотворений в книге: до и после смерти Бродского – «Раньше» (первая часть, «Prima») и «Потом» (вторая часть – «Po»). «Наизусть», – пишет Аннелиза в послесловии, – «говорит о тайне, о стыде, о свидениях и вообще о восторге встречи, о грусти в разлуке о трауре, о желании пережить»¹³, – это стихи о люб-

ви, в которых любимый отражается в словах, как когда-то в глазах любящей – зеркале...

И всё же не следует тут искать реальных отражений, в них возникает некое зазеркалье, позволяющее увидеть продолжение поэзии Бродского устами той, что ступила на тропу поэта благодаря ему.

*Все зашифо, зажило, все отболело.
Лишь одна рана затянуться не может.
Из нее идут медленным током слова.
Может быть, и она заживет.
И иссякнут слова. Или станут иными,
другими.
Но источник открыл этот – ты.
Рим, январь 1998¹⁴*

Счастье, что среди любимых Иосифа Бродского и любивших его была преданная поэзии Аннелиза Аллева.

Примечания

- ¹ А.Аллева. Наизусть. СПб., 2016. С.215.
- ² С.Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С.59.
- ³ В.Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Кн.2. СПб.,2006. С.308.
- ⁴ А.Аллева. Наизусть. С.73.
- ⁵ А.Аллева. Абстрактные открытки // Звезда.2015. №5. С.159.
- ⁶ Е.Рейн. Заметки марафонца. Екатеринбург. 2005. С.399.
- ⁷ И.Бродский. Стихотворения и поэмы. В 2т. СПб., 2012. Т.2. С.94.
- ⁸ А.Аллева. Абстрактные открытки // Звезда.2015. №5. С.159.
- ⁹ Н.Прозорова. Анализ стихотворения И.Бродского «Ночь, одержимая белизной» //И.Бродский в XXI веке. Материалы международной конференции. СПб., 2010. С.223.
- ¹⁰ А.Аллева. Наизусть. СПб., 2016. С.151.
- ¹¹ В.Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Кн.2. С.312.
- ¹² А.Аллева. Наизусть. С. 216.
- ¹³ Там же. С.218.
- ¹⁴ Там же. С.167.

© Текст: Наталья Прозорова

----- Сентябрь 2017 г.

*Правители такие, потому что народ такой, а народ такой,
потому что структура такая, а она такая, потому
что история такая, а история такая, потому что зем-
ля велика и необустроена, а земля такая, потому что кли-
мат такой, а климат такой, потому что Бог дал такой,
а дал Бог такой потому, что народ такой, а народ такой,
потому что правители такие...*

ДНЕВНИК ПОЭТА. 2017

8 сентября 2017 г.

Сходила на книжную ярмарку. Ту, что была всегда, международную. От международности осталось немного: павильон Китая (там висели картинки), Турции и прилавок Болгарии. Кроме больших издательств «Эксмо» и «АСТ» (хотя теперь они вроде одно целое, а не два разных), разнесенных по нескольким стендам, обнаружила множество прежде не встречавшихся мне названий, у нескольких было слово «Русь» в разных вариантах, с вишенкой на торте — издательство «Черная сотня». Еще был стенд Московского зоопарка<...>Пошла я на ярмарку ради презентации новой серии классики с предисловиями современных писателей и литературоведов; одно из них писала я — к «Крошке Цахесу» Э.Т.А. Гофмана (книжка выйдет в конце года). Презентация — это, собственно, люди, которые на нее собрались. Тут были Вероника Долина, Виктор Шендерович, Борис Минаев, Дмитрий Быков, Алла Боссарт, Леонид Бахнов и прочие друзья-знакомые, каждый из них писал предисловие к какой-то книге. Авторам подарили каждому по пять уже вышедших томиков серии. Я выбрала два романа Бальзака, «Утраченные иллюзии» и «Шагреновую кожу», «Собаку Баскервилей» Конан-Дойля, Хаджи-Мурата Л.Н. Толстого и «Большие надежды» Диккенса. Решила перечитать. Издает это все издательство «Время», его стенд, разумеется, тоже на ярмарке есть, как и стенд распространителя «Лабиринт». Там есть и поэзия, моя книга, в частности. Но! Я увидела стенд издательства или, как сказать, с названием «Мамонт». Для поэтов. Плати и издавайся сколько душе угодно. Потому что поэты теперь живут в вечной мерзлоте.

У марионеток фаст-фуд и батут,
и о нет! — вдруг запутались нити, поводья.
Сирия там — Сирия тут.
Скоро везде.
А они — каждая на своем кресте.
Крестовину держащие, как какие отродья,
бросили ремесло
артистов, внушающих куклам танец,
куда же их понесло?
Три обиделись — семь поругались
и вершат самосуд.
Сирия там — Сирия тут.
Петрушка в грязи, Пульчинелла бездвижен,
лежит на батуте и помощи ждет,
а Полишинель говорит «что я, рыжий!»,
но, может быть, это сказал кукловод.
У Панча лицо стало глупым и старым,
скакнул изо рта бутафорский фаст-фуд.
Запнулся сценарий,
и Сирия — тут.

Вчера в раздевалке фитнеса, когда я собиралась домой, со мной вдруг заговорила совсем молодая женщина.

— Скажите, пожалуйста, Вы согласились бы быть четвертой женой? — спросила она.

Вопрос, конечно, сильный. Девушка продолжила: мол, вот, есть один человек, мусульманин, у которого уже есть три жены, и у него осталась одна вакансия. Соглашаться мне стать четвертой женой или нет? Страшно это или ничего? — это она опять у меня спрашивает. И добавляет, что в русских мужчинах нет жизни (сама она русская), и что она от этого уста-

* Т.Г. Щербина. Дневник поэта. Продолжение. 2017 г. Журнальный вариант. Публикуется в авторской редакции.

ла, а тут мужчина, у которого в глазах огонь, он знает, чего хочет, у него есть цели в жизни...

Прихожу домой, вижу в телевизоре док. фильм, как молодая женщина безуспешно ищет своего рыжеволосого сына в Ираке и Сирии. Муж, дагестанец, увез их в Сирию, пошел воевать, она пыталась сбежать с ребенком, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Муж погиб, а ребенка отдал товарищу по игилу, потом ей присылали его фото с автоматом, ножом, в военной форме, а он маленький совсем, показали и других детей, захваченных игилом, как они убивают, не моргнув глазом.

Потом открыла интернет, увидела фрагмент митинга в Грозном с воинственной речью имама (видимо). Ну и выступление Кадырова прослушала, и ответ Путина, что все нормально...

Сегодня услышала доносящийся с улицы многоголосый гул, впечатление было типа «слушайте музыку революции». Вышла на балкон, внизу припарковано множество машин посреди переулка — машины едва протискивались в оставшуюся узкую полосу дороги.

Вышла из дома, а там — полк полиции с собаками на углу переулка и Б.Никитской, полиция вдоль всей улицы, через несколько часов появились большие машины с росгвардией, в другом переулке, говорят, дежурил спецназ. А происходил митинг мусульман (несанкционированный) против насилия в Мьянме.

Людей, которые там собрались, я в обычной жизни на улицах не встречаю. Мужчины с бородами и решительным видом, как во время чеченской войны показывали «ваххабитов». Скандировали «Аллах Акбар» и что-то еще. Одна мусульманка в платке объясняла любопытствующим, вроде меня (а было мне весьма не по себе от происходящего), а потом и мне, в чем дело. Я до сегодняшнего дня вообще ничего не знала про Мьянму. Пыталась показать в своем смартфоне фотографии. Т.е. показывала фото ребенка и говорила: «А сейчас покажу, как буддисты его расчленили». — Ой, не надо, — говорила я. Потом по-

казала какую-то толпу, сказав, что их всех живо закопали в землю, тысячи мусульман. Я отказывалась от предложений продемонстрировать, как топили в реке и закапывали живьем, потом она сказала, что мусульман убивают, а мир молчит, и ООН молчит, только Эрдоган (показала его на смартфоне) и Кадыров нас защищают. Я заметила, что мусульмане тоже убивают, на что она ответила, что это не мусульмане, а террористы. — Но все же теракты в основном происходят именно с возгласами, которые мы слышим тут. — Если у вас такое мнение..., — обиделась она и потеряла ко мне интерес.

Действо продолжалось часов пять. К счастью, всё закончилось без происшествий, но не знаю, что стала бы делать полиция, если бы что-то случилось. На улицу вышла сила.

В этот день как раз был штурм школы в Беслане, и вообще в конце августа–начале сентября происходили памятные всем ужасы, не говоря о том, что 1 сентября началась Вторая мировая война.

Вчера и сегодня с опаской подводила курсор к некоторым комментаторам в ленте — уф, не в друзьях. Могла и пропустить, конечно. Комментарии типа и дословно «Вор должен сидеть в тюрьме». И совсем неудивительна, подумала я, ресталинизация. Стихийных сталинистов, которые себя таковыми вовсе не считают, в России очень много. Как кого арестовали, они точно знают, что фигуранта надо посадить (и неплохо бы расстрелять), поскольку «да, не он один такой, но с кого-то же надо начинать!» (это помню про арест Ходорковского). И Навальный может убится со своими расследованиями — цифрами, документами, фото, видео — про некоторых других людей, но те, про кого я говорю, знают, что Навальный «рвется во власть» и потому герои его расследований из власти — не то что вне подозрений, просто «так надо». Сердюков-Васильева даже были осуждены, но ненадолго, потому что «так надо».

Второй комментарий касается многих записей в ФБ и пары статей на тему: за Серебренни-

кова все вступились, а за бухгалтершу — никто, «вот потому так все и происходит», «не хотели за маленького человека вступиться — так и получите». Мое мнение на этот счет таково: деньги — епархия бухгалтера (отчасти директора), а режиссер ставит спектакли и снимает фильмы. Серебренников, в данном случае, сделал — просто количественно — столько, что, может, не всегда пообедать успевал. То, что делал он — на виду, о том, что делал бухгалтер — посторонним ничего не известно. Мне, по крайней мере, неизвестно. Потому я могу выразить свою поддержку Серебренникову (которому очень сочувствую), чьи фильмы и спектакли я видела, и не могу бухгалтеру.

Третий комментарий. «А Серебренников выступал против.., вступался за.., с властью заигрывал?» Так что его жалеть-то?

<...>

И про Бродского вспомнив, подумала, как тогда, наверное, знавшие о суде над ним, говорили: «Так тунеядец же, не член союза писателей, значит, нарушил закон, в тюрьму его». «Даже высшего образования нет, а туда же — стихи писать». «И вообще у него характер плохой». И да, как пели у здания суда, куда я прийти не могла, «Перемен требуют наши сердца!» (режиссера сняли со съемок фильма о Цое, кто не в курсе).

----- 22 августа 2017

Проснулась в плохом настроении (свои бытовые проблемы), и тут узнала про арест Серебренникова. Оставляя за скобками суть «театрального дела» (о ней судить не могу), с печалью и ужасом констатирую, что в 1937–39 гг. все происходило примерно так же. Ночные аресты. Черные воронки. Серебренников не скрывался от следствия, ходил на допросы, не было никакой нужды арестовывать его ночью, в Питере, где он снимал фильм о Цое, в гостинице, и этапировать в Москву. Адвокат его в это время был в командировке во Владимире.

Вспомнился Мейерхольд (арест и расстрел). И я решила посмотреть, что по этому

поводу есть в интернете нового, сегодняшнего. <...>Увы нам.

Вспомнила стихотворение двухлетней давности, он про этот же, почему-то всегда катастрофический «перекресток августа-сентября»:

Осень — от слова осы.

Когда кончается лето, они прилетают, опыляя страхи, пронесет ли, и иногда проносит.

Перекресток августа-сентября, где взрывались оси, силы зла пронзали кожный покров добра — это были осы, очень большие осы, когда проносило, было ура, но мурашки на коже заострились в иголки ежика, а добро зороастрилось в бобра.

Что готовит осень — вопрос никогда не праздный, не коса подкосит, так подползет оса, ни на что я более не горазда, ни на трепет, ни на побег в леса, кожа — шагреневая подкладка нас, обернутых в небеса зодчих мира, в котором рушится кладка. август 2015

----- 21 августа 2017

Чтение новостей портит настроение. Сегодня Путин в Тавриде <...>- про Шуберта, про Херсонес, про то, как организовать цензуру при помощи «творческих работников», и как продвигать «перспективные молодежные кадры», кроме как через ОНФ. Задолбало по совокупности. Включая навязчивое позирование с голым торсом. <...>

Крым — место исторически с черной меткой. Чума в Европе тоже началась оттуда. «В 1347 в торговом порту Кафа (нынешней Феодосии) началась страшная эпидемия. Сегодняшняя историческая наука располагает сведениями, что татарский хан Джанибек Кипчак осадил Кафу и ждал ее

сдачи. Огромное его войско расположилось у моря вдоль каменной защитной стены города. Можно было не штурмовать стены и не терять воинов, так как без пищи и воды жители, по расчетам Кипчака, должны были скоро запросить пощады. Ни одному судну не разрешил он разгружаться в порту и не давал самим жителям возможности выйти из города, чтобы те не убежали на чужестранных кораблях. Более того, он намеренно распорядился, чтобы в осажденный город напустили черных крыс, которые (как ему сказали) сошли с прибывших кораблей и несли с собой болезни и смерть. Но, наслав на жителей Кафы «черную болезнь», Кипчак и сам просчитался. Скопив осажденных в городе, болезнь неожиданно перекинулась и на его войско. Коварной болезни было все равно, кого косить, и она подкралась к солдатам Кипчака.

Вот что говорилось в отчете нотариуса Габриеля де Муссиса из итальянского города Пьяченцы: «Несметные полчища татар и сарацинов внезапно пали жертвой неизвестной болезни. Всю татарскую армию поразила болезнь, каждый день погибали тысячи. В паху сгущались соки, потом они загнивали, развивалась лихорадка, наступала смерть, советы и помощь врачей не помогли...».

<...>Вскоре Кипчак не мог досчитать и половины своих солдат. Когда трупы устлали все побережье, их стали сбрасывать в море. Моряки с кораблей, прибывших из Генуи и стоявших в порту Кафы, нетерпеливо наблюдали за всеми этими событиями. <...> (Из Кафы зараженные и неразгруженные корабли отправились обратно в Италию. И там, естественно, вместе с моряками на берег высадились и полчища черных крыс. Затем корабли пошли в порты Сицилии, Сардинии и Корсики, распространяя заразу и на этих островах.

Примерно через год вся Италия — с севера на юг и с запада на восток (включая острова) — оказалась охвачена эпидемией чумы. Особенно свирепствовала болезнь во Фло-

ренции, тяжелую судьбу которой описал в своем знаменитом романе «Декамерон» новеллист Джованни Боккаччо. <...>В течение шести месяцев вымерла почти половина населения Флоренции. Целые кварталы в городе стояли безжизненными, а в опустевших домах разгуливал ветер. Вскоре даже воры и мародеры стали опасаться входить в помещения, откуда выносили чумных больных.

В Парме поэт Петрарка оплакивал кончину своего друга, вся семья которого в течение трех дней ушла из жизни.

После Италии болезнь перекинулась во Францию. В Марселе за несколько месяцев скончалось 56 тысяч людей. Из восьми врачей в Перпиньяне в живых остался только один, в Авиньоне семь тысяч домов оказались пустыми, а местные кюре от страха додумались до того, что освятили реку Рону и в нее стали сбрасывать все трупы, отчего речная вода сделалась зараженной. Чума, на некоторое время приостановившая Столетнюю войну между Францией и Англией, унесла куда больше жизней, чем открытые столкновения между войсками.

В конце 1348 года чума проникла на территорию сегодняшних Германии и Австрии. В Германии погибла треть духовенства, многие церкви и храмы были закрыты, и никому стало читать проповеди и справлять церковную службу. В Вене уже в первый день от эпидемии скончалось 960 человек, а потом каждый день тысячу умерших отвозили за город.

В 1349 году, как будто насытившись на материке, чума, перекинулась через пролив в Англию, где начался всеобщий мор. Только в одном Лондоне умерло свыше половины его жителей.

<...>

Католическая церковь не могла оставаться равнодушной к столь грозному и страшному явлению. Она стремилась дать смертям свое объяснение, в проповедях требовала покаяний и молитв. Христиане видели в этой эпидемии наказание за свои гре-

хи и денно и ноцно молились о прощении. Были организованы целые шествия молящихся и кающихся людей. По Риму по улицам бродили толпы босых и полуголых кающихся грешников, которые вешали себе на шею веревки, камни, стегали себя кожаными плетьюми, посылали голову пеплом. Потом они ползли к ступенькам церкви Санта-Мария и просили у святой девственницы прощения и пощады.

Это безумие, охватившее наиболее уязвимую часть населения, вело к деградации общества, религиозные чувства превращались в мрачное сумасшествие. Собственно, в этот период многие люди действительно сходили с ума. Дошло до того, что папа Климент VI запретил подобные шествия и все виды фллагеллянтства. Тех «грешников», которые не хотели подчиняться папскому указу и призывали к физическому наказанию друг друга, вскоре стали бросать в тюрьмы, их пытали и даже казнили.

<...>

Позднее распространились другие слухи. Как оказалось, чума — это месть евреев за выселение их из Палестины, за погромы, это они, антихристы, пили кровь младенцев и отравляли воду в колодцах. И против евреев с новой силой ополчились массы людей. В ноябре 1348 года по всей Германии прокатилась волна погромов, за евреями охотились в буквальном смысле слова. Самые нелепые обвинения выдвигались против них. Если в домах собирались несколько евреев, то оттуда их уже не выпускали. Дома поджигали и ждали, когда эти, ни в чем не повинные люди, сгорят. Их заколачивали в бочки с вином и спускали в Рейн, сажали в тюрьмы, спускали на плотках вниз по реке. Однако от этого масштабы эпидемии ни сколько не уменьшались».

Давно, в 2004 г., писала не помню уж для кого заметку о духе Барселоны, а сегодня на нее — и на нее — напал злой дух, терроризм гуляет по миру. Были объявленные войны, в которых

король с открытым забралом скакал впереди на коне, были войны, заявлявшиеся как «интернациональный долг», «принуждение к миру», войны двух государств на территории третьего, теперь кибервойны и гибридные, когда неизвестно, кто, с кем и зачем воюет. «Зачем», в сущности, все за тем же — власть над миром.

У кого власти и так вдоволь, считают, что сохранить ее можно, только раздвигая ее границы (конец всегда был печален, но это никого не останавливает), а некоторые таятся и молчат, платят тренерам, те готовят отряды смертников, киллеров, чья задача убивать неважно кого, лишь бы побольше. И желательно, чтоб места были эффективные, «медиатизированные». Европейцы каждый раз отвечают, что их не запугаешь. Теракты стали неизлечимой хронической болезнью. Вообще везде стало поздно что-либо предпринимать, вектор деградации и депрессии переломить не получается. Политики и политика стали какими-то плющами на древе жизни.

Сочувствие Барселоне.

Укол зонтичных.

Принудительное выселение лепестковых, теперь здесь живет Борщевик.

Земля пробита его корнями как пулями.

В саду он садист с жалобным именем снить, гортензии с розами встали на цыпочки и покинули родину в пластиковых горшках. Цвета исчезли, остался один зеленый.

Борщевик справился с тем, что мы называем культурой.

Лилии Марлен, Лайон Херт, Аннамария Дрим,

Розы Акрополис, Радио Оранж, Ред Леонардо да Винчи –

только названья цветов все рассказали б о нас.

Над столпами природы, деревьями, работает плющ.

Он их чуть позже прикончит и покончит с собой,

потому что он паразит.

И Борщевик (по паспорту — Гераклеум)

как некогда папоротник, загустит пространство,
жить в нем смогут только тираннозавры.
август 2017

----- 30 июля 2017

Юрий Алексеевич Рыжов, великий человек, мне повезло знать его с детства, поскольку мы учились с его дочерью, Катей Рыжовой, в одном классе. Потом общались в Париже, когда он был послом России во Франции, а я там жила. Потом в Москве. И я всегда знала, что он есть, есть его голос, выступавший за ту самую «новую свободную Россию», о которой мы все грезили, и когда начались сбои, съезд на привычную советскую колею, Юрий Алексеевич никогда не молчал, не поддакивал тем, с кем они всё это начинали, а тем более, тем, кто жалел о том, что начали. Он был совершенно бескомпромиссен, резок и ясен в своих оценках.

Я его очень любила, ценила, уважала. Понятно, что возраст, он уходил постепенно, но теперь где-то витает его душа, и я ей, Вам, дорогой Юрий Алексеевич, желаю нового, такого же счастливого, какой была Ваша земная жизнь, путешествия «среди миров, в мерцании светил».

3 июля 2017. Лето в наших краях примиряет с суровым, тем более, ухудшающимся социальным климатом. «Синоптики считают, что в Центральной России лета уже не будет в этом году». А это значит, что люди будут злые как собаки.

ММКФ

В последние годы в мире — мода на румынское кино. Социальнонеблагополучиенето что в «третьем (или втором) мире», а в таком достаточно бедном, не очень ухоженном сегменте, который можно встретить везде, обыденная трудная жизнь, в которой есть и дно, и достойные люди. Что-то вроде неонеореализ-

ма, но достаточно угрюмого, без итальянского солнца и темперамента.

Сегодня посмотрела фильм Ситару «Посредник». О принуждении, насилии. Он снят как бы в режиме реального времени — действие происходит в течение суток, посредник переводит приехавшим журналистам с французского на румынский и обратно, идут оба текста, т.е. камера снимает как бы все подряд, без купюр.

Два французских журналиста приезжают в Румынию, чтоб взять интервью у четырнадцатилетней девочки, которую выкрали, увезли в Париж, заставляли там заниматься проституцией, теперь ее вернули на родину, прячут в монастыре, и задача посредника — договориться с теми, кто ее прячет (а она в состоянии шока), чтобы они позволили сделать с ней интервью. <...>

Возникла целая плеяда нового поколения режиссеров. Звягинцев, Хлебников, Попогребский, Прошкин, и вот Котт. Фильм очень грустный и очень смешной одновременно (не трагикомедия, иначе). Жуть умирающей глубинки, где старухи да алкаши, и комизм делового города (с девизом «успех», но он не менее, в сущности, убог, чем быт сельской местности). Разрыв языка поколений, мать (Марина Неёлова) и сын (Евгений Миронов). Подруга матери (Алиса Фрейндлих) говорит, что раньше было просто: правильно и неправильно, а теперь не поймешь. Абсурд бюрократии. Карп — главный герой, как следует из названия. Отличный фильм.

<...>«Послеобразы», последний фильм Вайды. Прекрасный, и удивительно, что в столь преклонном возрасте, очень больной уже режиссер сделал столь эмоциональное кино. Это о послевоенном, сталинистском времени в Польше. Главный герой — знаменитый художник, основатель Академии художеств и Музея современного искусства, профессор живописи, которого обожают студенты. Но он не соцреалист, далек от политики, для него существует только искусство, что уже неприемлемо, а после того, как он посмел возразить тупому пропагандисту-министру культуры, власть планомерно его уничтожает, и все, кроме нескольких учеников,

это поддерживают — просто, чтобы выжить самим. Но это в двух словах, плоско, а фильм — тонкий и глубокий, всем рекомендую.

С фестивалем же, как я понимаю, в этом году не задалось. Четверть зала была на Вайде! Не такого уж большого зала. И билеты есть на всё. И начало, как я читала, было, не как открытие кинофестиваля, а примерно как в этом фильме Вайды. Кинокритики, наверное, разъясят, что случилось за год.

Две девочки из киношколы, работавшие с историком Юрием Дмитриевым в его раскопках и расследованиях жертв террора, пришли ко мне с просьбой записать ролик о Дмитриеве и его деле. Они записали многих, кого волнует судьба «Хоттабыча», как его прозвали. Ничего не помогает, дело шьют, не хотят, чтоб он продолжал воскрешать память о расстрелянных в годы террора. Очень их уж много.

23 июня. В Сахаровском центре прошел очень важный вечер «АнтиСталин», в котором я участвовала. В течение всей моей жизни Сталин воспринимался как зло. Никаких портретов, бюстов, памятников, телефильмов (а «войну выиграл советский народ»). Любители были, но им приходилось любить шепотом, максимум — портретик на лобовом стекле у дальнобойщиков.

Сегодня происходит рестаилинизация, и те, кто считает массовые убийства, ГУЛАГ, депортации явлением позорным и недопустимым, как бы оправдываются перед наступающими сталинистами. Про палачей говорят — «это наша история». А жертвы — это вроде уже и не история, а «издержки производства», те самые «щепки». Индустриализация, на которую ссылаются, происходила везде, и никому для этого не требовалось убивать миллионы людей. С войной тоже, увы, при более ответственных политических решениях жертв могло быть значительно меньше (сегодня Минобороны рассекретило кое-какие документы о начале войны, но об этом известно было и раньше).

В детстве я познакомилась и подружилась с Александрой Яковлевной Бруштейн, прочитав и полюбив ее книги. Я жила в Большом Афанасьевском переулке, школа моя была в Спасопесковском, а А.Я. жила в Серебряном переулке (это всё Арбат), и на пути из школы домой я заходила к ней, и мы беседовали. Очень пожилая женщина и маленькая девочка. Я обожала ее рассказы, а она разговаривала со мной, как со взрослой. Когда мне было 10 лет, мы переехали с Арбата, но школу я не поменяла, и по-прежнему заходила к А.Я., а когда она уезжала в Переделкино, мы переписывались. Потом она умерла. И вот ее письмо мне, за полтора года до ее смерти — наткнулась в архиве.

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10203421516135059&set=a.1076979301176.10126.1727067066&type=3&theater>

Стала вспоминать друзей разных лет, включая нынешних, и обнаружила, что все они либо давно эмигрировали (как моя школьная и две университетские подруги), либо имеют второе гражданство, ВНЖ в другой стране или, как минимум, недвижимость за пределами родины. Почувствовала себя белой вороной.

У меня есть предложение к следующему президенту: сделать гимном России мелодию песни «Подмосковные вечера».

Две рецензии на мою книгу, одна вышла в новом номере журнала «Воздух» — спасибо, Александр Марков, другая на Lenta.ru — спасибо, Данила Давыдов.

«Щербина. Хроники Большое собрание Татьяны Щербиной построено как книга для чтения, почти “родная речь”, — но это не образцы правильных высказываний, но напротив, исследование того, как язык дает сбои, проваливается в ткань русской жизни. Поэт здесь лоцман и художник одновременно: промывая глубину жизни, сколько слов и оборотов

понадобится, чтобы добраться до оснований, поэзия одновременно шивает эту ткань»<...>. Щербина учит противостоять поспешным выводам: кажется, мы всё знаем о происходящем, подхватили все мемы и все штампы, но оказывается, что это только прозвища, а не названия. <...>Свобода — это не выбор и не состояние, это прыжок в атмосферу настолько впечатляющий, что разговор о свободе становится единственно пригодной атмосферой речи после опыта чтения этих стихов. Оставляю тайны летних дупел, / талость мартовского бугорка; / как Бетховен, я глуха к наукам / и влекома песней про сурка.

Александр Марков <...>» Татьяна Щербина — человек, любимый литературной тусовкой и не только ею, один из самых проницательных современных авторов. В то же время, боюсь, собственно ее стихи не прочитаны достаточно внимательно: трезвость интонации, не пафосность, ирония, не переходящая в мизантропический сарказм, вообще, эдакая аристотелевская равновесность ныне, скорее, предстает исключительным явлением. Чем-то и поэзия и угадывающаяся за ней позиция Щербины напоминают наше представление о ближайшем пушкинском друге князе Вяземском, умнице и остроумце, чьи стихи, кроме филологов, почему-то никто не читает, да и вообще не знает. Возможно, выход ее представительного тома «Хроники» (М.: Время, 2017) изменит эту несправедливую ситуацию»<...>

Суд стал на сторону холода,
насилия над теплом,
несмываемых пятен туч
над раскопками родины,
вечно беременной монстром.
Как помрет старшой, так родится братец,
паутиный клещ или плющ.
Черная кровь искренних каракатиц
небо кропит, тучки кропает,
крап — коллективный штрих,
вот и накрапывает из них.
Суд истории, говорят гуманисты,
поставит краплёных судей

на орехи, сварит на мыло,
и наступит вечное лето,
и рождаться будут одни поэты.

4 июня 2017

Трагедия в Москве, 11 погибших, много раненых.

Мне нужно было идти по делу к 16 ч. Вышла из дома и так и остановилась на площадке у подъезда под козырьком. Как раз началось. Все, кто шли мимо, тоже прибились к нашему убежищу. Деревья во дворе напротив, старые, могучие, устояли, только кроны кружило, их (и нас) спасло то, что их много, они друг друга прикрывали. И дома вокруг сдерживали напасть. А в городе поносило и крыши, и гаражи, пирамиду на Новой Риге разнесло в щепки, многие дороги перекрыты поваленными стволами — жуткий ураган, хуже того, что был в 1998 и 1984 гг. Даты наводят на мысли, они же были рубежные, роковые.

В Сахаровском центре прошел поэтический Фестиваль Свободы, великолепный по составу, довольно большой зал был не просто полон, толпа стояла в проходе, слушали, как в 1980-е. А вот о другом поэте — Франсуа Вийоне. Николай Фохт написал о нем большое эссе, внутри которого задавал мне вопросы: «И я решил спросить совета у Татьяны Щербины — замечательного поэта, знатока французской литературы, которая сама пишет на французском — в девяностые в Париже вышел сборник ее стихов. Татьяна переводит современных французских поэтов, она составитель авторской антологии «Современная французская поэзия». К кому, как не к ней, с Вийоном?

<...>— Татьяна, а правда ведь Вийон «самый французский», первый по-настоящему французский поэт?

— Да. Он стал легендой уже через четверть века после своего исчезновения в тысяча четыреста шестьдесят третьем. В восемьдесят девятом его начинают издавать, переиздания следуют одно за другим, а в тридцатых го-

дах следующего века король Франциск Первый требует напечатать новую книгу, поскольку это «лучший парижский поэт из когда-либо существовавших». Следующий виток славы — девятнадцатый век, когда появляются «проклятые поэты». Тут вспоминается, что первым «проклятым» был Вийон.<...>— Это не было нормально: он сидел в тюрьме, был в бегах, его приговаривали к повешению, но новый король подписал ему амнистию в честь своего воцарения. Если бы Вийон «хорошо себя вел», то был бы, скорее, Ронсаром или дю Белле, но это уже другая эпоха, классицизм. В эпоху же Вийона (он родился в год сожжения на костре Жанны д'Арк) Франция еще пребывает в Средневековье: смуты, гражданская война, война с англичанами, только начинает налаживаться городское хозяйство, бум ремесленников, появляются ярмарки — не до литературы. Так что Вийон мог бы выпиливать лобзиком или преподавать в Университете (полученную им там степень с него впоследствии сняли, поскольку он с друзьями украл всю университетскую казну), но стихи его стали знамениты именно потому, что писались в состоянии крайнего эмоционального напряжения: в тюрьме, в ожидании погони и казни. При этом Вийон не был «человеком с улицы»: неграмотная мать отдала его на воспитание капеллану Гийому де Вийону, чью фамилию он и носил, который выступал его заступником, и только благодаря этому «родству» он мог оказаться в поле зрения герцога Орлеанского, который в результате счел Франсуа Вийона выскочкой и карьеристом. Так что это не «народный трибун», а человек низов, стремившийся расположить к себе высший свет, но не способный преодолеть в себе тяги к воровству и насилию.

<...>Вполне могло так случиться, что, уехав в какие-нибудь заморские дали, Вийон сменил имя, женился и занялся выпиливанием лобзиком. Или сидел годами под пальмой и ел бананы, а о том, что он и есть тот самый поэт, никто не узнал и сам он забыл, став «другим человеком» («Может, завтра, совсем по-другому, я уйду, исцеленный вовек, слушать песни дож-

дей и черемух, чем здоровый живет человек»). Но факт тот, «что однажды он просто исчез, и никаких свидетельств его жизни или смерти обнаружено не было».

Царь Ни кола ни двора Второй
не услышал лязг и не слушал вой
по цехам, на фронте и под землей.
У него под контролем земля-земля,
он Император всея-всёя,
за него... И всё оказалось зря.
май 2017

Перебор печали. Умер Даниил Дондурей, один из самых важных для нашей культуры людей, многие годы противостоявший ее деградации. И вообще прекрасный был человек и культуролог. С Даней мы познакомились в 1983 году, он заведовал сектором социологии в НИИ Культуры, а я пришла в его сектор работать. Подружились, потом регулярно пересекались в разных местах. Одну свою статью он назвал строчкой из моего стихотворения, горжусь.

Слышала, болел, уезжал лечиться, но не могла поверить, что вот так, не дожив до семидесяти. Даня, ну что, покойся с миром.

В последние три года о войне думаю почти постоянно. Выражается это в двух синдромах.

Когда ем, вспоминаю рассказы предков о том, как делили кусочек сахара на четыре части, варили суп из картофельных очисток, а ломоть черного хлеба был за счастье. Раньше эти знания относились к историческому прошлому с заученным с детства девизом: «Это не должно повториться». А три года назад стало живым чувством. И каждый сеанс уничтожения тонн еды вызывал у меня приступ дикой ненависти к уничтожителям.

Второе — когда собираюсь выбросить что-то из старых теплых вещей (заношенных, проеденных молью, протершихся), останавливаюсь и думаю: в войну теплые вещи нужны прежде

всего, они могут многих спасти, нельзя выбирать.

----- 9 мая 2017 г.

В 19 веке был стиль ампир, в первой половине 20-го — вампир, во второй — стиль «дешево и сердито», потом «рынок с башенками» и евроремонт, позже — «громкий захват — тихий откат», и все четверть века рос класс «реконструкторы и имитаторы», венцом казался умиротворенный фасад «дорого и степенно», но в последние годы невидимые струны лопнули, прогрессирует стиль «вакханалия и похабщина», больше всего отрываются на теме войны. Победу приватизировали в своих интересах ушлые люди, соединив ее полосатой ленточкой и таким же флагом с НОДом, войной в Украине и телевизионной пропагандой (смотрела сегодня по ТВ — все ведущие с бантиками из этих ленточек).

В Швейцарии новый президент — не событие, они меняются раз в год, а во Франции — раз в пять лет, так что событие. Раньше было и вовсе семь, но Ширак, будучи президентом, сократил до пяти (начал с себя). У нас же все наоборот. Скоро 18 лет как один и тот же, и лаг себе прибавил руками друга-местоблюстителя — с 4 до 6 лет. Так что у нас Новый — это всегда мегасобытие. Брежнев 18 лет сидел, пока не помер, следующие два старца не в счет, они были не новые, а такие же, но хуже.

Когда пришел Горбачев, поначалу всего лишь открыл форточку, впустив «свежий ветер перемен», разрешил народу понемногу ознакомиться с недавней историей и открыть рот («гласность»), ТВ заговорило человеческим языком — и всё, «просыпаюсь — здарсьте, нет советской власти». И когда опять будет Новый (а не зам. зав.), жизнь тоже станет новой. Или сверхновой.

Во Франции праздник, с чем ее и поздравляю, хотя держу в уме сценарий Мишеля Уэльбека (его роман «Покорность»), у меня и самой есть всякие душераздирающие сценарии,

но история, как водится, преподнесет какой-нибудь сюрприз.

«Русский мир», как и исламский — зеленого цвета.

там это флаг, а тут — зеленые человечки и в глазах — зеленка.

У нее было и другое значение: когда деревья обрастали листвой, и убивать становилось труднее, это тоже называли зеленкой.

«Мир — это война».

Прусский, PR-узкий мир, покрытый зеленью мха, тины и патины на забронзовевшем тельце — золотом тельце.

4 мая 2017

Умирающий меняется каждый день, как новорожденный.

А до этого — каждую неделю, как младенец. Еще раньше — каждый месяц, как малый ребенок.

Было и реже — раз в год вымахивает подросток и сдает старик.

Один набирается сил и желаний, другой теряет.

Один наливается соками, другой высыхает. Одному жизнь все роднее, другому — уже чужая.

Пути их сходились, когда перемены заметны раз в десятилетие.

01.05.2017

Сегодня утром умер папа (20.09.1927-27.04.2017). В последние два месяца он только и мечтал о том, чтоб уйти в мир иной. Возраст, болезни, тяжело было, с каждым днем все труднее. Ну и вот. Вообще, папа был театроведом, работал в журналах Театр, Советский экран, а в последние тридцать лет занимался своим садом и интересовался «мистикой». Свои мистические опыты, как бы постепенный уход (ну

четыре инфаркта и масса всего вокруг), он записывал. В результате получилась книга, которую я издала в начале марта. Он ей радовался, а в последнее время практически не воспринимал здешнюю жизнь, уже был всем своим существом «там».

10 лет назад, 23 апреля 2007 г. у меня был давно запланированный авторский вечер. Я должна была читать стихи, а перед выходом из дома узнала, что умер Борис Николаевич Ельцин. Потому вместо стихов читала недавно написанную пьеску (читать ее помогали несколько коллег), где Ельцин — один из персонажей. На вечере был Сева Емелин и подарил мне розу, которая стояла бесконечно долго. Написала тогда:

День, завернувшийся воронкой.
 На свете больше нет перил.
 Но не потух огонь в избенке —
 Емелин розу подарил.
 Она не увядает плотью:
 Свой сок в цвет крови не сдает.
 Вы-там-которые-в полете!
 Тут ночь настала — напролет.
 25 апреля 2007,
 день траура

Да, и для меня это был день траура. Я хожу на похороны только очень близких людей, но дважды была на похоронах людей, с которыми не была знакома: Сахарова и Ельцина.

Понравилось то, что написал сегодня Владимир Емельянов (проф. ЛГУ): «10 лет назад умер Борис Николаевич Ельцин. Но ушёл он на 7 лет раньше. Сам ушел. И нигде не появлялся. Тихо жил своими интересами. Ельцина сейчас не любят так же, как при Брежнев не любили Хрущева. Свобода, независимость, достоинство, умственное развитие, духовный поиск признаны опасными. Помнят только про бандитов и недоплаченные когда-то деньги. За это пусть скажут спасибо 70-м, в которые партноменклатура в связке со спекулянтами довела страну до конца. Если Горбачев дал

возможность говорить, то Ельцин позволил свободно жить и действовать. Свободу каждый понял по-своему. Кто-то занялся исследованиями, а кто-то рэкетом. Но указка сверху исчезла. Надзиратели скрылись. Цензура исчезла. Стали открываться новые небывалые вузы. Пресса стала четвёртой властью. Россия подружилась с лучшей частью человечества. Небо распахнулось, и с него посыпались идеи и открытия. Волшебное время. Люди жили так, как будто нет ни смерти, ни воздаяния. Всех захватил губительный восторг. Гениальное время. Кавказская война медленно все погасила. Вперёд вышли недозадвинутые надзиратели и бюрократы воровской брежневской эпохи. Ельцин ушёл. Но его эпоха осталась жить в нас. И она в нас такова, какими были в ту пору мы сами. Твой образ Ельцина это твой выбор в эпоху Ельцина».

-----21 апреля 2017 г.
 Прошла весна — зима настала,
 спасибо партии меча,
 щита и дерзкого забрала:
 забрали всё,
 в глазах моча,
 во рту — бесстыжее орало.

И 20 апреля ходила в шубе. Кто не знает ставшим народным в советское время двустигшие Юрия Влодова — «прошла весна, настало лето, спасибо партии за это».

Про Чечню пару замечаний. Письмо, которые мы (Ассоциация «Свободное слово») написали, вызвало, как и все предыдущие письма о том же — о недопустимости угроз — отрицательную реакцию в Чечне. Хотя речь идет вовсе не о том, соответствует ли истине расследование Новой газеты (этого мы не знаем и, предполагаю, в юридическом смысле подтвердить или опровергнуть это будет невозможно).

Речь идет о тревоге в связи с угрозами, поскольку есть опыт приведения их в действие. Кроме поименованных в тексте громких поли-

тических убийств, вспомню еще Пола Хлебникова (гл. ред. «Форбса»), с которым однажды, в гостях, спорила весь вечер: он меня уверял, что Россия теперь совсем другая, свободная и безопасная, но вскоре его убили.

Еще у меня личное: мои прадед и прабабка Щербины родом из Грозного, из терских казаков. Туда же приехал работать другой мой прадед, военный инженер, строил там шахту, был сильно ранен. А его жена, прабабка, в девичестве Ермолова — из семьи, к которой принадлежал и «покоритель Кавказа». (Может, и поэтому, я прочла несколько книг и множество статей о Чечне, сама не была никогда). Покорять нужно было для того, чтоб между Российской Империей, Грузией и Азербайджаном, к ней присоединившимся, была подконтрольная власти территория. А в конце 19 века в Чечне начали добывать нефть.

Проблема Чечни была с самого начала, когда Екатерина Вторая построила крепость Грозную. Имперские войска подавляли чеченские восстания, войска Ермолова просто уничтожили чеченские аулы и хутора. Потом сталинская депортация 23 февраля. Потом Хрущев разогнал митинг в Грозном и арестовал участников. Потом две страшные войны, уже на нашей памяти. Вторая закончилась тем, что Чечня стала «государством в государстве». Ведь что бы ни написала Новая газета про любой другой регион России, никому бы в этих регионах не пришло в голову говорить о «возмездии без срока давности» и об «оскорблении народа и его традиций» Ивановской области, например, или Башкортостана.

Поразительно, что в 2015 г. Путин присвоил Грозному звание «Город воинской славы России», а таким городам положен праздничный салют 23 февраля. Поразительно и то, что Политковская, Эстемирова, Немцов были всегда «за чеченцев» (Немцов выступал против войны), но именно их и убили. Ну и понятно, что ситуация на сегодняшний день такая, какая есть. Если власть в России когда-нибудь сменилась, первый вопрос, который ей придется решать — этот.

15 апреля 2017 г. Сегодня умер классик советской и российской фотографии (1938-2017) Виктор Ахломов, наш друг.

Ему очень нравилось одно мое стихотворение, он его постоянно цитировал, поставлю здесь:

МАРТ В ЛОНДОНЕ

Люкс Пикадилли переходит
в бедовость Сохо. Что тут важно –
я вмерзла в трещину в погоде
и лишь по улице бумажной
могу идти.
Китайский чай,
в просроченном имперском блеске,
согрел. В мобильнике свеча
путь освещает sms'ке
тебе, за тридевять земель,
туда, где вечная мерзлотность,
где раз за жизнь придет капель
и зацветет аптечный лотос –
ромашка: любят, поцелуют,
к черту не пошлют. В запарке
страну холодную и злую
скрестят с лужком в английском парке.
Неутешителен продукт
мичуринский: метель, пороша –
март в Лондоне. Москва как пункт,
когда-то населенный, брошен.
Все улетели в островной
и мягкий, как казалось, климат,
а тут, на грех, системный сбой
от Мекки до Иерусалима.

март 2004

China Town--Golders Green--train London
Victoria-Brighton--Gatwick express--flyLondon-
Newcastle

Самарцы молодцы! Международные поэтические чтения по скайпу.

«Вкус времени: поэзия в поддержку прямоговорящих» — это литературный вечер, поэтический вечер в контексте времени,

в контексте тех процессов и событий, которые происходят в нашей стране и в нашем городе.

Политическое, социальное отражается и воплощается в поэзии не линейно. Это происходит органически, опосредованно и непосредственно одновременно. Но сегодня должен быть и немедленный гуманитарный и гражданский отклик, прямоговорение и прямая поддержка. Сейчас мы не можем находиться вне контекста окончательного формирования в России неорепрессивного, архаического, агрессивного и антиевропейского государства. Поэтому мы читаем стихи в контексте происходящего. Поэтому мы организуем сбор пожертвований для поддержки оштрафованных и арестованных за выражение своей гражданской позиции, собирая средства на литературной акции и после неё. Надеюсь, что это — только начало череды «контекстных акций». И в других городах другие поэты, художники, музыканты, учёные, архитекторы, филологи, артисты тоже будут осознать, в каком контексте они живут и работают, и поддерживать тех, кто хотя бы пытается отодвинуть нас и нашу страну от пропасти реакции и тоталитаризма».

----- 9 апреля 2017 г.

Думаю о коптах. Может, приютила бы их какая-нибудь христианская страна? Сегодня в Египте представители террористической национальности взорвали две церкви во время службы, убив больше сорока коптов, сотни раненых. Коптов, потомков египтян (остальные — потомки арабов, завоевавших Египет), осталось очень мало. Помню, как после прошлой атаки Россия отказала им в убежище, было очень стыдно. Они есть в Израиле, общалась там с ними. Очень им сочувствую.

----- 8 апреля 2017 г.

Думаю о странных свойствах психики. Сегодня была уборщица, смотрит телевизор, чтоб не скучно было, я захожу в комнату, вижу на экране Сталина, слышу какие-то восторженные слова в его адрес, уборщица объясняет:

рассказывают, как Сталин поднял экономику. У всех вот безработица, всякая бытовая техника запрограммирована на короткий срок работы, а Сталин делал все на века, и работа у всех была. — И часто, — спрашиваю — по телевизору Сталина рекламируют (это был РЕН-ТВ)? — Часто, — говорит, вот и при Чаушеску в Румынии тоже порядок был.

Так вот психика: Сталина обожали (обожание диктаторы организуют себе для того, чтобы стать и быть бессменно полновластными хозяевами страны и народа), а он обожателей убивал миллионами, и безутешные родственники все равно обожали (не все, понятно, но большинство).

А вчера Трамп унижил Путина так, как никто и никогда его не унижал.<...>Думали, первая встреча Трампа будет как раз с Путиным. Нет, не первая и не вторая ... Так длилось больше двух месяцев, а вчера — раз — и томагавки в Сирию. И даже после этого я прочла у пары политтехнологов, что это отвлекающий маневр, ничего не значащий, просто старые ракеты утилизировать, а так-то они с Путиным обо всем договорились.

Вспомнила, как Путин опаздывал на встречи с главами государств на час и на два, и все ждали. Означать это должно было, что он председатель земного шара, остальные — ждуны. А теперь вообще никто не хочет встречаться, ну почти. <...>Так вот есть какой-то принципиальный изъян психики в том, чтоб видеть светлое будущее там, где его нет, и отворачиваться от дороги, в него ведущей.

----- 8 апреля 2017 г.

Что ни день, вспоминается строчка ИБ «Только с горем я чувствую солидарность».

Сегодня умер поэт, одно стихотворение которого знают все «Над небом голубым есть город золотой» — Анри Волохонский. RIP.

А два дня назад — писатель и журналист Александр Гаррос, совсем молодой.

Полоса погибели.

Вчера теракт-наезд в Стокгольме, до этого взрыв метро в Питере. Удивительно то, что исполнители обоих терактов — узбеки. Это впер-

вые, по-моему. И, кажется, ни там, ни там «запрещенная в России организация» не взяла на себя ответственность.

Не хочу о них думать,
о чекистах-атеистах,
православных чекистах,
чекистах-подрывниках,
узурпаторах, рейдерах, палачах,
тактиках и стратегах,
чекистах-злых-следователях и добрых,
чекинящихся перебежчиках,
чекистах, готовых на всё,
причитая: скорблю, скорблю),
не хочу о них думать, но
они ж только с виду тайные,
а вокруг Чекизон, за ним Чекизона,
и «по делам их узнаете их».
апрель 2017

Посмотрела два фильма на ежегодном однедневном фестивале Юрия Гладильщикова: «Джульетта» П.Альмодовара и ЛаЛаЛенд (другие фильмы программы видели раньше).

«Джульетта» поразила. Замах там онтологический, а это почти всегда провал (и фильм-таки «ругали»). Событийный ряд — не просто обычный Альмодоваровский, а концентрат всех его ком и погибелей, т.е. со всеми персонажами происходит все худшее, что может случиться. Но истинный сюжет происходит на другом уровне, при помощи пяти цветов: синий-голубой — цвет моря и жизни: путешествия в неизвестное, неожиданное, настоящее.

Еще есть белый (цвет благополучия и спокойствия с эпитетом «слишком»), в который прокрадывается черный — цвет траура, смерти. Последний — зеленый, его мало, он — «равнодушная природа», живущая своей жизнью, человеческое для нее такой же фон, как и она для человеческого.<...>Греческие мифы о родовом проклятии (здесь — проклятие «красного», земли, страстей) соединены с библейским началом времен (но тут не только «первородный», Лилит тоже в основании «греха»). И все это пе-

редано игрой цветов. У Альмодовара цвет всегда играет важную роль, но тут он сделал цвета эссенциями, стихиями человеческой жизни. Сам режиссер сказал, что этот фильм надо смотреть дважды. Да, с первого раза, наверное, не все заметишь, не сложишь внутри себя полную картину.<...>Заодно и о «Патерсоне» Джармуша, который мы видели раньше, но он был в программе фестиваля. Фильм, в отличие от «Джульетты» (где и имена: она — Джульетта, Хульетта по-испански, а он — дон Жуан, Хуан, тоже скрещение двух мифов) — ясный, выстроенный прямо-таки по линейке, по миллиметру. О том, что смысл жизни — творчество, и больше никаких смыслов в ней нет. Творчество может быть самым несносным, бессмысленным: водитель автобуса, пишущий стихи и его жена, раскрашивающая в доме все идиотскими полосками, покупающая на все их с трудом накопленные копейки гитару, пекущая несъедобный, но «креативный» пирог... Неважно, гениально это или бездарно, это главное выражение человека, и он должен ему следовать. Остальное — вождение автобуса каждый день по одному и тому же маршруту, одни и те же любовные драмы или, наоборот, воркование голубков, один и тот же бар — аранжировка, суть — в поэзии.

Дребеденьчатый век.
Перезагруженный киллер,
пранкер Вован,
всё камбэк да камбэк,
изнеженный камарильей.
Ненужный дурак-человек
с богом на шее,
на поводке, на цепи,
последняя жертва
протухшего энэлпи,
весь как микст диджея,
превращается в мегалит.
Победитовое сверло
всё сверлит и сверлит.
март 2017

Насчет тинейджеров на улице 26 марта. Послуживший поводом (не причиной) «Превед, Медвед» ведь и сам такой. Папа дарил игрушки. Дорогие. Так папа богатый. Но есть и дороже. Я бы вот с удовольствием почитала про игрушки Игорьиваныча (не яхту — это мелочь и личное. По сравнению с нищеводом Ф.Фийоном и подаренными ему костюмами — сила, конечно, но у РФ другие масштабы, чем у ФР).

А про причину согласна с Игорем Клямкиным: «омоложение протеста произошло не вчера, а много раньше, но до того это мало кто замечал. А главной мотивацией называют моральное отторжение порядка, при котором люди, учащие жить, живут не так, как учат тех, кого учат. Учат не лгать и не воровать, а сами лгут и воруют. То есть, старшеклассники и студенты стали задаваться теми же вопросами, которыми задавались старшеклассники и студенты в последние десятилетия советской власти: почему все иначе, чем говорят, и во что зовут верить? И если это так, то это значит, что постсоветская действительность стала коробить этические чувства поколения, которое в ней выросло, иной не зная, как коробила она молодежь позднесоветскую. Вот в чем было бы полезно, на мой взгляд, поглубже разобраться, а не спорить о том, какие политические идеи этой средой, омассовленной современными средствами коммуникации, движут (скорее всего, нет еще уюных протестантов политических идей), и какие силы их в своих интересах хотят использовать».

Вспоминаю себя в 1984 году, когда атмосфера стухнула до невыносимости. Не отвинти чуть гайки Горбачев в 1985-м (а потому и взялся за гаечный ключ, не предвидя, что резьбу сорвет), гнилую трубу прорвало бы тем или иным образом, и молодежи на митингах конца 1980-х было до горизонта, как, впрочем, и людей всех возрастов. Ни за каким «санкционированием» в обком КПСС никто не ходил, обком обижался, конечно, поскольку был уверен, что «весь советский народ в едином порыве горячо одобряет и поддерживает...».

А вот что пишет писательница и журналист Елизавета Александрова-Зорина: «Ребята (несовершеннолетние) из моего автозака рас-

сказывают, что их с родителями таскают по прокуратурам и комиссиям по делам несовершеннолетних. Грозятся поставить на учёт, запугивают, что это «повлияет на всю дальнейшую жизнь» и помешает поступлению в ВУЗ. Сотрудники комиссии по делам несовершеннолетних ходят по школам, берут характеристики на школьников-участников, беседуют с учителями и одноклассниками.

16-летняя Настя сегодня не пошла в школу, потому что её по повестке вызвали в суд в качестве свидетеля (кто-то на митинге пострадал, завели уголовное дело, а Настя почему-то оказалось «свидетелем»). Видимо, это такой элемент давления-запугивания. Но она девочка смелая, не боится и не унывает».

Саму Елизавету тоже загребли, она описала весь процесс в МК (и фб ее можно почитать).

Обком не считал нужным (мы — хозяйва, а вы — чернь, в смысле великий народ) разговаривать, а однажды наступает момент, когда разговаривать уже не о чем.

«Меня не взяли» (флешмоб в ФБ) в ГИТИС. Дело в том, что все мои друзья были из ГИТИСа, с детства — театральная среда, родители театроведы, вот я и не представляла себе иного пути, как поступить на театроведческий. Мама сказала сразу: «через мой труп». Она хотела, чтоб я поступила на филфак МГУ, потому что так хотела моя покойная бабушка. Да и всем очевидно, что мое предназначение — язык и литература, к тому же филфак — это образование, а ГИТИС — не образование вовсе.

А для меня МГУ — абстракция, я хочу к друзьям. Учитывая запрет, я начала готовиться загодя, за два года, со всей серьезностью. Прочитала все (!) пьесы из списка для первого экзамена-собеседования, посмотрела все спектакли, какие были, прочла пару десятков книг о театре, и вот мне 16 лет, я закончила школу и, войдя в жесточайший клинч с мамой, подала заявление на театроведческий. Мама предупреждает: она уже договорилась с профессоршей, ее приятельницей, которая набирает курс, чтоб меня не принимали. Но я непреклонна.

Прихожу на собеседование, сижу перед комиссией во главе с будущей руководителем курса, и мне задают вопросы. Надо учесть, что память у меня была отличная.

— Перескажите первую сцену пьесы туркменского драматурга... Пожалуйста. — А таджикского...? — Нет проблем. — А что сказала Зулейха Муртазе в третьем акте пьесы узбекского драматурга... (Имен тех драматургов уже, конечно, не помню, кроме Турсун-Заде). Прошлись по драматургам «национальных республик», перешли к соцстранам, потом к зарубежной классике, наконец, к самым репертуарным авторам, писавшим идиотские комедии: Рацер и Константинов, Гиндин и Рябкин. И спектакли Малого театра — да, тоже могу пересказать.

Мучили два часа. Искали, на чем завалить. Уже одурели от июльской жары и духоты, профессор велела мне удалиться.

Жду результатов, будучи уверена, что получу пятерку, вывешивают список — двойка. Не проходной балл, дальнейшие экзамены не имеют смысла.

В слезах прихожу домой, мама говорит, что предупреждала, а на собеседовании меня срезали, чтоб долго не мучить и чтоб я успела подать документы в МГУ. Ради нее, мамы, и ради памяти бабушки. Просто сдать экзамены, а если ГИТИС мне так уж дался, то через год, так и быть, мама разрешит мне туда поступить.

Сдаю экзамены на ром-герм филфака, куда я вообще не готовилась — а что там готовится? Французский язык и так, после спецшколы, русский и литература — тоже, по истории всегда были пятерки, а главное — я не волнуюсь, поскольку мне наплевать на этот самый МГУ, я чисто для мамы.

Поступаю. Мама говорит: ты немножко походи туда, не понравится — уйдешь. Я начала ходить и влюбилась. В Азу Алибековну Тахо-Годи, которая преподавала античность, в латынь, которую вела Валентина Петровна Завьялова, в Георгия Константиновича Косикова, который стал моим учителем на все пять лет. И еще, и еще.

Так что о ГИТИСе я больше не помышляла, но травма осталась надолго. Заключалась она в том, что если ты лег костями и разбился

в лепешку, но тот, от кого это зависит, против, то ничего не поможет. И в дальнейшем я усвоила легкомысленное отношение к любым институтам.

-----19 марта 2017 г.

Потрясена нынешним состоянием правоохранительной системы Франции. Сегодняшний инцидент в Орли показал, что она вообще лишняя, достаточно армии и полиции. Поскольку это не «вдруг кто-то» пришел с оружием и взрывчаткой, а хорошо известный тип 39 лет, который накануне стрелял полицейскому в голову, ночью сделал четыре выстрела в баре, а с утра направился в аэропорт. Схватил военную, держал в качестве щита, пытался отобрать оружие, но подоспевшие другие военные его убили. А был он торговцем наркотиками, сидел, выпустили, несколько вооруженных ограблений за ним, потому был «на заметке». И вот с криком «Я здесь, чтоб умереть за Аллаха» этот товарищ хотел устроить теракт в аэропорту, и если б не военные, которые оказались на его пути потому, что отметили, что вон тот тип что-то слишком быстро двигается, то было бы худо.

Я уж не говорю об убийствах каждый день, но это не угадаешь, это просто в воздухе что-то разлито. Это просто крик души, картина Мунка. И еще есть: Эрдоган, который меня бесит. Больше всех, пожалуй, в последнее время. И вот у нас директора Роскосмоса убили сегодня в тюремной камере. Но про у нас и так все пишут, только никто не слышит. Антикоррупционный марш запретили — «Голлум, моя прелесть», как это можно против святынь и твердынь!

Если вору удастся украсть что-нибудь крупное, он испытывает гордость не только за себя, но и за страну.

17 марта 2017г. умер американский поэт, лауреат Нобелевской премии, Дерек Уолкотт. Однажды он перевел (с помощью Бродского) одно мое стихотворение. RIP.

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10203019672649223&set=a.1076979301176.10126.1727067066&type=3&theater> (фото)

Ежедневные события сегодняшней РФ выстраивают два лексических ряда: один — военный, в другом — гражданском — обыски, аресты, пытки, тюрьмы, колонии и т.д. Сегодня пришли с обыском к Александру Гаврилову (литературный критик, сооснователь книжной ярмарки Нон-фикшн и многих других книжных проектов), забрали мобильник и ноутбук. Шмон (слово, выпавшее было из языка) длился пять часов. Его запись в фб об этом я перечитала трижды — не могла поверить. Каждый день приходится верить в невероятное.

----- 8 марта 2017 г.

Тюльпаны — весна. А спецдень для женщин был, как я только что прочла, и в Древнем Риме, только 1 марта. И только для замужних, которым дарили цветы и подарки, и рабынь, которых отпускали денек отдохнуть. Все как сейчас.

----- 5 марта 2017 г.

Нашему поколению повезло. Мы родились после смерти кровососущего монстра, на алтарь которого было принесено рекордное количество человеческих жертв.

Мы родились через десять лет после окончания войны, когда страна задышала. Государство оставалось тем же, но энергия освобождения из рабства уже заполнила все пространство.

В годы инквизиции, 1937–1940 гг., родились гении и яркие, как тропические птицы, таланты, детьми они пережили войну, в короткий промежуток «оттепели» им было 17–20 лет, и они «травой проросли», хотя асфальтовый каток работал. Работал вяло, поскольку у Хрущева не было другого козыря, как отречься от человеческой мясорубки («культ личности»). Приходилось ограничиваться «кузькиной матерью», точечными посадками, ссылками, в общем, сдерживаться.

Эпоха власти швондеров была относительно вегетарианской, возможно, потому, что они слегка робели перед «шибко образованными». И космос грел. И исторический процесс шептал, что завоевывать мир надо тихо — крах Гитлера еще был наглядным примером, как действовать не следует.

Поколение наших родителей (родившееся в конце 1920-х гг., в основном) было окаменевшим, спрессованным репрессиями. Но было немало и тех, кого называли «человек-кремень» — которого «живым не возьмешь», «за здорово-живешь не купишь».

Мое поколение — не столь закаленное, как предвоенное, но уже не уступавшее своих прав на частную жизнь и одержимое жаждой знаний. Оно нашло слуховое окно и глазок в «закордонный», «забугорный» мир. Можно было подслушать и подсмотреть, каким он был сегодня, вчера и позавчера, с тех пор, как нас от него отрезали. «Совок» — презрительный термин нашего постмодернистского поколения.

Сейчас мы живем в мире кафкианском, абсурдистском, апокалиптическом, и идей, как исправить это положение, нет. Поскольку все они, вроде бы, уже испробованы. И все протухли. Как протухли политики и политика как таковая. Источающие неприятные запахи «качки» качают права, остальные ждут неизбежного, сопротивляясь тревожному будущему каждый по своему разумению.

Дыхание Чейн-Стокса разлито в воздухе. По глиняным ногам колоссов пошли трещины. Ловкие руки наперсточников поразил артроз. Реставрационные работы ведутся, но не мастерами, а подсобными рабочими. В 2017 году исторические даты, даже не юбилейные, звучат как набат колокола.

Следующие после моего поколения от истории открепилась. 30-40-летние хотят просто жить — выживать, поживать, отвоевывать свое место под солнцем. От более молодых, родившихся в цифровом мире, ждут новую «дорожную карту», без нее проект цивилизации закроется.

Если меня спросить, знаю ли я людей, которых могла бы назвать святыми, то номером один назвала бы Зою Светову. Сегодня у нее прошел десятичасовой обыск.

----- 28 февраля 2017 г.

В этот день, в этот час, два года назад.

Ищут «заказчика». А нет никакого заказчика. Просто Немцов был врагом, и казалось, что если врага казнить (передать по короткой цепочке, что «по законам военного времени...»), то и победа не за горами. А «позывными» Немцова были «Россия станет свободной». За эти два года Немцова не только не забыли, наоборот, он превращается в мифологического героя, и мифология — то, что остается, когда никому уже не интересны бытовые подробности прошлого — на его стороне.

Была в Афинах лет десять назад — город не узнать. Все стены размалеваны, разруха-помойка завоевывает пространство, многие центральные районы Афин превратились в условный Пакистан-Алжир, это мигранты, у которых нет работы, дел, денег, языка, и они слоняются по городу, сидят группами на тротуарах и площадях. Работающих тоже немало, разрастаются чайна-тауны, почему-то без традиционного китайского колорита (фонарики, будды, декорации в виде пагод) — просто магазины одежды и обуви, похожие на склады. Встретили пару магазинов российских продуктов. Вывески на разных языках, как правило, не дублируются по-гречески. Островки уютного европейского пространства остались, но это островки.

----- 12 февраля 2017 г.

Исаакий отстоять, конечно, не удастся. Как не удавалось ничего отстоять у КПСС. Сопротивление сегодня — вовсе не для того, чтобы повлиять-изменить, а ради самого факта сопротивления, чтоб показать, что не всюду еще раскатын газон старой доброй плесени, ко-

торый изредка скатывают ненадолго в рулон и ставят в просторную кладовую. И тогда все как будто новое-чистое-светлое, проклятое прошлое позади, можно пополнить оскудевшую казну, перераспределить матценности, а там уж обратно раскатывать волшебный рулон.

Обращает на себя внимание, что между высказыванием одного депутата ГД, П. Толстого («люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто рушил наши храмы, выскочив там... из-за черты оседлости..., работая... на радиостанциях, в законодательных собраниях, — продолжают дело своих дедушек и прадедушек») и другого, В. Милонова, сегодня: «Христиане выжили, несмотря на то, что предки Бориса Лазаревича Вишневого и Максима Львовича Резника (депутаты ЗакСа Петербурга — Прим.) варили нас в котлах и отдавали на растерзание зверям» — прошло совсем немного времени.

Вот что Исаакий животворящий делает.

Не пострижешься — вид бомжовский,
стрижешься — вид придурковатый,
и так во всем, то слишком жестки,
то больно мягки: стекловата
(стекло и вата), дом родимый.
То влево валится, то вправо,
на курьих ножках, петушиный,
живут в нем лишь позор и слава.
Прекрасное — посередине,
когда Уже Еще встречает,
но и они как в паутине,
а не в золотой своей середине,
без реверансов кофе-чая,
одни проклятые вопросы:
не слишком ли мы с ними мягки,
не больно ль жестки?
И как ни постриги, придурки и забияки.
январь 2017

В каждую эпоху у народов и отдельных континентов на поверхность всплывало какое-нибудь одно свойство, одна тема. Как бы эксперимент программистов: а давайте прикрутим им разум (в Средние века в Европе, например), а теперь наоборот, пусть их одолеет жажда по-

знания, пусть займутся классификацией (18 век), в 19-м все озаботились темой «человек и общество», и осевым понятием стала честь, в 20-м нагрузка оказалась самой большой: и чтоб темные массы вышли на свет стройными рядами, и чтоб все со всеми познакомились, глобализировались, так сказать, и чтоб машины научились строить и испытывать друг на друге. Теперь жизнь планомерно оцифровывается, а самих людей, биологических прототипов электронной ноосферы, задвинули. И направляющей силой у прототипов стала глупость. В разных местах по-разному выражаемая, но везде она.

-----31 декабря 2016 г.

С Новым годом, друзья! Итальянцы — рожденные дизайнеры, потому и елки в маленьком лигурийском городке придумывают сами, хотя хвойные природные тоже стоят наряженные. Вместо оливье у нас будет вальдорфский салат, на десерт сыры, шампанское само собой, и местное вино. Топится печка, выходишь на террасу, и над головой россыпь звезд. В горах они совсем близко. Давайте пожелания на следующий год просто задумаем и не будем произносить вслух. Не только чтоб не взглянуть — слишком засорился язык в уходящем году, словесные лавины, сели, оползни стали смывать жизни и смыслы. Пусть будет плюс, а не минус.

-----25 декабря 2016 г.

Заканчивается и все никак не закончится трагический год. Третий подряд. Я вспоминаю декабрь 2013-го, когда был еще порох в пороховницах (и порох был еще в пороховницах), как мы собирали деньги для фонда доктора Лизы, это устроил тогда журнал «Сноб», я читала стихи, известные артисты пожертвовали свои драгоценности, которые сидевшие тут богатые люди покупали. А задолго до этого Тофик Шахвердиев сделал фильм «Мой друг доктор Лиза», и один эпизод снимал у меня дома. Привел Лизу, чтоб мы с ней поспорили. Она тогда зани-

малась только бомжами, лечила и кормила их, а спор был традиционный: дать удочку или рыбу. Она была за рыбу, просто потому, что удочек нет, или их не хотят брать, а людей все равно надо стараться спасти, не вообще, а сейчас, когда они погибают.

Я думаю, что это был теракт. Доктор Лиза везла много медикаментов, возможно, что-то подложили в какую-нибудь банку-склянку. Не знаю. Знаю, что убили доктора, артистов и журналистов, 92 человека. Это трагедия.

Чуть больше года назад был взорван самолет с российскими туристами над Синаем. Теракты во Франции, Германии, Испании, Великобритании, США, где только нет. Никаких оправданий им быть не может. Гибнут мирные люди, которые никому не причинили зла. А многие из них делали много добра другим.

-----25 декабря 2016 г.

Тьма всегда сгущается перед новым осветительным сезоном, к которому разумно приурочено и Рождество, но есть такая тьма, свалившаяся до состояния твердого тела, что она будет перекачываться по полю, подвластная лишь механическому воздействию.

Поскольку болею, через паузу обнаружила в фб клубки свалившегося человеческого материала. Раша Тудей назвала Александра Баунова (!) нацистом (!). Алексей Навальный объявил себя кандидатом в президенты, после чего люди, сидящие в фб и мечтающие, чтоб провидение избавило их от путинской бесконечности, стали яростно писать о том, что нет, никогда, только не это, никакого Навального. Как будто завтра им предстоит опустить в урну бюллетень с именем будущего президента, а в нем одно имя — Навальный. В то время как объявить себя кандидатом может любой, и это ничего не значит.<...>

СТАРИК И ДЕРЕВО

Старик и дерево, похожие существа.

Старик врос корнями в прошлое,

земля — это прошлое, небо — будущее.

Старик не может ходить, и все интересное кончилось.

Деревенеет, не гнется, тело,
голова распалась на ветки, раскинувшиеся
в никуда,
не соберешь их в крону, подрагивают на ветру,
а потом тишина, только сядет синица, чаще ворона,
и воробьи суетятся, противно чирикают.

Старику не нравятся эти ваши новые времена,
дети, как попугаи — ярко одеты и повторяют слова,
вырастают и прыгают по земле, что перекаати-поле.

В небе мельтешат птицы, оторванные от почвы,
щебечут на непонятном дереву языке,
хлопают крыльями, и надо следить,
чтоб никто не задел последний зеленый листик.

Ноябрь 2016 г.

«Эта зима — вся в глухом, беспорядочном... даже не волнении, а возбуждении каком-то. Сплетаются, расплетаются интеллигентские кружки, борьба и споры, разделяются

друзья, сходятся враги... Цензура свирепствует. У нас частые сборища разных «групп», и кончается это все-таки расколом между «приемлющими» войну и «до победы» (с лозунгом «все для войны») и «неприемлющими», которые, однако, очень разнообразны и часто лишь в одном этом пункте и сходятся, так что действовать вместе абсолютно неспособны. Москвичи осатанели от православного патриотизма. О, Москва, где то восстание — то погром, то декадентство — то ура-патриотизм, — и всё это даже вместе. У нас цензура сейчас — хуже николаевской раз в пять. Не «военная» — общая. Напечатанное месяц тому назад перепечатать уже нельзя. Рассказы из детской жизни цензурирует генерал Дракке...».

Зинаида Гиппиус, 1915 г.

Подумала, что фотопортреты должны быть абстрагированы от личности портретируемого. Не должно быть видно настроений, болезней, личность и душа должны быть за кадром. Потому публикуются портреты гляцевые и гламурные. Я поняла Пелевина, который соглашался сниматься только в темных очках. Нельзя выставлять на всеобщее обозрение «интимное». <...>

Ноябрь 2016

© Текст: Татьяна Щербина

ХРОНИКА

ПОЯС И ПУТЬ

© Фото: В. Ярошенко

25 сентября 2017 года в Бишкеке (Кыргызская Республика) прошли Гайдаровские чтения по теме: «Взаимодействие Евразийского экономического союза и инициативы “Один пояс — один путь”*».

Сергей Приходько рассказал об институте, основанном Егором Тимуровичем в 1990 году институте, которым Гайдар руководил бессменно до конца 2009-го. Институт и Фонд Егора Гайдара регулярно проводят «Гайдаровские чтения» в разных городах России, а в последнее время они уже проходили в Казахстане, Армении, Азербайджане, а также в Финляндии. Нынешние «Гайдаровские чтения» были проведены в 23-й раз.

Егор Гайдар много раз бывал в Китае, живо интересовался ходом китайских реформ и динамикой развития этой великой страны. Совместное заседание киргизских, российских и ки-

тайских экспертов, высокопоставленных чиновников и деловых людей было интересным и поучительным.

«Чтения» открыл **Дзоомат Оторбаев**, бывший премьер-министр Киргизии. Он высоко оценил деятельность Егора Гайдара, рассказал о встречах с ним, напомнил, что Гайдар был консультантом правительства Киргизии. После того, как было зачитано приветствие от премьера Кыргызстана, чтения приветствовал молодой заместитель министра экономики **Алмаз Сазваков**.

Торгпред РФ **Валерий Латыпов** рассказал об экономическом сотрудничестве наших стран. Рост товарооборота, возникают новые финансовые инструменты. Российско-киргизский фонд развития уже выдал 240 млн в поддержку развития экономики. Уставной фонд предполагается увеличить до 1 млрд. долларов.

Большой интерес вызвал доклад **Алексея Ведева** (Директор центра структурных исследований РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Института Гайдара; еще недавно — заместитель министра экономического развития) «*Перспективы достижения устойчивого роста экономики РФ*». По мнению Ведева, сценарий развития предполагает избрать такую модель экономического роста, которая будет основана на расширении либо потребления, либо инвестиций. В целом экономика в 2015-2016 годах адаптировалась от новых условий внешней торговли и валютного курса. В 2014 году российская экономика испытала тройной шок — от падения цены на нефть и, соответственно, курса рубля (со 100 долларов до 40-50 доллара за баррель); к этому добавились экономические санкции, вызванные политическими причинами; немалое значение имели для экономики и ответные кон-

- * Организаторы: Институт Гайдара; Фонд Егора Гайдара; Министерство экономики Кыргызской Республики; Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики. В конференции участвовала группа экспертов Института Егора Гайдара, РАНХиГС (Сергей Приходько, Сергей Дробышевский, Алексей Ведев, Александр Кнобель, Галина Баландина, Елена Мозговая. Фонд Егора Гайдара представлял Виктор Ярошенко). В Гайдаровских чтениях впервые приняла участие делегация китайских экономистов и предпринимателей, которые изучали перспективы прямых инвестиционных проектов в Кыргызстане.

транскции. Инфляцию удалось победить; сейчас же мы сталкиваемся с угрозой дефляции и проблемой стимулирования деловой активности. Ситуация на рынке труда представляет большую и долговременную проблему, вносит отрицательный вклад в рост ВВП: продолжается рост издержек, а производительность труда не растет. Оплата же труда составляет к 50 % ВВП. То есть зарплата растет гораздо быстрее, чем производительность труда. Население потребляет за счет кредитов и влезает в долги. Складывается сберегательная модель поведения: люди не уверены в будущих доходах. Стране предстоит сделать выбор экономической политики: вернуться ли к модели роста на расширение внутреннего спроса или к инвестиционно-ориентированной модели, когда мы расширяем инвестиции в основной капитал, сдерживая текущее потребление.

Сергей Дробышевский (директор по научной работе Института Гайдара) выступил с докладом «*«Новая нормальность» в мировой экономике и ее влияние на развитие ЕАЭС*». Прошло 10 лет с начала глобального кризиса, который зародился в США еще в 2007 году, и с тех пор нарастают проблемы в мировой экономике, развитие которой замедлилось. Структура мировой экономики за последние 10 лет несколько видоизменилась: доля стран ЕС и США в мировом ВВП стала снижаться. Так, с 2007-го по 2016 год доля стран ЕС в мировом ВВП (в текущих долларах США) уменьшилась с 30,8%

до 21,7%; доля США также снизилась, но не столь значительно — с 25,1 до 23,9%. При этом существенно увеличилась доля Китая — с 6,2% до 14,9%. *«Новая нормальность»* — ситуация загадочная; для развитых экономик темпы замедлились; но на одного занятого в экономике заметно, что изменений не произошло. Становление Евразийского союза происходит при неблагоприятных мировых экономических условиях. Возможности, которые он может дать своим членам, в условиях глобального кризиса очень трудно реализовать. В результате доля стран ЕАЭС в мировом ВВП уменьшилась с 2,5% (в 2007 г.) до 2% (в 2016-м) — из-за снижения доли России и Казахстана и крайне медленных темпов роста.

Директор Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития РФ, заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара **Александр Кнобель** выступил с докладом *«Евразийская интеграция как источник экономического развития»*. Из доклада вытекает, что страны ЕАЭС выигрывают от интеграции в разной степени. Дальнейшее снижение барьеров в торговле внутри ЕАЭС приведет к существенным выигрышам для государств-членов — в первую очередь для малых стран. При этом, несмотря на различия, очевиден общий интерес к развитию интеграции как внутри ЕАЭС, так и с партнерами из числа стран дальнего зарубежья. Из-за неравномерного распределения инте-

граций и от снижения внутренних барьеров больше всего выигрывают Армения, Беларусь, Кыргызстан, тогда как Россия и Казахстан заинтересованы в этом в меньшей степени. Вместе с тем, Россия и Казахстан больше выигрывают из-за неравномерного распределения выгоды от интеграции с третьими странами (прежде всего с Китаем и странами АТР, в меньшей, но все же в значительной степени — с ЕС); заинтересованность же Армении, Беларуси, Кыргызстана, вследствие структуры экспорта и ориентированности на российский рынок, гораздо меньше.

«ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

Профессор Пекинского университета, директор института развивающихся рынков **Ху Биянг** подробно рассказал о грандиозном проекте «Один пояс — один путь» (кит. — 帶一路).

КОНТЕКСТ

Идея формирования «Экономического пояса Шелкового пути» была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином и впервые прозвучала в его выступлении в Астане в рамках государственного визита в Казахстан в сентябре 2013 года. 15 мая 2017 года в Пекине завершился первый международный экономический форум «Один пояс — один путь». Это событие собрало в столице Китая представителей более ста стран. Вот ключевые моменты речи председателя КНР, прозвучавшей на открытии форума: Си Цзиньпин начал свое высту-

пление с обращения к истории. В основе концепции проекта «Один пояс — один путь» лежат принципы, проверенные веками. С момента оглашения концепции «Один пояс — один путь» (далее «Пояс и путь») прошло почти четыре года. За это время более 100 государств международных организаций выразили поддержку данной программе и стали принимать участие в строительстве «Пояса и пути». Си Цзиньпин представил результаты проделанной работы в пяти основных сферах сотрудничества, так называемых «пяти связующих элементах»: *политическая координация, взаимосвязь инфраструктур,*

с членами АСЕАН, Турцией (сопряжение с проектом «Центральный коридор»), Монголией (программа «Путь развития»), Вьетнам (проект «Два коридора, Один круг»), Великобритания (стратегия «Northern Powerhouse»), Польша (план «Янтарный путь») и так далее. Также идет работа по согласованию политик с Лаосом, Камбоджой, Мьянмой и Венгрией. Китай подписал договор о сотрудничестве с более чем 40 странами и международными организациями, а также с более чем тридцатью странами усиливается сотрудничество в сфере производственных мощностей. За четыре года удалось ускорить продвижение таких инфра-

тай–Монголия–Россия, а также Новый евразийский континентальный мост и целая инфраструктурная сеть из дорог, портов и трубопроводов.

С 2014 по 2016 год объем торговли Китая со странами «вдоль пути» превысил 3 триллиона долларов; инвестиции же Китая в страны «вдоль пути» превысили 50 миллиардов долларов. Китайские предприятия построили в более чем двадцати странах 56 зон экономического сотрудничества; в этих странах создано 180 тысяч рабочих мест.

В своей речи Си Цзиньпин постарался представить, каким ему видится «Пояс и путь». Во-первых, это путь мира. Другими словами, страны «вдоль пути» должны уважать суверенные права, территориальную целостность, путь развития, социальный строй и важнейшие интересы друг друга. Между странами должен быть диалог, а не противостояние; партнерские, а не союзнические отношения.

Во-вторых, это путь процветания. В-третьих, это путь открытости. Открытость способствует прогрессу; закрытость же, напротив, ведет к регрессу, к отсталости. Поэтому Китай намерен создать открытую платформу сотрудничества, защищать и развивать открытую мировую экономику, совместно создавать благоприятную для открытого развития среду. В-четвертых, это инновационный путь. Поэтому в процессе создания «Пояса и Пути» будут использоваться такие инновации

беспрепятственная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами.

В политической сфере уже удалось осуществить согласование с такими странами, как Россия (сопряжение с ЕАЭС), Казахстан (сопряжение с Казахстанской программой «Светлый путь»), а также

структурных проектов, как высокоскоростная железная дорога в Индонезии, железная дорога Китай–Лаос, железная дорога Аддис–Абеба (Эфиопия)–Джибути, железная дорога Будапешт(Венгрия)–Берг(Сербия). В настоящее время формируются экономические коридоры Китай–Пакистан, Ки-

25.09.2017 — Гайдаровские чтения в Бишкеке. Фото: В. Ярошенко

как цифровая экономика, искусственный интеллект, нанотехнологии, квантовые компьютеры и др. Будет реализовываться новая идея «зеленого» развития, и к 2030 году планируется достичь задачи всеобщего устойчивого развития.

В-пятых, это культурный путь. Между странами «вдоль пути» будет активно укрепляться межкультурный обмен.

«На основе пяти принципов мирного сосуществования развивать дружбу и сотрудничество со странами «вдоль пути», делиться со всем миром опытом развития, но ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела другой страны».

Китай увеличит финансовую поддержку строительства «Пояса и пути». В Фонд Шелкового пути будет внесено еще 100 миллиардов юаней. Будет поощряться проведение за рубежом операций в юанях. По предварительным расчетам, их объем будет равен примерно 300 миллиардам юаней. Государственный банк развития Китая и Импортно-экспортный банк Китая предоставили целевые кредиты в размере 250 и 130 миллиардов юаней соответственно для проектов в рамках «Пояса и пути».

Развивающимся странам «вдоль пути» будет предоставлена чрезвычайная продовольственная помощь на сумму 2 миллиарда юаней. В заключение Си Цзиньпин призвал все страны объединиться и вместе шаг за шагом двигаться к тем результатам, которые очастливят народы всего мира». Китайские СМИ отмечали: «Некоторые не верят в стратегиче-

ские мотивы Китая, утверждая, что эта инициатива является геополитическим инструментом для обеспечения своего господства в регионе и создания новой сферы влияния. Другие выступают против этой инициативы из-за того, что боятся потерять ведущие позиции в мировой финансовой системе. Тем не менее, западные скептики не смогли увидеть тот факт, что Китай выступает против менталитета «игры с нулевой суммой» и поддерживает «концепцию взаимного выигрыша».

Вот таков контекст нашей скромной конференции в Бишкеке.

* * *

Вернемся в Бишкек, где профессор **Ху Биянг** и его коллеги рассказывали о грандиозном мегапроекте «Один пояс — один путь», в котором и для Евразийского экономического союза и Кыргызстана, как соседа Китая, вырисовываются большие перспективы. Китай с интересом изучает российские транспортные проекты, в некоторых — например, в создании высокоскоростных магистралей — уже активно участвует. Профессор Ху Биянг подчеркнул, что их мегапроект — это долговременная многосторонняя стратегическая инициатива развития для всех его участников. Одно из важных направлений здесь — образование и наука. Китай охотно приглашает к себе студентов и ученых из стран «Шелкового пути», в том числе из Киргизии. Еще одно направление — организация международных конференций. По мнению проф. Ху Биянга

именно страны Центральной Азии имеют шанс выиграть больше всего от создания современного транспортного пути между Азией и Европой. Именно здесь будут создаваться современные транспортные хабы, аэропорты, логистические центры — с тем чтобы было удобно пользоваться географическими преимуществами кратчайшего пути. Европейские экономики тоже хотят иметь лучший доступ к Китаю, так что интерес тут перекрестный. У новых центральноазиатских стран появилась историческая возможность найти свое место в современном глобальном мире.

Пан Чинджон, профессор университета Цинхуа, одного из лучших в Китае, говорил об аспектах и проблемах китайского развития: «30 лет назад мы отмечали до десяти процентов ежегодного роста; сейчас рост несколько замедлился; меньше 7 процентов в год, но развитие Китая идет достаточно стабильно. Я могу назвать некоторые цифры. Уровень инвестиций в потребление вырос на 12 процентов в прошлом году. Идет оживление экономики после 3 лет определенной стагнации. Тому есть три причины. В Китае около 700 млн человек все еще живут в деревнях, в отдаленной местности, без современной инфраструктуры. Это огромный человеческий ресурс, но и сложнейшая проблема. Интенсивно идет переселение в города, растут пригороды, люди приобретают городские или около городские стандарты потребления, в результате чего потребление стремительно растет.

В городах новым людям очень много чего нужно; когда они переселяются в города, резко растет потребление, люди приобретают новые городские навыки и привычки. Однако и влияние на городскую среду переселенцев из сел тоже имеет место... Это явление будет иметь долговременное влияние, потому что процесс урбанизации Китая еще далеко не завершен. Экономика Китая, несомненно, будет расти. Правительство планирует активизировать предпринимательство и инновации. Сейчас в Китае переходный процесс от традиционных видов деятельности с низкой добавленной стоимостью на другие, стимулируется максимальное развитие новейшей индустрии, стремительно развиваются новые технологии; скоростные магистрали связали всю страну. Это знают те из вас, кто проезжал на поездах из Пекина в другие города на скорости 350 км/час. Еще 15 лет назад таких дорог и таких поездов не было, а теперь огромное число людей передвигается, пользуясь этой инфраструктурой, что способствует большой трудовой мобильности. Развиваются биотехнологии, интернет охватил страну, большинство людей уже платят уже через телефоны; электронные кошельки действуют повсюду: в кафе, на улице... Мы продолжаем работать над тем, как ускорить экономику и сделать стабильным развитие нашей огромной страны. У нас учатся около трех тысяч киргизских студентов, около тысячи получают стипендии от Китая. Учатся не только в ведущих городах —

Пекине и Шанхае, но и в Сиане, в Урумчи есть неплохие вузы...»

Д. Оторбаев:

«Со вступлением страны в Евразийский экономический союз киргизские граждане в России получили качественно иное отношение и единые трудовые права, это очень важно для нас. Около миллиона киргизских граждан работают в России, и гармонизация трудового законодательства принципиально важна для нас. Киргизская Республика занимает первое место в мире по объему доли денежных переводов мигрантов в ВПП, что составляет порядка 40 % ВВП. Они поддерживают экономику и в конкурентной среде быстро приобретают новые профессиональные навыки. Наши трудовые мигранты работают в сфере услуг, они востребованы в Москве и Московской области — в самом конкурентном поле. Ожидания еще более позитивны. Гармонизация процедур и регламентов в ЕАЭС поднимает качество нормативной правовой базы и улучшает инвестиционный климат. Многие рассматривают Кыргызстан как страну, благоприятную для инвестирования. Наше вхождение в единое интеллектуальное пространство в перспективе приведет к улучшению качества инвестиций и жизни людей. Поэтому так важно встречаться. ЕАЭС — огромный и самый привлекательный рынок».

В.Ярошенко (Главный редактор журнала «Вестник Европы», член правления Фонда Егора Гайдара):
«Современный экономический

рост, который зародился в начале XIX века и продолжается уже двести лет, — это своего рода аномалия. Мы с Егором Гайдаром когда-то беседовали на эту тему, и я спрашивал его: не думает ли он, что рост когда-нибудь закончится? Ведь предыдущие тысячелетия лет существования человечества этой непрерывной тенденции вовсе не было. Очень может быть, что в обозримом будущем численность населения стабилизируется; в силу демографических, экологических, медицинских, культурных и еще каких-то неведомых и непознанных причин. Сейчас же, в рамках ускоренной технической революции, глобализации и демографического разрыва, человечество переживает глубокий кризис идентификации, национальных культурных, религиозных, цивилизационных ценностей. Не случайно все невероятные достижения современных технологий не ускоряют глобального роста, а может быть, даже замедляют его. Говорится уже о ненужности людей на производстве и о проблеме, чем же их занять. Безлюдные заводы ближайшего будущего, самоуправляющийся транспорт... Китай еще не сплошь урбанизован, как и Индия, многие страны Восточной Азии и страны Африки. В мире растет разрыв в уровне потребления, энерговооруженности, качестве жизни, и вот этот перепад потенциалов, возможно, и определяет главную причину движения, развития, роста. Напряженность стремится к выравниванию потенциалов. Но в будущем, возможно, нам при-

дется столкнуться с неприменимостью оптимистической идеи непрерывного роста.

* * *

Профессор Ху Биян:

«Нам предстоит задача исторической важности — соединить Европу и Азию, это требование времени. Поэтому я считаю, что мегапроект «Один пояс — один путь» является поистине проектом мирового значения. От интеграции получают пользу и выгоду все, в том числе некогда сонные, отдаленные от мира страны Центральной Азии. Только теперь они географически оказались на стратегически важном месте, посередине между Азией и Европой. Для них это огромные возможности получить импульс развития. Предстоит решить сложнейшую задачу — институционально связать между собой очень разные регионы, с разными экономическими, политическими режимами, законодательствами, культурными, образовательными и бытовыми традициями. Китай идет на широчайшие реформы. Мы освоили, (и научились с ними работать) европейскую и американскую маркетинговую системы, институты, законы, банки, регламенты и стандарты. Когда-то Китай был похож на бывший Советский Союз: с 1950-го по 1980-е годы использовали советскую модель. Затем Китай стал меняться в другом направлении; появилась новая модель, которая может быть применена в Центральной Азии: как привносить новую модель, как из бывшего советского делать

новое общество, вносить изменения, и что-то оставлять старое, что-то заимствовать из европейской модели, что-то из китайской. Страны посередине получают пользу от этих инициатив. Если будет происходить интеграция, всем будет лучше. Следует учиться тому, как ко всеобщей пользе управлять трансграничными реками... У нас с Индией есть эти проблемы: наши реки часто текут через разные страны. И как же установить дружелюбное е совместное управление? Интеграция, а не доминирование позволит сотрудничать и получать пользу для всех. И уже многое мы сделали. Мы строим современную инфраструктуру. В Китае вкладываются огромные деньги в дороги, тоннели, мосты, морские порты и аэропорты. Соединяют прямыми рейсами все регионы. Все это помогает передвигаться товарам и людям, развивать экономику. Европейские страны и США впереди технологического прогресса; Китай следом. За последние десятилетия Китай сделал огромный скачок, это внушает оптимизм

в других странах: Китай смог, значит и они смогут преодолеть отсталость. Я учился и работал в США. Еще недавно огромное число людей там не пользовалось кредитными картами. Теперь мы в Китае оплачиваем все прямо через телефон. Мы просто перепрыгнули целый этап, пропустили эпоху кредитных карт, совершив скачок в развитии финансовых инструментов», — закончил профессор Ху Биянг.

* * *

Китай уже не первый год наращивает инвестиции и, соответственно, свое влияние в странах Центральной Азии. Россия и Евразийский экономический союз, при всех сложностях служат развитию и интеграции наших экономик. К деловой части китайской делегации встречи гостеприимные хозяева проявляли особенный интерес. Мы побывали на уникальном озере Иссык-Куль, куда ведет современная автотрасса, построенная с помощью Китая; мы убедились в большом диапазоне возможностей экономического сотрудничества между нашими странами.

(Собственная информация «Вестника Европы» и ИЭП Егора Гайдара.)

Озеро Иссык-Куль

Алексей Мякишев

Алексей Мякишев 46 лет, родился в городе Кирове (Вятка), профессиональный фотокорреспондент.

С 1991 по 1999 годы работает в различных газетах города Кирова.

В 1999 году переезжает в Москву и становится свободным фотографом.

Сотрудничает с российскими и зарубежными изданиями. Среди них “Русский Newsweek”, “Коммерсант”, “Helsingin Sanomat”, “APU”, “Talouselama”(Финляндия) и многие другие.

В данный момент работает над несколькими документальными проектами, посвященными провинциальной России.

Призер Интерфото в 1998 и 2001 годах, стипендиат Министерства Культуры РФ в 1996 и 1997 годах. Призер конкурсов “Bestphotographer”, “The Best of Russia”, “Премия ФРФ”, “Sony World Photography Awards.”

Преподаватель образовательной программы “Leica-Akademia”. В багаже участие во множественных коллективных выставках, а также персональные выставки в России, Франции, Германии, Канаде, Италии, Чехии, Австрии.

Фотографии хранятся в муниципальной библиотеке города Осер (Франция), а также в коллекции “Leica-Russia”, Пушкинском Музее, Музее Органической Культуры и различных частных собраниях Германии, Франции, Испании, Австрии, Италии, России.

Выставки:

- В 2010 году* Персональная выставка “Москва-Вятка” Аваллон, Франция
- В 2012 году* Персональная выставка “Избранные фотографии” Вятский Художественный музей, г. Киров
- В 2012 году* Участие в выставке в рамках фестиваля “Mois de la Photo” Осер, Франция
- В 2013 году* Персональная выставка в “Galliria FIAF” Турин, Италия
- В 2014 году* Персональная выставка в Mois de La Photo, Тулон, Франция
- В 2014 году* Участие в юбилейном фестивале «Mois de la Photo dans l’Yonne 2014, Франция
- В 2014 году* Персональная выставка и презентация книги “Вятка” в Галерее Классической Фотографии, Москва
- В 2014 году* Персональная выставка в галерее Zahradnik, Прага, Чехия
- В 2015 году* Персональная выставка “Vyatka bilder vom rande Europas”, Инсбрук, Австрия
- В 2016 году* Персональная выставка “Колодозеро” ГКФ, Москва
- В 2016 году* Персональная выставка “Колодозеро” Первер, Франция
- В 2017 году* Артрезиденция в Первер, Франция
- В 2017 году* Персональная выставка “Колодозеро” Сан-Кандидо, Италия

Фотопроект номера:

Алексей Мякишев

*Господам авторам!
Пишите в «Вестник Европы»!
Ваши тексты
не потеряются в истории.*

ISSN 1609-5359

9 771609 535002

e-mail: info@vestnik-evropy.ru
www.vestnik-evropy.ru